

✓ Р. 929.424

Выпускъ 2.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ II.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ
ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ VI.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ СИБИРИ.

(ОБОЗНАЧЕНІЕ ВСЕГО СОДЕРЖАНІЯ.)
СЪ ШЕСТЬЮ ТАБЛИЦАМИ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ, 1878.

ПРОДАЕТСЯ У КОМПЕТЕНТНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П.
И. А. Невова, въ С. П.

Эггера и Коми, въ С. П. Б.
И. Кизима, въ Рязк.
Г. Фосса, въ Лейпцигѣ.

выпуска 1 руб. 55 коп.

Въ силу выпуска приложена оглавленія первой и

P. 929.424

Моск. 1952
 226706
 1966

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

Коренные жители Сибири.

Общая свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири ..... 619 — 657

Потери составленного мною собранія черепныхъ измѣреній стр. 619. — Измѣренія Бурятскихъ и Самоѣдскихъ череповъ стр. 620. — Лингвистическій матеріалъ стр. 621. — Глухое произношеніе словъ первобытными народами. Шепеленіе стр. 621—622. — Различныя взгляды путешественниковъ на одно и то же предметъ стр. 622—623. — Сѣщеніе типовъ; возвращеніе къ первоначальному типу стр. 624. — Резерватъ (1847 года) о портретахъ Сибирскихъ туземцевъ. Самоѣды сѣкъ финскихъ и монгольскихъ народовъ. Лингвистическая и соматическая этнографія. Измѣреніе головъ живыхъ людей. Важность типа лица стр. 624—629. — Чрезвычайно благоприятныя условія для сращиванія типовъ кочевыхъ народовъ. Сѣмскій Остѣвъ чисто-финскій типа стр. 630—631. — Кавинскій Самоѣд съ тѣмъ же типомъ. Напротивъ того, татарско-акутское лицо съ преобладаніемъ верхней человѣческой части. Третій типъ съ монгольскими широкими и высокими черепами стр. 631—633. — Сѣкъ финской и монгольской крови стр. 633—634. — Самоѣдскія варьѣта по Кастрену. Не смотря на его сомнѣнія, лингвистическая и соматическая антропология приводитъ къ одинаковымъ результатамъ стр. 634—638. — Зыряне, Русские, Якуты вытѣсняють другіе народы. Маленькая нога Самоѣдовъ и Тунгусовъ (Монголовъ?) стр. 639. — Цѣбъя кожи. Отсутствие дородности у сѣк. кочевниковъ стр. 639—640. — Урчичатое дѣйствіе мускуловъ (см. также стр. 619). Совершенство первобытныхъ порядковъ, указывающія на тысячелѣтнія постепенныя усовершенствованія стр. 640—641. — Мастерское дубленіе шкуръ стр. 641—643. — Практическая моды (спальныя шубы, туловныя шитыя, сары, раздѣлъ въ рукавицѣ) стр. 643—645. — Раздѣленіе труда стр. 646. — Деспотическое господство моды въ народахъ первобытныхъ народовъ; съ другой стороны простѣйшіе нравы. Неумѣе отличать цѣбъя стр. 646—650. — Татуированіе стр. 650—651 (см. также стр. 684 и 699). — Соловѣе, коммунизъ стр. 651—652. — Условія прачащій стр. 652 — 653. — Чистота вѣдѣствы столѣтняго варяжскаго воспитанія стр. 654—655. — Деморализація, порождаемая сопряженіемъ съ культурою стр. 655. — Повиновеніе при отсутствіи строгости въ воспитаніи. Различіе природяденныхъ способностей. Страхъ къ свободному передвиженію стр. 656—657.

Енисейскіе Остѣки ..... 657 — 660

Нѣкогда сильный, нынѣ вымирающій народъ, во всемъ отличающійся отъ прочихъ Остѣковъ. Признаки. Урчичатое дѣйствіе мускуловъ. Свообразная походка стр. 657—659. Постепенная гибель стр. 660.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ ..... 660 — 688

Общая свѣдѣнія о нихъ. Самоѣды не простираются до Ледовитаго Океана стр. 660—661. Енисейскіе Самоѣды стр. 662—664.

Handwritten scribble

P

529526

Библиотека Государственной Академии наукъ СССР
 Москва

Хантайские Самоёды. У них фамильные имена стр. 664—665.

Береговые Юраки. Страшенная голова съ кайною длинных прядей позды ушей стр. 665.

Тавгынские или Авамские Самоёды. Боятся бѣлыхъ медвѣдей. Физиономія имѣетъ несравненно болѣе финскій типъ, чѣмъ на восточномъ берегу Вѣлаго Моря. Сѣдые волосы. Шипцы, мѣхъ которыхъ служатъ для украшенія подпавковъ. Любовь къ дѣтямъ. Судебный приговоръ старшинамъ. Спротивленіе крещенію. Суевѣріе. Жреческіе пророки шамановъ. Охотники до водки стр. 665—670.

Водоевскіе Самоёды или Ася. Пронскають отъ Тунгусовъ. Крошечныя ноги (срав. также стр. 639). Медвѣжья пласка. Мелодія. Походъ и вожаки каравана. Привалъ. Ниша. Легкомысленное закармливаніе животныхъ. Лакомые куски. Лисы и волчьи капканы. Слѣдовало бы изоботиться о пеньковой пряжѣ, о неводахъ. Большой вредъ коммунизма при дѣлѣхъ добычи на доли. Обычи относительно наследства. Отсутствие фамильных названій. Отдача жень въ назмъ. Цѣна невѣсты. Татуированіе (срав. также стр. 630 и 699). Синяя скребища. Положеніе естественнымъ достопримѣчательностямъ. Женщины считаются нечистыми. Дарьёды-чародѣи. Погребеніе стр. 671—688. Относительно портретовъ на табл. II-й сраз. стр. 833.

Долганы ..... 688 — 698

Своеобразная форма лица стр. 688. — Заманъ съ востока стр. 689. — Зимніе шалаши стр. 691. — Якутскій парадъ стр. 691—692. — Неврешени. Ловкость въ единоборствѣ. Значительныя различія въ ростѣ. Помѣсь. Осѣлые стр. 692—695. — Свадьба, сообщаемая Кастреномъ, Кривошанкинымъ и Третьяковымъ стр. 695—697. — Долганы родомъ Якуты стр. 698.

Тунгусы ..... 698 — 743

Сѣверные Тунгусы стр. 699. — Татуированіе. Особое названіе для сѣры. Высокоголовые Тунгусы стр. 699—700. — Боатры. Яагры. Помѣсь съ Долганами стр. 700. — Одежда. Нарвава осына. Простыраются до Якутска стр. 701—702. — Похороны. Юкагры стр. 703—704.

Южные Тунгусы. Горный народъ: гостепріимны, любители удовольствій, легкомысленны стр. 704. — Живуть уединенно. Объясненіе посредствомъ знаковъ. Гибнуть. Дальныя странствованія, за 2000 верстъ стр. 705. — Юрты. Кюрюдинскій родъ Учурекго имени. Мало сѣв. оленей стр. 706. — Еще 600 сѣв. оленей у Охотскаго моря. Шаманы у крещеныхъ. Суевѣріе. Осевнее странствованіе стр. 706—707. — Стрѣльба въ цѣль. Пласка стр. 707—708. — Иравствениость. Рѣчи. Торговцы. Пирунки стр. 708—709. — Нерасчетливая жизнь собача стр. 709. — Отправленіе въ походъ. Беззаботность стр. 710—711. — Доли въ дѣлѣхъ лося. Ниша стр. 712—714. — Одежда и парадъ женщинъ и дѣтей стр. 715—717. — Глаза не страдаютъ отъ огня въ чумѣ стр. 718. — Цѣна невѣсты стр. 719—720. — Работа мушкетъ закармлетъ человека стр. 721. — Эротическія пѣсни стр. 722. — Легкомысліе, поддерживаемое торговцами стр. 723. — Экономическія условія стр. 723—725. — Запрещеніе пороха стр. 725. — Китайскіе Бурады и Гурагры стр. 726—727. — Распределеніе тогдашней дичи. Рыболовство стр. 727—730. — Инкагры, Нинганъ, Сологовъ (Солоръ), Мургаткаръ стр. 731—732. — Ружья большого калibra. Чѣмъ меньше побой, тѣмъ меньше долговъ. Белоты стр. 732—733. — Боатры съ Валюа, аз Амурѣ. Орочовъ стр. 733. — Пограничныя затрудненія и торговля запрещенія стр. 734—735. — Сборщики податей стр. 735—737. — Отвага. Медвѣжья рогатина. Мой спутникъ Вагановъ убитъ. Вымогательства чиновниковъ стр. 738. — Обиліе соболей и легкомысленное дѣланіе долговъ стр. 738—741. — Козки, чиновники, священники являютя торговцами стр. 742. — Предстоитъ раззореніе, если вскорѣ не будетъ устроено скотоводство стр. 743.

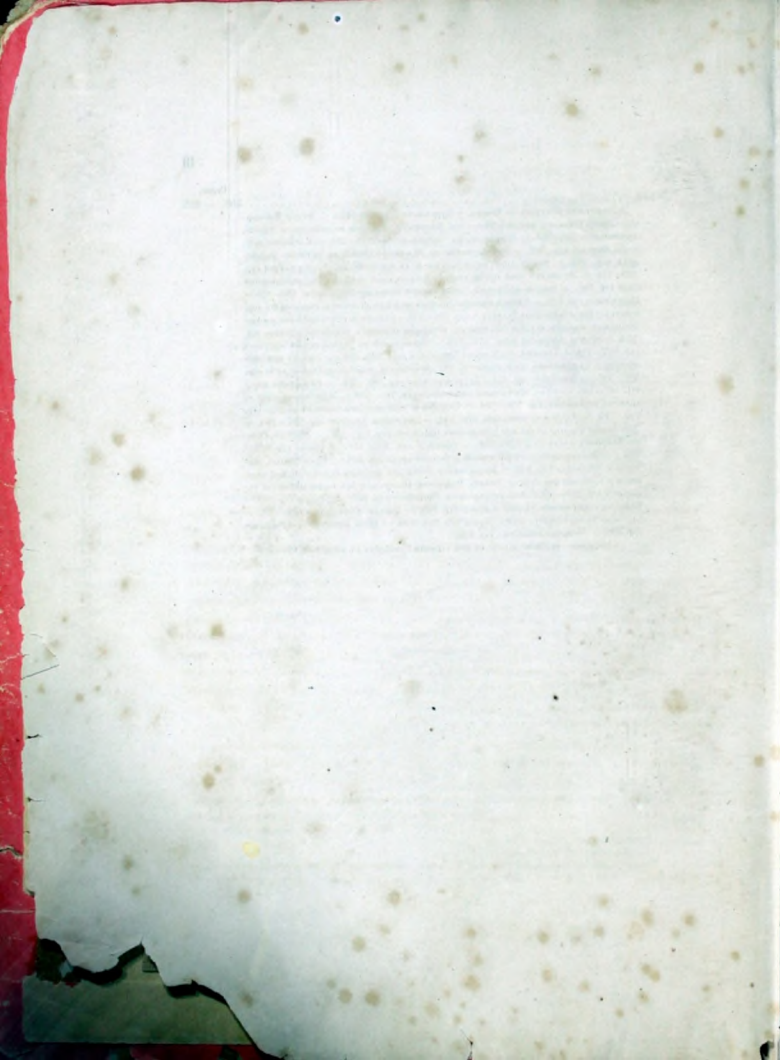
Нингидальское племя Китайскихъ Тунгусовъ ..... 744 — 757

Девять родовъ стр. 744. — Соприскосовенія и столкновенія. Шамагры въ качествѣ торговцевъ; торговля стр. 745—747. — Рыболовный народъ. Китайскіе образцы одежды. Рыбий шкуру. Береста стр. 747—755. — Ниша. Почетная дубина стр. 756—757. — Нилтку, Шамагры, Бурады стр. 757 (срав. также стр. 726).

Якуты .....

Заброшенный обломок на Енисее, у Туруханска стр. 758—759. — Якуты Таймырского края, уисниши Самойловъ. Поселения. Количество населения не изменяется. Срубъ, зимовья. стр. 760—761. — Зимняя спячка. Календарь стр. 761—762. — Старшина крепость Якутскъ стр. 763. — Простараются до Ледовитого Океана въ качествѣ коневодовъ стр. 764. — Черты лица: первобытная и съ примѣсомъ монгольского типа стр. 765—766. — Не могутъ быть причислены къ исчезающимъ народамъ. Ассимиляционная сила стр. 767. — Намеки на прежнія, болѣе южныя мѣста пребыванія стр. 768—769. — Подводчии стр. 770. — Уилье приравлялись ко всѣмъ условіямъ. Способность торговать и уильеоблазнять Турусковъ стр. 771—773. — Отсутствие той способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ еврейскій торговецъ стр. 774. — Доли, Азартныя игры 775—776. — Способность къ ремесленнымъ занятіямъ стр. 777—779. — Усвоение турусскихъ построекъ стр. 780—782. — Уилье приравлялись къ условіямъ (срав. также стр. 771) способности, земледѣліе, скотоводство стр. 782—784. — Хозяйство стр. 785 — Суррогаты муки стр. 785—786. — Роскошныя пиры стр. 787—788. — Рѣчи, жертвенныя приношенія стр. 789—790. — Жертвенныя рѣчи на горныхъ перевалахъ стр. 790—791. — Старинныя условныя выраженія въ рѣчахъ стр. 792—793. — Трудность пониманія стр. 794. — Освященіе привала стр. 795—798. — Хорошодная хорова я пісна при кумысовомъ праздникѣ стр. 799—807. — Мелодія. Сказки. Сборникъ словъ стр. 808—819. — Преданія стр. 819—821. — Фразы стр. 821—823. — Разнообразное значеніе одного и того-же слова стр. 824. — Пренасытокъ значеній и законныхъ стр. 825. — Недостатокъ словъ для передачи выраженной благодарности и прощанія стр. 826. — Память. Честность. Послушаніе при патриархальныхъ порядкахъ стр. 826—827. — Любознательность. Крещеные стр. 827. — Суебріе стр. 828. — Совпаденіе выраженій бѣдныхъ и худой стр. 829. — Наряды. Одежда стр. 829—831. — Способность переносить стужу. Бракъ стр. 831—832. — Цѣна невѣсты. Наслѣдованіе стр. 832. — Будущее нашествіе стр. 833.

Портреты изображенныхъ на II-й таблицѣ Самойловъ съ вѣзовеяъ Енисея.

Обція свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири.

Одну изъ весьма существенныхъ принадлежностей возложенной на меня экспедиціи на самый глубокой сѣверъ Сибири, снаряженной въ 1842 году С.-Петербургскою Академіею Наукъ, составлялъ, по плану предпріятія, лингвистическій этнографъ. Между тѣмъ назначеніе и отправка его продлились почти до моего возвращенія изъ Сибири.

Съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ искреннимъ научнымъ самоотверженіемъ, съ какою преданностью дѣлу, пренебрегшею даже таившимся въ немъ зародышемъ смерти, наконецъ съ какимъ успѣхомъ Кастренъ выполнилъ свою задачу, объ этомъ ученому міру повѣдали посмертныя его сочиненія¹⁾, обработанныя и изданныя трудами академика Шнигера.

Такимъ образомъ на мою долю выпала только зоофизиологическая сторона этнографическаго наблюденія, которая впрочемъ въ то время вообще еще была, такъ сказать, въ пеленкахъ. Сначала, т. е. тамъ, гдѣ болѣе продолжительное пребываніе предоставляло мнѣ нѣсколько свободнаго времени, я съ величайшимъ усердіемъ занимался измѣреніемъ череповъ различныхъ народностей, съ которыми я встрѣчался. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1843 года побѣдка моя въ пустыни глубокаго сѣвера значительно замедлилась отъ необходимѣйшихъ матеріальныхъ приготовленій къ ней. Впослѣдствіи мнѣ пришлось странствовать, и странствовать безостановочно, да еще болѣею частью въ самое дурное время года, чтобы одолѣть неизмѣрима пространства, которыя я долженъ былъ пройти. Лѣтомъ мнѣ удалось работать нѣсколько болѣе осязательно, но и 1843—1844 годы я провелъ въ безлюдныхъ пустыняхъ.

Когда главное мое сокровище, нѣсколько тысячъ конглобированныхъ измѣреній, произведенныхъ мною надъ черепами Остяковъ, Юраковъ, разныхъ Самоѣдскихъ племенъ, Тунгусовъ, Долганъ, сѣверныхъ Якутовъ, потонуло, какъ извѣстно, во время гибели нашей лодки на Таймырскомъ озерѣ, то мнѣ уже нельзя было снова приняться за такой-же трудъ, потому что народы разбрелись и мнѣ удалось бы собрать развѣ только какіе-нибудь лоскутки. Въ

¹⁾ А. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den aus den samojedischen Sprachen, 1835, и цѣлый рядъ изданій 1845—1849. А. Castrén's Wörterverzeichnis сѣдлованій по части языковъ остяческаго, тунгусскаго и т. д.

особенности же меня одолевала бездна других работ¹⁾, и я должен был торопиться въ отдаленный Якутскъ, для производства ожидавшихъ меня тамъ геотермическихъ наблюденій.

Все, что уцѣло отъ этнографической коллекціи, читатель найдетъ на приложенныхъ къ этому выпуску 14 таблицахъ типическихъ головъ, встрѣченныхъ мною въ началѣ 1843 года. За вѣрность изображеній я могу поручиться, потому что на мѣстѣ случалъ ихъ съ оригиналами со всею точностью систематическаго зоолога-видодѣлителя, а потомъ, когда ихъ рисовали на камнѣ, не допустить ни малѣйшихъ художническихъ прикрасть.

Кромѣ этихъ портретовъ, я нахожу въ дневникахъ своихъ разныя этнографическія замѣтки, изъ которыхъ хочу сообщить тутъ-и-тѣмъ нѣкоторыя данныя. О томъ, что я собралъ

1) Воспоминаемъ о новъхъ погибшихъ грудяхъ у меня остались только слѣдующія измѣренія, которыя я привожу здѣсь какъ матеріалъ для сравненій, пригодный, можетъ быть, для иного этнографа:

А) Бураты Баязаровъ съ широкимъ черепомъ и типическимъ монгольскимъ лицомъ. Малышевъ.

Въ средней лицевой линіи:	1) Отъ того мѣста на лбу, гдѣ начинались волосы, до промѣрутка между внутренними концами бровей.....	53
	2) Отъ послѣдняго мѣста до переносицы (ширина носовой кости).....	10
	3) Оттуда до линіи щелкъ вѣка.....	9
	4) Оттуда до нижняго конца носа.....	50
	5) Отъ носовой сѣдинки до отверстія рта (вышина верхней губы).....	27
	6) Оттуда до подбородка.....	46
	7) Линія щелкъ вѣка находится выше ушлаго отверстія.....	27
	8) Внутренній уголъ глаза находится ниже линіи щелкъ вѣка (отверстіе которой очень узко).....	0 ₅
	9) Внешній уголъ глаза находится ниже линіи щелкъ вѣка (отверстіе которой очень узко).....	0 ₂₅
	10) Нижняя часть ушной мочки (почти нелетающей) выше нижняго конца носа.....	15
	11) Вся длина вращающаго уха.....	70 ₅
	12) Отъ внутреннего угла глаза горизонтально до основанія носоваго хребта.....	12
	13) Ширина носоваго хребта.....	9 ₁₅
	14) Наибольшая ширина лица въ складчатыхъ складкахъ.....	123
	15) Вся длина тѣла.....	1601
	16) Отъ плеча до локтя (сбоку).....	280
	17) Отъ локтя до ручиной кисти.....	238
	18) Оттуда до корня средняго пальца.....	80

19) Длина средняго пальца.....	113
20) Длина большаго пальца.....	69
21) Ширина руки у корня пальцевъ.....	82

Слѣдовательно, шель вѣка, хотя была узка и у наружнаго угла означивалась складкою кожи, все-же не таялась косо впередъ; носъ широкъ; пальцы длинны и тонки, за исключеніемъ коротковатаго большаго пальца. Цѣлая кожа ясно показываетъ распределение черваго пигмента и потому кажется червато-бѣлыми, въ сравненіи съ смуглой отъ солнца кожей нашихъ крестьянъ подъ 58° шир., живущей бурый цѣлый.

А) Тиманск. Б) Камыск.
Самодѣл. Самодѣл.
Монгольск. тѣл. Финск. тѣл.
въ окрѣпкахъ дѣлать.

1) Вышина тѣла.....	50 ₂₃	46 ₄
2) Жаловая его сажень.....	54 ₅	—
3) Вышина послѣдняго шейнаго позвонка (надъ землею).....	40 ₁₅	36
4) Вышина начала грудной кости.....	38 _{5,8}	35 _{17,5}
5) » гребня тазовой кости (суста oss. il.) и пула.....	37 _{19,5}	33 _{17,5}
6) Вышина spina ant. sup. oss. Heil.....	35	32
7) » symphysis oss. pub.....	32 ₂₅	28 ₅
8) » trochanter.....	31 ₁₅	29 ₂₅
9) » холма (нижній край Rattella).....	17 _{25,5}	15
10) Длина ноги.....	9 ₁₅	8 ₄
11) » передней части руки.....	11	9 _{7,5}
12) » руки (отъ кисти до конца сред. пальца).....	6 ₂₃	6 _{17,5}
13) Ширина плечи (свключеніемъ руки).....	14 ₁	14 ₈
14) Расстояние между сосками.....	7 ₁₅	7 ₁₅
15) Ширина таза (отъ одного trochanter до другаго).....	12 ₁₁	10 ₇
16) Зрачкель.....	темнобурый	желтобурый.

и разные филологическо-этнографическіе матеріалы, ученому міру стало достаточно извѣстно потому, что они подали поводъ такому знаменитому филологу, какъ Бётлингу, свернуть съ главнаго пути изслѣдованій, которыми онъ постоянно занимался прежде, и посвятить нѣсколько лѣтъ подробному изученію Якутскаго языка, т. е. побочному труду, который между тѣмъ можетъ поспорить съ главнымъ трудомъ иныхъ ученыхъ.

Сборникъ словъ, собранныхъ мною у береговыхъ Юраковъ, Тавгискихъ и Енисейскихъ Самоѣдовъ, равно какъ у Тунгусовъ, также не совсѣмъ остался незамѣченнымъ. Акад. Шифнеръ воспользовался имъ для интересныхъ сравненій, при работѣ Кастреновыхъ сборниковъ словъ¹⁾. Для правильнаго пониманія этихъ сравненій, позволю себѣ замѣтить тутъ, что тщательно приучивъ ухо вслушиваться въ звуковыя отличія произношенія, я употреблялъ много вниманія на возможно вѣрное выслушивание и передаваніе звуковъ. По этому алфавитъ нашъ, дѣйствительно, вскорѣ оказался мнѣ неудовлетворительнымъ. Я приближудъ къ надписыванію одной надъ другой двухъ буквъ, между которыми заключался слышанный мною звукъ. По этому желаніе отстоять мой собственный способъ передачи звуковъ не сочтутъ, надѣюсь, за неумѣстное самолюбіе, хотя, правда, такой основательный филологъ, какъ Кастренъ, послѣдовалъ по моему слѣду. Если напр. Кастрену слышалось только *n*, а я постоянно находилъ нужнымъ ставить звукъ, колеблющійся между *n* и *φ*, или если я передъ *k* и *m* указывалъ сильное или слабое придыханіе, то я очевидно не довольствовался звукомъ *n*, или звуками *k* и *m* безъ придыханія, слѣдовательно иной разъ, можетъ быть, точнѣ подмѣчалъ звуки, или встрѣчалъ людей, иначе произнесшихъ слова.

Акад. Шифнеръ совершенно справедливо указываетъ на то, какъ трудно бываетъ правильно понимать звуки первобытнаго народа, у котораго органы произношенія устроены совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, я полагаю, что лингвистъ, имѣющій возможность пользоваться заблаговременно придуманнымъ алфавитомъ сравнительнаго языковѣдѣнія новѣйшаго времени, не смотря на это великое удобство, можетъ подвергнуться невыгодѣ предвзятаго систематизирующаго обобщенія, невыгодѣ, которая нисколько не смущаетъ простаго, немудрующаго дилеттанта, прислушивающагося только къ произношенію словъ. Бывало слушаешь, наостривъ уши, и все-таки никакъ не уловивъ полу-бормотнаго, полу-гортаннаго, полу-носоваго, полу-проглотченнаго глухаго звука первобытнаго человѣка. Языкъ этихъ первобытныхъ народовъ, казался мнѣ, находится въ дѣтскомъ состояніи и въ томъ отношеніи, что даже произношеніе не приняло еще совершенно твердой формы, и что каждый кочевой родъ, даже любое отдѣльное лицо вправѣ произносить звукъ на свой ладъ.

¹⁾ См. вышепривед. сочиненіе, стр. XIV—XIX. *Tungusischer Sprachlehre*, 1836, стр. XI—XV и русскія замѣтки мои сообщены акад. Шифнеромъ въ стр. 119—120. Изданіемъ имъ небольшого соч. Кастрена: *Grundzüge*

Последнее обстоятельство даже поразило меня среди русских поселенцев въ низовьях Енисея. Они жили въ то время чрезвычайно изолировано, и этимъ - то недостаткомъ взаимныхъ сношеній я объяснялъ себѣ нѣкоторыя странности въ произношеніи русскихъ словъ, иногда чрезвычайно меня поражавшія. Такъ напр. были поселенія, въ которыхъ не только у всѣхъ членовъ семейства, но и у всѣхъ другихъ, постепенно перебравшихся туда, домочадцевъ различнаго происхожденія, преобладало шепеляніе ¹⁾. Мнѣ казалось, что это примѣры особенностей, усвоенныхъ привычкою, а не унаследованныхъ въслѣдствіе особаго устройства органовъ произношенія.

При этомъ случаѣ не мѣшало бы согласиться на счетъ нѣкоторыхъ названій степеней родства. Изъ писемъ Кастрена ²⁾ я вижу, что акад. Шёгрень не былъ доволенъ его способомъ употребленія названія племени (Stamm). Я намѣренъ удержать слово родъ (Geschlecht) для подраздѣленія народности тѣхъ сибирскихъ туземцевъ, между которыми должно предположить близкое семейное родство. Слово племени (Stamm) заключаетъ въ себѣ болѣе обширное понятіе и соответствуетъ слову орда (Horde) ³⁾. Вождь или начальникъ племени искони получаетъ титулъ князца ⁴⁾. Едва-ли не каждая изъ различныхъ сибирскихъ народностей дѣлится на племена, за исключеніемъ развѣ такихъ, которые уже начали исчезать.

Въ видѣ введенія къ нижеслѣдующимъ извѣстіямъ, предпосылаю прилагаемое изображение новой церкви и старой колокольни въ Туруханскѣ. Пусть точный рисунокъ съ нихъ станетъ говорить за меня тамъ, гдѣ Кастрень смотрѣлъ на дѣло плече, чѣмъ я. Мнѣ постройка показалась весьма изрядной по отношенію къ тому, что мы вправѣ требовать отъ заштатнаго города подлѣ пустыннымъ полярнымъ кругомъ. Кастрень же ⁵⁾ говоритъ: «для пріѣзжаго человѣка въ Туруханскѣ церковь очень трудно отличить отъ солянаго магазина». Упрямые собаки въ городѣ ему показались страшными, а же нашеть (см. стр. 525), что онѣ были трусливы. Поселенія ему пока-

¹⁾ Какъ-то въ Нижне-Имбатскомъ и Баклаанскомъ, напр. низайсе; сибко; усли заперкаты; стѣ снѣй уромонцъ (см. уроженецъ). Бувава пропусалася; напр. мѣстѣ (см. амѣстѣ): р часто вовсе не произносилось; см. л употреблялось ѡ.

Все это такъ напоминало мнѣ нашихъ Эстовъ, что я усердно, но тщетно старался отыскать связь съ енисейскимъ племенемъ.

Подобнымъ образомъ Редовскій въ своемъ рукописномъ дневникѣ замѣтилъ, что у крестьянъ въ Инѣ, на Охотскомъ морѣ, было странное произношеніе, напр. Осхнѣ, см. Оснѣ.

²⁾ Reiseberichte und Briefe, стр. 142.

³⁾ Въ мое время мѣстное управленіе создало искусственную пензійную грань, установивъ, что небольшой народъ въ болѣе чѣмъ 100 душъ муж. пола нужно называть ордой, а при меньшемъ числѣ душъ - родомъ.

⁴⁾ Изъ нихъ Гантимурскіе князья въ Забайкальѣ возводились, какъ извѣстно, въ дворянское достоинство. Обдорскіе князья - являющиеся въ царскомъ титулѣ, получали дипломы и почетные кафтаны. Одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что сталъ чувствовать свое достоинство. Онъ обзавелся тѣлохранителемъ, и когда его разбирала охота выказывать свой санъ, то онъ отъ времени до времени бросалъ на землю свою шапку, которую тѣлохранитель долженъ былъ поднимать.

⁵⁾ Reiseberichte und Briefe, 1863, стр. 234.

зались невыносимыми; по моему мнѣнiю они были сносны и, для приваловъ въ глуши, неоцѣнимы. Кастрень, въ ущербъ другимъ кочевникамъ, питаетъ особенную любовь

Церковь въ Туруханскѣ.

къ Остакамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ближайшихъ родичей Финновъ; онъ восхваляетъ добродѣтели и извѣщаетъ недостатки ихъ. Я же не видѣлъ болѣе жалкаго и испорченнаго Сибиряка-туземца, какъ Остака, и не знаю другаго спасенiя для этого народа, какъ сглаженiя его національности, слiянiя съ Русскими, и полного поглощенiя его послѣдними, хотя я вполнѣ того мнѣнiя, что правительству необходимо загладить много ошибокъ своихъ въ отношенiи къ другимъ народнымъ племенамъ и что не слѣдуетъ затрoгивать самостоятельный характеръ большей части ихъ.

Но вернемся къ дѣлу.

Что касается наружнаго вида Сибирскихъ туземцевъ, то путешественнику вскорѣ становится яснѣмъ, что, не смотря на поразительныя типическiя особенности, на которыя онъ повсюду наткнется, послѣднiя все-таки потому только такъ бросаются въ глаза, что составляютъ противоположность европейскимъ фiзиономiямъ, среди которыхъ онъ выросъ. Если мы станемъ поближе входить въ сравнительное различенiе Сибирскихъ туземцевъ, если станемъ сравнивать народъ съ народомъ, племя съ племенемъ, родъ съ родомъ, или наконецъ отдѣльныя личности одного и того-же рода между собою, то передъ нами стануть возникать, все сбивчивѣе и сбивчивѣе, такiя различiя, которыя

намъ, сообразно съ лингвистическими и историческими изслѣдованіями, придется объяснять все-таки одинаковымъ способомъ, т. е. тѣмъ, что въ теченіи доисторическихъ тысячелѣтій жители Сибири въ огромныхъ размѣрахъ мѣняли между собою мѣста пребыванія своего, а еще болѣе скрещивались, вслѣдствіе кровныхъ помѣсей. Конечнымъ же результатомъ этихъ помѣсей для зоотехника, занимающагося скрещиваніемъ скота, оказывается, что обратившееся въ непоколебимый догматъ ученіе о математически-формулированныхъ условіяхъ помѣси, т. е. о полукрови, четверти крови, трехъ четвертяхъ крови и т. д., совершенно неправильно. Больше всего, напротивъ того, намъ приходится удивляться это возвращенію скрещенныхъ индивидуумовъ къ первоначальному типу, совершающемуся уже въ первомъ поколѣніи, или только въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній; какъ только различные типы народовъ, племенъ или родовъ скрещивались между собою, такъ является возвращеніе или къ типу отца, или къ типу матери. Но рѣзче всего монгольской типъ выказывается всегда у женщинъ, у которыхъ въ молодые годы появляется недурная кошачья фязіономія, съ широкими скулами и яблочнообразно выдающимися щеками, со впадиною снизу, переходящею въ довольно острый подбородокъ.

Можно бы было подумать, что я нѣкоторыя убѣжденія, добытыя въ послѣдніи 30 лѣтъ изъ результатовъ производившихся мною скрещиваній, теперь, по легконоитному самообману, переносу и на сибирскихъ туземцевъ. По этому я очень радъ, что у меня есть неопровержимое доказательство на то, что я съ такими-же убѣжденіями возвратился уже изъ Сибири, и что они только еще болѣе подтвердились моими наблюденіями надъ домашними животными.

Нижеслѣдующее извлеченіе изъ устнаго доклада, читаннаго мною 5-го Марта 1847 года въ засѣданіи Импер. Русскаго Геогр. Общества, но не помѣщеннаго ни въ одномъ изъ специальныхъ журналовъ, будетъ служить доказательствомъ¹⁾, которымъ я дорожу.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду два самоѣдскихъ семейства зимою посѣщали нашу столицу. Денежный расчетъ побудилъ корыстолюбивыхъ аферистовъ преподнести намъ эти этнографическія рѣдкости. Успѣхъ соответствовалъ ожиданіямъ. Со всѣхъ сторонъ стекались любопытные, всѣ осматривали, на ледяномъ покровѣ Невы, этотъ странный па-

¹⁾ Занятію его буквально изъ St. Petersburg. Zeitung, 1847, № 76, 77, изъ статьи, озаглавленной слѣдующимъ образомъ: «Die Samojeden in Petersburg als Gegenstand ethnographischer Forschung. Nach einem von Herrn v. Middendorff ... gehaltenen Vortrage». Этотъ резерватъ въ свое время возбудилъ много желчи. Показавъ съ одной стороны, что черепъ, хранившійся тогда специально какъ славянскіе типы, болѣе всего отличаются характеристическими признаками финскаго типа, признавъ съ другой стороны рассмотрѣніе черепа обезьяны за исходную форму для изловязанной человѣческаго черепа, а распространивъ печальный рой кванскаго національнаго чувства. Ме-

ня стали честить названіемъ единомышленника сочинителя зигарамы на Бузе. Какъ съ тѣхъ поръ Дарвина теорія успѣла все-таки охладить чувства людскія относительно происхожденія человека отъ обезьяны!

Столь же положительно, какъ въ этомъ резерватѣ, я уже за два года передъ тѣмъ противопоставилъ также Ланцадцевъ — финское племя, Самоѣдамъ — Монгольскому племени. Въ то время, т. е. въ 1840 году, когда я посѣтилъ Бѣлое море, а еще не зналъ Самоѣловъ съ финскимъ типомъ лица (срв. Baer und Helmersen, Beiträge z. Kenntn. d. Russ. Reiches, 11-tes Bändchen, 1845, p. 172.)

родецъ, жалкіи шалашъ ихъ, который долженъ быть защищать ихъ отъ самой сильной стужи, и помѣщавшюся въ немъ Самоѣдка, съ утра до ночи глодавшюю сырыхъ, замерзшихъ рыбъ. По осмотру всего этого, быстрою рысью катались на саняхъ, въ которыя впрягалась рогатая четверка — однимъ словомъ Самоѣды между нами превосходно довели свою роль до конца. Они продержались, съ почетомъ и барышнемъ, долѣе итальянской оперы и почти столько-же времени, сколько вольтижеры. На этотъ разъ они покинули насъ съ намѣреніемъ лишитъ насъ на нѣсколько лѣтъ своего интереснаго знакомства и пребываніе ихъ, которое за границею безъ сомнѣнія породило бы ученѣйшія объемствы изслѣдованія, совершенно безслѣдно прошло бы мимо насъ среди столичной суматохи, если бы рѣзецъ г. Митрейтера не сохранилъ для потомства грубыхъ лицъ ихъ съ такою вѣрностью и отчетливостью, за которую нинѣ благообразное и благородное лицо чистокавказскаго типа должно позавидовать этимъ рожицамъ¹⁾.

Тогда какъ частыя большія морскія экспедиціи новѣйшаго времени доставили намъ точныя изображенія самыхъ отдаленныхъ народовъ и дали намъ возможность въ одной галлереѣ разставить для сравнительнаго изученія сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, у насъ до сихъ поръ не было изображеній многочисленныхъ кочевниковъ, бродящихъ по внутреннимъ частямъ нашей континентальной Сибири. Вотъ почему коммисія, которая назначена была для обустройства плана сибирскаго путешествія автора, постановила издать всѣ привезенные имъ, набросанные г. Грантомъ, портреты Самоѣдовъ, Юраковъ, Остяковъ, Тунгусовъ, Югагировъ, Долганъ и Якутовъ. Но коль скоро признавалось нужнымъ издать портреты первыхъ, то безспорно важно было имѣть возможность сравнитъ нашихъ самыхъ западныхъ Самоѣдовъ Европы съ самыми восточными Сибирскими Самоѣдами, чтобы получить точку опоры въ пользу или противъ тождественности ихъ тѣлосложенія. Если, однакоже, мы посмотримъ, чего мы достигли собственно въ этомъ отношеніи, то намъ со стыдомъ придется сознаться, что мы умѣемъ строго различать менѣе европейской части края, населеннаго Самоѣдами, но этнографически еще не опредѣлили людей. Въ классическомъ сочиненіи Причарда²⁾ мы находимъ, пожалуй, на стр. 225, изображе-

¹⁾ Передъ нами двѣ таблички, изъ которыхъ одна изображаетъ двухъ Кавказскихъ, другая двухъ Тиманскихъ Самоѣдовъ. Уже при разсмотрѣніи этихъ портретовъ, каждый долженъ убѣдиться въ необыкновенномъ талантѣ упомянутаго художника. Г. Митрейтеръ обладаетъ такою удивительною твердостью руки и такою изощренностью глаза по части правильнаго пониманія размѣровъ и соразмѣрности, что всѣ дѣлаемые имъ портреты точнѣе правдо сами рисуютъ на камнѣ. Такими образомъ составлены и эти два листа. Рисунокъ слѣдующихъ такъ вѣрно и такъ отчетливо, что даже критическій глазъ этнографа не сумѣлъ бы отыскать въ немъ ни малѣйшей ошибки и что, слѣдовательно, эти точные индивидуальныя портреты вполнѣ не грѣшатъ противъ истины и слѣдуютъ безъ всякой предвзятости, ко-

торая часто бываетъ необходима, когда рукою художника управляетъ критика этнографическаго изслѣдователя.

Двѣ таблички, о которыхъ тогда говорилось, предназначались уже въ то время для предлежащаго сочиненія и съ прибавленіемъ другихъ портретовъ приложены къ этому выпуску на табличкахъ III и IV. Академикъ Шенеръ присоединилъ ихъ въ уменьшенномъ масштабѣ къ путевымъ воспоминаніямъ Кастрена. Въ Русской Физической Сибирской также уже помѣщены нѣкоторые изъ оцѣненныхъ тутъ портретовъ. Но правда, что до сихъ поръ приходилось ожидать ключа къ пониманію этихъ изображеній.

²⁾ The natural history of man by J. C. Pritchard, London 1843.

ние Самоѣдской головы, но она очевидно взята из стариннаго путешествія Голландца Де-Брюниса ¹⁾. Можетъ быть это есть единственное существующее изображение этого народнаго племени, но во всякомъ случаѣ оно скорѣе напоминаетъ о состояннн нашей этнографн въ началѣ прошлаго столѣтн, чѣмъ о характерѣ Самоѣдской фнзномнн. Лобъ выше Тазейрановскаго, который у Каруса представленъ какъ образчикъ мыслящей головы: глаза и ротъ кавказскаго происхожденн и только выдающнся скулы могутъ служить намекомъ на монгольскую расу.

Первый достовѣрный матеріалъ для будущаго сравнительнаго изслѣдованн даютъ лишь наши рисунки. Если мы станемъ разсматривать каждую пару въ отдѣльности, то нельзя не убѣдиться въ сходствѣ чертъ мужскаго и женскаго лица; а если мы обѣ пары будемъ сравнивать между собою, то насъ поразитъ разннца въ обоихъ типахъ лицъ. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что это только портреты двухъ самоѣдскихъ паръ, случайно занесенныхъ въ нашу столицу, а никакъ не подобранные представители того или другаго типа лица. Съ перваго же взгляда насъ поражаютъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ узковатые и наискось внаружу и вверху прорѣзанные впашіе глаза, совершенно плоская переносица (glabella), сильно выдающнся скулы и довольно значительно выступающн челюсти (prognathous, — Причарда). У Каннскихъ Самоѣдовъ всѣ эти признаки имѣютъ противоположный характеръ: глазное отверстие также не можетъ быть названо большнмъ, но все-таки оно замѣтно больше, чѣмъ у Тиманскихъ, и прорѣзано совершенно горизонтально, такъ что наружный глазной уголъ находится на одной плоскости съ внутреннимъ или, пожалуй, еще ниже. Сами глаза очень близки къ верхней части глазной впадины. Переносица болшею частью не такъ широка и не такъ плоска, какъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ, но посреди ея возвышается узенькій и выдающнся сверху кряжу хребетъ, образуемый носовыми костями. Скулы развиты меньше, чѣмъ у Тиманцевъ и, хотя спереди довольно похожи на скуловые очертанн послѣднихъ, но, будучи разсматриваемы сбоку, во всякомъ случаѣ, выдаются гораздо меньше, а слѣдовательно и меньше закрываютъ носъ, чѣмъ у Тиманцевъ. Челюсти выдаются меньше (prognathous — Причарда), что весьма бросается въ глаза, если мы станемъ сравнивать женщинъ, а при сравннванн мужчинъ становится яснымъ только тогда, когда, по примѣру Каруса, рисуешь профили одинъ надъ другимъ.

Точное численное опредѣленне всѣхъ этихъ различнй посредствомъ пропорцій должно составлять задачу этнографн, какъ зоологически классифицирующей науки; здѣсь мы должны довольствоваться тѣмъ, что намъ удалось достигнуть поразительнаго дѣйствн наблюдности и убѣдиться въ томъ, что портреты Тиманскихъ Самоѣдовъ во всемъ соотвѣтствуютъ признакамъ монгольской расы и въ особенности полирига семейства (polig-family), что съ другой стороны оба Каннскихъ Самоѣда очень близко похожи на типъ финскихъ народовъ, и притомъ во всякомъ случаѣ болше всего на Лапландцевъ. Входить въ дальнѣйшее изслѣдованне этихъ частности намъ не позволяетъ цѣль этой статьи.

¹⁾ Cornelius de Bruijn Reizen over Moskovie etc. Amsterdam 1711.

Если за тѣмъ мы пожелаемъ бы переступить за предѣлы разсмотрѣнія этихъ портретовъ и, опираясь на него, вывести общее заключеніе, то послѣднее могло бы только состоять въ томъ, что по кровному происхожденію своему Самоѣды смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ. При этомъ можетъ быть допущено, хотя и съ малою вѣроятностью, что Тиманскіе Самоѣды происходятъ отъ Монголовъ, а Канинскіе отъ Финновъ. Скорѣе можно предположить, что въ этой помѣси участвуютъ оба племени, но въ различной степени, т. е. съ преобладаніемъ въ первомъ случаѣ монгольскихъ, въ послѣднемъ — финскихъ элементовъ.

Вопросъ о томъ, согласуются ли съ этими выводами результаты лингвистическихъ розысканій, или нѣтъ, не долженъ смущать этнографическаго изслѣдователя, потому что намъ не трудно указать случаи, когда народъ въ теченіи времени мѣнялъ свой прежній языкъ на новый. Чѣмъ менѣе подвинулась цивилизація какого нибудь народа, чѣмъ больше становилась несоразмѣрность, слѣдовательно чѣмъ значительнѣе были переѣзды новаго языка надъ прежнимъ по части понятій и словъ, тѣмъ безслѣднѣе могъ изгладиться языкъ предковъ. Большое количество примѣровъ этого рода очевидно относится къ доисторическому періоду Сибири, но для того, кто все-таки еще захотѣлъ бы усомниться въ этомъ, мы приведемъ примѣръ Киргизовъ, который столько-же замѣчательнъ, сколько пока еще непонятенъ. Они несомнѣнно по рожденію и безъ всякой помѣси принадлежатъ къ монгольскому племени, а между тѣмъ говорятъ языкомъ кавказскихъ Турко-Татаръ. Единство языка двухъ народовъ нисколько еще не доказываетъ природнаго ихъ единства, точно также, какъ на оборотъ различіе языка не доказываетъ природнаго ихъ различія. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ природнаго единства или различія еще нельзя выводить заключенія о единствѣ или различіи языка, а изъ послѣднихъ нельзя выводить заключенія о природномъ единствѣ или различіи. Вопросъ о соплеменности народовъ окончательно должна рѣшать соматическая этнографія, и только въ такомъ случаѣ, когда она подтверждаетъ результаты лингвистическихъ изслѣдованій, они могутъ считаться достовѣрными и несомнѣнными. Что касается Самоѣдовъ, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что лингвистическія изслѣдованія подтвердятъ данныя указанія ¹⁾.

У Гиліковъ (Айно) еще въ гораздо большей степени, чѣмъ у Самоѣдовъ, можно строго отличать два совершенно различныхъ типа лица. Противъ предположенія, что это случайныя измѣненія, ежеслѣдно встрѣчающіяся на каждомъ шагѣ, какъ выраженія личныя или свойственныя некоторымъ семействамъ особенностей въ формѣ головы и лица, авторъ возстаегъ самымъ положительнымъ образомъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ имъ на мѣстѣ. Чѣмъ замкнутѣе въ самомъ себѣ (продолжаетъ онъ), чѣмъ необразованнѣе народъ, чѣмъ одностороннѣе его образъ жизни, чѣмъ незначительнѣе различія между сословіями, тѣмъ болѣе вѣнчившій видъ его получаетъ

¹⁾ В. Исавинъ, Самоѣды въ доисторическомъ и общественномъ быту, Сиб. 1847.

замѣчательное однообразіе. Сначала путешественнику только съ большимъ трудомъ удается подмѣчать индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ орды, которую онъ посѣтитъ, и часто происходятъ презабавныя ошибки. Физиономіи отдѣльныхъ личностей терются въ общемъ физиономическомъ впечатлѣніи, какъ въ стадѣ овецъ, пока продолжительное упражненіе не разовьетъ въ путешественникѣ взора овчара, который, среди сотни животныхъ своего стада, узнаетъ каждую отдѣльную овцу по ея особой физиономіи. Доказательствомъ этому служатъ портреты Юраковъ, снятые авторомъ во время его путешествія въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одно отъ другаго. Однажды случилось, что самоѣдскую вдову, нѣсколько недѣль сряду починавшую одежду путешественниковъ, авторъ все-таки не узналъ потому, что она умылась. Единственнымъ отличительный признакъ ея составляли особенности грязи на ней. При смѣшеніи кочевниковъ помѣси весьма односторонне возвращаются къ типу отца или матери, тогда какъ у цивилизованныхъ народовъ онѣ несравненно больше склонны замѣтывать одну черту у отца, другую — у матери и вслѣдствіе этого образуютъ безконечное количество переходныхъ членовъ.

Впрочемъ цѣль этихъ строкъ не заключалась въ одномъ только желаніи доказать, что намъ необходимо совершенно отказаться отъ мысли о тѣлесномъ единствѣ всѣхъ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ кочевниковъ, которые говорятъ на одномъ и томъ-же языкѣ, и что уже въ доисторическое время нѣкоторыя національности на сѣверѣ были поглощены другими въ такомъ-же родѣ, въ какомъ еще теперь Самоѣды поглощаются Зырянами и Тунгусами, а Тунгусы, въ свою очередь, Якутами и т. д. Нѣтъ, онѣ хотѣли также побудить къ собранію матеріаловъ, которые дали бы возможность съ тѣлесной точки зрѣнія составить самостоятельную этнографію нашихъ мелкихъ разбросанныхъ народностей. Необходимо поторониться, потому что съ каждымъ днемъ изглаживаются грани тамъ, гдѣ вчера онѣ еще были видны. Считаемъ нелишнимъ напомнить о томъ, что мы люди и что изученіе высшаго творенія природы справедливо должно стоять выше изученія мышей, жуковъ и всего остального зоологическаго добра. Собираніе череповъ не есть впрочемъ единственное средство къ добыванію данныхъ для болѣе твердыхъ основаній этнографіи тѣлесной стороны человѣка. Если черепа будутъ доставляться такъ рѣдко, какъ до сихъ поръ, и если мы не будемъ знать въ точности, какимъ личностямъ они принадлежали, то они скорѣе могутъ спутать, чѣмъ разъяснить наши знанія. Всякому извѣстно, что религиозные обычаи и воззрѣнія загораживаютъ путь самому усердному собирателю череповъ или, пожалуй, угождать не по добру пожалованіемъ въ морозный край, и что съ другой стороны рѣдко удается собрать точныя свѣдѣнія о томъ человѣкѣ, которому черепъ принадлежалъ при жизни. Всѣ эти затрудненія намъ очень легко избѣгнуть, если мы станемъ изучать головы живыхъ людей. Такимъ способомъ намъ можно накопить въ самое непродолжительное время чрезвычайно богатый матеріалъ, который именно вслѣдствіе этого богатства и вытекающей изъ него многосторонности будетъ служить мѣриломъ. Только этимъ способомъ мы и будемъ въ состояніи представить кабинетному краниоскопу возможность провѣрить этнографическую задачу, рѣшенную имъ

дома. Все дѣло заключается только въ томъ, чтобы съ крумциркулемъ въ рукѣ измѣрять различныя головы различныхъ націй и добытыя мѣры размѣщать по рубрикамъ.

Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ несправедливо обращали слишкомъ мало вниманія на лицевую часть черепа, которая даже въ систематикѣ животныхъ играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей. Если бы и прежде на лицевую часть обращено было вниманіе во всѣхъ, а не въ отдѣльныхъ только случаяхъ, то не укоренилось бы много ошибочныхъ взглядовъ. Вѣсѣмъ хорошо извѣстно, что форма черепа американскаго близко сходна съ формою черепа монгольскаго. Въ слѣдствіе почти непреодолимой трудности раскрыть путаницу формъ американскихъ череповъ, большею частью искусственно искаженныхъ, этнографы ухватились за поразительную форму лица и стали ее ставить рядомъ съ постояннымъ конькомъ въ пользу Монголовъ, т. е. съ Калмыками. Но послѣдніе только одна отрасль этой огромной расы, представляющая гораздо больше различій въ національностяхъ, чѣмъ различія народности Европы! За то каждаго поразило большое сходство Долганскаго старшины Мани, съ котораго авторъ распорядился снять портреты, съ Онопатоной, старшиной американскихъ *Ojibwas*, который у Мортон¹⁾ изображенъ на заглавномъ листѣ и представляетъ единственный портреты Индѣйца. По нашимъ понятіямъ ихъ можно бы было признать за двоюродныхъ и даже за родныхъ братьевъ. Оба портрета, правда, единственные, которые существуютъ, но отноше не подобраны, ради сравненія, изъ цѣлой коллекціи. Въ Европѣ это сходство рѣшительно ничего не значить; даже для Азии оно, само по себѣ, только намекъ, а въ связи съ другими — руководящая нить. Эта нить должна обратиться въ якорный канатъ, когда съ нею тѣсно сплетется историческая ткань. Но изъ того, что въ приведенномъ случаѣ лица и *habitus* доселѣ одни могли служить опорой для большей половины мнѣній даже противъ намековъ нѣкоторыхъ историческихъ указаній, каждый тѣмъ убѣдительно можетъ уразумѣть, что мы придаемъ этимъ признакамъ больше значенія невольно и по какому-то внутреннему чувству, хотя они еще совершенно лишены научной оболочки. Но не слѣдуетъ пренебрегать правиломъ, которому насъ научаетъ чтеніе исторіи систематической зоологіи. Хорошіе рисунки вездѣ послужили основаніемъ для рѣзкаго разграниченія видовъ. Основательное изслѣдованіе началось со времени цитированія опредѣленныхъ изображеній; за ними послѣдовали по немногу описанія, которыя цѣлымъ столѣтіемъ сряду полировались и получали большую опредѣленность, пока наконецъ (правда въ слишкомъ незначительномъ кругу) мы дошли до окончательной отдѣлки главной статьи, т. е. до математическаго метода распределенія видовъ (на основаніи численныхъ данныхъ и измѣреній).

¹⁾ S. C. Morton, *Crania Americana*. Philadelphia 1839. Comptes rendus de l' Acad. des Sciences de Paris, 1845, Juillet, p. 4, 7 etc.

И так первый мой тезисъ, представленный безъ малаго 30 лѣтъ тому назадъ, былъ тотъ, что Самоѣды, по кровному происхожденію своему, смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ.

Это положеніе вполне подтверждено, какъ я предсказывать заранѣе, лингвистическими изслѣдованіями Кастрена, который прямо говоритъ¹⁾: «Къ тому-же самому результату насъ приводитъ и самоѣдское племя, которое въ родствѣ съ одной стороны съ финскимъ племенемъ, съ другой съ семействомъ монгольскихъ народовъ». Обои ми путями, зоологически- и филологически-этнографическимъ, оба мы, совершенно разносторонніе изслѣдователи, пришли къ одному и тому-же выводу, который, слѣдовательно, тѣмъ болѣе, кажется, заслуживаетъ довѣрія.

Сказанное мною въ то время о Киргизахъ, я теперь, посѣтивъ ихъ²⁾, снова могу подтвердить еще положительнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе моихъ изслѣдованій въ Башкири, оно примѣнимо также къ Башкирамъ тѣмъ болѣе, что различіе лошадиныхъ породъ въ сѣверной и южной Башкири помогаетъ доказать несомнѣнно столкновение различныхъ національностей.

Мое наблюденіе надъ Гилыками, о которомъ тамъ говорится, подтвердить, надѣюсь, акад. Шренкъ. Отъ сопровождавшихъ меня Якутовъ и Тунгусовъ Гилыки замѣчательно отличались своими кругловатыми формами лица; особенно у женщинъ были почти совершенно круглыя, полнолуныя лица. Противоположность монгольскихъ или же опять кавказскихъ типовъ между Гилыками Тунгурскаго залива была такъ поразительна, что я не могъ не приписать ея сильному кровному смѣшенію туземнаго населенія съ русскими удалыцами, во время занятія страны при низовьяхъ Амура, въ то время, когда заложники ихъ показывались даже въ Москвѣ³⁾. У такихъ личностей скулы почти совсѣмъ не выдавались, да и въ глазахъ не было ничего монгольскаго. Были между ними такія лица, которыхъ въ европейской одеждѣ нельзя бы было отличить отъ Европейцевъ. У одного Гилыка были двѣ жены, изъ которыхъ одну, по нашимъ понятіямъ, можно было назвать красивою, а другая могла быть крайне-китайскою красавицею. Слѣдовательно тутъ некои происходили самыя замѣчательныя помѣси⁴⁾.

Если мы примемъ во вниманіе постоянныя взаимныя передвиженія туземныхъ кочевниковъ; если мы сообразимъ, что сибирскіе туземцы покупаютъ жену у родителей, что эта покупка легко опять разстраивается, что иѣкогда, а у Самоѣдовъ еще и въ мое время, одна изъ обязанностей гостепримства состояла въ томъ, что гостю предоставлялось право свободно располагать женою и дочерью хозяина, что нисколько не казалось страннымъ, когда (напр. казакамъ, золотопромывальщикамъ и т. д.) Тунгуски и женщины друтихъ племенъ мужьями уступались за извѣстное вознагражденіе на лѣтнее или на зимнее

¹⁾ Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 22.

²⁾ Срв. мое изслѣдованіе о Барабѣ.

³⁾ Muller, Samml. Russ. Gesch. I, 2 p. 303, 341, и II, p. 293. Это было около половины 17-го столѣтія.

⁴⁾ Уже Мюллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, 2, p. 92) говоритъ, что во время занятія Русскими, многие Камчадалы и Камчадалки содержались пѣлыми на Курильскихъ островахъ.

время, что у якутскихъ (да и русскихъ) торговцевъ, обязавшихъ кочевниковъ на иѣсколько тысячъ верстъ, въ мое время нѣрѣдко въ 2, 3, 4, далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, были, да безъ сомнѣнія и теперь еще есть, маленькія избы, гдѣ въ каждой жила туземка, большею частью Тунгуска, нѣрѣдко со множествомъ дѣтей, оказывавшихся отводками оставшагося въ городѣ законнаго семейства торговца¹⁾; если мы все это взвѣсимъ, то во всякомъ случаѣ нужно удивляться не столько многочисленнымъ переходнымъ типамъ, сколько существованію характерныхъ типовъ. Въ прежнія времена Русскіе очень часто покупали дѣтей у кочевниковъ и въслѣдствіе нѣрѣдко усновляли ихъ. Я самъ у поселенцевъ очень часто находилъ дѣтей, наружность которыхъ свидѣтельствовала о ихъ происхожденіи. Большею частью это были спасенныя отъ голодной смерти, часто найденныя въ чумахъ, круглыя сироты. Будучи усновлены, они потомъ входили въ составъ семейства, но иногда возвращались въ тайгу (пустыню).

Не рѣшаясь останавливаться на мелочахъ, я позволю себѣ проемотрѣть съ моимъ читателемъ приложенныя таблицы рисунковъ, но предварительно считаю нужнымъ увѣрить его, что путешествующему этнографу въ Сибири неоднократно представляется случай не только изобрѣсть, но и проверять свою наблюдательность. Такъ, напр., въ поселеніи Осиновѣ первый-же Чувашъ, котораго я увидѣлъ, выдалъ себя своимъ эскимъ произношеніемъ русскаго языка. Въ поселеніи Зырлыкскомъ киргизская помяе сельнаго вполне оправдалась подтвержденіемъ, что отъ родомъ съ Семипалатинской линіи.

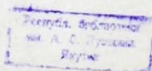
Сымекій Остякъ, который на 1-ой таблицѣ преспокойно сидитъ на бочкѣ, не подозрѣвая, что это напоянная порохомъ бочка нашей экспедиціи, вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ отличается несомнѣннымъ типомъ чисто-финскаго происхожденія, хотя и живетъ въ крайнемъ юго-восточномъ углу распространенія этого народа. На сѣверѣ Скандинавскаго полуострова я не сумѣлъ бы отличить его отъ Лапландца. Люди эти такіе-же несомнѣнные Финны, какъ изображенные на III-ей таблицѣ самыя западныя Канинскіе Самоѣды, отличительные признаки которыхъ нами рассмотрѣны выше и которые, діагонально противоположно, въ Европѣ, живутъ въ самомъ крайнемъ сѣверо-западномъ углу распространенія Самоѣдовъ. Енисейскій Самоѣд Сылкитъ, на табл. V-ой нѣм. изданія также можетъ считаться типичнымъ Финномъ, тѣмъ болѣе, что у него чрезвычайнo широко раскрытыя глаза. Но цвѣтъ его кожи болѣе похожъ на цвѣтъ монгольской, чѣмъ на цвѣтъ остяцкой кожи.

Противоположностью этому финскому типу является намъ два другіихъ вполне выраженныхъ типа. Я разумно, во-первыхъ, татарско-якутское лицо, кавказской расы, на табл. VI-ой, 3, изображающее Долгана Маиѣ. Характеристическую черту его составляютъ пре-

¹⁾ Этотъ обычай существовалъ, можетъ быть, у китайскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ приамурскій край. Послѣдніе оставляютъ дѣтей своихъ въ тайгѣ. Такъ иноу, «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи» 1848, I, стр. V. — И наши государственныя учрежденія точно также очень часто позволяютъ поводить къ значитель-

нымъ потерямъ. Въ Сибири издавна многіе туземцы причисляются къ мѣстному казачеству. Тунгусъ, котораго я встрѣтилъ въ Бидарѣ, былъ сынъ обывателя города Якутска и его братъ находилась еще въ этой категоріи. Онъ же, какъ рожденный до свадьбы, былъ включенъ въ списки Тунгусовъ.

929424

обладание (но не выдающееся положение) верхней челюстной части и удлиненная оттого форма лица, в особенности удлиненный носъ съ рѣко приподнятымъ къверху свѣбомъ, нѣсколько напоминающимъ орлиный носъ. Въ сравненіи съ двумя другими типами, лица, проведенная черезъ оба внутреннихъ глазныхъ угла, дѣлитъ голову на нижнюю продолговатую и верхнюю короткую половину. Въ слегка выдающихся скулахъ и малораскрытой глазной щели высказывается на лицѣ Маніи незначительная доля монгольской примѣси. Въ поселеніи Бахтинскомъ, по этой удлиненной формѣ лица, мнѣ, къ большому моему удовольствію, удалось отыскать между Остячками Самоѣдами двухъ сосланныхъ туда Минусинскихъ Татаръ, хотя они почти по всѣмъ признакамъ въ замѣчательной степени похожи были на первыхъ.

Во-вторыхъ, передъ нами положительныя типы третьей, т. е. монгольской расы, но они являются въ двухъ формахъ, составляющихъ рѣзко отличающіеся другъ отъ друга подраздѣленія, а именно: у однихъ широкіе, у другихъ высокіе черепа.

Что я разумію подъ этимъ, станетъ понятнымъ читателю, если я укажу ему на табл. IV-ую, изображающую самоѣдскую чегу съ положительно широкими черепами, равно какъ на Тунгусовъ Савилія (табл. V), Черемокъ, табл. IV, 1; Тюприну (табл. VIII), и Шантаула (табл. IX). (Двѣ послѣднія въ нѣмецкомъ изданіи). Широкія и выдающіяся скулы, большія глазныя впадины, обозначенныя уже высокими дугообразными бровями, тѣмъ болѣе узкая, косо внаружу и [по крайней мѣрѣ на видъ также] къверху идущая глазная щель, широкая вдавленная glabella (переносица) и протлнутые впередъ жевательныя органы вполнѣ достаточны, чтобы этимъ лицамъ придать совершенно монгольской типъ.

Такими-же типичными Монголами являются двѣ тунгусскія головы на V-ой 1 и 2, таблицѣ, у которыхъ однакоже, при этомъ, въ противоположность предыдущимъ, черепъ такъ высокъ, что онъ гораздо выше идетъ поверхъ линіи, соединяющей оба внутреннихъ глазныхъ угла, чѣмъ ниже этой линіи, до подбородка. Это почти такъ называемая башенная голова. Менѣе высокочерепными, но сходными съ ними въ томъ, что надъ скулами до оба голова en face суживается, оказываются головы Юкагиро-Тунгуса на табл. I-ой, Долгана Гаврилы Палькова на табл. VI-ой, 2, и Якутки съ Учюра на табл. VI, 1. У нихъ оба вышеприведенныя измѣренія равны между собою.

У широкочерепнаго монгольского лица эти два размѣра также сходны, но лобовыя шишки хорошо видны и отстоятъ другъ отъ друга, такъ что, вслѣдствіе этого, лобъ получается четырехугольный видъ, а лицо разумное выраженіе. И дѣйствительно, при этой формѣ лица умственные способности безъ исключенія казались мнѣ немалыми. Кромѣ того, я на высокопоставленномъ врачѣ, на сынѣ извѣстнаго ученаго, на воспитанномъ въ Петербургѣ филологѣ и т. д. могу доказать прекрасныя, фактически замѣненныя умственные способности при означенной широкочерепной и широколобной формѣ монгольского типа, потому что въ указанныхъ лицахъ несомнѣнно течетъ монгольская кровь. При этомъ монгольской глазъ придаетъ умному лицу лукавое выраженіе.

Еще прежде чѣмъ я успѣлъ добраться до Сибири, меня поразило, что у двухъ Калмыковъ, прїѣхавшихъ изъ степи въ Казань, точно также, какъ у разсмотрѣнныхъ нами тунгусскихъ головъ, у одного былъ положительно широкій, у другого положительно высокой черепъ. Если бы мнѣ не удалось видѣть это, то я принялъ бы распадѣніе на двѣ упомянутыя формы за особенность, свойственную Тунгусамъ, потому что у Забайкальскихъ Бурятъ и Монголовъ, являвшихся мнѣ самыми типичными Монголами, я встрѣчалъ одни только широкіе черепа. Упомянутыя двѣ различныя формы развитія череповъ очевидно должны зависѣть отъ двухъ различныхъ способовъ оссификаціи черепныхъ швовъ.

Принявъ за исходную точку вышеразсмотрѣнные три основныхъ типа монхъ портретовъ, нетрудно будетъ объяснить и остальные фizioноміи, заключающіяся между ними.

Такимъ образомъ можно замѣтить, что между Тунгусами встрѣчаются только монгольскія формы лица; изъ нихъ у Савилія на табл. V-ой, и Черемокъ на табл. IV-ой 1, такой-же широкій черепъ, какъ у Самоѣдовъ на табл. IV-ой. Но при этомъ у Савилія совершенно якутская форма носовой части лица, точно такъ какъ у Шантаула (табл. IX нѣм. изд.). Самыя монгольскія лица Самоѣдовъ всегда можно было отличать отъ Тунгусскихъ по кругловато-овальному очертанію первыхъ, тогда какъ у Тунгусовъ были болѣе продолговатыя лица. Это относилось къ обонямъ поламъ.

У Якутокъ на табл. VI-ой, не смотря на то, что онѣ раздѣлены нѣсколькими тысячами верстъ (одна изъ нихъ съ Учуромъ, другая, Одай, съ Хеты), такія типичныя монгольскія лица, что ихъ нельзя отличить отъ Тунгусовъ. По всей вѣроятности онѣ и монгольского происхожденія, потому что только по близости у Амура, у китайскихъ Нигидальцевъ-Тунгусовъ, я встрѣчалъ еще болѣе типичныя китайско-японскія монгольскія лица. Въ сравненіи съ ними Якутъ съ Хеты, изображенный на XII таблицѣ нѣм. изд., кажется Русскимъ съ небольшою примѣсью тунгусской крови. Къ такимъ явленіямъ на Хетѣ, какъ мы увидимъ ниже, представляется особенно много поводовъ. Хотя у Мирона Тюприна (табл. VIII нѣм. изд.) положительно тунгусскіе глаза и носъ, но совершенно круглая форма лица его, соответствующая предыдущему лицу, все-таки напоминаетъ также о русской, если не финской примѣси.

Снова просматривая таблицы съ самаго начала, мы замѣтимъ, что Юкагиръ на табл. I-й на столько-же не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ Тунгусъ, на сколько у остяцкаго семейства несомнѣнно чисто-финскія лица. Остякъ Уктъ, на табл. I-ой также Финь, только менѣе типиченъ, да притомъ заплылъ отъ жира, но представляетъ особенный интересъ потому, что принадлежитъ къ Енисейскимъ Остякамъ, языкъ которыхъ Кастрейтъ, какъ мы увидимъ ниже (въ главѣ о Енисейскихъ Остякахъ), считаетъ совершенно своеобразнымъ.

За финно-монгольскую помѣсь я готовъ признать Юраковъ на табл. II-ой 4, 6, 7, 8. Они, и въ прочіи (см. нѣм. изд.), отличаются чрезвычайною однородностью, столь-же ре-

гуарно встречающагося при известнѣх скрещиваніяхъ въ скотоводствѣ и напоминающаго замѣчательное однообразіе формы муловъ, которая постоянно составляется изъ разнообразнѣхъ элементовъ, но неизмѣнно слагается въ одинъ и тотъ-же типъ. Всѣ они очень короткоголовы; у женщины Фхыддо (нѣм. изд.), кромѣ того, лобъ сильно подается назадъ. У Юрака Агатѣ (нѣм. изд.) замѣчательны чисто монгольскія высокія брови, слѣдовательно монгольская широкая глазная впадина, съ довольно узкими глазными щелями и незначительно выдающимися скулами.

Въ Самоѣдахъ на табл. V-ой нѣм. изд. также много финскаго, хотя глаза у Нгуфо свидѣтельствуютъ о монгольскомъ происхожденіи. О слѣдующихъ затѣмъ таблицахъ до X-ой нѣм. изд. включительно мы уже говорили.

Долганъ Гаврила Пальковъ на табл. VI-ой 2, представляетъ самое поразительное изъ всѣхъ лицъ. Онъ вовсе не былъ такъ тупоуменъ, какимъ кажется, и при здоровомъ человѣческомъ разумѣ отличался такими прекрасными правилами, какихъ я бы желалъ иному благородному Европейцу. Средняя часть его лица отличается полною линею якутскаго типа, но глазная щель и носъ отзываются монгольскою примѣсью. Очень низкій лобъ составляетъ индивидуальную уродливость. У Прыса Палькова нѣм. изд., вслѣдствіе осѣдой поселенческой жизни и питанія рыбою, закрѣпшее тунгусско-русское лицо.

Вотъ что мы хотѣли сказать о формѣ черепа и лица. Для яснаго пониманія географическихъ случайныхъ причинъ разнообразной помѣси разсматриваемыхъ нами народовъ, необходимо представить себѣ положеніе ихъ мѣстопребываній и принять въ соображеніе, что иное племя въ теченіи всего года проходитъ двѣ-три тысячи верстъ и забирается очень далеко, не стѣсняясь опредѣленными границами.

Мѣста жительства различныхъ народовъ въ низовьяхъ Енисея я старался указать на II-ой картѣ атласа, приложеннаго къ нѣмецкому изданію моего Путешествія, и акад. Шмидтъ могъ только подтвердить мои показанія относительно посѣщенныхъ имъ съ гѣхъ поръ странъ въ низовьяхъ Енисея. Но, вслѣдствіе специальныхъ изслѣдованій Кастрена, распредѣленіе красокъ впредь должно подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя мы попытаемся тутъ выяснить.

Кастренъ самъ, и притомъ къ концу своего путешествія, замѣтилъ¹⁾, что его труды «не могутъ быть запечатаны въ настоящемъ ихъ видѣ» и при жизни старался отыскать ученаго, который, по его стопамъ, долженъ былъ заняться обработкою его матеріаловъ. Такъ какъ ему не удалось сдѣлать это, то довольно трудно изъ объемистыхъ томовъ составить себѣ общій краткій выводъ. Постараемся свести результаты Кастреновыхъ отчетовъ, чтобы ясно увидѣть, на сколько совпадаютъ выводы соматическихъ и лингвистическо-историческихъ изслѣдованій.

По языкамъ Кастренъ²⁾ дѣлитъ туземцевъ всей сѣверо-западной Сибири на

1) Угорскихъ, т. е. Вогуловъ и Остяковъ, и

2) Самоѣдскихъ.

¹⁾ Reiseberichte und Briefe, 1856, стр. 432.

²⁾ Тамъ-же, стр. 166.

Первые живутъ въ рѣчной области низовьевъ Оби (вверхъ до Иртыша) и въ рѣчной долигѣ низовьевъ Иртыша, а послѣдніе — въ рѣчныхъ областяхъ Таймыра, Писины, низовьевъ Енисея и вверхъ по лѣвому берегу его, на всемъ пространствѣ, которое заключается между среднимъ теченіемъ Оби и Енисея къ югу до лежащаго поперекъ передъ ними Чулыма.

Обитателей этого послѣдняго пространства ¹⁾ сибирскіе Русскіе большею частью принимали за Остяковъ, но уже Клапротъ и Шегренъ ²⁾ указывали на ихъ самоѣдскій языкъ. Клапротъ придалъ этой догадкѣ величайшую достовѣрность ³⁾.

Далѣе къ западу Самоѣды простираются за Тазъ и низовья Оби до восточнаго прибрежья Бѣлаго моря.

Самоѣдскій языкъ дѣлится на 3 главныхъ нарѣчій ⁴⁾: 1) сѣверо-западное, 2) сѣверо-восточное и 3) южное или остячко-самоѣдское.

Каждое изъ этихъ нарѣчій дѣлится на поднарѣчія, ведущія самыми разнообразными сплетеніями отъ одного нарѣчія къ другому ⁵⁾.

На сѣверо-западномъ главномъ нарѣчій, кромѣ Самоѣдовъ Европейской Россіи, говорятъ Обдорскіе и Касымскіе Самоѣды, да Юраки ⁶⁾, простирающіеся отъ лѣваго берега нижняго Енисея до рѣчной области нижняго Таза.

Къ сѣверо-восточному или Тавгынскому (или Авамскому) главному нарѣчію Клапротъ приурочиваетъ всѣхъ Самоѣдовъ, кочующихъ къ востоку отъ Писины ⁷⁾ (Авамскихъ и Водевскихъ Самоѣдовъ), и Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые зиму проводятъ на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, а лѣтомъ отчасти (Карасинцы) на самомъ глубокомъ сѣверѣ уходятъ на правый берегъ его и добираются до рѣчной области Пыры. Подъ именемъ Енисейскихъ Самоѣдовъ разумѣются Хантайцы, Карасинцы и Бач ⁸⁾. Это сѣверо-восточное главное нарѣчіе распадается на четыре поднарѣчія ⁹⁾.

Южное, остячко-самоѣдское нарѣчіе, самое чистое выраженіе котораго слѣдуетъ искать, примѣрно, около р. Кеты, дѣлится на два поднарѣчія, томское и туруханское.

¹⁾ Къ нему принадлежатъ рѣчные области Ваха, Тума, Васюгана, Кета и верхья Сыма и Елогоя. Такимъ образомъ Самоѣды простираются до сѣв.-восточной оконечности Барань, а Остяки до сѣв.-западнаго конца ея. Самоѣды обхватываютъ Остяковъ съ сѣвера, востока и юга.

Встрѣчались мѣстами отдѣльными самоѣдскія семейства (Ешии) до устья Иртыша (стр. 66, 67; на Надымѣ, Леминѣ Сорѣ; проводятъ ихъ слѣдуетъ отъ Касыма.

²⁾ Тамъ-же, стр. 309.

³⁾ Тамъ-же, стр. 119, 127, 134.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 462, 139, 150, 237, примѣч.

⁵⁾ Такъ юрское поднарѣчіе очень — даже почти совершенно — сходно съ обдорскимъ (стр. 262, 266), а тав-

гынское поднарѣчіе на столько-же, если не болѣе, близко къ юрскому, сколько послѣнее къ чулымскому (стр. 255, 261).

⁶⁾ Стр. 235, прим. 3; стр. 255, 259, 265, 461 У Таза, къ югу до Кудаса (или Кудоса, какъ мнѣ называли эту рѣку).

⁷⁾ По словамъ Клапрота (стр. 266, 278), всѣ они говорятъ на одномъ поднарѣчій.

⁸⁾ Пыру называли Клапротъ Турой (стр. 245); она выдаетъ съ запада въ нижнюю Писину.

⁹⁾ Тавгынское, зыгмъ Хантайское и Карасинское съ одной и Байгынское поднарѣчіе съ другой стороны (стр. 279), и наконецъ Камасинское въ южной Сибири (стр. 381).

Изъ нихъ первое представляетъ три видоизмѣненія ¹⁾, а второе обнимаетъ Тазскихъ ²⁾ [или] (Тымско-Караконскихъ) Самоѣдовъ.

Это нарѣчіе простирается слѣдовательно къ сѣверу до средняго течения Таза ³⁾, къ югу до Чулыма и средней Оби. У Курейки, Нижней Тунгуски и нѣкоторыхъ мелкихъ рѣчекъ на небольшомъ протяженіи переходитъ и за правый берегъ Енисея ⁴⁾.

Кромѣ этихъ различныхъ подраздѣленій самоѣдскаго языка, у средняго течения Енисея появляется еще языкъ — енисейско-остяцкій — и притомъ въ двухъ подваріантахъ, изъ которыхъ одно на Имбакѣ, другое южнѣе, на Сымѣ. Языкъ этотъ, по словамъ Кастрена, очень разнится отъ финско-самоѣдскихъ языковъ и, по всей вѣроятности, обломокъ своеобразнаго семейства языковъ, находящагося лишь въ дальнемъ родствѣ съ финско-самоѣдскими языками ⁵⁾; родъ китайскаго безъ полной флексіи. По Кастрену Енисейскіе Остяки составляютъ, кажется, послѣдній остатокъ нѣкогда распространенаго и могущественнаго племени, отъ котораго уцѣлѣло нѣсколько сотъ дунгъ.

На столько, слѣдовательно, все хорошо выяснилось; лишь на счетъ Юраковъ дѣло для меня не совсѣмъ ясно. Кастренъ, вездѣ приурочивающій ихъ къ сѣверо-западному главному нарѣчію, на стр. 277 говоритъ, что языкъ береговыхъ Юраковъ ⁶⁾ «до послѣдней мелочи сходенъ съ тазовскимъ нарѣчіемъ, но нѣсколько разнится отъ обдорскаго». Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 235) Кастренъ прямо говоритъ, что подл Тазскими Самоѣдами онъ разумѣетъ только два рода или племени, причисленные къ Тымско-Караконской управѣ. Но они говорятъ, какъ мы знаемъ, на южномъ главномъ, т. е. на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій. Съ другой стороны (стр. 266) Кастренъ увѣряетъ, что юраковое нарѣчіе почти совершенно (*fast auf ein Naar*) сходно съ обдорскимъ.

При всемъ томъ я предполагаю тутъ ошибку со стороны Кастрена и думаю, что береговыхъ Юраковъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ причислить къ сѣверо-западному главному нарѣчію. Собранные мною у нихъ образчики языка не возвращены мнѣ гг. лингвистами, такъ что я болѣе не въ состояніи разъяснить себѣ дѣло.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о томъ, что Кастренъ ⁷⁾ по историческимъ причинамъ возстаегъ противъ предположенія о гиперборейской или полярной расѣ. Уже въ 1840 году, увидѣвъ у Бѣлаго моря съ одной стороны Самоѣдовъ, съ другой — Лапландцевъ, я также отвергъ это предположеніе съ соматической точки зрѣнія ⁸⁾.

¹⁾ Нижнее на Вахѣ и Тымѣ; среднее на Кетѣ; верхнее на Чулымѣ (стр. 167, 463).

²⁾ Стр. 235, прим. 3-ис. Было бы, кажется, лучше оставить названіе Тазскихъ Самоѣдовъ, потому что въ административныхъ спискахъ это имя уже дано одному отряду Юраковъ (см. ниже главу о Самоѣдахъ).

³⁾ Въ упомянутомъ соч. стр. 255.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 236. Сюда относится Карасинскіе Самоѣды (обмѣниовенно Остяки) на Курейкѣ; ихъ не слѣ-

дуетъ смѣшивать съ тѣми, которые живутъ на противоположномъ лѣвомъ берегу Енисея и принадлежатъ къ сѣв.-восточному главному нарѣчію (стр. 235).

⁵⁾ Стр. 250, 280, 281, 291, 292.

⁶⁾ Они живутъ между устьями Енисея и Таза и зимуютъ преимущественно на Содеиной и на Кетѣ, входящихъ съ запада въ рукавъ нижняго Енисея.

⁷⁾ Стр. 394.

⁸⁾ Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss d. Russ Reiches, XI, 4845, p. 472.

Хотя Кастрень в одномъ мѣстѣ по-видимому сильно колеблется на счетъ своихъ мнѣній о довольно близкомъ средствѣ Самоѣдовъ и Финновъ¹⁾, но впоследствии онъ опять подтверждаетъ все²⁾. Онъ приводитъ много словъ въ доказательство сродства³⁾ и выводитъ это сродство изъ общей исходной точки обоихъ народовъ, т. е. Алтая⁴⁾. Приписывая затѣмъ еще общія данныя, составляющія переходъ отъ финскаго и самоѣдскаго къ татарскому, маньчжурскому и тунгусскому⁵⁾, и открывая съ перваго же взгляда въ бурятскомъ языкѣ точки соприкосновенія съ самоѣдскимъ⁶⁾, Кастрень даже начинаетъ сомнѣваться въ томъ, существуетъ-ли известная разница между кавказскою и монгольскою расою людей. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно⁷⁾, и не смущается тѣмъ, что естественныя ссылки на различную форму череповъ. «Замѣчательный фактъ, (продолжаетъ онъ), что у европейскаго Финна кавказскій, у азиатскаго монгольскій типъ, что Турокъ въ Европѣ похожъ на Европейца, въ Азій на Азіатца. Но если все-таки хотятъ отстаивать это различіе расъ физиологическимъ путемъ, то одну половину финскихъ и тюркскихъ племенъ нужно причислить къ кавказской, другую къ монгольской расѣ — это было бы нелѣпо».

Почему же? Кастрень упустилъ изъ виду, что онъ самъ больше всѣхъ привелъ свидѣтельствъ въ пользу слиянія и еще болѣе рѣзкой замѣны языковъ въ Сибири, а потому ему слѣдовало не отрицать вѣроятности тѣснаго смѣшенія различныхъ типовъ, а напротивъ того, подтвердить ее съ лингвистической точки зрѣнія⁸⁾. Различіе между разными поднарѣчьями и нарѣчьями одного и того-же языка самъ онъ, главнымъ образомъ, приписываетъ влиянію чужихъ языковъ⁹⁾. Въ остаткомъ онъ находилъ примѣсь то русскаго, то татарскаго, то самоѣдскаго; въ нижнемъ остатко-самоѣдскомъ поднарѣчьи замѣтилъ много словъ, взятыхъ съ остяцкаго, а въ верхнемъ — влияніе татарскаго языка¹⁰⁾; хантайское и карасинское поднарѣчья примыкаютъ, по его мнѣнію, къ тагвынскому нарѣчью и напоминаютъ о сосѣдствѣ Юраковъ, между тѣмъ какъ байское поднарѣчье по-видимому заимствовало кое-что изъ енисейско-остяцкаго¹¹⁾ и т. д.

Въ южной Сибири онъ встрѣчаетъ повсюду отатарившихся Самоѣдовъ, обрусѣвшихъ Коттовъ и т. д., т. е. полнѣйшія замѣны языковъ.

Какъ вышеприведенный сводъ результатовъ Кастреновыхъ тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій, и наше вышеизложенное разсмотрѣніе портретовъ, такъ и немногія историческія извѣстія, а еще гораздо убѣдительнѣе теперешняя географическая спутанность мѣстожителствъ всѣхъ упомянутыхъ народовъ, единогласно и несомнѣнно

¹⁾ Стр. 137. — ²⁾ Стр. 160.

³⁾ Стр. 69—74. Уже такого профана, какъ меня, который зналъ только остскій языкъ, поразило множество сходныхъ словъ, какъ напр. и тутъ и тамъ шипы; самоѣдское *vejmae* вѣсто остскаго *silma*; тунгусское *nađaldá* вѣсто остскаго *nađdal*.

⁴⁾ Стр. 91. — ⁵⁾ Стр. 76. — ⁶⁾ Стр. 394. — ⁷⁾ Стр. 161.

⁸⁾ Тогда только, когда мною это уже было изписано, мнѣ стала известна находка Кастрена противъ антропологовъ (Castrén, Ethnolog. Vorlesungen über die Altai-schen Völker, p. 11 и 12. Возраженіе издателя, изд. Шиншера (тамъ-же, стр. VII) освобождаетъ меня отъ особаго опроверженія, которое впрочемъ заключается въ приведенныхъ выше данныхъ.

⁹⁾ Стр. 121. — ¹⁰⁾ Стр. 167. — ¹¹⁾ Стр. 279.

свидетельствуют о чрезвычайно сильном смѣшеніи, которому въ теченіи времени подверглись туземные народы Сибири.

Изъ теперешнихъ сѣверныхъ Сибиряковъ я готовъ признать первоначальными обитателями Тунгусовъ, типичный, распространенный по всѣмъ возвышенностямъ сѣверной Сибири горный народъ, который постепенно, пожалуй, и могъ подвинуться болѣе къ сѣверу, но все-таки вездѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, удерживаетъ свои горныя мѣста пребыванія при такихъ условіяхъ, какимъ остальные кочевые народы не въ состояніи подчиниться.

Отрѣзанные, въ видѣ острова, остатки Самоѣдовъ на Алтаѣ, которые и Кастрень призналъ таковыми, доказываютъ, что Самоѣды, будучи вѣроятно не столько вытѣснены съ Алтая, сколько обращены въ отчаянное бѣгство ¹⁾, не могли остановиться ни въ Барабинской степи, ни въ первобытныхъ лѣсахъ между Обью и Енисеемъ, но, оставивъ на мѣстѣ обезаселенныхъ бѣгствомъ, устроили себѣ новую родину только тогда, когда пробрались чрезъ широкій лѣсной поясъ и опять увидѣли передъ собою степь на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Тутъ-то, среди тундры, они и застѣли, славенные съ одной стороны обитавшими къ западу Финнами, именно Остяками, а съ другой — живущими въ лежащихъ къ юго-востоку горахъ Тунгусами.

Лишь къ сѣверу передъ ними широко открывалась совершенно необитаемая прибрежная европейско-азиатская полоса, по которой они и распространились. Велѣдъ за Остяками, Самоѣдами и Тунгусами, вивзъ по большимъ рѣкамъ, тронулись Русскіе завоеватели. Но на Ленѣ ихъ успѣли уже опередить Якуты, въ свою очередь очевидно вытѣсненные переселеніемъ средне-азиатскихъ народовъ, ринувшихся также на Европу. Впрочемъ Якуты, приведшіе съ собою въ сѣверную Сибирь татарскую лошадь, которая до тѣхъ поръ въ области лѣсной растительности вовсе не была извѣстна, явились въ Сибири болѣе въ качествѣ промышленныхъ торговцевъ, чѣмъ завоевателями. При своей изворотливости, гибкости, страсти барышничать и заниматься спекуляціями, они играли на дальнемъ востокѣ роль жидавъ, съ тою только разницею, что вездѣ выказывали готовность усвоивать мѣстные, приспособленные къ природѣ края, нравы и обычаи болѣе простодушныхъ туземцевъ и славиться съ ними, не утрачивая однакоже при этомъ своего превосходства надъ ними.

Будучи гнѣсными Русскими, Якуты разсѣялись до Ледовитаго океана, къ востоку отъ Лени, а съ другой стороны были отброшены на западъ до Таймырскаго края и до окрестностей Туруханска, гдѣ они потомъ, опять скорѣе другихъ туземцевъ, сдѣлались съ русскими поселенцами. Слѣды постепеннаго передвиженія Якутовъ, подобно слѣдамъ прониканія Русскихъ, можно изобразить на картѣ Сибири въ видѣ цѣпныхъ червообразныхъ фигуръ, которая велѣдъ за теченіемъ большихъ рѣкъ тянется до Ледовитаго океана.

Какъ на европейскомъ сѣверѣ Самоѣды эксплуатируются, разрабаются, вытѣс-

¹⁾ По словамъ Павло Карпинна, Оготаежъ, сынъ Чингисъ-Хана, Срак. Witsen, p. 13.

ются и поглощаются дятельными и смѣлыми Зырянами, принадлежащими къ финскому племени, какъ на Оби Русскіе такимъ-же образомъ поступаютъ съ Остяками, опять финскаго племени, и какъ въ томъ и другомъ случаѣ правительство, уже давно обративши на это вниманіе, не находитъ средства помочь горю, такъ и тунгусскіе да самоѣдскіе народы Сибири, мало по малу, Якутами обращаются въ Татаръ.

Болѣе общаю типичною чертою Сибирскихъ туземцевъ, нежели различная форма головъ, съ которою мы ознакомились, служитъ маленькая нога, особенно у Самоѣдовъ и Тунгусовъ. Помимо незначительнаго ихъ роста, нога ихъ, даже при исключительно болѣе длинѣ тѣла, паразитично мала и во всякомъ случаѣ короче 8 англ. дюймовъ. Ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, невозможно было надѣть даже самыя просторныя сапоги кочевниковъ, хотя форма Самоѣдскихъ сапоговъ, напоминающая слоновою ногу, устраняетъ всякое препятствіе, которое могъ бы представить высокій подъемъ ноги. Хотя иезавидность самоѣдскихъ ногъ сначала я и приписывалъ привычкѣ Самоѣдовъ сидѣть, поджавъ подъ себя ноги, и тому, что они на время, такъ сказать, почти разучиваются ходить, но все-таки болѣе положительныя данныя для разрѣшенія вопроса намъ могутъ представить лишь точныя сравнительныя измѣренія и сопоставленія съ ногами непрерывно странствующихъ Тунгусовъ. Не составляютъ-ли уже крошечныя ноги первобытную особенность монгольской расы, и не потому-ли у Китайцевъ вошла въ моду крайность, иепоиѣрное изувѣчиваніе женскихъ ногъ?

Что касается цвѣта кожныхъ жителей сѣв. Сибири, то я не могу признать повсемѣстнымъ желтоватый тонъ, который нѣкоторые хотѣли приписать цѣлой расѣ, принявъ за основаніе монгольскіе народы, живущіе южнѣе. При чрезвычайно сильномъ отраженіи свѣта, о которомъ я уже говорилъ на стр. 313, нельзя удивляться весьма сильному загару лица, какъ онъ переланъ съ природы натабл. VII и X иѣм. изд. Стужа, дымъ и изобиліе грязи не мало служатъ къ усилеиію смуглости кожи, и если Русскіе, да покалуй и Якуты, казались, можетъ быть, нѣсколько менѣе смуглыми, то это должно было все-таки считать слѣдствіемъ меньшаго дѣйствія дыма и грязи. Цвѣтъ неприкрытыхъ одеждоу

Сапогъ Самоѣда Таймырскаго края. Набалдренныя штаны Тунгуса.

частей тѣла туземцевъ вообще былъ одинаковъ съ цвѣтомъ кожи русскихъ лицъ. Но я долженъ замѣтить, что между Монголами у нѣкоторыхъ личностей дѣйствительно былъ нѣсколько желтоватый цвѣтъ кожи, особенно тамъ, гдѣ мнѣ представлялся случай сопоставлять ихъ съ Остяками, которые болѣе казались блѣлаго цвѣта. Черезъ смуглую кожу Монгола, въ особенности же Монголки, довольно часто просвѣчиваетъ свѣжій румянецъ молодости.

Характеристическую черту Монголовъ составляли черныя жесткіе волосы на головѣ, равно какъ рѣдкыя усы и

борода, которые впрочем, странным образом, и у финских типов Сибири растут почти столь-же плохо¹⁾.

У сѣверных кочевниковъ сплошь сухое, мускульное, жилистое тѣлосложение. Между всѣми Самоѣдами я видѣлъ только одного, нѣсколько толстоватаго человѣка. Онъ страдалъ ожирѣніемъ и былъ мнѣ предъявленъ своими соплеменниками какъ рѣдкость. Впрочемъ полярный Монголъ столько-же расположенъ къ дородности, сколько и южный Монголъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ мнѣ въ Хантайскомъ поселеніи толстоброухій откормленный Самоѣдскій мальчишка, котораго усыновилъ богатый поселенецъ и который, благодаря безразсудной любви къ нему новыхъ родителей, отъ неумѣренной ѣды и бездѣлья обратился въ какой-то безобразный чурбанъ, едва переваливавшійся съ одной ноги на другую. У Якутовъ, равно какъ и у Киргизовъ, можно встрѣтить поразительные образчики такого-же рода. Среди населенія укрябляющагося постоянно подвижною, откормленные богатые старшины народа составляютъ какую-то отвратительную противоположность.

Въ началѣ моей встрѣчи съ туземцами меня поразило, какъ въ Остякахъ, такъ и особенно въ Тунгусахъ, какое-то совершенно особое дѣйствіе ихъ мускуловъ урывками. Преимущественно это проявлялось въ языкѣ ихъ. Слова произносились до такой степени толчками, что часто казалось, какъ будто человѣкъ старался преодолѣть расположеніе къ занкаію. Они вырывались съ особою силою и прекращались внезапно оторваннымъ послѣднимъ слогомъ. Даже пятнадцатилѣтній тунгусскій юноша, съ пятого года жизни воспитывавшійся между Русскими въ Троицкомъ монастырѣ и совершенно свободно говорившій по-русски, отличался такою-же особенностью, разговаривая на томъ и на другомъ языкѣ.

Въ тѣлодвиженіяхъ также замѣтно было проявленіе такихъ толчковъ. Такъ какъ эта особенность была свойственна кочевникамъ и финскаго и монгольскаго племени, то мнѣ казалось, что тутъ повторялся какъ бы тотъ-же самый энергическій способъ дѣйствій мускуловъ, который отличаетъ арабскаго коня отъ лошади низменныхъ странъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ дневникѣ нигдѣ больше ничего объ этомъ предметѣ не говорится. Успѣлъ-ли я привыкнуть къ этой особенности? Или это только мѣстное явленіе на среднемъ Енисей?

Европеецъ, надѣющійся, что въ глуши самаго безпріютнаго сѣвера ему наконецъ удастся отдохнуть отъ повелительницы міра, моды, векорѣ разочаровывается въ своей надеждѣ, видя, что мода властвуетъ вездѣ, куда только успѣлъ проникнуть человѣкъ на земномъ шарѣ. Само собою разумѣется, что я не говорю тутъ о разнообразіи нарядовъ и о томъ, на сколько покрой ихъ приспособленъ къ различнымъ условіямъ жизни, при которыхъ каждый народъ ведетъ свое хозяйство. Въ этомъ отношеніи расудительный

¹⁾ Таймырскихъ Самоѣдовъ такъ поражала моя густая Славянская европейская лысина съ парикомъ подлѣживала борода, что по ней они вывели заключеніе о моей старости и называли меня Войкуванку, т. е. «старикомъ». На нихъ конечно несравненно больше, но уличажала бы выводъ о глубокой старости.

путешественникъ научается со дня на день правильное судить о томъ, что сначала ему казалось страннымъ, или, пожалуй, смѣшнымъ. И даже чѣмъ онъ разсудительнѣе, тѣмъ чаще онъ ловитъ самого себя на усвоенныхъ привычкою, а потому одностороннихъ и предвзятыхъ сужденіяхъ, которыми запасся у себя дома. Очень трудно относиться къ дѣлу совершенно объективно. Тамъ только мы научаемся понимать, сколько рутиннаго въ нашихъ жизненныхъ привычкахъ, и какъ мало онѣ соответствуютъ полнѣйшей практичной сущности.

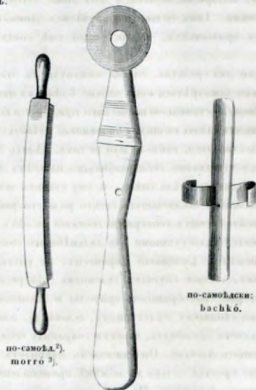
Существуютъ только два средства, чтобы выкинуть въ эти условія безъ всякаго предубѣжденія; или нужно всмотрѣться какъ можно ближе въ наши высшія европейскія положенія съ ихъ волшебною обстановкою вселескаго приличія и вселеской мнимой важности, или необходимо цѣлкомъ влѣзть въ шкуру кочевника; одѣваться, укрываться, питаться и жить какъ кочевникъ, и стараться, такъ-ли или не такъ, дѣлать то, что онъ дѣлаетъ. Не успѣшь оглянуться, какъ чувствуешь себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, какъ въ надменномъ Европейцѣ не останется слѣда спѣси, и ему станетъ ясно, какъ день, что въ первобытныхъ условіяхъ жизни заключаются своего рода совершенства, которыя развиваются посредствомъ тысячелѣтнихъ усовершенствованій до тѣхъ поръ, пока они въ данномъ направленіи становятся недоступными для дальнѣйшаго совершенствованія и вступаютъ въ періодъ оцѣнчиваго. Спѣсивый Европеецъ, не упускающій случая сначала устраивать все по-своему, лучше глухыхъ туземцевъ сѣверной Азии, вскорѣ, послѣ жестокихъ уроковъ (которыя своеобразность природы и жизненные условія неминуемо даютъ ему, изолированно стоящему культурному человѣку), отказывается отъ всякаго умничанья и, если не хочетъ погибнуть, можетъ сохранить себя только тѣмъ, что самъ превращается въ кочующаго Азіатца. Онъ ежечасно начинаетъ сознавать, что все его европейское житье-бытье кроется только въ объѣмѣ промышленныхъ, торговыхъ и подобныхъ выгодъ социальнаго хозяйства. Но вѣдь какъ скоро истощается запасъ пороха, портится курокъ или дуло, изнашиваются привезенное бѣлье и верхнее платье и т. д.!

Да, переходы отъ лука и стрѣлы къ огнестрѣльному оружію, отъ мѣховой къ тканой одеждѣ, составляли скачки, повергавшіе человѣка въ новый міръ. Я живо припоминаю чувство сожалѣнія, которое я испыталъ, когда, вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, прочелъ въ Динглеровомъ Polytechnisches Journal подробное описаніе и громкое восхваленіе необыкновенныхъ преимуществъ новаго изобрѣтенія по части отдѣлки замши при помощи мозговъ и личнаго желтка. Это было ничто иное, какъ способъ, некими малостерки употребляемый полярными народами Сибири, но болѣе усовершенствованный ими сначала посредствомъ разныхъ мелкихъ уловокъ, а въ заключеніе посредствомъ прокапчиванія, и позволяющій дѣйствительно превосходно выдѣланную замшевую шкуру подвергать сырости безъ малѣйшаго вреда. Дѣло въ томъ, что мягкость [вопреки сильнѣйшей стужѣ] и сухость мѣховой одежды составляютъ необходимыя условія для того, чтобы человѣкъ могъ переносить сильнѣйшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этихъ свойствъ, нужно только вдуматься въ противоположную

крайность. Охотник, который захотѣлъ бы лучше уберечь себя отъ мороза при помощи свѣжо-сохраненныхъ шкуръ сѣ.волоней, заснулъ бы, закутавшись, пожалуй прекрасно, но на слѣдующее утро увидѣлъ бы, что безъ чужой помощи безвыходно замерзъ бы въ самыхъ тѣсныхъ оковахъ.

Вотъ почему всѣ сѣверные тщательно снимаютъ все съ себя на ночь, что тѣмъ необходимое, чѣмъ сильнѣе морозъ, которому они наѣрены противостать подъ открытымъ небомъ или въ шалаши. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Такъ просто разбирается непонятное для непосвященнаго въ дѣло наветіе старика Витсена¹⁾, что Самоѣды «werpen hare kleederen des nachts buiten de tente».

Этимъ-то и

по-самоѣд.¹⁾
moggo²⁾.

по-самоѣдски:
baschkô.

по-самоѣдски: moggo²⁾ jaang.
w

Дубильная скребница.

Примѣч. Палка съѣва длиною въ 13 дюймовъ, съ желѣзными концами; средняя палка длиною въ 2 фута, съ желѣзною круглою пластинкою. У Тунгусовъ рукоятка ея была длиннѣе, такъ что она, когда одна нога положена на другую, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняла роль шпального прѣсса, лежащаго на одномъ коленѣ. Палка справа была длиною въ 10 дюймовъ, а согнутое въ видѣ з желѣзо шириною въ 2 дюйма.

¹⁾ Witsen, II, p. 543.

²⁾ На азиатскомъ нарѣчій.

³⁾ Русские поселенцы называли этотъ инструментъ: колдеро.

объясняетсяпревосходная отдѣлка замши у полнорныхъ народовъ.

Я нашелъ даже, что чѣмъ болѣе я удалялся отъ центровъ цивилизаціи въ Сибири, тѣмъ техника дубленія была болѣе развита. Ближе кънимъ, у Остяковъ, Тунгусовъ и Самоѣдовъ, встрѣчался, правда, еще тѣже самые болѣе усовершенствованные инструменты, которые употребляются и Русскими въ Сибири и изображенына прилагаемыхъ рисункахъ.

У Авамской Самоѣдки я купилъ въ Таймырской тундрѣ изображенную винку скребницу первобытнѣйшаго рода. При всемъ томъ дерево было симметрически обдѣлано съ большимъ искусствомъ, чѣмъ вышеозначенные приборы, гладко отполировано и украшено красивымъ узоромъ. Но желѣзо у этихъ людей составляло еще такую большую рѣдкость, что его нельзя было добыть. Вѣсто него обращенная въ лезвіе сторона а была обмазана искусственно приготовленнымъ, чрезвычайно вязкимъ рыбьимъ клеемъ и плотно обставлена остроугольными осколками кремневаго кварца, столь-же острыми какъ обломки стекла.

Не смотря на несовершенство этого инструмента, замшевыя шкуры, выдѣланныя Авамскими Самоѣдами, принадлежали къ самымъ лучшимъ¹⁾. Недостатокъ желѣза у этихъ Самоѣдовъ женщины ихъ замѣняли при дубленіи отчасти привлекательнѣмъ и терпѣннѣмъ въ механической обработкѣ, да неуспѣшнымъ скобленіемъ и треніемъ, отчасти знаніемъ и тщательностью въ дальнѣйшей химической обработкѣ. Европейской техникой, пожалуй, станетъ смѣяться надъ этимъ, но увидѣвъ, какъ печень сѣв. оленя, а затѣмъ и мозгъ его да желтокъ отъ яицъ морскихъ птицъ, сперва тщательно пережевываются мастерицами, при этомъ усердно смачиваются слюною, и уже потомъ употребляются при натираніи и слѣдующемъ за нимъ распариваніи шкуръ, не нужно обладать физиологическими познаніями, чтобы признать важное значеніе чрезвычайно разрыхляющаго дѣйствія слюны при этомъ производствѣ. Участіе, которое наслюнованіе принимаетъ въ перевариваніи пищи, въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ успѣху дубленія. Шкуры смазываются пережеваною кашницею, свертываются и въ такомъ положеніи, въ видѣ подушекъ — очевидно для натрѣванія, необходимаго для броженія — остаются нѣсколько дней. Затѣмъ со шкуры все соскабливаютъ, въ случаѣ надобности снова смазываютъ ее, опять предоставляютъ броженію и т. д. У южныхъ Тунгусокъ я встрѣтилъ такое-же употребленіе жеванія. Отваренную сначала печень жууютъ, а потомъ про запастъ либо стгунуютъ, когда предстоитъ теплая погода, либо сохраняютъ замороженною.

Замшевую кожу дубятъ мозгомъ, а замшевую шкуру (покрытую волосами) печеню. Маленькія шкурки, напр. съ ногъ выхухоли, скоблятся, потомъ сшиваются и затѣмъ уже дубятся.

Но возвратимся къ рассмотрѣнію моды, о которой начали говорить, и прежде всего укажемъ на то, что нами утрачены многія принадлежности покроя и наряда, которыми были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ, въ дѣлѣ необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напому объ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ при стужѣ, доходящей до за-

¹⁾ Уже при первомъ знакомствѣ съ Европейцами, Самоѣды отличались именно этимъ. Müller, Samml. Ross. Gesch. III, p. 537.

мерзая ртуть. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, прача ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другого, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ общій мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ. Нашимъ Эстамъ такіе мѣшки часто могли бы очень пригодиться.

Другой примѣръ представляетъ употреблявшееся также нашими предками дѣланіе теплѣншихъ штановъ на двѣ части, которое и въ настоящее время положительно было бы полезно нашему сельскому работнику, нашимъ сельскимъ хозяевамъ, дѣвничимъ и любителямъ охоты. Въ центральныхъ горахъ Европы такое дробленіе штановъ [«Beinhöls» и «Gasshose»], благодаря своей практичности, удержалось до сихъ поръ. Ту часть штановъ, которая служитъ набедреннымъ футляромъ¹⁾, мы уже изобразили на стр. 639); другую часть составляютъ туловищные штаны (см. прилагаемый рисунокъ), къ которымъ привязываются набедренные штаны.

Въ глубокомъ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ мы вскорѣ ознакомились съ необыкновенно выгодною такою двоенію, потому что даже при 15—20 градусахъ холода, во время труднаго перехода, еще до вечера наши кофта были промочены и намъ приходилось сушить прикрывавшую ихъ одежду, чтобы не лишиться способности продолжать странствованіе. Мягкіе смазные сапоги прибрежныхъ жителей сѣверныхъ мо-

Тулупищные штаны Тугуса.

рей²⁾, долготѣ служившіе намъ превосходно, оказались совершенно негодными для такихъ прогулокъ въ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ.

Заговоривши о двойственномъ дѣленіи, считая нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ такомъ двоеніи, также ока-

1) Мы встрѣчаемъ его и у Североамериканцевъ подъ мѣстнымъ названіемъ «leggin». Тугусы называли его *кюппо*.

2) Сары Якутовъ, у которыхъ Верхоянскіе пользуются особенно извѣстностью. Большею частью они сдѣланы изъ домашней шкуры, только на половину дублены, очень сильно пропитаны ворванью и за тѣмъ прокопчены. Такъ какъ у нихъ, какъ и у всей остальной обуви коченниковъ, мѣтиса подошвы, сдѣланныя изъ такой же кожи, то ихъ рѣдко носятъ осенью; но прибрежныхъ угасахъ и сѣверныхъ горахъ они часто держатся лишь

одинъ день. При отличной легкости и плотности, они тѣмъ не хороши, что пропитываются влагою, промоши растягиваются къ половину, и слишкомъ скользятъ на мокрой травѣ или илѣ. Лучшіе сары выдѣляютъ, говорятъ, изъ шкуры двухгодичныхъ коровъ.

Впрочемъ легкую и при всемъ томъ тихую, крадутую походку коченниковъ очевидно сдѣдуетъ приписать ихъ обуви, которая позволяетъ подкрадываться къ дичи, и въ то же время выжидать носшаго эту обувь обративъ вниманіе къ ней и на что она наступитъ и всегда быть готовымъ, въ случаѣ непергоднаго шага, немедленно перенести центр тяжести тѣла на другую ногу.

зываются полезным. Я разумно рукавицу у южных Тунгусов, которая устроена так, что часть, прикрывающая большой палец, составляет положительную оппозицию второй части прикрытия пальцев. Указательный палец часто перебивается на помощь большому. Схватывание и удерживание предмета облегчается этою клещеобразною формою. Разрѣз въ основаніи части, прикрывающей большой палецъ, это такое придуманное полярными народами средство, которымъ ученый, обязанный дѣлать разнаго рода тонкія наблюденія, топографическія съемки и т. д., не можетъ нахвалиться. Къ счастью, кочевникъ, которому постоянно приходится возиться съ упругою и сѣдельнымъ приборомъ, также вынужденъ, при сильнѣйшихъ морозахъ, выставлять на мгновение голые пальцы¹⁾. Можно тотчасъ-же опять спрятать ихъ, благодаря этому разрѣзу, который, будучи густо обшитъ мѣховою опушкой, тѣмъ лучше заграждаетъ путь морозу, тѣмъ больше сдвинуть стѣбу руки. У Самоѣдовъ рукавицы составляютъ неразрѣнное продолженіе рукавовъ, къ которымъ онѣ пришиты, такъ что часто Самоѣды представляютъ забавную позу, когда вытаскиваютъ обѣ руки изъ рукавовъ, чтобы согрѣть ихъ въ полномъ мѣшкѣ тулуна, а рукава стоятъ оттопырившись отъ туловища.

Послѣ разныхъ замѣтокъ, вызванныхъ разсмотрѣніемъ практической стороны моды, я возвращаюсь къ модѣ, вызванной роскошью. Удивительно какъ глубоко засѣло эстетическое чувство уже въ первобытномъ человѣкѣ, хотя сначала оно и высказывается только въ раз-

Новая рукавица Ингидальскихъ Тунгусовъ.

украшиваніи одежды. Оно тѣмъ болѣе удивительно, что къ кочевнику вообще, а въ особенности полярному, никакъ нельзя приложить цивилизаціонный масштабъ употребленія мыла. Онъ еще живетъ въ Гомеровскомъ періодѣ, и незнакомъ съ мыломъ, а знаетъ развѣ только щелочное мытье, употребляемое Алеутами, Коряками, сѣверо-западными Американцами и Готтентоттами²⁾. Даже у Европейца, прилжающаго въ его пустыни, очень скоро исчезаетъ охота мыться въ теченіи продолжительной зимней подо-

¹⁾ У Забайкальскихъ охотниковъ я нашелъ, что для облегченія такихъ манипуляцій, вмѣсто теплыхъ рукавицъ, употреблялся при длинныхъ рукавахъ роликъ изъ сосноватрѣвелей изъ пушистаго мѣха (затѣчка), какъ бы

мѣховое кольцо, прикрывавшее всю ладню пальчиков. Оно очень практично.

²⁾ Щелочные растворы, выделяемые ихъ собственными мочевыми органами.

вины года. При такой грязи, от которой немывыла физиономія часто, а мытыя уже непременно, низачто не узнаешь, женщины каждую свободную минуту посвящают не только убористу своего собственного и дѣтскаго наряда, но и наряжанію мушницъ своего племени. Между тѣмъ вслѣдствіе извѣстно, что тамъ на женщинахъ и такъ уже лежитъ рабское бремя безконечныхъ домашнихъ хлопотъ, между тѣмъ какъ мушница считаетъ своею обязанностью только изготовлять деревянную посуду и приборы для ловли животныхъ, пасты стада, заниматься охотою и рыболовствомъ. Дѣло доходить до того, что пріятель мой Тойчумъ, князецъ Асинскихъ Самоѣдовъ, при всемъ уваженіи, которое онъ мнѣ оказывалъ, все-таки считалъ меня и моихъ спутниковъ весьма несчастными людьми, находившимися въ неслыханной бѣдѣ, потому что обязаны были заботиться о своемъ хозяйствѣ. Указавъ мѣсто привала и отпустивъ свѣ. оленей, везшихъ его, онъ не выходилъ изъ своихъ саней. Какъ онъ, такъ и остальные мушницы орды сидѣли совершенно равнодушно, преспокоенные чувствомъ собственного достоинства, не шевелили ни однимъ пальцемъ, хотя женщины въ это время выбивались изъ всѣхъ силъ и иной разъ казались сомнительнымъ, удастся ли имъ, при установкѣ шалашей, совладать съ свирѣпою борьбою мощныхъ стихій. Распределеніе труда въ тундрѣ разграничено, правда, до того, что женщина никогда не входила и не смѣетъ входить въ лодку.

Какъ бы свирѣпо погода ни бушевала, женщина, уставивъ сначала шалашу, должна отправиться за льдомъ для котла, должна набрать охапку кроющагося подъ снѣгомъ малорослыхъ ивъ, самое жалкое изъ всѣхъ топливъ, или расколоть на дрова привезенные пни. Кончилась странья, начинаются безустальное иличчанье дѣтей, выколачиваніе, сушка и починка сильно поврежденныхъ стѣнокъ чума, одежды, а въ особенности обуви, заготовленіе впрокъ рыбы и мяса на безконечно долгую зиму и т. д. Каждая свободная минута употребляется на дубленіе неотдѣланныхъ шкуръ, и хотя вездѣ проглядываетъ Эваа, но все-таки я скорѣе готовъ сообщаемый Гофманомъ фактъ¹⁾ истолковать въ пользу чрезвычайнаго прилежанія жены кочевника, чѣмъ выставить на видъ искусство этихъ женщинъ притворяться.

Едва горитъ огонекъ среди зимней полярной ночи; чадъ и дымъ вылетаютъ изъ полусухаго, гнилагаго топлива и затемняютъ свѣтъ въ чумѣ. Слезы безостановочно струятся изъ воспаленныхъ глазъ, а женщина сидитъ лицомъ къ огню, выкраиваетъ лоскутокъ за лоскуткомъ по красивому узору, сортируетъ волосы по цвѣтамъ, прицѣпляетъ разные мелкія привѣсочки и кисточки, красить и шить, сшиваетъ и вышиваетъ, называетъ

¹⁾ Rae-Choi und das Uralgebirge, p. 105. Гофманъ говоритъ, что Самоѣдскія женщины считаютъ стыдомъ, если ихъ застанутъ безъ дѣла, хотя у нихъ въ сущности страсть къ бездѣлничанью также велика, какъ у мушницъ. Когда въ продолженіи Гофманъ, неожиданно войдетъ въ чумъ или юрту, то женщины немедленно принимаются за первую попавшуюся подъ руки ра-

боту и такъ усердно перебираютъ руками, какъ будто онѣ все время были заняты и работаютъ отъ всей души. Обыкновенно онѣ принимаются за дубленіе, растираніе руками кусокъ шкуры. Случалось намъ иногда прилаживать къ юртѣ полено, когда обитатели его уже спали. Еще въ темнотѣ женщины скатывали кусокъ шкуры и т. д.

бисеринку за бисеринкой на самодельных нитки, которая она съумела расщепить и сплести из сухих жлоков сѣв. оленя.

Не туфли, не подушечку для дивана вышивает она въ досужій часокъ, при яркомъ освѣщеніи, портя глаза, и не по купленному, на половину уже готовому образцу. Нѣтъ, не довольствуется Тунгуска однимъ кистетомъ, а ридитъ съ головы до ногъ всѣхъ дорогихъ ея сердцу, да и самое себя, въ великолѣпнѣйшее, блистательнѣйшее шитье. Что значать въ сравненіи съ ними произведенія нашихъ наемныхъ изготовителей нарядовъ? самые блестящіе костюмы или парадные мундиры нашихъ самыхъ щегольскихъ гвардейцевъ? Развѣ еще камергеръ можетъ сравниться съ наряднымъ Тунгусомъ, потому что и у него шитье таяется по запретной части тѣла¹⁾.

Теперь взглянемъ еще разъ на дѣло и посмотримъ на жертвующую собою мидетку, которая сама никогда не моется и одежда которой, когда чумъ долго запертъ, до такой степени наполняетъ его рѣзкимъ кислымъ запахомъ, что даже вонючіе Китайцы прозвали эти народы «вонючими Татарами»²⁾. Въ какомъ видѣ она представляетъ себѣ божество, управляющее ея судьбою? въ какія формы и краски облакаетъ она это высшее проявленіе человѣческой силы воображенія?

Два ниже изображенныхъ идола Асиинскихъ Самоѣдовъ сами пусть отвѣтятъ на эти вопросы.

Божество Асиинскихъ Самоѣдовъ въ видѣ сѣв. оленя.

Грубая фигура этого божественнаго сѣв. оленя³⁾, вѣланъ съ жертвеннаго мѣста на р. Таймырѣ, была сдѣлана изъ дерева лиственницы. Передняя темная точка, отверстіе отъ выпавшаго сучка, изображала глаза. Несколько выше и позади ея была просверлена дыра, въ которую очевидно продѣто было подражаніе рогамъ. Лопатки, ребра и тазъ принадлежать къ наиболѣе удачнымъ частямъ этого художественнаго произведенія.

Другой идолъ, домашній божокъ, котораго я привезъ отъ Таймырскихъ Самоѣдовъ, изображенъ на слѣдующей страницѣ съ двухъ сторонъ.

¹⁾ Справ. по типажу въ главѣ о Тунгусахъ.

²⁾ Tso-la-Dze, по Гюку. Voyage I, стр. 63.

³⁾ Справ. Castrén, Reiseberichte und Briefe, стр. 179 его ина Näm.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

и 168. Сѣверные Самоѣды даютъ божеству зингетъ «стража сѣв. оленя», опасаясь употребить во зло настоящее его имя Näm.

Это кусок лиственничного дерева, воплощенный шаманомъ (Loi или духъ¹⁾), который опирающемуся на него старику, страдавшему каменною болезнью, долженъ былъ служить талисманомъ противъ другихъ злѣйшихъ страданій. Верхній конецъ составляетъ голову, чрезвычайно грубо вырѣзанную, съ обычнымъ заострениемъ темени. Двѣ голубыя стекляныя бусы, играющія роль глазъ, придаютъ ему видъ какого-то привидѣнія. Нѣсколько ниже помѣщена жесткая фигура, которая должна изображать сѣв. оленя; съ противоположной стороны палки ему соответствуютъ какія-то очертанія лица. Старикъ крѣпко держалъ своего домашняго божка. Только мои увѣренія, что нужно сжечь этотъ шаманскій талисманъ, прежде чѣмъ можетъ подействовать мое средство — лѣкарство высшаго шамана, за котораго меня принимали, передали это сокровище въ мои руки.

Какую непростительную свободу позволила себѣ фантазія благочестивыхъ художниковъ при изображеніи этихъ божествъ; какъ мучительно-аккуратно, напротивъ того, тутъ-же действовала мода; какъ образовательно она вынудила неотесаннаго дикаря выдти изъ грубого, первобытнаго состоянія.

Ни выборъ покроя, ни выборъ матеріала и цвѣта она не предоставила свободной фантазіи дикаря; будь баснословнаго въ глазахъ

Самойдскій домашній божокъ.

полярнаго Самоѣда, никогда не виданнаго имъ животнаго. Съ всеподавляющимъ депрессивомъ мода даже въ первобытной глуши все предусмотрѣла, все въ точности установила. Горе тому, кто бы рѣшился пренебречь ея требованіями: горе ему въ Европѣ, горе и въ Азій!

Уже издали узнаешь длиноволосяго, растрепаннаго Самоѣда по его кокардѣ. Надо лбомъ, на мѣховой его шапкѣ, торчитъ хвостикъ сѣв. оленя, несомнѣнно отличающій его отъ сосѣда Юрка. Жена его спереди, сверху до низу, покрыта, какъ броней, болтающимися, блистающими щитками изъ мѣдныхъ пластинокъ. Совершенно иначе одѣвается Тунгусъ съ своей косичкой; на другой задъ наряжаются также Якутъ и жена его.

Тутъ кормятся черныя и бѣлыя собаченки особаго рода, единственно съ тою цѣлю, чтобы украсить шапку Самоѣдки длинными, жесткими волосами, дико развѣвающимися вокругъ косматой, черноволосой головы; тамъ для украшенія нѣкоторыхъ частей наряда выше всего цѣнятся шкура какого-ни-

¹⁾ Справ. Castrén, Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 169.

ного¹⁾, напр. козы, лошади или жеребенка; въ другомъ мѣстѣ шерсть рососахи или доскутокъ рысей шкуры составляетъ такую необходимую принадлежность известной части одежды, что мѣха ихъ продаются по непомѣрно-высокимъ цѣнамъ.

При вышиваніи не только узоры, но и цвѣтъ бусъ подчинены совершенно опредѣленнымъ правиламъ. Какъ въ торговлѣ съ сѣверо-американскими туземцами вскорѣ оказалось, что для кушаковъ-вампумъ требуются черныя и бѣлыя бусы, такъ мы читаемъ уже въ прошломъ столѣтіи²⁾, что Якутамъ нужны были бѣлыя, синія и черныя, Буратамъ красныя, Тунгусамъ зеленыя стеклянныя бусы. Это тѣмъ болѣе странно, что къ моему удивленію я убѣдился въ почти невѣроятной неспособности Самоѣдовъ и Тунгусовъ отличать известные цвѣта. Объ этомъ уже говорено акад. Шифнеромъ, на основаніи собранныхъ мною перечней словъ³⁾. Не только у Самоѣдовъ желтый, зеленый и синій цвѣта нерѣдко обозначаются однимъ названіемъ, но и у южныхъ Тунгусовъ встрѣтить неумѣне отличать близко сходные между собою цвѣта. Я не могу согласиться съ акад. Шифнеромъ въ томъ, что такое отсутствіе способности различать цвѣта происходитъ отъ недостатка упражненія въ распознаваніи цвѣтовъ. Тунгусъ обмыпанъ стекларусомъ разныхъ цвѣтовъ, со вкусомъ названнымъ его женою. Вопросъ, почему эта неспособность различать цвѣта, довольно часто встрѣчающаяся въ Европѣ у отдѣльныхъ личностей, составляетъ почти всеобщую принадлежность первобытныхъ народовъ, вопросъ этотъ требуетъ ближайшаго изслѣдованія; можетъ быть причина явленія, при необыкновенной дальновзоркости этихъ людей, заключается въ несовершенствѣ хроматинъ глаза. Они въ состояніи отличать, послѣ долгаго раздумыванія, только самыя яркіе тоны упомянутыхъ цвѣтовъ. Всѣ темноватыя цвѣта они называютъ просто «чернымъ». Сначала я потѣшался надъ ними, когда они, разсматривая мою таблицу цвѣтовъ, не умѣли отличать положительно желтый цвѣтъ ни отъ синяго, ни отъ зеленого, не говорю уже о неумѣніи отличать другъ отъ друга оба послѣднихъ цвѣта; но впоследствии я пересталъ осмѣивать такія явленія, потому что даже мои добродушные и веселые Самоѣды не на шутку обижались этимъ.

И такъ, всѣ требованія моды искони установились на неумолимо твердыхъ основахъ. Богоподобная, безсмертная мода, прости, что я такъ часто хулилъ тебя! Ты неоспоримо древнѣйшаго, самоѣдско-тунгусскаго происхожденія, несомнѣнно созданіе небесной милости. Кто рѣшался сомнѣваться въ этомъ, тотъ пусть взглянетъ на помѣщенные ниже политинажи, на которыхъ изображены нѣкоторыя одежды Самоѣдовъ, Тунгусовъ и Якутовъ, да сравнитъ ихъ съ идолами на предыдущей страницѣ. Табл. XV-ая иѣм. илл.

¹⁾ Мой бараній тулукъ я выказывалъ за медвѣжью шкуру. Другая моя на глубоконъ сѣверѣ съ ужасомъ разсматривала его. — Во времена Витсена (II, стр. 432, 433) Остани цѣнили собачій мехъ выше собача и украсили собачью шубу собачьимъ мехомъ.

²⁾ Muller, Sammlung Russisch. Geschichte, III, стр. 491, 489.

³⁾ Castrén's Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, 1835, p. XIX.

рис. 2-ой, также показывает нам, какъ красиво Самоѣдка убрываетъ сайдакъ своего мужа, какъ Долганка, посредствомъ чрезвычайно красиво составленной привѣски, старается удержать свою плотно-обмотанную косу въ надлежащемъ положеніи. По рис. 1-ый, на той-же таблицѣ, можетъ служить намъ доказательствомъ (въ сравненіи съ чисто-самоѣдскимъ кафтаномъ, изображеннымъ въ главѣ о Самоѣдахъ), до чего можетъ довести вкусъ, если первобытная мода столкнется съ цивилизаціей. Впрочемъ легко можетъ статься, что этотъ тудупъ самоѣдскаго старшины не гермафродитъ, а только подражаніе европейскому образцу. Можетъ быть, такой видъ имѣли въ прошломъ столѣтіи почетные кафтаны, которые раздавались Москвою знатѣйшимъ вождямъ туземцевъ и описывались коротенькою саблею, какъ мнѣ самому привелось видѣть это на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ. Въ нашъ вѣкъ Петербургъ высылалъ туда красные кафтаны, обшитые золотыми галунами. На темномъ грязномъ фонѣ туземцевъ, при вспыхивающихъ огонькахъ въ шалашѣ, такой парадный нарядъ напоминалъ появленіе Саміела на нашихъ сценахъ ¹⁾.

Отъ бубенчиковъ, которыми Самоѣдки убрываютъ свои косы, да отъ параднаго украшенія, которымъ служитъ Тунгускамъ изображенная на табл. XV-ой привѣска къ косѣ, наши дамы, правда, изволили отказаться; но цвѣтъ человѣческаго чувства изначальна, наши образованныя дамы все еще уродуютъ свое тѣло привѣшиваніемъ серегъ. Непонятно, почему имъ угодно такъ упорно отставать отъ нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ въ томъ отношеніи, что онѣ не просервиваютъ для подобныхъ привѣсокъ, если не губу, то по крайней мѣрѣ стѣнку между ноздрями, какъ это дѣлаютъ Гольдскія Тунгуски на Амурѣ. Въ виду этого, право, удивительно, что и сибирскіе туземцы татуируютъ себя.

У чванливыхъ, любящихъ наряжаться, Тунгусовъ я неоднократно встрѣчалъ татуированныя лица. Фигуры вытраиваются тоже по однажды установленному образцу, какъ это видно на табл. IV-ой. Уже со времени первыхъ этнографическихъ изслѣдованій Сибири имѣются извѣстія о татуированіи Тунгусовъ и о томъ, что оно производится посредствомъ шитья ²⁾. Очевидно, оно проникло изъ южной Азіи и съ береговъ Тихаго Океана въ самыя сѣверныя страны. Уже Марко Поло ³⁾, говоря о татуированіи, называлъ его индійскимъ искусствомъ. Странно только то, что, не смотря на плотное укутываніе тѣла въ полярныхъ странахъ, фигуры, непосредственно и неизгладимо вытрав-

¹⁾ Такіе парадные наряды неоднократно испрошались для тѣхъ туземцевъ, которыхъ, въ угоду ихъ тщеславію, удавалось убѣдить сначала подарить на государственныя надобности нѣсколько сохъ съѣ. одежды. Считаю не лишнимъ замѣтить, что однихъ изъ такихъ шедрыхъ жертвователей успѣлъ совершенно обдѣлать, прежде чѣмъ ему могъ быть присланъ парадный кафтанъ. Ничѣмъ нельзя было убѣдить честнаго козаченка принять этотъ кафтанъ. Такой важный нарядъ, говорилъ

онъ, назначенъ великимъ государемъ богачу. Я (бѣдникъ) въ теперешнемъ своемъ положеніи не имѣю осквернить эту державную волю.

²⁾ Gmelin, Reise I, p. 358. Das veränderte Russland, 1774, I, p. 164. Кастренъ (Reiseber, p. 221) встрѣтилъ татуированныхъ Тунгусовъ на Сямѣ.

³⁾ Butsch, Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, p. 498.

ленные на кожу, все-таки проложили себе путь ко всем народам глубокого сѣвера. Татуируются не только сѣверо-американскіе Индейцы, жители Кадьяка ¹⁾, Алеуты и Чукчи ²⁾, но даже Эскимосы въ Committee-Bay, и притомъ послѣдніе до единаго ³⁾.

Тѣмъ болѣе татуированіе въ Сибири нельзя считать особенностью однихъ Тунгусовъ. На р. Новой я видѣлъ татуированную Самоѣдку ⁴⁾; у Остаконъ ⁵⁾ и Якутовъ ⁶⁾ также встрѣчали татуированныхъ. Но у упомянутой Самоѣдки татуировано было не лицо, а рука. Вдоль поверхностной кровопускательной вены, наискось снаружи и сверху, во внутри и кнаружи, слѣдовали три кругловатыхъ пятна, сопровождавшіяся двумя другими, неправильно размѣщенными пятнами. Операция произведена была въ ранней молодости, посредствомъ ишиванія скрученной изъ жилы нитки, намазанной углемъ. Ишиваніе это, какъ незначительно оно ни было, сопровождалось сильною краснотой и опухолью.

Татуированіе мало по малу, кажется, начинаетъ все болѣе выходить изъ употребленія, прежде же производилось чаще и во всякомъ случаѣ распространено было между всеми народами. Съ завоеваніемъ Сибири должна была также наступить новая эра и въ отношеніи одежды. Туземцамъ, рѣдкимъ прежде въ мѣха соболей и выдръ, пришлось совершенно отказаться отъ такихъ дорогихъ мѣховъ ⁷⁾. Уже во времена Стеллера ⁸⁾, Камчадалы все носили рубашки. Въ мое время додумались до нихъ, или даже до зипуновъ, только самые богатые Якуты и Тунгусы. Теперь, вѣроятно, все это уже опять совершенно измѣнилось, потому что сбытъ товаровъ въ безпредѣльныхъ азіатскія страны чрезвычайно усиливается.

Доселѣ мы разсматривали вліяніе моды и видѣли, что корень ея пускаетъ живѣйшіе побѣги въ продолженіи грубѣйшаго, первобытнаго состоянія человѣка. Цивилизація усиленно чрезвычайно разнообразно видоизмѣняетъ и художественно развиваетъ первобытныя моды, но не преминула вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усилить дурачества первобытнаго моды.

Взглянемъ еще на нѣкоторыя первобытныя явленія, заслуживающія, кажется, вниманія.

Въ тѣсномъ помѣщеніи Тойчумоваго чума сѣмьѣли размѣститься 18 человѣкъ, старыхъ и молодыхъ. Между ними было восемь женщинъ, и при всемъ томъ тутъ, гдѣ нельзя было шевельнуть локтемъ, не затронувъ сосѣда, царило величайшее согласіе. Даже въ высшей степени рѣзвымъ дѣтямъ, которыхъ чрезвычайно рѣдко наказывали, нельзя было возбудить ссоры между матерями, къ большому стыду культурнаго человѣка. Но

¹⁾ Впрочемъ уже Лисевскій, Путеш. II, стр. 74, говорилъ, что тамъ начало выводитися татуированіе.

²⁾ Сарычевъ, Путеш. II, стр. 110, 126.

³⁾ Вае, р. 39, 58.

⁴⁾ У европейскій Самоѣдокъ Ал. Шренкъ (I, р. 186) не нашлось никакихъ слѣдовъ татуированія.

⁵⁾ Сибир. Вѣстн. IV, стр. 43. — Pallas, Reise III, р. 41. — Ermann, I, 638; II, 36.

⁶⁾ Gmelin, Reise I, р. 70, съ рисункомъ.

⁷⁾ Въ сѣв.-западной Америкѣ Загоскинъ (Панжолдья ошесъ, I, стр. 172) еще полстолѣтія тому назадъ, засталъ у туземцевъ одежду изъ собольихъ и выдровыхъ шкуръ.

⁸⁾ Kamtschatka, р. 308.

уже и тутъ это счастливое состояніе общественнаго строя одержимо порожденіями коммунизма, мечты котораго Асиныцы осуществили посредствомъ несчастной долевои системы ¹⁾, равно какъ и тѣмъ, что у нихъ самый жалкій бѣднякъ и самый великій богачъ вели совершенно одинаковый образъ жизни. Гольшигъ живетъ на счетъ богача, а богачъ, у котораго нѣсколько тысячъ сѣв. оленей и который, по нашимъ понятіямъ, капиталистъ, живетъ ничѣмъ нелучше любого нищаго земляка своего. А все-таки богачъ имѣеть то преимущество передъ нимъ, что въ плохія времена онъ не умретъ съ голоду, потому что при всемъ коммунизмѣ и при всемъ первобытномъ гостепріимствѣ являются и для нихъ нѣкоторыя, и притомъ весьма тѣсныя ограниченія, какъ скоро распространится паника всеобщаго бѣдствія и голодная смерть грозитъ прикрыты своимъ саваномъ не только того или другаго, а цѣлыя племена. Стада самаго богатаго хозяина быстро уменьшаются, какъ только началось бѣдствіе и кто въ нынѣшнемъ году насчитываетъ нѣсколько тысячъ головъ, у того на слѣдующій годъ, можетъ быть, не будетъ ни одной, если наступитъ безпопашный надеждъ. Не смотря на такія превратности судьбы, Самоѣды и Якуты обозначаютъ качества «бѣдный» и «дурной» однимъ и тѣмъ-же словомъ. Какъ это знаменательно! ²⁾.

До какой степени въ нашемъ общественномъ строѣ многое обусловливается только условнымъ приличіемъ, это вскорѣ можно подмѣтить въ самоѣдскомъ чумѣ: гдѣ 18 человекѣмъ обоего пола, да еще нѣсколькимъ гостямъ, собакамъ, разнымъ приборамъ, очагу и т. д. приходится умѣститься въ чумѣ, имѣющемъ 3 саж. въ поперечникѣ, и непогода часто нѣсколько дней сряду не позволяетъ выходить изъ чума, гдѣ, кромѣ необходимости самымъ тщательнымъ образомъ осушать нижнее платье, насѣкомыя заставляютъ при каждомъ случаѣ снимать тулупъ, какъ только огонь въ чумѣ разгорится сильнѣе, тамъ не можетъ быть рѣчи о стылдности въ европейскомъ смыслѣ. Что въ этомъ отношеніи дѣти кочевниковъ нѣсколько опередили деревенскую молодежь Европы, это само собою разумѣется. Но меня удивилъ оригинальный способъ выговора, сдѣланнаго мнѣ Тунгусомъ. Нашъ чумъ былъ наполненъ гостями, которыхъ я угощалъ чаемъ. При коверканіи злыка я, говоря о дочери главнаго гостя, стоявшей возлѣ него, сдѣлалъ промахъ и произнесъ слово сынъ. Не долго думая, отецъ отдернулъ занавѣсъ, чтобы зоологически наглядно доказать мнѣ передъ всей почтенной компаніей, на сколько жестоко я ошибаюсь.

Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть ничто несравненно худшее, а именно какъ Тунгусскій мальчикъ, передъ цѣлымъ обществомъ, успокаивалъ плакавшаго въ люлькѣ брата своего на манеръ иныхъ негодныхъ кормилицъ и нянекъ, — обстоятельство, заставившее филозога сильно призадуматься, такъ какъ при всемъ томъ мнѣ нѣредко встрѣчались между Тунгусами престарѣлые отцы грудныхъ дѣтей (срав. главу о Тунгусахъ)

¹⁾ См. ниже въ главѣ объ Асиныцахъ.

²⁾ Ничто подобное встрѣчается также въ остскомъ, и даже въ шведскомъ злыкѣ («дурной народокъ».)

Между тѣмъ Тунгуски часто долго чванились, прежде нежели мнѣ удавалось упротить ихъ, чтобы они мнѣ сѣли пѣсно. Tout comme chez nous. Но, рѣшившись наконецъ пѣть послѣ долгаго хихиканія, онѣ совершенно простоудшно высказывали слова и мысли, которая перо мое отказывается переводить. А при всемъ томъ сколько смысла въ тунгускомъ преданіи, по которому названіе крутой скалистой стѣны Сыррадждокъ, въ основаніи Тургурскаго залива, производится отъ имени чрезвычайно искусной въ вышиваніи Тунгуски. Она и сестра ея (говорить это преданіе), подобно другимъ дѣвушкамъ того-же племени, обыкновенно занимались шитьемъ на упомянутой скалѣ, представляющей такую веселую, дальнюю перспективу. Однажды, расположившись на скалѣ, старшая сестра шла какъ-то дѣвно, цѣла пѣсни и поглядывала на море. Будучи спрошена младшею сестрою, чтѣ съ нею, она поцѣловала ее вмѣсто всякаго отвѣта, поручила ей много поклоновъ и бросилась въ море.

Это единственный проблескъ мысли о самоубійствѣ, который мнѣ удалось открыть у сибирскихъ туземцевъ.

На перекоръ-же сказанному отсутствію стыдливости, горе той самоѣдской дѣвушкѣ, которая, перемѣняя обувь, выкажетъ свою босую ногу ¹⁾. Самоѣдка и краснѣетъ до такой степени, что волненіе ея просвѣчиваетъ даже сквозь слой грязи въ палецъ толщины. Это проявленіе краски и чувство, служащее ему основою, весьма естественно и неразрывно связано съ неутомимымъ бѣшеніемъ сердца. Эта стыдливость относительно него совершенно условна, и ничуть не менѣе условна, чѣмъ наше отвращеніе отъ лошадиного мяса или нѣсколько не предосудительное въ чужомъ быту проявленіе чистоплотности Самоѣдки, которая кончикъ своего языка, необыкновенно искусно, пропускаетъ не только по верхней губѣ, но и глубоко въ ноздри своего сопливаго любимца, чтобы очистить ихъ; ничуть не менѣе условна, чѣмъ усиленіе того «пожиранія» и щелканія, о которомъ говорится въ главѣ о Самоѣдахъ по случаю изображенной тамъ спинной скребицы, до степени внимательнаго поднесенія отъ жены мужу ²⁾, или чѣмъ наше упорное сопротивленіе бѣть мясо сѣв. оленей, задушенныхъ на самоѣдскій ладъ, при чемъ Окѣ мнѣ замѣтилъ совершенно справедливо: «вѣдь вы же ѣдите птицъ и рыбъ, пойманныхъ въ сѣтахъ и силкахъ»; не менѣе условна, чѣмъ старинная сыновья облазанность у Чукчей, отправлять роднаго отца, по его желанію, на тотъ свѣтъ, когда онъ состарится и соскучится жизнью; наконецъ не менѣе условна, чѣмъ свѣтскость Долгана, который уже слышалъ, что Европейцы считаютъ мокроты нечистою, и, разговаривая со мною, высокопочтеннымъ, непосредственнымъ посланцемъ изъ столицы солнцеподобно воссѣдающаго на престолѣ самодержца, всю всей силой харкаетъ въ руку и держитъ въ ней нечистоту, чтобы укрыть ее отъ моихъ глазъ.

Потому именно, что онъ слышалъ, чтѣ прилично и чтѣ неприлично, тотъ-же Долганъ уже умѣлъ принимать со скромною благодарностію то, что я ему давалъ въ изоби-

¹⁾ Почему именно ногу? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ даятъ, можетъ быть, стр. 639.

²⁾ Prinz Max, Reise II, p. 128. — Вѣдь нѣсколько столѣтій тому назадъ Phitirophagi жили въ нашей теперешней Европейской Россіи.

ли, и не быть назойливымъ, между тѣмъ какъ Самоѣды — эта нищенствующая братія вѣчно сытыхъ и ненасытныхъ — подобно избалованнымъ дѣтямъ, становились все требовательнѣе, все безстыднѣе, чѣмъ больше я имъ давалъ.

Но эти-же ненасытные, которые, въ моемъ присутствіи, передъ боченкомъ съ водкой предавались звѣрской необузданности ¹⁾, съ непоколебимою твердостью не поддавались искушенію, когда я, отправившись на нѣсколько мѣсяцевъ къ полюсу, оставилъ тотъ-же боченокъ, и бутылки, открыто и безъ присмотра на тундрѣ. Той-чумъ былъ правъ, увѣряя меня, что мнѣ нечего опасаться какого бы то ни было похищенія и совѣту вспомнить, что съ той лодки, которую я осматривалъ и которая, какъ я ему говорить, выброшена на тундру уже сто лѣтъ тому назадъ, не взять ни одинъ гвоздь, потому что это собственность солнцезарнаго царя. Между тѣмъ, еще въ мое время, для самыхъ сѣверныхъ Самоѣдовъ гвозди, и вообще желѣзо, были дороже лучшаго золота.

Откуда же у этихъ бѣдняковъ, необузданно предающихся своимъ страстямъ и алчности, является такая образцовая честность? Откуда берется эта сила самообладанія рядомъ съ такими дѣтскими выходками? Откуда столько правдивости, столько вѣры и довѣрія, такое точное исполненіе данного обѣщанія?

Какъ часто мнѣ приходилось убѣждаться въ послѣднемъ, хотя стихій напускали на слабого человѣка цѣлый рой своихъ фурий: въ такихъ случаяхъ, казалось, сверхъестественныя силы непогѣтъ такъ и направлялись служить отговоркою.

Означенные вопросы, кажется мнѣ, чрезвычайно важны какъ для государственныхъ людей, такъ и для друзей человѣчества. Безъ сомнѣнія, недостаточно предположить, что перечисленные выше добродѣтели основаны единственно на прирожденномъ нравственнымъ чувствѣ, т. е. такъ сказать на инстинктѣ, и на вытекающемъ изъ ежедневной общественной жизни ученіи, что безъ честности и довѣрія, безъ неприкосновенности собственности, не возможно существовать при всѣхъ коммунистически-гостеприимныхъ обычаяхъ. Это заставляло бы предполагать необыкновенную твердость характера, который у Самоѣда, дѣтски-предполагающаго мигушное влеченію, не достаетъ.

Скорѣе можно, да и необходимо предположить, что въ еще болѣе грубая времена самой первобытной жизни, когда не только старшина, но и каждая глава семейства по своему усмотрѣнію располагалъ жизнью и смертью своихъ приближенныхъ, установлены были такіа тяжкія и немедленные наказанія за проступки противъ истины и честности, за ложь и воровство, что боязни совершить такіе проступки не только путемъ преданія искоренила ихъ, но и мало по малу перешла въ плоть и кровь людей. Съ этимъ выраженіемъ мнѣ иной скептикъ все-таки, можетъ быть, согласится, если и для примѣра укажу на перостепенно-породистую лядавую собаку, которая по наследственно перешедшей на нее, второй, т. е. привитой, природѣ, не шевелась, стоятъ передъ дичью и къ досадѣ охотника, при сильнѣйшемъ истощеніи, ни за что не станутъ ѣсть костей дичи, если бы даже онѣ были поджарены на маслѣ. Оба эти качества никакъ не могли быть прирожденными

¹⁾ Срав. главу о Самоѣдахъ.

свойствами ея со время первобытныхъ порядковъ, иначе она бы съдохла съ голоду и вымерла окончательно.

Я могу привести еще другое убѣдительное доказательство изъ настоящаго быта нашего края. Еще недавно въ нашихъ губерніяхъ полевое и луговое воровство было, можно сказать, совершенно неслыханное явленіе, даже тамъ, гдѣ лѣсъ, жезлазо, веревки и т. п. крестьяне считали общимъ достояніемъ. Доискиваясь причины, мы найдемъ ее во времена зачатковъ распространенія хлѣбопашества въ Европѣ тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ уже успѣла подрасти народная масса. При невозможности охранять разбросанные поля и дуга, тогдашняя варварская эпоха установила ужасное наказаніе: пойманнаго на мѣстѣ вора на томъ-же полѣ, которое имъ было обкрадено, по горло зарывали въ землю, и за тѣмъ сохою отрывали у него голову. Глухая жестокость эта, которую можно простить только тогдашней эпохѣ едва возникшихъ культурныхъ зачатковъ, принесла однакоже благодѣтельные плоды прогрессивному устройству человѣческаго общества.

Мы дожили до того, что логико-понятая гуманность уничтожила благодѣтельное вліаніе тѣхъ варварскихъ временъ, т. е. вторую природу, что она даже баранту Киргизской степи, наглое конокрадство, распространило до нашихъ самыхъ западныхъ границъ. Она подготовила неизбежныя послѣдствія неурядицы, которая лишь путемъ беззаконной самозащиты, лична и «краснаго бѣтуха» совершенно постепенно можетъ довести опять до исчезнувшей прежней безопасности.

Интересно, хотя и прискорбно, было видѣть у Самоѣдовъ первые зачатки подобной-же деморализаціи. При всей удивительной правдивости и честности, у нихъ уже оказывались двѣ слабыя стороны, которыя мнѣ удалось отыскать лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ ними, потому что во всемъ остальномъ правдивость ихъ была безупречна. Тамъ, гдѣ начинало появляться больше чиновнаго движенія, показанія ихъ о количествѣ добытыхъ мѣховъ, равно какъ о числѣ сѣв. оленей, постоянно были умышленно невѣрны. Грабежи и требованія о дальнейшей перевозкѣ, которымъ эти добродушныя и слабыя дѣти природы подвергались со стороны чиновниковъ, казаковъ, священниковъ и торговцевъ, успѣли уже осквернить ложь въ этомъ отношеніи.

Тутъ, какъ и вездѣ, святая невинность первобытныхъ людей разрушалась соприсношеніемъ съ культурой, которая подкрадывалась къ нимъ въ образѣ неодолимой водки въ рукахъ самыхъ алчныхъ и часто самыхъ отвратительныхъ элементовъ. Да и можно ли было ожидать другаго исхода, когда даже священники, которыхъ имъ посылали, назначались въ эти глухія мѣста возбѣдителями слова Божія въ наказаніе за проступки всякаго рода и за дурное поведеніе. Путешественники всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что съ этой стороны къ кочевникамъ рѣдко являлось доброе, а главнымъ образомъ приходило только дурное¹⁾. Сама государственная система обращенія въ христіанство,

¹⁾ На память могу призвать въ свидѣтели Кастрена, Бришомакина, Присекальскаго, которые не я спросилъ сосланаго къ Дудино священника: окаянствовалъ откровенно высказать объ этомъ всю правду. зываются ли Самоѣды доступными христіанскому ученію.

награждение одного парюю сапоговъ и красною рубахою, другаго освобожденіемъ на три года отъ податей, да поощреніе священника-миссіонера за обращеніе столькихъ - то тысячъ душъ, система эта въ самомъ основаніи своемъ была безразлична. Такъ дѣла шли нѣкогда и еще тридцать лѣтъ тому назадъ. Весьма понятно, что путешественники почти всегда лучше всего отзывались о некрещенныхъ кочевникахъ.

Вернемся къ высказанному мною выше предположенію о томъ, что дѣльмъ народамъ можно привить вторую натуру. Не могу не признаться откровенно моимъ либеральнѣющимъ противникамъ, что у туземцевъ дѣти растутъ почти безъ всякой выправки. Но за то и нужно принять въ соображеніе, что при этомъ нѣтъ никакой сентиментальности европейской дѣтской любви. Не смотря на то, путешественника искорѣ поражаетъ безусловное повиновеніе младшихъ старшимъ. Гдѣ бы ни появлялся младшій, его тотчасъ-же заставляютъ или рубить дрова, или сгонять сѣв. оленей и т. п. Онъ и исполняетъ все это не переча, безъ малѣйшаго промедленія и всегда охотно, какъ будто это ему доставляетъ удовольствіе. Такимъ-же образомъ всякій туземецъ относится къ старшему выше его чиновнику. Дѣлаются возраженія, вызываемыя мѣстностью и природными условіями вообще, но коль скоро вы по чему-либо считаете нужнымъ не принимать ихъ въ соображеніе, вы можете быть увѣрены въ безпрекословномъ повиновеніи.

Можно-ли объяснить это иначе, чѣмъ предложеннымъ мною способомъ? Не обязаны-ли мы, именно на основаніи этого, возлагать тѣмъ большую отвѣтственность на начальствующихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находится возможность дѣльмъ племена человѣческаго рода или предавать вѣрной погибели, или выводить, по возможности непосредственно, изъ завиднаго дѣтскаго состоянія на степень культурнаго быта.

При сообщеніи свѣдѣній о Тунгусахъ и Якутахъ намъ представится случай ясно увидѣть разницу въ прирожденныхъ способностяхъ разныхъ народовъ. Въ сравненіи съ корыстолобивымъ, предприимчивымъ Якутомъ, или быстрымъ, отважнымъ, готовымъ на убійство Тунгусомъ, Самоѣдъ остался добродушнымъ и мирнымъ существомъ, не смотря на свое кровавое, безжалостное охотничье ремесло, не смотря на частыя возстанія, нападенія и рѣзни въ первое время покоренія Самоѣдовъ. Якуты и Тунгусы губители медвѣдей, Самоѣды ловцы сѣв. оленей. Народъ, который разставляетъ ловушки не въ состояніи произвести героевъ. Это очевидно основано на прирожденномъ внутреннемъ свойствѣ Самоѣдовъ ягнать глубокаго сѣвера, и очевидно побудило ихъ искать убѣжища отъ прѣсленія въ области крайней безпріятности почвы.

Единственный случай уголовного преступленія, совершеннаго между Самоѣдами,

нью, и набормъ ли онъ. «Ну, (отвѣтилъ онъ мнѣ), какъ бы ни была благочестивъ отакъ Самоѣдъ, больше несновою лавы онъ не дастъ».

Другой священникъ, обѣщавшій Тунгусовъ въ Алдзскихъ горахъ, неподалеку отъ Якутска, посваталъ меня къ дѣлу еще ближе. Вотъ его слова: «Получивъ то, что съдѣдуетъ священнику, прививавшю угощеніе. За

тѣмъ сѣдвало твое угощеніе, и за него онъ долженъ дать что нибудь. Потому за совершеніе обрада. Потому начинается торгъ. Наконецъ прощальный подарокъ, а если онъ тебѣ не нравится, то самъ пошарить и поспорить, не спрятавъ ли онъ чего. Да наконецъ попросишь себѣ еще чего-нибудь у жены. Всякій обѣздалъ доставляя этому священнику до 200 соболовъ.

лѣтъ за двадцать до моего приѣзда къ нимъ, тотъ-же самый, о которомъ Третьяковъ говоритъ тридцать лѣтъ спустя. Но и этотъ случай былъ слѣдствіемъ суевѣрнаго страха, въ видѣ появляющагося повсюду одинаковымъ образомъ страшнаго преданія о ликавтрофѣи.

Сильнѣйшею изъ всѣхъ врожденныхъ кочевнику, упорно дѣйствующихъ страстей оказывается охота свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто. Сотни питомцевъ и усыновленныхъ дѣтей, смолоду воспитанныхъ русскими поселенцами, вскорѣ представили примѣры удивительнѣйшихъ побѣговъ дѣтей въ степь, замѣчательнѣйшихъ возвращеній взрослыхъ къ кочевой жизни.

Енисейскіе Остяки.

Мнѣ привелось столкнуться съ ними лишь совершенно мимоходомъ, при проѣздѣ изъ Енисейска въ Туруханскъ. Они простирались далеко на правый берегъ Енисея, такъ какъ въ мое время Каменная Тунгуска была занята одними только этими Остяками, которые въ Сумароковѣ вели дѣла съ торговымъ міромъ. На Нижней Тунгускѣ они также жили до пороговъ. Я не сталъ бы печатать свои короткія замѣтки, которыя я помѣстилъ о нихъ въ своемъ дневникѣ, если бы Кастренъ не призналъ этихъ Остяковъ за особенно замѣчательный народецъ, который нѣкогда былъ великъ, а теперь вымираетъ и представляется лишь отдаленное сходство съ Финнами, Угрскими Остяками и Самоѣдами. При склонности Кастрена къ выискиванію средства, это много значить.

Такъ какъ мнѣ, вслѣдствіе задержки при проѣздѣ, удалось распорядиться изображеніемъ какъ разъ Енисейскихъ Остяковъ (табл. I), то я очень радъ, что у изображенныхъ личностей были очевидно типичныя фizioноміи, потому что съ вышеобщеннымъ мнѣніемъ моимъ объ этихъ портретахъ, набросаннымъ мною уже въ Сибири, вполне согласуется, какъ я теперь вижу, и отзывъ Кастрена, который высказалъ другими словами тоже самое, говоря¹⁾: «Въ наружности ихъ монгольской элементъ не такъ бросается въ глаза, какъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ... По характеру они очень похожи на насъ, Финновъ. Это добрый, тихій, мирный, бѣдный и неприхотливый народъ. Они живутъ охотою и рыболовствомъ и ведутъ кочевой образъ жизни. По вѣровнѣданію они принадлежатъ къ православной церкви, но преданы шаманству и поклоняются тремъ мощнымъ божествамъ: 1) богу неба, котораго называютъ Эсъ, 2) богу пренеподней, котораго зовутъ Имля, и 3) богу земли, которымъ оказывается медвѣдь».

Что мои портреты изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ, въ томъ служатъ порукою не только мѣста пребыванія послѣднихъ, рѣки Сымъ и Нибакъ, но случайно и нѣ-

¹⁾ Reiseberichte und Briefe p. 251. Въ своихъ Ethno- тоже самое. Они выводятъ ихъ изъ Саянскихъ горъ и логиче Vorlesungen über die Altischen Völker (стр. 87) определяютъ число ихъ слезъ въ тысячу полнатыкъ Кастренъ повторилъ о Енисейскихъ Остякахъ почти думъ.

которые собранные у них образчики языка, оставшіеся у меня отъ матеріала, переданнаго мною гг. лингвистамъ. Безъ сомнѣнія, они послужатъ неопровержимымъ доказательствомъ¹⁾.

Сымыцы называли своихъ Имбацкихъ родичей: Tugybändjäng; Тушгусы назывались у нихъ: Fühb^h_a n.

Составленное мною въ Назимовѣ описаніе этихъ людей гласитъ слѣдующее: «Изображенный человекъ (табл. I) смотритъ Финномъ; у его товарища нѣсколько болѣе монгольская фizioномія, съ кругловатымъ очертаніемъ лица, съ довольно широкой glabella, и едва-едва наискось прорѣзаннымъ глазомъ. У обоихъ, особенно на головѣ, черные, какъ смола, волосы, но безъ всякаго блеска (тѣмъ и отличаются отъ одинаково-черныхъ европейскихъ волосъ) и жесткостью похожие на тонкіе лошадиные волосы. Борода и усы очень рѣдкіе. Въ послѣднихъ къ угламъ рта нѣсколько волосковъ подлиннѣе. Маленькіе живые глаза, съ темно-кофейнымъ зрачкомъ, который рѣдко отдѣляется отъ бѣлка глаза. Пѣтья лица у перваго грязный, желтовато-чалый, у втораго — цыганско-бурый.

У женщины самая несомнѣнная финская фizioномія, которая выступаетъ тѣмъ лѣнѣе, чѣмъ ближе я ее сравниваю съ моимъ типичнымъ эстетикомъ слугою; при всемъ томъ скуловая кость сильно развита. Волосы не такъ черны, какъ у мужчины. Зрачекъ голубовато-сѣраго цвѣта²⁾. Продолговатый овалъ лица отличается отъ тупаго кверху кругловатаго овонада мужчинъ, у которыхъ лицо, въ сравненіи съ женскимъ, особенно по тому, какъ оно обросло волосами, и по подвижности маленькихъ глазъ, носитъ на себѣ монгольскіе слѣды.

1) При отлѣчъ главнаго матеріала я, къ сожалѣнію, забылъ оставить себѣ конію съ ключъ, т. е. съ именованныхъ образъ, которымъ соотвѣтствуютъ осланкія. По всей вѣроятности это тоже самые вопросы, которые привезены къ Кастреновскихъ Grundzüge einer tungussischen Sprachlehre, 1856, p. 137. Образчики эти были мнѣ впервые замѣтки; притомъ мы очень спѣшили.

№ 1. äge kajbos (бу kajbos, ты imteem) chä' sär funjäsär (сѣа. олема). bisör (братъ) dagär kajbos.

№ 2. ab-chöm chä isdyh is, san ambokum (завтра, а enöig значитъ сегодня) funjäs is isdyh.

№ 3. kioöchom (вчера; была l проназывается твердо, какъ русское твердое a) siir döge (три, проназывается почти какъ французское *dogue*).

№ 4. ab-bisör chäm ädjade (о́мное e).

№ 5. bisöröm ömam.

№ 6. ab öp ädjad.

№ 7. op-bisör noontschisho.

№ 8. öpa sär hığas eng (проназывается въ носъ) bisör sär, oman — chögdä; äа — una; три — döge; четыре — zis; пять — chäjä; шесть — äas (мягкое s); семь — ons (мягкое s); восемь — lösem; девять — dëbet; десять — döjät;

двадцать — ääks; тридцать — döngas; большой — chäjä; малый — funjäs (мягкое s); наибольшій — s'amui chäjä; палецъ — tok.

Вышеримеченное проиллюстрировалъ мнѣ Сымскій Остакъ, Федоръ Алексѣевъ, въ Назимовѣ. Другой же Остакъ Сымской волости, Король Уленовъ, Спиридовъ, при Васкѣтѣ Василіи K^ondja (что означало длинную голору??) привелъ мнѣ слѣдующія слова, отличающіяся отъ предыдущихъ: одинъ — kögdö; два — ynp^äng; три — döng^äng; четыре — zis^äng; пять — chä^äng; шесть — ää's (твердое s); семь — öns; восемь, десять, десять — по русски, какъ выше; одиннадцать — chus^ämmagé; двѣнадцать — ynp^ämmagé; тринадцать — döng^ämmagé; шестнадцать — äas'igge; семнадцать — öns'igge (твердое s); восемнадцать — wos'em'igge; десять рублей — chö gubja.

2) Оно очевидно указываетъ на переходъ къ блокурымъ Остакамъ, какъ ихъ описываетъ Палласъ (Reise III, p. 39).

Этой подвижности глазъ соответствовала отмѣченная мною въ Осиневскомъ манера этихъ людей говорить урывками, и такая-же особенность во всѣхъ движеніяхъ, напр. въ поклонахъ. Восьми- или девятилѣтній остякскій мальчикъ, изображенный въ профиль (на табл. I-ой нѣм. изд.), по смерти обоихъ родителей, умершихъ отъ первической горячки (голоднаго тифа?), былъ усыновленъ русскими поселенцами. Если бы жители деревни пришли въ чумъ только днемъ позже, то всѣ три оставшіяся сироты умерли бы съ голоду.

У означеннаго мальчика была типичная финская фізіономія, съ финскими глазами, но монгольскимъ, почти кругообразнымъ очертаніемъ лица, совершенно черными волосами и темно-коричневымъ зрачкомъ, желтобурымъ цвѣтомъ лица, румяными щеками (потому что онѣ были вымыты). Превосходные зубы. Очень жирное лицо и толстое тѣло. Отсюда, можетъ быть, отчасти происходитъ особая, перекачивающаяся походка: очень маленькіе, быстрые шаги при незначительномъ подниманіи ногъ, какъ походка человека, который торопится перебраться черезъ опасныя мѣста трасины и нигдѣ не рѣшается плотно наступить, чтобы не провалиться въ болото.

При этой походкѣ подошва ноги ложилась почти вдругъ, не начиная съ пятки.

Два другихъ Остяка, которыхъ я видѣлъ на Енисей, также поражали своими неуклюжими головами и животами на тонкихъ ногахъ. Велѣдствіе этого я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что не беруся отличить любой остякскій черепъ отъ киргизскаго, но готовъ распознать ихъ скелеты.

На Курейкѣ, въ чертѣ полярнаго круга, я видѣлъ на Енисей самыхъ сѣверныхъ Остяковъ, съ такимъ явно финскимъ лицомъ, что они чрезвычайно напомнили мнѣ Лапландцевъ. Я очень доволенъ тѣмъ, что нахожу въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку объ осѣдомъ Остякѣ въ Игарскомъ поселеніи (подъ 67 $\frac{2}{3}$ ° с. ш.: изъ Байкаго рода): «вѣроятно это Самойдъ, потому что у него совершенно другая наружность, чѣмъ у Остяка, котораго я третьяго дня видѣлъ на Курейкѣ».

Одежда Сымскихъ Остяковъ была русская, также какъ и названія чиселъ 8, 9 и 10; только обувь свидѣтельствовала о быстроногомъ охотникѣ первобытнаго лѣса.

Въ то время, около половины Февраля, люди плохо питались зайцами, которыхъ ловили въ ловушкахъ. Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ, какъ Остяковъ у Бахтинскѣго поселенія. Въ домотяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отускаютъ слишкомъ мало зерноваго хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности отправиться въ болѣе глѣбистыя мѣстности, для добыванія мѣховъ и пищи. Одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ, и только благодаря поддержкѣ со стороны поселенцевъ, перенесъ голодный тифъ, и страдалъ еще болѣе въ краяхъ. Мнѣ рассказывали, что умирали не только одѣльные лица, но даже цѣлые чумы. Одинъ Остякъ, обратившійся ко мнѣ за милостынею, оставилъ въ чумѣ семь дунъ, подучивъ, правда, въ Январѣ 10 пудовъ муки, но въ Февралѣ только 70 фун-

товъ, потому что задолжалъ казнѣ болѣе 300 руб. асс., и убитъ въ теченіи зимы всего 20 бѣлокъ.

Повторилась старинная исторія о постепенной гибели этихъ народовъ. Они погибли при соприкосновеніи съ развитіемъ культуры, въ особенности съ наплывомъ золотыхъ приисковъ и неизбежнаго съ ними разгрома. Казна, въ теченіи многихъ лѣтъ слишкомъ великодушно поддерживавшая ихъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, этимъ деморализовала ихъ. О возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. За тѣмъ настала періодъ, обнаружившій, что большая часть запасовъ все-таки растрочена въ видахъ обогащенія чиновниковъ. Когда наконецъ бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ все болѣе должавшимъ (у некоторыхъ долгъ простирался до 1000 руб.), прекратили выдачу продовольствія, то они стали умирать съ голоду.

Я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что при такихъ данныхъ, по моему мнѣнію, нельзя требовать отъ государства иной помощи, какъ распредѣленія дѣтей между русскими поселенцами. Заправляющую ведемъ водку вѣдь все-таки нельзя запретить.

Во время печатанія вышеизложеннаго, я успѣлъ ознакомиться съ изслѣдованіемъ Кастрена о языкѣ Енисейскихъ Остяковъ, просмотрѣннымъ и изданнымъ г. акад. Шендеромъ¹⁾. Въ немъ указывается близкое родство Енисейскихъ Остяковъ съ Арианами и Коттами, изъ которыхъ Кастрену удалось еще отыскать всего пять человѣкъ, жившихъ на притоцѣ Кана.

Кастрень различаетъ (стр. VIII) два главныхъ нарѣчія Енисейскихъ Остяковъ: 1) Сымское (на р. Сымѣ и между деревнею Авца-Аерова и Каменной Тунгуской); 2) Имбацкое (отъ Бахты до Курейки). Затѣмъ (стр. 157) Кастрень говоритъ еще о Бахтинскомъ поднарѣчьи Имбацкаго діалекта и о Назимовскомъ поднарѣчьи Сымскаго діалекта.

Во всякомъ случаѣ образки языка, помѣщенные мною на предыдущихъ страницахъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что сообщенные мною портреты бесспорно изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ.

Имя Самоѣдовъ впервые по-видимому является въ печати въ 1246 году у Платона Карпини, хотя этотъ народъ сталъ извѣстенъ уже 50 лѣтъ до того. Ремезову [см. Приложение къ его первой картѣ Сибири] въ то время были извѣстны только три самоѣдскихъ племенъ, тогда какъ у Якутовъ онъ приводитъ семь племенъ.

¹⁾ Castrén, Versuch einer Jenisej-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre, 1838.

В мое время, согласно отчетам управления Туруханского округа, по переписи, произведенной въ 1838 году, считалось Самоѣдовъ и Юраковъ:

	муж. пола.	женск. пола.
1) Тымско-Караконыхъ Остяцкихъ Самоѣдовъ.....	325	300
2) Байскихъ ¹⁾)	109	30
3) Карасинскихъ } Енисейскихъ Самоѣдовъ.....	112	93
4) Хантайскихъ })	118	121
5) Береговыхъ Юраковъ.....	75	69
6) Тазскихъ или Березовскихъ Юраковъ.....	166	163
7) Авамскихъ Самоѣдовъ.....	202	214
8) Водевскихъ Самоѣдовъ.....	44	44
	1151	1034
Далѣ Енисейскихъ Остяковъ:		
9) Верхне-Имбацкихъ.....	151	108
10) Нижне-Имбацкихъ.....	162	129
11) Карасинскихъ.....	52	49
	365	286

Въ чрезвычайной ненадежности этой переписи я убѣдился при сравненіи ея съ прежнею переписью 1834 года. Даже крещенные Остяки сами жаловались мнѣ, что главный священникъ ихъ внесъ указанныхъ ими покойниковъ только въ видѣ исключенія. При всемъ томъ эта перепись сходна съ Кривошапкинскимъ ²⁾ исчисленіемъ народа за 1860 годъ, нѣсколько увеличившимся. Не сходны показанія о Береговыхъ Юракахъ ³⁾.

Значенія въ табл. II (см. атласъ картъ нѣм. изд. предлежащаго Путешествія) мѣста пребыванія ихъ показаны правильно; но очертанія красками требуютъ исправленій согласно лингвистическому распредѣленію, значащемуся на стр. 635 и слѣд.

Тѣ, которые полагаютъ, что «къ сѣверу Самоѣды простираются до Ледовитаго океана» явно ошибаются (ошибка эта неоднократно повторяется и у Кастрена), потому что въ области р. Енисея, а въ особенности въ Таймырскомъ краѣ, Самоѣды нигдѣ не простираются до Ледовитаго океана. Въслѣдствіе этого, лѣтомъ 1843 года, мнѣ удалось только слегка ознакомиться съ этимъ народомъ, такъ какъ въ срединѣ лѣта я подвинулся въ безлюдную пустыню. До сѣвернаго берега Таймырскаго озера, равно какъ до Нижняго Таймыра, Самоѣды уже не простирались.

24-го Юля, согласно уговору, нагналъ меня въ послѣдній разъ мой пріятель Тойчумъ, старшина Асинскихъ Самоѣдовъ, съ расторопнымъ парнемъ Авамской орды. Оба они, какъ предприимчивые люди, заглянули дальше всѣхъ къ полюсу, и на

¹⁾ 1 и 2 приводились подъ именемъ Остяковъ. Самъ Кастрень называетъ ихъ Остяцкими Самоѣдами.

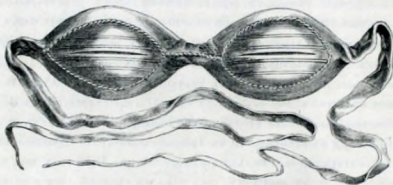
²⁾ Такъ какъ Кривошапкине изсчитываютъ у нихъ только 29 душъ мужск. и 23 души женскаго пола, то эта разница совершенно непонятна.

³⁾ Енисейскій округъ и его жители, 1865, II, стр. 146.

процандіе, съ высоты горнаго хребта, указали мнѣ мѣсто, гдѣ Нижній Таймыръ вѣролатно прорѣзаетъ горы или, какъ они выразились, «ломаетъ камень». Сами они, преслѣдуя съѣз. оленей, добрались только до западныхъ глубокихъ заливовъ Таймырскаго озера и послѣшшо возвратились, наткнувшись на слѣды прежняго пребыванія тамъ людей, на стоящихъ надъ ними памятниками, санами, снова пробудившими въ нихъ вѣру въ обрацавшійся между ними страшныя преданія о дальнемъ глубокомъ сѣверѣ. Когда-то давно, такъ гласило преданіе, оттуда прибыли и Чукчи, не для завоеванія страны, а для того, чтобы взглянуть на нее. Были они народъ одноногій, а между тѣмъ ни одинъ Самоѣдъ не могъ обогнать ихъ при бѣганіи въ запуски. Жили они по направленію къ полюсу, по ту сторону моря¹⁾. Пріятель Тойчумъ умолялъ меня не забираться слишкомъ далеко и не оставаться тамъ слишкомъ долго. Что въ умной головѣ его мрачныя преданія всетки не успѣли заглушить всѣ зачатки запретныхъ сомнѣній на счетъ этихъ догматовъ, это доказывали отеческія наставленія, которыя давалъ мнѣ Тойчумъ, поручая мнѣ, куда бы я ни пришелъ, хорошенко обращать вниманіе въ той превосходней на мѣста, гдѣ проходить съѣз. олени, особенно на тѣ, гдѣ они перебираются чрезъ воды, на линяющихъ гусей и утокъ, на передвиженія рыбъ и т. п.

Такимъ образомъ мои сношенія съ Самоѣдами ограничивались проѣздомъ туда и обратно, и часто приводили меня отъ одного нарѣчія на слѣдующій день къ другому, котораго спутники мои не понимали болѣе. Вотъ отчего мои замѣтки такъ незначи- тельны.

Первыхъ Самоѣдовъ я встрѣтилъ 26-го Марта на Енисей, въ поселеніи Игарскомъ (67 $\frac{2}{3}$ ° с. ш.). Ихъ называли Юраками, но это

Мѣднныя сивговыя очки.

были очень пріятное впечатлѣніе. Одѣтые съ головы до ногъ въ превосходныя двойныя меховыя рубахи, они являлись какъ бы броненосцами, мѣднныя сивговыя очки казались забраломъ, а огромный пришитый башлыкъ надежнымъ шлемомъ, который по временамъ отклады-

были **Енисейскіе Самоѣды** Байскаго рода. Въ сравненіи съ Енисейскими Остяками, за которыми они слѣдовали, они произ-

¹⁾ Не стану входить тутъ въ разсмотрѣніе того, что такое могло бы значить въкогда болѣе знающее распространеніе Чукчей, но не могу не замѣтить, что я былъ весьма пораженъ, когда въ первый разъ услышалъ, что

Асиныи зовутъ гоноръ $towa^hka$. Это очень знаменитая тонагаука сѣверо-американскихъ туземцевъ.

ваются назадъ и обнаруживаютъ находившіяся подъ нимъ и тѣсно прилегающія къ головѣ шапочки [изъ нѣжныхъ телячьихъ шкуръ]. Богатый мѣдный поясъ вожака, немалое копьё въ 3 саж. длины, для управленія сѣв. оленями, вислщій рядомъ лукъ на саняхъ, и лыжи подъ исподомъ саннаго сидѣнія дополняютъ вооруженіе. Впечатлѣніе это усиливалось какъ-бы военнымъ порядкомъ и однообразіемъ вооруженія. Большею частью они сидѣли на саняхъ, поджавъ подъ себя обѣ ноги, или держа одну изъ нихъ на готовѣ на полозьяхъ.

Въ наши тяжело-нагруженныя нарты они впрягали по три сѣв. оленя, очевидно требуя отъ послѣднихъ слишкомъ много. Возлѣ каждой нарты усаживался возница на высокихъ саняхъ, въ которыя впрягались два сѣв. оленя. Возжею управлялось только лѣвое животное, впряженное въ нарту, а оно тянуло за собою двухъ остальныхъ, недоуздокъ которыхъ прикрѣплялась къ подпругѣ сѣзда (срав. стр. 498). Сѣв. олени, не успѣвшие еще сбросить всѣ рога, открытымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ своимъ производили тяжелое впечатлѣніе.

Лица этихъ Самоѣдовъ (табл. II и III сверху) отличались отъ тунгусскихъ менѣе выдающимися, особенно впередъ, скулами. Ширина лба хотя и была меньше широты лица въ скулахъ, но разница эта была незначительна; у Тунгусовъ же верхняя часть лица и черепа имѣла пирамидальную, суживающуюся вверхъ форму (срав. напр. Юкагира по табл. I), или при широкомъ, какъ бы четырехугольномъ лбѣ оказывалась всежъ еще большая ширина въ скулахъ.

Рѣзцы большею частью косо выдавались впередъ; вслѣдствіе этого губы были вздернуты, хотя верхняя челюсть не выдавалась замѣтно впередъ. Губы, въ связи съ чрезвычайно темнымъ цвѣтомъ кожи, придавали странному виду этихъ людей что-то негроподобное. Тѣ части тѣла, которыя обыкновенно прикрыты, отличались однако довольно свѣтлою кожей.

Необыкновенная подвижность и суетливость ихъ весьма поражала, въ сравненіи съ Остяками. Все дѣлалось почти бѣгомъ. Едва только успѣшь нѣсколько остановиться, какъ уже каждый немедленно соскакивалъ, выколачивалъ постель и постелью саней, чтобы она оставалась сухою, и небольшою сабелькою, сдѣланною изъ рога сѣв. оленя, соскабливалъ съ ремней на сѣв. оленяхъ грязь, снѣгъ и ледъ.

Кромѣ Игарскаго поселенія, къ сѣверу, я на возвратномъ пути (13-го Ноября) въ Плахинѣ (68° с. ш.) возобновилъ знакомство съ этими Самоѣдами Байскаго рода¹⁾ (табл. III сверху), признававшими себя сородичами Карасинскихъ Самоѣдовъ.

Распрошеннаго мною старшину ихъ звали Kjellösta; при крещеніи ему дано было имя Гаврилы, потому что родъ ихъ постоянно крестили. По его словамъ они сами называютъ себя Ваѣ (-Tjydsho, т. е. Орда).

Хантайскихъ Самоѣдовъ они называютъ . . . . . S'omátu;

¹ Они называются также подгородными, потому что живутъ около Туруханска, на рѣчкахъ Байла, Милдендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

Береговыхъ Юраковъ (Толстоноескихъ Самоѣдовъ)	Lóbbó;
Авамскихъ Самоѣдовъ	Tábo;
Водеевскихъ Самоѣдовъ	Tábo-os's'ja;
Тунгусовъ	Os's'ja;
Долгановъ	Dolgāne;
Якутовъ	Jakūta;
Остаковъ	Bággio.

Енисей они называли Djéddos'i.

Они занимаются рыболовствомъ, вмѣстѣ съ Хантайскими Самоѣдами, главнымъ образомъ на р. Кетáръ; закалываютъ лишь небольшое количество сѣв. оленей на водныхъ переправахъ; убиваютъ такъ мало гусей, что на зиму остаются безъ запасовъ; не имѣютъ неводовъ. Хотя они говорятъ, что Остаки стрѣляютъ изъ луковъ лучше ихъ, но сами все-таки нападаютъ на медвѣдя въ берлогѣ его.

Между Плахинымъ и Лузинимъ (69° с. ш.) я познакомился съ некрещеными **Хантайскими** Самоѣдами. Старшину ихъ звали $\frac{A}{y}$ nkúlej Olowín. Онъ вносилъ ласку въ Лузинѣ и принадлежалъ къ роду Ямки. По его словамъ, у него самого было только до 30 сѣв. оленей (?), а у сородичей по 10 — 20 головъ. Одинъ изъ нихъ впрочемъ славился особеннымъ богатствомъ по части сѣв. оленей.

Кормились они преимущественно рыболовствомъ, которымъ занимались въ озерахъ и небольшихъ рѣкахъ до перваго расширенія Енисея (Толстый Носъ), главнымъ же образомъ въ рѣкахъ Кетáръ (Русскіе называютъ ее Кетой) и Соленой, источники которыхъ они не посѣщаютъ и не знаютъ. Самое большое озеро ихъ края называется Nā-dāid; въ окружности оно простирается верстъ на 150. Въ него заходятъ всякаго рода лохи, но не заходятъ ни омули, ни осетры, ни стерляди. Самоѣды эти не посѣщаютъ ни р. Таза, ни моря, и простираются никакъ не дальше втораго расширенія устья Енисея, и по другую его сторону до Пыры. Тоже самое мы находимъ уже 100 лѣтъ тому назадъ, въ лагъ-букахъ Минина. Ни къ западу, ни къ востоку, они не сталкиваются съ какими-нибудь сосѣдями. Страна ихъ плоска и лишь послѣ переправы чрезъ второе расширеніе на правый берегъ Енисея, они доходятъ (подъ 72° с. ш.) до черныхъ слонстыхъ скалъ. До нихъ они считаютъ 20 аршишей, т. е. кормовокъ сѣв. оленей или дней ѣзды.

Къ югу сосѣди ихъ—Карасинскіе Самоѣды, старшина которыхъ Балайка (Русскіе называли его Филькой) раскинулъ свой чумъ въ 2 геогр. миляхъ отъ Лузина.

Они, Хантайскіе Самоѣды, сами называютъ себя S'ómātu (y_{sh}^dju , т. е. родъ); Карасинскихъ Самоѣдовъ зовутъ Вáѣ, а Береговыхъ Юраковъ — Lówwóo (Juráki y_{sh}^dju).

Енисей называется ими Djéddos'i, а Русскіе Ljuotscha, такъ что это названіе, за незначительными измѣненіями, встрѣчается отъ Китая до Таймырскаго края.

Переводчика, помогавшаго мнѣ объясняться съ ними, звали Соваловымъ; слѣдовательно онъ назывался точно также, какъ старшина, съ которымъ сто лѣтъ тому назадъ приходилось имѣть дѣло моряку Минину, что доказываютъ лагъ-буки ¹⁾. Слѣдовательно у этихъ Самоѣдовъ фамильныя имена.

О татуированіи эти люди не имѣли никакого понятія; для обозначенія «города» у нихъ не было выраженія.

Луки свои, если они не были куплены у Остяковъ, изготовляли они сами; кромѣ того они считались хорошими кузнецами, которые сами дѣлали наконечники копій и стрѣлы, огнива и разныя украшенія, а потому они были очень пядки на желѣзо и гвозди.

Тѣмъ болѣе меня поразило извѣстіе, что женщины покупаютъ рыбій клей на Енисей.

Лишь при началѣ Писимы (у Веденскаго поселенія) я познакомился въ Полярѣ съ Береговыми Юраками. Юракъ, служившій мнѣ переводчикомъ, находился на службѣ поселенца Лантукова и назывался Манёрра (срав. табл. IV нѣм. изд.); отца его звали Вѣтмя; общаго фамильнаго имени у нихъ не было.

Береговые Юраки сами называютъ себя Jöndjör;

Хантайскихъ Самоѣдовъ зовутъ . . . . . Mändu;

Авамскихъ » » . . . . . Täggy^ös²;

Водеевскихъ » » . . . . . Täggy^ös os²s'ja;

Тунгусовъ » » . . . . . oss'ja;

Долгановъ » » . . . . . tingus²;

Якутовъ » » . . . . . Jakút.

Енисей они называли Jentas'ı.

Старшина ихъ Саббіа вносилъ ладья въ Толстомъ Носѣ (70° с. ш.). Орда жила частью на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, преимущественно же на малой Кетѣ, частью на правомъ берегу, гдѣ къ сѣверу у нея не было сосѣдей, а рядомъ съ ними жили Хантайскіе Самоѣды.

Лодки, даже луки и стрѣлы, они покупали. Волосы на головѣ они болѣею частью стригли, оставляя только кайму съ длинными прядями позади ушей.

Въ Веденскомъ-же я познакомился и съ Тавгынскими ²⁾ или Авамскими Самоѣдами. Старшина ихъ Ngoarö Trudägin, прозванный при крещеніи Гудой Укусениковымъ, изображенъ на табл. XV-ой нѣм. изд., рис. I, въ шутовскомъ костюмѣ, т. е.

¹⁾ И у А. Шренка (I, стр. 629) мы встрѣчаемъ имя ²⁾ Русскіе называютъ ихъ Тавскими или Авам-Анцидья, которымъ означалось аристократическое племя Самоѣдами. Но называли ихъ также дикой самоѣдское семейство сѣверной Европы. Это-же самое ордой. имя я встрѣчалъ также въ старыхъ лагъ-букахъ.

въ своемъ нарядномъ мундирѣ (срав. стр. 650). Къ послѣднему принадлежалъ еще дурачкѣй копакъ изъ очень толстаго, чернаго, желтаго и краснаго сукна, съ бѣлой каймой вокругъ лица. Его ролчи везли меня изъ лежащаго на полпути отъ Дудина поселенія Коева до Введенскаго.

Орда состоитъ, говорятъ, изъ 20 чумовъ и расположена на тундрахъ праваго берега Енисея, отъ котораго она далеко и не уходитъ. На сѣверѣ она простирается до впадающей въ Пясину рѣки Фыры (Пыры), за которую рѣдко уходитъ; во всякомъ случаѣ она никогда не добирается до моря; на западъ рѣдко доходитъ до р. Голчихи ($71\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.); на востокъ столь-же рѣдко до Аганы, или даже до р. Таймыра¹⁾.

На вопросъ мой, почему они не доходятъ до моря, они пресерьозно отвѣчали мнѣ, что неоднократно пытались сдѣлать это, но что тамъ бродить бѣлые медвѣди цѣлыми стадами и постоянно опять вытѣсняютъ Самоѣдовъ. Они говорили о нихъ, какъ объ особой націи, умѣющей удержаться въ своей странѣ. Если вышлешь туда 8 человекъ, то бѣлые медвѣди немедленно выслаютъ противъ нихъ 12 человекъ своей братіи.

Векорѣ оказалось, что эта орда говоритъ на языкѣ, отличающемся отъ языка Хантайскихъ Самоѣдовъ, и конечно приписывала себѣ употребленіе настоящаго самоѣдскаго языка.

Авамскіе Самоѣды сами называли себя Njä-	(Tâns'a, т. е. орда);
Хантайскихъ Самоѣдовъ они зовутъ S'omātu;	
Береговыхъ Юраковъ	» » Löbbö (Jurâki-Tâns'a);
Водеевскихъ Самоѣдовъ	» » A'ssjä, или также Njä-äja (т. е. Тунгусскіе Самоѣды);
Тунгусовъ	» » Äja;
Долгановъ	» » Dolgâne.

Имя Табо, которымъ Хантайскіе Самоѣды называютъ Авамскихъ, послѣдние сами произносятъ Таѣбö. Они увѣрили меня также, что Юраки зовутъ ихъ Таѣсс'öb, а не Tagg's's', какъ мнѣ продиктовали сами Юраки.

Тавгыискіе или Авамскіе Самоѣды были малаго роста; среднимъ числомъ не выше $4\frac{2}{3}$ англ. фут. Физиономія ихъ напоминала финскій типъ и далеко не казалась такою монгольской, какъ физиономія тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря, въ Европейской Россіи. Носъ и у нихъ отличался самоѣдскимъ характеромъ, т. е. былъ коротокъ, со впадиною по срединѣ, и безъ малаго могъ бы быть названъ некрасивымъ вздернутымъ кверху носомъ. Въ глазахъ почти не было ничего монгольскаго. Вѣдѣстье меньшаго, чѣмъ у Монголовъ, и обращеннаго книзу выстуна скулы, очертаніе лица получать кругловатую форму. Кромѣ того, эти Самоѣды, у кото-

¹⁾ Кастренъ получилъ точнѣшнія свѣдѣнія о жителяхъ пребыванія Тавгыискіихъ Самоѣдовъ: кромѣ одного рода на Пырѣ, кочевали два рода на берегахъ Пясинны и 3 рода при р. Таймырѣ. Всѣ эти роды, равно какъ и 19 исландскихъ Самоѣдовъ на Хатангѣ, говорятъ на одномъ и томъ-же нарѣчій и въ лингвистическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга (см. вышеупомянутое сочиненіе, стр. 245, 266, 278).

рыхъ лобъ округленъ равномернѣе, отличаются отъ Тунгусовъ, у которыхъ лобъ часто кажется угловатымъ.

Впрочемъ и въ этой ордѣ встрѣчались нѣкоторые гораздо болѣе монгольскіе черепа; особенно женскій полъ отличался по-видимому болѣе монгольскимъ отпечаткомъ. Зоотехническія наблюденія позволяютъ предполагать, что при несомнѣнно происходившей тутъ помѣси преобладало вліяніе монгольскихъ предковъ съ отцовской стороны. Вѣдствіе еще мало-развитаго жевательнаго органа, дѣти и молодья дѣвушки также кажутся довольно красивыми, въ смыслѣ монгольскаго покроя; во всякомъ случаѣ послѣдніа красивѣе молодыхъ Лапландокъ. Финскіе признаки выступаютъ отчетливѣе подъ старость, при исчезаніи жироваго слоя. Старухи отвратительно дурыя собою. Одинъ старикъ до такой степени былъ похожъ на знакомаго Эса моей родины, что и слуга мой вскорѣ воскликнулъ: «да вѣдь это Kortter hone Jüggi!» Лица чрезвычайно бурого цвѣта; но когда начнешь разсматривать ихъ въ чумѣ и сравнивать съ сѣдинами его, то все-таки наконецъ задаешь себѣ вопросъ, не закончена ли кожа на лицахъ точно также, какъ дубленая замшевая кожа чума.

Меня очень поразили три сѣдыхъ старика, потому что до того времени мнѣ не случалось еще видѣть ни одного туземца съ сѣдинами.

Въ первый разъ мнѣ представился случай взглянуть на домашнюю жизнь Самоёдовъ, такъ какъ они, ради ускоренія моей поѣздки чрезъ Малую Низовую Тундру, поставили посреди ея 4 шалаша (чума) для смѣны упряжныхъ животныхъ.

Эти Самоёды были снаряжены лучше Долганъ, въ хорошихъ шубахъ и какъ бы въ вооруженіи (ср. стр. 663 и политипажъ на стр. 556); по этому они и казались выше того роста, который показывала мѣрильная лента. Это были расторопный, веселый, добродушный народъ; особенно молодежь. Притомъ я впоследствии узналъ, что Авамскіе Самоёды считаются не только самымъ богатымъ изъ всѣхъ Самоёдскихъ племенъ, но и самымъ искуснымъ, потому что они сами ковали даже наконечники для своихъ копій, а на глубокомъ сѣверѣ это искусство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ съ нимъ связано богатство по части желѣза. Дѣйствительно у нихъ были желѣзные капканы, кое-гдѣ тунгусскія желѣзныя трубки, а у самой богатой женщины была даже желѣзная цѣпочка, служившая вмѣсто ремня для возжанія сѣв. оленей и производившая въ этой тундрѣ такой-же эффектъ, какой производитъ на нашихъ балахъ самая роскошная бриллиантовая діадема.

Съ женщинами по-видимому обращались хорошо; но онѣ находились въ такомъ подчиненіи, что не претендовали даже на водку. За то онѣ постоянно держали трубку въ зубахъ. Какъ хорошіа хозяйки, онѣ забирали рыбія шкурки, которыя мы при ѣдѣ бросали въ сторону. Юбки ихъ были обвѣшаны плетеными ремнями и висававшими съ пояса, въ перемежку, черными и красными ремешками. Краски для окрашиванія послѣднихъ онѣ покупали отъ торгашей. Женщинъ сразу можно было узнавать по ихъ бѣлымъ колпакамъ, внутренняя кайма которыхъ была украшена длинноволосымъ чер-

ным мѣхомъ. Несчастныя жертвы этой моды воспитывались въ образѣ маленькихъ, тавкающихъ, черныхъ шпичковъ, которые держались въ чумѣ на привязи. На исподней одеждѣ тѣло было покрыто 4—6 серпообразными мѣдными пластинками, на бедрахъ находилось съ подюжкины мѣдныхъ поперечныхъ полосокъ, сверху и снизу оканчивавшихся неподвижнымъ кольцомъ, посредствомъ котораго эти полоски были припеты къ женскимъ штанамъ. Справа болталось огниво, слѣва мѣдный игольничекъ. Разныя другія металлическія привѣски чрезвычайно звонкимъ стучащемъ и бранчаемъ своимъ свидѣтельствовали о подвижности женщинъ и служили для возбужденія вниманія окружающихъ ихъ лицъ.

Маленькія дѣти лежали голыми передъ огнемъ, въ чумѣ, на небольшихъ шкурахъ; водной мохъ (*Sphagnum*) принималъ въ себя нечистоты. Мѣшки изъ шкуры налива висѣли на готовѣ для укладки въ нихъ дѣтей на время похода. Дѣти, которыя были по старше, носили штанишки, около паха также обшитыя кольцами, а на шеѣ разныя жестиныя украшения и стекляныя бусы. При всемъ томъ они удовлетворяли естественныя потребности свои въ чумѣ, на глазахъ передъ всѣми. Мальчики, которые были по старше, пріятельски боролись между собою, замахивались руками другъ на друга, вверхъ и внизъ, дрались на кулачкахъ или пытались колотить одинъ другаго по лицу.

Сильная дѣтская любовь выражалась у обоихъ половъ посредствомъ цѣлованія, и самъ отецъ перѣдко укачивалъ дѣтей. Старшина посылалъ ко мнѣ дѣтей, выпрашивать хлѣба. Цѣлованіе очевидно составляло принадлежность высшаго свѣтскаго обращенія: каждый членъ орды, входившій въ чумъ, подходилъ къ старшинѣ и отпускалъ ему по поцѣлюю въ обѣ щеки.

Вѣроятно вслѣдствіе большей численности этой орды, мнѣ въ разныхъ мѣстахъ представлялись все новыя знатныя особы, которыя рассчитывали на угощеніе, напр. десятскій (какъ мнѣ сказалъ переводчикъ) $K^{\circ} m^{\circ} ss^{\circ} i$, старшина $N^{\circ} g^{\circ} g^{\circ} i$, и наконецъ еще другой старшина (по авамски: $V^{\circ} g^{\circ} w^{\circ} l^{\circ} u$), князецъ по имени *Laturanta*, также въ шутковской одеждѣ и дурачкомъ кошака.

Его Степенство, импонировавшее ростомъ своимъ въ 5 футовъ (слѣдовательно великанъ между карликами), изволило принять меня въ чумѣ съ такимъ чувствомъ собственного достоинства, что мнѣ къ счастью легко было не расхототаться. Слѣва, въ глубинѣ чума, разложена была для меня шкура сѣв. оленя. Справа, по нѣсколько позади его, усѣлась весьма невзрачная супруга его; на лѣво отъ него, т. е. между нами обоими, усѣли переводчика.

Съ достоинствомъ, не хуже любыхъ европейскихъ владыкъ, *Laturanta* сталъ спрашивать меня о новостяхъ всемірнаго города, которымъ на этотъ разъ оказывался Туруханскъ. Онъ настойчиво допытывался, на сколько справедливъ слухъ о томъ, что на Тувгускѣ появилась оспа¹⁾, наконецъ вынулъ недавно полученную имъ бумагу, т. е.

¹⁾ То была краснуха, которая вскорѣ послѣ того сыграла надо мною такую плохую шутку.

предписание начальства, и попросил меня истолковать ему пустое содержание этой бумаги. На вопрос, что же ему собственно слѣдует дѣлать, я передалъ Его Степенству иголку и показалъ ему, какъ такого рода бумаги, если бы онѣ еще стали поступать къ нему, нужно нашивать одну на другую на нитку, присовокупивъ, что этимъ онъ исполнитъ долгъ хорошаго вѣрноподданнаго. Здравому природному уму Его Степенства угодно было разразиться такимъ козлиноголовымъ смѣхомъ, что я слышу его, чудится мнѣ, еще до сихъ поръ: Оправившись нѣсколько, онъ вынулъ, изъ обитого жестью ящика, квитанціи въ уплатѣ ясака, которыя имъ тщательно сберегались. Потомъ онъ подкрѣпилъ себя ржаными лепешками¹⁾, которыя жена его сняла съ огня, и за тѣмъ началъ судъ.

Выступилъ истецъ и съ разстановкою сталъ излагать свое дѣло. Старшина отвѣчалъ, растягивая послѣдніе слоги словъ. Неоднократно мнѣ слышалось протяжное ао. Разлинувъ рты, всѣ въ благоговѣйной тишинѣ прислушивались къ приговору оракула. Между тѣмъ у судьи языкъ неожиданно развязался: какъ мельничное колесо уста его быстро съ крикомъ извергали рядъ словъ и вдругъ замолкли. Судья, такъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, приказалъ истцу пока приостановить искъ за отсутствіемъ отвѣтчика. Дѣло шло о какомъ-то мнимомъ обманѣ. По окончаніи своихъ владѣтельскихъ обязанностей, Его Степенство изволило обогрѣться рюмкою водки, которая развязала ему языкъ и побудила его вступить со мною въ непринужденную бесѣду. Онъ много рассказывалъ о голодѣ, бывшемъ лѣтъ 30 тому назадъ и уничтожившемъ половину всей орды. Тогда и рыболовство и охота на сѣв. оленей были неудачны. На слѣдующій же годъ корму всякаго рода и пушныхъ животныхъ было такое изобиліе, какъ и комаровъ. Въ другой разъ случился падежъ домашнихъ животныхъ, такъ что одной части его орды пришлось прозимовать въ землянкахъ на лѣтнемъ предѣлѣ ихъ охотничьихъ угодій. Однимъ изъ такихъ несчастныхъ явился ко мнѣ Койпода. Ему приводилось разводять огонь въ землянкѣ только разъ въ недѣлю. Въ тундрѣ я встрѣтилъ такого рода землянку съ пристройкой, сложенной изъ камней въ видѣ изогнутаго хода, для предохраненія землянки отъ метелей. Много лѣтъ тому назадъ, рассказывали мнѣ, и Русскіе бывали тамъ, на глубокое сѣверѣ. Такимъ образомъ одно столѣтіе успѣло уже обратитъ память о громадныхъ экспедиціяхъ въ какое-то смутное преданіе.

Этихъ Самоѣдовъ называли «дикими», вѣроятно потому, что они противились крещенію, мало сходились съ поселенцами и, сознавая свое богатство и независимость, дѣйствовали самостоятельно. Не только главнаго священника, но и неограниченнаго повелителя Туруханскаго края, заздателя, они бросили въ тундрѣ (за то, что онъ по-барски обходился съ ними, а, можетъ быть, и колотилъ ихъ) и ушли съ своею упряжью, ссылаясь внослѣдствіи на то, что голодъ заставилъ ихъ уйти, потому что эти господа не хотѣли подѣлится съ ними свои ржанные сухари.

¹⁾ Такъ называемыя Роккі сѣверной Финляндіи.

Суевѣріе проявлялось тутъ въ видѣ самыхъ разнообразныхъ тажкихъ грѣховъ. Голову убитого дикаго сѣв. оленя нужно было съѣдать сырою, потому что грѣшно варить ее; грѣшно было, что наша собака обгрызала кости дикихъ сѣв. оленей и т. п. Эта орда находилась совершенно подъ вліяніемъ своего шамана: дошло до того, что при возвращеніи моемъ Асинскіе Самоѣды рассказывали мнѣ, что изъ зависти къ славі великаго шамана, которую я списалъ себѣ въ тундрѣ въ качествѣ волшебнаго стрѣлка, врачавателя и тѣмъ, что ежедневно имѣлъ чародѣйныя сношенія съ приборами неба и земли, ультрамонтанскій авамскій шаманъ, подстрекаемый злокозненнымъ асинскимъ товарищемъ своимъ, запретилъ своему племени выставить мнѣ къ началу зимы сѣв. оленей на возвратный путь, какъ мы уговорились съ ними весною. Вслѣдствіе этого я отправилъ асинскаго царя, передавъ ему ножны отъ моего охотничьяго ножа, продѣвъ въ ихъ кольца мою собачью плетку, и поручилъ ему отнести мою посылку къ Авамскимъ Самоѣдамъ да сказать имъ, что я, старикъ (срав. стр. 640, примѣч.), намѣренъ получить ее обратно на условленномъ мѣстѣ.

Въ теченіи зѣта я на столько сдѣлался Самоѣдомъ, что узналъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать. Мою символическую посылку вполне поняли и оцѣнили. Я засталъ сѣв. оленей, гдѣ слѣдовало, среди безпредѣльной тундры; вмѣстѣ съ тѣмъ возвратились ко мнѣ и ножны мои.

Поведеніе Латуранты, исполненное достоинства своего рода, чрезвычайно отличалось отъ кланчанія стариковъ его орды. Правда, что дѣло шло о томъ, какъ бы добыть хоть одинъ глоточекъ жизненнаго эликсира. Одинъ изъ стариковъ не ограничился умилыннымъ поглядываніемъ на боченокъ, чмоканіемъ, облизываніемъ губъ, медвѣжьимъ ворчаніемъ, а растянулся на снѣгѣ во всю длину, чтобы, лежа на спинѣ, увидѣть снизу хоть частичку бочки, потому что сверху на нартѣ она была обвязана шкурами. Украдкой намъ, то тутъ, то тамъ, стали показывать сначала пару лапокъ, а потомъ и цѣлую шкуру песца, чтобы побудить насъ къ промѣнѣ.

Латуранта вималъ, въ моемъ присутствіи, свой пай, т. е. десятую долю пойманной рыбы, но ему и въ голову не приходила мысль угостить хотя бы своихъ гостей изъ собственной орды. Отъ меня, какъ важнаго сановника, по-видимому, ожидали угощенія, почти какъ обязанности.

De Samoeden zyn in omgang de beesten schier gelyk.

Witsen, 1692, II, стр. 543.

De Volken Piasdaer genaemt zyn de slimste Duivel-dinaers....

...van Gods Heilige Engel weten deze Luiden niets te zeggen.

Witsen, 1705, II, p. 639, 640.

Больше всего мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Водеевскими Самоѣдами или съ Асями, потому что они кочуютъ въ рѣчной области Боганиды, Дудынты ¹⁾ и Верхняго Таймыра, и доходить лѣтомъ до южнаго берега Таймырскаго озера ($74\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.); слѣдовательно, это самые сѣверные жители Таймырскаго края. На юго-западъ сосѣди ихъ — Авамскіе Самоѣды. Енисей они называютъ Djäntagé.

Въ тундрѣ всѣ единогласно утверждали, что Водеевцы не настоящіе Самоѣды. Мы дѣйствительно видѣли, что всѣ самоѣдскія племена, Бан, Береговые Юраки, Авамскіе Самоѣды, Долгане и Якуты одинаково называютъ ихъ Тавгынекими (Авамскими) Тунгусами. Сами они называли себя Асями.

Нѣсколько поколѣній тому назадъ, такъ рассказывалось въ тундрѣ, Тунгусы, предки Асей, по случаю тяжелаго времени въ хребтахъ, переселились съ истоковъ Хеты и Хатанги къ сѣверу въ тундру. Въ дѣйствительности этого факта нельзя было сомнѣваться, и если, какъ полагаетъ Кастренъ, Тавгынеское племя прежде простиралось дальше на западъ, то во всякомъ случаѣ это могло относиться только къ Авамскимъ и Енисейскимъ Самоѣдамъ. Но и Аси утверждали, что въ прежнее время ихъ было больше и что они распространялись дальше по р. Таймыру. Впрочемъ упомянутое происхождение ихъ казалось невѣроятнымъ, потому что въ нихъ нельзя было подмѣтить ничего тунгусскаго, и по наружному виду, по одеждѣ, образу жизни и языку, это были Самоѣды. Они были Самоѣды въ такой-же степени, въ какой были сотоварищи ихъ по зимнимъ квартирамъ Окó, котораго при всемъ томъ считали Долганомъ. Въ главѣ о Долганахъ объяснена эта путаница.

На Асяхъ и снова замѣтилъ упомянутыя уже выше (стр. 624) особенности наружнаго вида Самоѣдовъ. И у нихъ рѣзко выступали монгольскія черты лица, особенно у дѣвушекъ, тогда какъ у мужчинъ онѣ часто совершенно отступали на второй планъ. Я сказалъ у дѣвушекъ, желая обратить также вниманіе на то, что монгольской типъ выдается тѣмъ рѣче, чѣмъ полнѣе лицо, благодаря молодости, либо хорошему питанію. Вѣдѣствіе этого кажется, что у старухъ менѣе проявляются монгольскія черты лица. Стоитъ только привыкнуть къ кошачьему очертанію монгольскаго лица и даже Европейцу, пожалуй, поправятся нѣныя свѣжія лица молодыхъ дѣвушекъ. Широкая, почти четырехугольная верхняя часть лица оканчивается внизу клиномъ. Изъ продолговатыхъ, обра-

¹⁾ Эту рѣку они называли Тудирто, а Таймырское озеро, подобно каждому морскому заливу, Djänta. Селамъ Таймыра въ атласѣ картъ нѣм. вѣд.

(у Таймырскаго озера) они звали Ну^{dd}. Названіе нѣ-

щепных внаружу и кверху, узеньких глазных щелей выглядывают быстрые, темные, съ виду маленькіе, глаза. У мужчинъ почти всегда острокопечный носъ, непосредственно выдающийся изъ плоскаго углубленія между глазными впадинами.

Волоса, безъ исключенія черные и жесткіе, образуютъ у мужчинъ очень рѣдкіе усы, которые часто ограничиваются нѣсколькими волосами въ углахъ рта; вмѣсто бороды также кое-гдѣ являются волоски подъ подбородкомъ. Но и эти немногіе волоски, особенно козлиной бородки, рѣдко стригутся.

Аси также отличаются очень маленькими ногами. Они ходятъ на кривыхъ, вывернутыхъ внаружу, и обхватывающихъ одна другую ногачъ. Это очевидно слѣдствіе сидѣнія на совершенно поджатыхъ подъ тѣло ногахъ.

Проживъ съ Асами нѣсколько мѣсяцевъ, я успѣлъ подмѣтить только единственный признакъ, по-видимому свидѣтельствовавшій о происхожденіи ихъ отъ Тунгусовъ: национально-тунгусскую пляску, исполненную ими всего одинъ разъ и безъ всякаго одушевленія, со сплетенными руками. Восклицанія *heiga, hojwa*, они пританцовываютъ ногамъ ¹⁾. Такъ какъ эта пляска, говорить, неизвѣстна Авамскимъ Самоѣдамъ, которые во всемъ остальномъ почти тождественны съ Асами, то это дѣйствительно возбуждаетъ наше вниманіе ²⁾. Какъ бы то ни было, но настоящею любимою пляскою Асей была чисто самоѣдская медвѣжья пляска, съ которою мы тутъ познакомимся нѣсколько ближе.

Мужины, женщины и дѣти въ перемежку берутся за руки и составляютъ кругъ. Поворачиваясь всѣ, въ одинъ темпъ, лѣвую руку и лѣвое плечо во внутрь круга, и выдвигая въ тоже время правое плечо внаружу, они приподнимаютъ правую ногу на столько, что она лишь пальцами касается земли и медленно описываютъ ея полукругъ передъ лѣвой ногой, потомъ переносятъ тяжесть тѣла на правую ногу и быстрымъ урывчатымъ движеніемъ влѣво откидываютъ лѣвую ногу на бокъ, по направленію круга плывущихъ. При первомъ темпѣ правое плечо, вмѣстѣ съ правой ногой, подвигается вовнутрь, къ центру круга, а при второмъ темпѣ опять быстро отставляется назадъ. Въ постоянномъ повтореніи этихъ двухъ эволюцій и заключается вся пляска, шикъ которой очевидно основанъ на переходѣ отъ возможно медленнаго перваго темпа къ самому по возможности быстрому и урывчатому исполненію втораго темпа. Столь-же важную роль играетъ и музыка, которою сопровождается пляска: при первомъ темпѣ требуется напряженное, возбуждаемое втягиваніемъ воздуха, хрипящее, которое должно быть какъ можно болѣе глубоко и сильно. Другой-же темпъ подкрѣпляется испускаемъ втянутаго воздуха и отрывчатымъ откашливаніемъ въ родѣ хрюканія. Музыка несомнѣнно должна выражать медвѣжье ворчаніе, а второй темпъ — прыжокъ на противника, послѣ того какъ при первомъ темпѣ медвѣдь приподнялъ тѣло на заднія лапы. Мнѣ привелось видѣть, какъ они исполняли эту пляску во время сильной метели на открытой тундрѣ съ такимъ благоговѣйнымъ усердіемъ, что

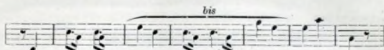
¹⁾ Castrén, Reiseber. und Briefe, p. 246.

ни Каннискіе Самоѣды не были знакомы съ медвѣжьей

²⁾ Этому обстоятельству я готовъ былъ приписать болѣе пляскаю, а зналъ только тунгусскую съ восклицаніемъ шое значение; но къ моему удивленію ни Тиманскіе, иhejta.

наконецъ, сѣтъ былъ утопанъ какъ токъ, и съ плещущахъ ручьемъ струился потъ. «Tout comme chez nous», пробормотала я про себя и стала напѣвать Гейне-скій стихъ: «tanzen um die Bundeslade;... tanzen betend mit den Füßen».

Чтобы исчерпать запасъ свободныхъ искусствъ у моихъ полярныхъ друзей, я считаю нелишнимъ сообщить еще ноты къ баснѣ, которую я передаю гг. лингвистамъ и которая частью распѣвалась, частью произносилась речитативомъ.

Пѣсня поется сильно въ пость и интонація звуковъ весьма шатка.

Затѣмъ возвратился къ тунгусскому происхожденію Асинскихъ Самоѣдовъ. На сколько языкъ ихъ вполнѣ согласовался съ языкомъ Авамскихъ Самоѣдовъ, настолько тунгусскій языкъ былъ имъ совершенно незнакомъ. Выселеніе ихъ изъ горъ совершилось, должно быть, весьма давно¹⁾, и перемѣна главнымъ образомъ произведена самоѣдскими женщинами. Старшина ихъ, единственный крещеный въ ордѣ, нарѣченный Михайломъ Португалинымъ, прозывался N° 2 g g o s i. Онъ кое-какъ коверкалъ русскій языкъ, хорошо говорилъ по якутски, но при всемъ томъ не понималъ тунгусскаго языка. Онъ принялъ крещеніе, само собою разумѣется, потому, что былъ самый хитрый, а потому былъ также шаманомъ своей орды. Такое скопленіе несогласныхъ между собою должностей встрѣчалось въ тундрѣ нерѣдко и напоминало Еврону.

19-го Мая стар. ст. я тронулся съ этими Асями, которые, сильно пострадавъ отъ эпидеміи, теперь уже довольно поздно покинули свои зимовья на Боганидѣ съ тѣмъ, чтобы отказать отъ защиты лѣснаго предѣла, и постепенно послѣдовать за таявшими къ сѣверу дикими сѣв. оленями и перелетными птицами. Во главѣ каравана двигался, въ арматурѣ, описанной выше на стр. 663, пріятель мой Тойчумъ, ростомъ всего въ 4 фута, но честный человѣкъ и умная голова.

Шагомъ, и только изрѣдка мелкою рысцою, мы ежедневно проѣзжали отъ 3 до 4 геотр. миль, особенно потому, что за недостаткомъ сѣв. оленей, приходилось впрягать даже коровъ, недавно отелившихся, и молодой скотъ.

Важнымъ гусянимъ шагомъ слѣдовало длинный въ полсотни рядъ саней нашего каравана. Во главѣ, какъ сказано, Тойчумъ, торжественно, съ поднятымъ вверхъ копьемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служить пикой, бичемъ, тормазомъ, опорой при крутыхъ боковыхъ покатостяхъ, справщикомъ сбрун, и даже ломомъ, когда нужно добыть воду. Велѣды за вожакомъ ѣхали женскія сани²⁾, въ которыхъ впряжены были наиболѣе спо-

¹⁾ Въ 1614 году Таймырскихъ Самоѣдовъ впервые обложили податно (Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, р. 49). Были-ли это Авамскіе Самоѣды? или тогда участвовали въ этомъ уже и Ася?

²⁾ Т. е. по-форшт. Женскія сани, на которыхъ кладется поклажа, выше и шире мужскихъ. Вся дланя ихъ составляла 99", вышина полспирокъ 27" до дна саней, и на 8" выше для поддержанія боковыхъ досокъ сидѣльа. Ширина

койные на ходу сѣв. олени; на этихъ саняхъ лежали крошечныя санки, въ которыхъ тщательно припрятавъ были идолы орды. Затѣмъ слѣдовала пара мужскихъ саней, за ними наши нарты, потомъ опять мужскія сани, за которыми тянулся длинный рядъ женскихъ саней съ поклажей, и наконецъ еще стадо съ погонщиками, скакавшими то вправо, то влево, чтобы гонять животныхъ.

Самодѣльный, набитый волосокъ, хомутъ сѣв. оленя.

На одной части женскихъ саней лежали стойки для шалашей, шкуры для покрывки ихъ (пѣк), запасы топлива, лодки¹⁾ съ двудопатными веслами, разнаго рода снасти для ловли животныхъ и домашняя утварь. Другія сани были тщательно покрыты шкурами и обвязаны ремнями; въ нихъ находились съѣстные припасы. На нѣкоторыхъ разложены были мѣха для удобнаго сидѣнья больныхъ, для женщинъ и дѣтей. Даже нѣсколько мѣховыхъ собакъ сидѣло на саняхъ, тогда какъ большая часть, на привязи, бѣжала вольно саней.

По временамъ вожакъ другому, смѣняющему его лицу указываетъ направленіе пути, а самъ скачетъ на возвышеніе, выкуриваетъ трубку, поглядываетъ во всѣ стороны и, подобно полководцу, пропустивъ мимо себя весь караванъ, вслѣдъ затѣмъ опять отправляется во главу шествія. Tout comme chez nous. Въ качествѣ вожакотвъ они считаютъ себя важными лицами, да и дѣйствительно задача ихъ не легка, потому что необходимо позаботиться и объ оленьемъ мѣхѣ, и о лѣдѣ для воды, и о топливѣ, хотя бы это были одни только криворослыя ивы, и о возможно лучшемъ успѣхѣ по части ловли рыбъ, сѣв. оленей и песцовъ, и о защитѣ отъ непогодъ.

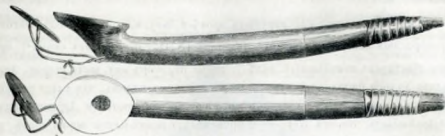
Наконецъ, сообразивъ порядкомъ все это, онъ вытаскиваетъ въ снѣгъ копые свое, притягиваетъ къ себѣ, не сходя съ саней, впряженныхъ въ нихъ сѣв. оленей, развязываетъ имъ ремни и отпускаетъ ихъ въ тундру. Затѣмъ, неподвижно продолжая сидѣть на поджатыхъ подъ себя ногахъ, онъ съ удивительнымъ спокойствіемъ вытаскиваетъ изъ-за голенища мѣховыхъ сапоговъ свою трубку²⁾ изъ мамонтовой кости, изображенную тутъ въ половину настоящей величины. Пуголка съ ремешкомъ служитъ для лучшаго привѣшанія трубки.

сидѣнья была на дѣлѣ въ 35", сверху въ 32". Сивка вышлась надъ богами на 8" и находилась всего на 36" надъ двумя. Отвѣсно подъ нею кончилась полость, отъ подпора въ 19" до самой задней изъ трехъ, отстоящихъ одна отъ другой на 15".

1) Мундоу, лодка; тоѳѣа, весло.

2) Въ мое время за такую трубку платили отъ полупесца до цѣлага пса; за мѣдный нагрудникъ или на бедерникъ также пса; за лодку до 20 пса.

Мундштуку составляет раздвоенная трубка из лиственничного дерева, которую въ крайней нуждѣ растираютъ въ табакъ. Впрочемъ, потребность въ курительномъ матеріалѣ чрезвы-

Мамонтова трубка въ ползельчичинъ.

чайно незначительна, потому что въ трубкѣ едва помѣщается треть того, что входитъ въ наперстокъ, да кромѣ того, изъ шубы вырываются волосы, которыя кладутся подъ табакъ и, вмѣстѣ съ трутомъ, усиливаютъ дѣйствіе его. Дѣлается нѣсколько глубокихъ по самыя легкія затяжки, часто сопровождающихся наркотическимъ самозабвеніемъ или даже одуреніемъ, и куренію конецъ. Но тѣмъ чаще оно повторяется. Прекрасный полъ (въ особенности старыя вѣдьмы) также постоянно передаютъ другъ другу трубку, хотя бы она и была набита только шерстью сѣв. оленей и стружками. Но это, конечно, дѣлается не на привалахъ, потому что въ то время, когда мужчины не трогаются съ мѣста и цѣлыми часами сидятъ при шумѣ непогоды, не теряя терпѣнія и не покидая, изрѣдка даже спать, съжившись на саняхъ и запрягавъ ноги въ мѣховую мѣшокъ¹⁾, въ то время женщины находятся въ лихорадочномъ движеніи. Онѣ устраиваютъ чумъ, который снимается очень скоро, но нѣрѣдко устанавливается лишь съ величайшимъ усиліемъ.

Сгребаютъ снѣгъ, разстилаютъ на землѣ двѣ-три доски, съ прекрасно изолирующими рогами, сплетенными изъ прутьевъ, и покрываютъ ихъ поддержанными шалашными шкурами. Ставятъ конусообразно стойки въ видѣ продолговатого, расширяющагося по бокамъ овала, и вводятъ дощечку порогомъ для дверей. Чрезвычайной ловкости требуетъ, особенно при степной бурѣ, прикрѣпленіе шалашныхъ шкуръ, которыя внизу обкладываются снѣгомъ. Дверное отверстіе, въ случаѣ надобности, завѣшивается вдвое. При слишкомъ сильномъ дымѣ, съ подвѣренной стороны устраивается отверстіе. Затѣмъ садятся на мягкія шкурѣ. Долго Европеецъ не въ состояніи удерживаться отъ смѣха, когда новый обитатель чума на четверенькахъ вползаетъ чрезъ низенькое дверное отверстіе, усаживается, приподнимаетъ вверхъ ноги, показывая всей компаніи ту часть тѣла, гдѣ спина лишается честнаго своего имени, потомъ съ такимъ-же шумомъ, какъ напр. пѣтухъ, хлопаящій крыльями, бьетъ одну ногу объ другую, чтобы страхнуть въ огонь

¹⁾ Вуколь, такъ называется спитая спереди мѣшкомъ шкура сѣв. оленя, висѣвшая сзади на синихъ саней и служащая полоютою и спяльняемо мѣшкомъ.

приставший къ нимъ снѣгъ и затѣмъ спокойно поджимаетъ подъ себя ноги, подобно раку, какъ складной ножикъ — недосагаемо для самаго благовоспитаннаго салоннаго Европейца.

Между тѣмъ женщины уже нарубили дровъ и льду, или осенью подъ снѣгомъ отыскали криворослыя ивы, навѣшиваютъ котелокъ ($Nit(\frac{a}{o})$ и разводятъ огонь¹⁾, при чемъ неустанно дѣйствуетъ незаменимый мѣхъ²⁾; но на перекорь ему часто сырое, даже грубое, топливо до того наполняетъ чумъ дымомъ и ѣдимъ чадомъ, что глаза суживаются въ крошечную щелку, мускулы въ лицѣ судорожно сжимаются и Дарвиніанецъ смѣло могъ бы доказывать, что отъ этого-то и происходитъ монгольская форма глазъ, подобно тому, какъ широкое лицо средне-азиатскихъ Монголовъ приписывалось расширенному отъ верховой ѣзды тазу, въ которомъ развивается зародышъ.

Въ котлѣ почти всегда варится мясо сѣв. оленя, которое, если въ шалашѣ ждутъ еще другія семейства, часто уже вынимается полусырымъ. Наваръ остается въ котлѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ чашей и тарелкой. Смотря по надобности, этотъ наваръ употребляютъ какъ питье. Столъ-же просто устроено дѣло съ ложкой; для черпанія употребляется большой желѣзный ковшикъ ($Bäss'a-kitta$), изъ котораго непосредственно хлеблютъ супъ. Корыто ($stljä^{ch}$ _ka), деревянная чаша ($kitta$) и ложка изъ мамонтовой кости (kuj) въ обиходной жизни принадлежать уже къ предметамъ роскоши. Мясо хватаютъ пальцами, запускаяютъ въ него зубы и ножомъ отрѣзываютъ кусокъ снизу вверхъ, передъ самымъ кончикомъ носа.

Кто въ добавокъ хочетъ вытереть запачканные пальцы, тому, вмѣсто полотенца, подаютъ тѣльные перья бѣлыхъ куропатокъ.

Если охота неудачна, то являются на сцену, небольшими порціями, запасы послѣдняго сезона: мороженныя или слегка копченныя рыбы³⁾, либо также валеныя⁴⁾, рубленныя, сохраненныя въ салѣ и рыбьемъ жирѣ, и высушенныя вѣтромъ гуси (некопченныя), зашитыя въ мѣшки изъ шкуръ почти безцесуйной кунджи⁵⁾. Въ видѣ лакомствъ являются также колбасообразныя рыбы шкуры, набитыя жирными брюшными и спинными кусками лодовъ⁶⁾, или колбасы, начиненныя лакомымъ надбрюшнымъ и кишечнымъ жиромъ сѣв. оленей, или гусинымъ жиромъ, составляющимъ прекраснѣйшій десертъ.

¹⁾ Трутнемъ служатъ ивъ трава ch _tuo (обратно $Ar-$
 $temisia$ $Tilesii$ Ledeb.), натуральная углянь.

²⁾ $kääj$, конечно безъ клапановъ.

³⁾ Такъ называемыя вообще $Jukola$, которую Аси называютъ $Fäggö$.

⁴⁾ Юликта русскихъ поселенцевъ; Аси называютъ F
 $Ch'urs'u$.

⁵⁾ $Nilimä$.

⁶⁾ Варка русскихъ поселенцевъ; у Асей: $s'öbo$.

Весьма оригинальны сосуды, из которых вынимаются съестные припасы и лакомства. То мѣх подавали для наливанія водки флакомъ, снятый съ ноги лебеда или служившій сѣв. оленю желчнымъ пузыремъ, то сосудъ изъ гусяной шкуры, разрезанной сзади между ногами, выпотрошенной и, по перевязкѣ шеи, ногъ и крыльевъ, начиненной фаршемъ; то являлся бочка, сдѣланная изъ приготовленной такимъ же образомъ шкуры олененка, которая выпотрошена черезъ ротъ и у которой потомъ, когда ее начинать, презабавно торчать четыре под-

Лебединая нога для хранения жира.

мѣ двухгодовалое животное исчезаетъ за однимъ ужинкомъ. Часто мушны только слишкомъ лѣнны, чтобы трогаться съ мѣста. Обрѣченнаго на закаланіе олененка я спасъ тѣмъ, что уговорилъ спутниковъ своихъ не убивать его; отправился человекъ въ степь, въ озаренную солнцемъ ночь и черезъ нѣсколько часовъ привезъ двадцать съ чѣмъ-то бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ онъ загналъ въ сѣть. Вскорѣ отъ нихъ остались одніе кишки, висѣвшія надъ очагомъ для копченія. Климатъ требуетъ обильной пищи и стараніе начинить желудокъ обращается въ обычай. Притомъ мясная пища переваривается такъ легко, что я скорѣ началъ съѣдать порціи, вѣсомъ чуть-ли не втрое болѣе того, что я привыкъ ѣсть дома.

Когда наступаютъ тѣжкія времена — а рѣдко проходитъ весна, которая за беззаботную небрежность не наказывала бы нужною, — то съѣдаютъ волковъ, лисницъ и песцовъ. Одинъ Самоѣдъ выпросилъ у насъ выброшенныхъ нами кишки сѣв. оленей, которыя уже цѣлую недѣлю гнили вонявъ нашего чума подъ лучами незаходившаго солнца. Правда, что мѣсца два спустя мы дорого бы дали, если бы сами могли съѣсть ихъ.

Вообще котлу приходится работать меньше, чѣмъ бы можно было думать, потому что рыбы болѣею частью поѣдаются въ сыромъ, свѣжемъ или замороженномъ видѣ. Голову убитаго дикаго оленя нужно съѣдать въ сыромъ видѣ, если не хочешь совершить

Весьма оригинальны сосуды, из которых вынимаются съестные припасы и лакомства. То мѣх подавали для наливанія водки флакомъ, снятый съ ноги лебеда или служившій сѣв. оленю желчнымъ пузыремъ, то сосудъ изъ гусяной шкуры, разрезанной сзади между ногами, выпотрошенной и, по перевязкѣ шеи, ногъ и крыльевъ, начиненной фаршемъ; то являлся бочка, сдѣланная изъ приготовленной такимъ же образомъ шкуры олененка, которая выпотрошена черезъ ротъ и у которой потомъ, когда ее начинать, презабавно торчать четыре под-

Народъ слишкомъ легко принимается за закалываніе олененка, и при маломальски наполненномъ людьми чу-

грѣха. Уши, свиной жиръ, вымя, печень и кишечный жиръ убитаго сѣв. оленя, составляющие чрезвычайно лакомые кусочки, охотники любятъ съѣдать сырыми на мѣстѣ боя; глотаютъ даже часть пищи, содержащейся въ кишечномъ каналѣ, считая ее средствомъ противъ цынги. На ухахъ, которыя были отданы мнѣ, какъ счастливому стрѣлку, убитому оленя, я чуть-было не выломалъ себѣ зубовъ и все-таки не могъ справиться съ ними, но печенью, которая еще дымилась, я не могъ вдоволь насладиться. По ушамъ Аси узнаютъ, жиренъ-ли сѣв. олень, или нѣтъ. У перехода отъ ушнаго хрища къ затылку, слѣдовательно вокругъ подъемаго мускула уха, набирается отлагающійся въ клетчатую ткань жиръ, который ощущивается въ видѣ каната. Тутъ-то и кроется вся суть распознаванія жирности животнаго ощупью углей.

Растительная пища, даже мука, по-видимому не пользовалась почетомъ. Только во время голода весною я встрѣтилъ Самоѣдъ, который откапывалъ и съѣдалъ въ сыромъ видѣ корни, какъ мнѣ казалось, астрагалуса. Онъ увѣрялъ меня, что иногда они и варятъ ихъ.

Мушны ловить рыбу, охотятся и стерегутъ сѣв. оленей; послѣдние каждый вечеръ споняются къ чуму, обыкновенно-же сами собираются, часто становятся чрезвычайно начальными и при всякомъ внезапномъ испугѣ, того и глады, чуть не опрокидываютъ шалашей. Въ дурную погоду чинятся сани, шесты и приборы. Важную роль играетъ коловоротъ, который долженъ находиться на всѣхъ мужскихъ саняхъ, потому что большая часть починокъ производится перевалками.

Если бы Самоѣды были лучше вооружены, то они несравненно успѣшнѣе могли бы устроить свое хозяйство. Стрѣльба ихъ изъ луковъ, какъ мы уже замѣтили (стр. 600), весьма неудовлетворительна, а желѣзо на р. Таймырѣ такъ рѣдко, что, благодаря двумъ-тремъ гвоздямъ, я слѣдался благодѣтелемъ Асица, котораго постигло несчастье, что онъ не могъ отыскать выпущенную имъ послѣднюю стрѣлу. Какъ ни искусенъ способъ загонки сѣв. оленей, но онъ лишь тогда сопровождается лучшимъ успѣхомъ, когда удается принудить животныхъ къ переправѣ черезъ значительнаго воднаго пространства. Только приборы для ловли песцовъ могутъ быть названы удовлетворительными, потому что щемилки изъ привезенныхъ съ предѣла древесной растительности стволцовъ, на которые кладутся камни, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію, чѣмъ онѣ проще и, слѣдовательно, чѣмъ больше ихъ таятся по всей тундрѣ въ видѣ почти непрерывнаго, часто даже параллельно идущаго, ряда ловушекъ. Съ другой стороны у Самоѣдовъ нѣтъ также недостатка въ лисицъ капкавахъ, которые разставляются передъ выходами изъ песцовыхъ норъ и наконецъ должны достигнуть своей цѣли, хотя иной тертый какачь заставлятъ ждаты себя два три, прежде чѣмъ нужда заставитъ его влѣзть въ капкавъ.

При всемъ томъ слѣдовало-бы облегчить приобрѣтеніе лисицъ капкановъ и во всякомъ случаѣ было бы необходимо развить его при помощи возможно большаго распространенія хорошо наставленныхъ наконечниковъ стрѣлъ и коши, а въ особенности волчьихъ капкановъ (срав. стр. 557), къ которымъ не мѣшало бы еще присоединить стрих-

нинг. Волки и росوماхи—злые враги северного оленеводства, большею частью не падаются в ловушки.

Недостает также у Самофодов неводов, и вся их рыбная ловля, по крайней мере в Таймырском крае, ограничивается жалкими ставными сетями. Главный спрос должен бы быть на пеньковую пряжу, а между тем торговля и там, в глуши, преимущественно избирает предметы роскоши и во время осеннего довольства Самофодов надбавляет и соблазняет этих часто голодающих, иногда даже умирающих с голоду, детей природы, табаком, медными украшениями, стеклянными бусами, полосками сукна и т. п., охоты же всего водкою. Купцы производят рыбную ловлю лучше на собственный счет, при помощи обидливших кочевников, en gros.

Большие невода были бы тем более уместны, что Самофоды привыкли заниматься ловлею сообща. Только в начале лета стояло несколько отдельных шалашей на Верхнем Таймыре, и мы явились к ним к стати неустанными передавателями известий между соседями, которые вовсе не виделись между собою и жадно распрощивали нас о житье-бытье своих родичей, тем более, что в то время эпидемия похитила много жертв. Но уже в конце Июля Асины на Верхнем Таймыре стали собираться целыми обществами, которые на общий счет сгоняли сев. оленей на воды, загоняли ливявшихся гусей в разставленные сети и т. п.

Это не должно удивлять нас, потому что коммунистический обычай, сложившийся из первоначального гостеприимства первобытных порядков, как ракъ, развѣдает самофодское хозяйство. И разумно дѣлеж добычи на доли. За каждым хорошим охотником слѣдуютъ праздные бѣдняки, потому что всякій, являющийся къ хозяину убитаго животного въ то время, когда охотникъ еще не успѣлъ разрѣзать добычу, вправѣ не только участвовать въ ѣдѣ, но и получить долю шкуры. Такимъ образомъ случилось, что Тойчумъ въ продолженіи всего лета ничего не получилъ и что первую шкуру, которая пришлась на его долю, доставилъ ему мой выстрѣлъ въ концѣ лета. Мой сотоварищъ по охотѣ Коммисси собственноручно закололъ четырехъ сѣв. оленей при переправѣ ихъ черезъ воду, а все-таки ему досталась доля, т. е. шкура и половина мяса, лишь отъ десятиаго животного, убитаго имъ въ теченіи лета 1843 года. Рядомъ съ этимъ коммунистическимъ обычаемъ губятъ ихъ религиозный обычай, снабжать покойниковъ въ дальній путь принадлежавшимъ имъ имуществомъ, а въ особенности поминки, для которыхъ убивается огромное количество сѣв. оленей, съдаемыхъ при этомъ оставшимся въ живыхъ.

Податями обложены были Асины очень умеренно: имъ приходилось платить каждому только по парѣ песцовыхъ шкуръ, которая оцѣнивалась въ 5 руб. асс., тогда какъ сосѣди ихъ, Тунгусы и Долганы, должны были вносить какъ изъ 4 песцовъ. Прежде Асины удерживали даже морду съ лапками, но теперь на это смотрѣли строже. Въ мое время песцовая лапа употреблялась какъ разменная монета и составляла $\frac{1}{12}$ часть единицы, т. е. цѣлаго песца, шкура котораго цѣнилась въ 2 руб. 40.

При вниманіи подати старшины, по-видимому, поступали весьма прилично, тогда Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

как на казенных сборщиков податей, казацких унтер-офицеров и казаков, жаловались, что они не умѣют писать прямо, как я пишу. Такой-то и такой-то, говорили мнѣ, «пишете слишкомъ криво», такъ что приходится всегда платить больше, а иногда и еще во второй разъ».

Власть старшинъ, въ качествѣ главныхъ судей, по-видимому была очень велика. Очевидно это расширенная патриархальная власть, потому что однажды Око сильно поколотилъ своего женатаго сына, жившаго отдѣльно отъ него. Это было единственное наказаніе, которое мнѣ привелось видѣть у Самоѣдовъ. Уваженіе къ старшему выражалось у Асиinceвъ впрочемъ только тѣмъ, что какъ мужчины, такъ и женщины, подходили къ нему и цѣловали его, если они встрѣчались съ нимъ лѣтомъ въ первый разъ. Старшины судятъ и наказываютъ по усмотрѣнію и по существующимъ обычаямъ. При моемъ незнакомствѣ съ послѣдними, я иногда затруднялся рѣшеніемъ вопроса, относившагося къ наследственнымъ раздѣламъ, поступавшимъ ко мнѣ на апелляцію. Со мною вполнѣ соглашались въ томъ, что изъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, двоюродный братъ, усыновленный сынъ и племянникъ должны получить свою часть. Но общее недоразумѣніе возбудило мой приговоръ, чтобы изъ имущества умершаго въ мое время старшины, не оставшаго по себѣ наследниковъ, одна треть была отдана тремъ самымъ бѣднымъ старцамъ племени.

Одна вдова получила въ наследство сѣверныхъ оленей своего мужа, а весь охотничій приборъ его достался тому, который принялъ вдову къ себѣ въ чумъ. Казалось, что осталась вдова бездѣтной, все перешло бы къ родственникамъ покойнаго мужа.

Большое затрудненіе заключается для прибѣгающаго въ томъ, что у Асиinceвъ, также какъ у Береговыхъ Юраковъ (срав. стр. 665), нѣтъ фамильныхъ названій. Этими для нашего брата, да очень скоро и для Самоѣдовъ, прекращается всякая преемственность. Отца Тойчума звали напр. Тонкѣва. Кромѣ приведенныхъ уже прежде именъ, считая нелишнимъ, ради образца, привести имена моихъ асиинскихъ сотоварищей по охотѣ; ихъ звали: Nantúa, Naturánta, Nauránta, Motlja, Mohná, Nakaraka.

Стоитъ сказать еще нѣсколько словъ о женщинахъ.

Женщины дубятъ, шьютъ, чинятъ, вышиваютъ, какъ только выдается свободная минута. О произведеніяхъ ихъ по части шитья мы уже говорили на стр. 647. На слѣдующей страницѣ изображенъ обыденный нарядъ Асиинца, собственно лѣтняя одежда, называемая $\widehat{p}j\acute{a}d_0^2ly$. Жена для Самоѣда также необходима, какъ нашимъ знатымъ баграмъ камерлинеръ, камеръ-юнгферъ, главный поваръ, дворникъ, молный портной, обойщикъ и т. п. Все это самоѣдская женщина соединяетъ въ одномъ лицѣ. Безъ женской свиты на одинъ Самоѣд не тронется въ путь, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что наткнется на готовый ночлегъ, на чумы.

Да, такая трудолюбивая жена кладъ, и потому умный Самоѣдъ, если ему мало-мальски позволяють средства — а это рѣдко случается — заводитъ себѣ двухъ женъ. Если

онъ самъ не нуждается въ двухъ женщинахъ, то одну отдасть въ наймы, что бываетъ особенно выгодно въ такомъ случаѣ, когда кромѣ собственнаго пал, слѣдующаго ему,

Полушубокъ Асиискаго Самоёда сзади.

Тотъ-же полушубокъ спереди.

какъ хозяйину, по обычаю достается еще другой пай на долю жены. Такъ объяснилъ мнѣ это семейное дѣло тунгусскій старшина Сантаулъ, счастливецъ, успѣвшій записать четырея женами. Конечно, что все это значить въ сравненіи съ униженіемъ женщины на основаніи средневѣковаго права *seigneurie* у европейскаго земскаго дворянства.

Если такой Крезь по части стада, какъ напр. Окъ, въ состояніи пашать себѣ въ батраки Самоёда, то онъ, кромѣ харчей и новой одежды съ головы до ногъ, обязанъ дать ему сѣв. оленя, за годовые труды его, считая срокъ отъ одного лѣта до другаго. Такое вознагражденіе соответствуетъ высокой рентѣ.

Чтобы добыть себѣ жену, нуженъ капиталъ, да притомъ большой капиталъ. Дочневѣста не тягость, а дорогое сокровище; это своего рода капиталъ. Нѣтъ ничего легче, какъ прискаты ей мужа. Поэтому нужно содержать ее хорошо. Почти за полстолютіе до меня, сестра старшины Натуранты, который и въ мое время счастливо правилъ своимъ народомъ, всюду была извѣстна своею разсудительностью, бережливостью и безпреко-

словностью—буквально так перевелъ мнѣ рассказъ переводчикъ мой. Тщетно домогался ея руки цѣлый рядъ жениховъ. Цѣна за нее была слишкомъ высока. Наконецъ одинъ Самоѣдь, слышавшій въ то время за богача, купилъ ее для своего сына въ качествѣ второй жены. Онъ далъ отцу 5 голубыхъ песцовъ, 45 песцовъ, 5 волковъ, стадо въ 90 сѣв. оленей, 8 аршинъ красного сукна, не говоря уже о котлахъ и о всей принадлежности домашняго хозяйства. Кромѣ того цѣлое собраніе женскихъ мѣдныхъ панцирныхъ пластинокъ было замѣнено сѣв. оленями¹⁾. Громко раздавалась слава такой женщины и ясно доказывала, что Самоѣдь, хотя и отдаетъ жену свою въ наймы, все-таки лучше инаго Европейца умѣетъ цѣнить умственныя достоинства женщины.

Старшій сынъ богача Окó женился на Авамской Самоѣдкѣ, заплативъ за нее 16 песцовъ, 2 волковъ, 40 сѣв. оленей, шкуры для чума, котлы и т. п. снаряды.

Пріятель мой Тойчумъ, хотя и старшина, но былъ бѣднякъ. За свою дочь онъ получилъ только 30 песцовъ, 2 волковъ и 20 сѣв. оленей, но въ свою очередь долженъ былъ отдать на обзаведеніе 10 сѣв. оленей, котлы и др. принадлежности. Но по опыту, говоритъ онъ, ему извѣстно, что сѣв. олени, приобретенные такимъ путемъ, какъ-то не идутъ въ прокъ, т. е. дохнутъ, разрываются волками и т. д.

Иногда приданое невѣсты, по-видимому, очень понижаютъ цѣну за нее. Такъ напр. видно было изъ разсказа, что невѣста должна имѣть на готовѣ новую одежду для жениха, т. е. полушубокъ, совершенно бѣлые сапоги съ красными суконнымикаемками и т. д., что она должна получить въ приданое два отдѣленія новыхъ покрывшекъ на чумъ и домашніе приборы всякаго рода, наполняющіе обыкновенно отъ 8 до 10, а въ экстренныхъ случаяхъ до 20 савей, изъ которыхъ въ каждые выражено по 1, а въ невѣстныя 2 сѣв. оленя. Все это достается молодой четѣ.

Слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ устранивается мѣна, да и на слѣдующій годъ молодая чета посѣщаетъ родителей и обязана привезти имъ новый нарядъ, и за это получаетъ отъ нихъ 2 сѣв. оленя.

Что основу брака составляетъ идея обмѣна, это доказываетъ также слѣдующій случай. Второй сынъ Окó, слѣдовательно сынъ очень богатаго человѣка, женился на дочери старшины Натуранты, т. е. на аристократкѣ. За нее отецъ Окó отдалъ свою дочь, т. е. сестру жениха, служившую Натурантѣ до тѣхъ поръ, пока онъ выдалъ ее замужъ ради своей пользы.

Переговоры часто длятся съ полгода и больше. Свать получаетъ за свои хлопоты сѣв. оленя.

Церемоній сватовства, сговора и приводовъ невѣсты, которыхъ мнѣ самому не удавалось видѣть, потому что все это дѣлается во время зимняго отдыха, я не стану описывать. Хотя ихъ и можно считать гражданскимъ бракомъ, но онѣ несравненно сложнее европейскихъ, и при всемъ томъ, бракъ легко растранивается, конечно, при удовлетворительномъ возвращеніи вещей.

¹⁾ Кастрень, въ упом. соч. стр. 56, также сообщалъ намъ высокую цѣну жены у Остановъ.

Вообще съ женщиною, несмотря на униженіе ея, обращаются хорошо. Никогда я не видѣлъ, чтобы женщинъ истязали; даже бранныя слова большая рѣдкость. Какъ иѣто неслыханное рассказывали, что Окѣ колотить жену свою, да преимущественно изъ ревности. Вдова, невѣстка Тойчума, лишившаяся уже двухъ мужей, хвалила мнѣ обоихъ, но все-таки увѣряла, что если бы сыншкка не былъ такъ молодъ и уже умѣлъ бы ловить бѣлыхъ куропатокъ, то она не стала бы болѣе помышлять о третьемъ мужѣ.

Затѣмъ обратимся снова къ разсмотрѣнію того, что женщины шьютъ и вышиваютъ. Къ наряду принадлежить, какъ извѣстно, рубашкоподобная исподняя одежда, обращенная мѣхомъ во внутрь и заступающая мѣсто нашего фланелеваго бѣлья; есть нѣсколько видовъ ея ¹⁾; затѣмъ штаны (Fonïä) и такъ-называемые чулки (Töngada). Женскіе штаны, украшенные на полѣ шитымъ узоромъ, нераздѣльно соединены съ грудною частью ²⁾, которая слерживается подтяжками, оставая спину открытою. Верхнія женскія шубы не смыкаются въ видѣ рубашки, а открыты спереди: да и шапка ихъ не соединяется съ верхней шубой.

Въ шалашѣ въ хорошее время года люди часто ходятъ голыми, въ однихъ только штанахъ; особенно они голыми ложатся спать въ свои спальные мѣшки, да обыкновенно вдвоемъ.

Кромѣ кистевыхъ ремней и различныхъ украшеній, на спинной части полушубка (см. рисунокъ на стр. 681), шкура еще расписана красками. Обыкновенно, а въ особенности на дѣтскихъ одеждахъ, которыя болѣе всего разукрашиваются, изображены четырехугольныя фигуры на синій и сдѣланныя въ видѣ подтяжекъ полоски черезъ плечи. Бѣлая и красная краски смѣняются поочередно. Ремневая косичка также состоитъ изъ черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ полосокъ.

Особенно отличается, какъ и у нашихъ дамъ, головной уборъ; но онъ неизмѣнно строго слѣдуетъ модѣ. Вышеупомянутое убранство шапки, съ длиннымъ чернымъ собачьимъ волосомъ мохнатыхъ шпцовъ, оканчивается и спереди чѣмъ-то въ родѣ пушистаго хвостика, который отчасти прикрываетъ лицо, но при вѣтрѣ важно развѣвается, какъ перья на шлемѣ.

Впрочемъ, женщины, когда онѣ привираются, совершенно обѣшаны мѣдными бляхами и вилетенными въ косы бубенчиками и бусами. Но я разъ только нашель, что онѣ дѣйствительно имѣли статный видъ, т. е., когда онѣ настъ посѣтили среди лѣта и когда въ буквальномъ смыслѣ ихъ нельзя было узнать, потому что онѣ вымылись.

Татуированіе лица, въ видѣ украшенія, у Самоѣловъ, по-видимому, дѣйствительно не въ употребленіи. Между Асициами я встрѣтилъ, однакоже, трехъ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ на правой рукѣ, отчасти на внутренней сторонѣ локтеваго сгиба, отчасти косо, вдоль верхней вены, были три черныхъ пятна въ рядъ. Онѣ вшиваются съ ранней

¹⁾ Коротеньей тулупъ съ шапкой мнѣ назвали п1) ²⁾ Пајку. Попробъ ея какъ въ Германіи у мальчиковъ сѣльскихъ жителей.

молодости посредством жальных волоконъ, вычерненныхъ углемъ. Можетъ быть, это употребляется въ видѣ предохранительнаго средства отъ болѣзней, потому что противъ столь обычнаго въ чумахъ; чрезвычайно чувствительнаго лома въ полсилицъ татуирный шовъ служитъ какъ отводное средство; вслѣдствіе этого спина Натуранты представляла цѣлый рядъ образчиковъ такого рода. Кромѣ лома въ полсилицъ, которымъ и я сильно страдаю, нерѣдкою болѣзнию оказывалась парша. Что жесткія невгоды, которыми подвергаютъ себя эти люди, не позволяютъ имъ достигать старости, это доказывалось тѣмъ, что во всей Асиинской ордѣ былъ одинъ только старикъ. Онъ страдалъ неспособностью поднимать верхніе вѣки, но сумѣлъ помочь своему горю искусно придуманной повязкой въ видѣ буквы Т, которая спереди расходилась вилкообразно мимо обѣихъ створъ носа и подтагивала вѣки вверхъ.

Впрочемъ, кожа на тѣлѣ этихъ людей татуирована еще иначе, чѣмъ мы тотчасъ описали, а именно въ видѣ кровавыхъ точекъ, благодаря бесчисленнымъ обитателямъ ихъ одежды, съ которыми они тщетно борются (срав. стр. 53 и 653). Къ точкамъ присоединяются рубцы, образующіеся отъ расчесыванія тѣла. Это страданіе заставило ихъ обзавестись особымъ инструментомъ, который въ чрезвычайно утонченныхъ туалетныхъ магазинахъ нашихъ встрѣчается въ видѣ длинной, изогнутой щетки, изображающей свиновую скребницу.

Прототипъ этого рафинированнаго инструмента является у Самоѣдовъ въ видѣ тонкаго обрѣза отъ рога сѣв. оленя, конецъ котораго передъ огнемъ согнуть подъ прямымъ угломъ и ремнями удержи-
 вається въ этомъ положеніи. Чтобы объяснить значеніе этой скребницы, я

Свиная скребница Асиинскаго Самоѣда.

мѣтки о «пожираніи» и щелканіи, онъ продолжаетъ: «Если же они (т. е. Ительманы) хотѣтъ вполнѣ улажить себя, то они снимаютъ куклянку, садятся голыми передъ огнемъ, берутъ веревку, сплетенную изъ сухихъ корней *Alsines marinae portulacae-foliae*, водятъ ее обѣими руками по спинѣ и отъ удовольствія дѣлаютъ умильнѣйшія фазіономіи».

Вознесаясь отъ этихъ земныхъ горестей и радостей къ болѣе высокимъ предметамъ. Религіозный интересъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на удачѣ и неудачѣ въ охотѣ и ловлѣ, хотя домашнему истукану приходится заботиться еще о многомъ другомъ. Выше (стр. 647) мы уже имѣли случай ознакомиться съ двумя домашними истуканами. Ни Окѣ,

¹⁾ Beschreibung des Landes Kamtschatka, 1774, стр. 199.

ни Тойчумъ не рѣшился показать мнѣ своихъ домашнихъ божковъ, освященныхъ шаманомъ. Это были какія-то куклы. Одинъ изъ моихъ казаковъ рассказывалъ мнѣ, что какой-то Береговой Юракъ возлгъ съ собою, за истукана, отца своего, высохшаго въ черную мумію. Меня посѣтилъ Асинецъ, у котораго на шеѣ, на ремнѣ висѣлъ въ видѣ амулета, крошечный мѣшечекъ, наполненный золою особаго рода.

Кромѣ такихъ истукановъ Асиныцы поклоняются также естественнымъ достопримѣчательностямъ. На высокомъ берегу р. Таймыра я нашелъ камень, изображающій, если дать волю фантазіи, верхнюю часть человѣческаго тѣла. Вокругъ него были навалены необыкновенно большія окаменѣлости и такъ-называемыя причуды природы; изъ нихъ одинъ камень, который долженъ былъ изображать птицу, искусственно нѣсколько былъ подтесанъ. Уваженіе къ Тойчуму и зависимость отъ него не позволили мнѣ присвонть себѣ и увести неизвѣстный дотолѣ видъ между упомянутыми окаменѣlostями; онъ и теперь еще лежитъ тамъ. На этомъ жертвенникѣ мнѣмья уста фигуръ густо были обмазаны жиромъ и кровью¹⁾. При этомъ случаѣ я узналъ, что на р. Аганѣ, на высокомъ остромъ холмѣ, среди безлѣсной тундры, поставлена довольно большая засохшая ель съ сучьями. Каменный фундаментъ, въ который она упирается, обмазанъ кровью и жиромъ; рядомъ лежатъ принесенныя въ жертву деньги, бусы, мѣдныя кольца, стрѣлы и т. д. На Енисеѣ, ниже Лудина, на равнинѣ лежатъ, говорятъ, огромной величины камни. При немъ также совершаются приношенія и Самодѣи оправдывали ихъ тѣмъ, что «въ такой тяжелый камень могъ принести туда только самъ Творецъ лично». Въ честь домашняго истукана по временамъ совершаются также возліанія.

Грѣховъ насчитывается бесчисленное множество: тутъ также признается за грѣхъ варить голову убитаго сѣв. оленя, или не откидывать глазь его далеко за себя, черезъ плечо. Если уши не сѣдаются тотчасъ-же, то ихъ необходимо отбрасывать такимъ-же образомъ или сѣдаты уже впоследствии, когда пройдетъ время травли сѣв. оленей; ѣтъ убитыхъ животныхъ собаки не смѣютъ, волки-же и лисцы могутъ; убивать животное, подлежащее закаланію, иначе, чѣмъ посредствомъ задушенія, грѣшно и заставляетъ чело-вѣка хворать и т. д. Но различныя племена, повидимому, различно относятся къ такимъ охотничьимъ заповѣдямъ. Такъ, напр. Хантайцы ѣли чакъ и поморниковъ, какъ лакомство, тогда какъ Авамцы не смѣли ихъ ѣтъ. Асиныцы питали отвращеніе къ большому нырку (*Eudytes glacialis*) и увѣряли, что онъ убиваетъ людей, другія же племена охотились на него.

Болѣе всего опасны отношенія всего священнаго къ женщинамъ, которыхъ положительно считаютъ нечестными. Живо припоминаю выраженіе ужаса на лицѣ моего пріятеля Тойчума, которое я не умѣлъ объяснить себѣ. Въ пылу наблюденій я положилъ своей Шмалькальденскій ковшъ на сани, чтобы удобнѣе занести въ дневникъ градусы,

¹⁾ Самодѣи ограничиваются по крайней мѣрѣ сямно- и къ своимъ почитаннымъ гостямъ (Зан. Импер. Русск. лическимъ отхаркиваніемъ своихъ истукановъ, по вѣ- Георг. Общ. II, стр. 284). которая киргизскія племена прижидаютъ эту процедуру

которые онъ показывалъ. «Женскія сани», воскликнулъ Тойчумъ, «ты ужасно грѣшишь въ отношеніи къ твоему идолу». Чтобы успокоить пріятеля, мнѣ пришлось совершить надъ моимъ компасомъ систематическія очистительныя церемоніи, точно, какъ будто я находился въ Римѣ. Женщина ни за что не смѣетъ перерѣзать путь каравану: она должна пританцовывать къ стѣнѣ, когда мушкетеръ хочетъ выдти изъ чума и т. п.

Такой-же щекотливый пунктъ составляетъ обереганіе охотничьихъ снарядовъ, крыльевъ для травли сѣвери, оленей, и остальныхъ охотничьихъ принадлежностей, отъ оскверненія женщинами. Случается, что охота нѣсколько разъ шла не такъ, какъ желали. Начинаютъ допрашивать богослова и чародѣя, шамана, который, благодаря непосредственному божественному откровенію, все знаетъ и, вслѣдствіе непосредственнаго сношенія съ божествомъ, можетъ узнать еще и больше того. На первый разъ онъ отвѣчаетъ, что «крылья устали». Они должны отдохнуть, хотя великолѣпнѣйшая для охоты погода какъ разъ приглашаетъ васъ воспользоваться кратковременностью глубокаго сѣвера. Но тутъ, конечно, ничего не подѣлаешь; остаешься въ чумѣ и спишь цѣлый день. И я долженъ былъ остаться въ чумѣ, но легко успѣлъ обуздать свое нетерпѣніе, вспомнивъ о жарко-сухихъ воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ на родинѣ, въ самое горячее время сѣнокоса въ дождливыя годы. При всемъ томъ однакоже охота опять таки неудачна. Снова допрашиваютъ шамана и на этотъ разъ онъ отвѣчаетъ: «слѣдуетъ теперь спросить боговъ, безъ нихъ я не знаю болѣе чѣмъ дѣлать». Тогда возбуждается вопросъ: «надъ сколькими сѣв. оленями слѣдуетъ шаманствовать?» Встрѣчаются иногда такіе важные случаи, когда шаманствуютъ даже надъ 20 сѣв. оленями; въ такомъ случаѣ церемонія можетъ продолжаться дня три. Money and time. Шаманъ приводитъ себя въ восторженное состояніе, показываетъ свои извѣстные фокусы, позволяетъ даже отрѣзать ему голову, заговариваетъ больныхъ, которымъ истинная вѣра и помогаетъ и т. п. Наконецъ, сѣв. оленей закалываютъ, рты боговъ порядкомъ смазываютъ жиромъ и подкрашиваютъ кровью; шаманъ открываетъ кутеажъ и все кидается на жертвенное мясо, исчезающее, какъ по волшебному мановенію, между зубами людей, незадолго передъ тѣмъ предававшихся умилительному благоговѣнію. Остатки дѣлаются достояніемъ шамана.

Само собою разумѣется, что шаманъ играетъ главную роль и тогда, когда приходится проложить путь усопшему къ будущей жизни, и опять все дѣло вертится на шивованіи.

Во время странствованія моего съ Асинцами умерла старуха. Вмѣстѣ съ лучшею ея одеждою, въ такомъ-же сидячемъ положеніи, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейскихъ могилахъ каменнаго періода, ее зашили и притомъ (такъ какъ, благодаря нашей экспедиціи, ей удалось быть схороненной великолѣпнѣйшимъ образомъ) въ кусокъ старой парусины. Затѣмъ ее завернули въ часть шалашной покрывки, вынесли изъ чума чрезъ боковое отверстіе (но ни за что не смѣтъ въ дверь) и посадили на женскія сани, украшенныя кускомъ красной кожи, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей лично скарбомъ, мѣдными украшениями и т. п. Впрягли двухъ сѣв. оленей, которыми правили изъ другихъ саней.

Въ такомъ видѣ отправились въ тундру, куда и нашъ старшина поѣхалъ въ этотъ день, потому что ему приходилось коньемъ своимъ заколотъ двухъ сѣв. оленей — а вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣсть лучшіе куски. Такъ какъ покойница была бѣдная женщина, оставившая по себѣ дочь съ маленькимъ сыномъ, то съ единственною частью шалашной покрывки¹⁾, съ санями, разными приборами и одеждою, и съ сѣв. оленями, покойной отдана была для будущей жизни большая часть ея имущества.

У осиротѣвшихъ, которые, вслѣдствіе похоронъ, лишились большей части своего добра, осталось всего 3 сѣв. оленя. Какъ ни жалко было положеніе, въ которомъ находились наследники, они однакоже не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ горя, ничѣмъ не проявляли, что съ ними произошло иѣчто необычайное. Но все-таки они цѣлую недѣлю должны были провести въ особомъ, устроенномъ для нихъ шалашѣ, прежде нежели имѣли право приняться опять за обычныя занятія. Европейцу не слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣтельствуеетъ о равнодушіи. По прошествіи года они опять посѣщаютъ могилу своихъ родныхъ. Мнѣ неоднократно приводилось видѣть величайшую заботливость о больныхъ родичахъ, доказательства иѣжибѣйшей любви къ дѣтямъ, которая на европейскій манеръ выражается въ иѣжномъ цѣлованіи. Однажды отецъ, держа большого ребенка на рукахъ, съ выраженіемъ самой искренней заботливости о немъ, упрасивалъ меня помочь больному. Находясь далеко отъ чума и отъ походной аптеки моей, я старался объяснить ему, что ничего не могу сдѣлать для него, но онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, когда я, уступая его настойчивымъ просьбамъ, «положилъ руку мою на ребенка», потому что ощущиваніе мною пульса они принимали за существенную часть леченія.

Пустыни тундры, подобно безпредѣльно обширному кладбищу, были усыяны самоѣдскими могильными памятниками, далеко отстоявшими другъ отъ друга. Въ одномъ мѣстѣ уединенно торчали мужскія, въ другомъ женскія сани, а мѣстами и символическое изображеніе дѣтскихъ санокъ. На послѣднихъ также находилось миниатюрное оружіе, лукъ и стрѣлы, для употребленія въ будущей жизни. Котлы и желѣзные ковши сохранились тамъ, гдѣ, несмотря на охранительный климатъ, деревянныя вещи уже успѣли развалиться. Часто можно было еще ясно различать мѣста, на которыхъ были разведены очистительные огни. На свѣжихъ могилахъ мѣхъ отъ одеждъ и упряжи сѣв. оленей первый дѣлался добычею волковъ и лисицъ, которые съѣдали даже тѣло покойника, если въ часъ его смерти земля еще была ненарушимо мерзла и тѣло либо оставалось на саняхъ, либо клалося въ сибгъ²⁾. Это даже считается хорошимъ признакомъ, но если окажется, что могила разрыта людьми, то это принимается за весьма дурное предзнаменованіе.

¹⁾ Въ тундрѣ она известна подъ названіемъ Njok; по самоѣдски: djoi, изъ чего у сѣв. Якутовъ вѣроятно образовалось слово dshie. — Покрыватъ шкурами шалашъ въ тундрѣ вообще называется чумъ; очевидно по связи съ словомъ чума, которое, по крайней мѣрѣ у Хантайскихъ Самоѣдовъ, значило огачъ.

Мидделдорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

²⁾ Кастренъ (Reiseberichte und Briefe, стр. 168 и 389) поступилъ совершенно справедливо, исправивъ впоследствии самъ свое показаніе, что сѣверные Самоѣды вѣроятно кладутъ своихъ покойниковъ въ ябара земли.

Для устройства могилы обыкновенно выбирается вершина холма. Но когда мы собрались устроить свой шалашик на болоте продолжительное время у р. Таймыра, на полувысохшей береговой покатости, и я успел принести для него довольно сухое мшечко съ прежним очагомъ, то мы не мало удивились, что по снятiи нѣкоторыхъ каменныхъ плитъ, для уравненiя мѣста подъ нашу столпку, и вслѣдствiе разгребанiя земли моею собакою, добрались до сайбы или до самоѣдскаго потаеннаго хранилища запасовъ. Дѣйствительно, вскорѣ появилось маховое гусиное перо, но подъ нимъ, среди кучки валуновъ, мы открыли не запасъ съѣстныхъ припасовъ, а зашитое въ шкуры мертвое тѣло. Оно было стлануто въ сидячемъ положенiи, т. е. схоронено точно такъ, какъ хоронились тѣла и въ Европѣ во время каменнаго періода. Оказалось, что это было тѣло дѣвушки въ полномъ облаченіи лучшаго наряда: горькое же мѣсто было остаткомъ заупокойной тризны.

Переводчикъ нашъ увидалъ, что гусиное перо кладутъ въ могилу несовершеннолѣтнихъ.

Въ дополненiе къ сказанному мною на стр. 626, 630, 632, 634, 663, 666, 667 и 671, относительно формы Самоѣдскихъ череповъ и лицъ, я считаю нелишнимъ присовокупить туго, что въ настоящее время предо мною фотографическіе снимки съ 8 Самоѣдовъ Нижняго Енисея, у которыхъ преобладаютъ монгольскія черты лица, и фотографія съ Самоѣда Большеземельской тундры, изъ превосходнаго фотографическаго атласа, приложеннаго къ описанію поѣздки графа Вильчека въ Новую Землю. Самыя замѣчательныя изъ нихъ я надѣюсь сообщить въ концѣ этого тома.

Долганы.

Съ напряженнымъ любопытствомъ я разсматривала кочевниковъ этого баснослоннаго племени, съ которымъ впервые мнѣ удалось встрѣтиться на Енисей, въ Дудинѣ (69½° с. ш.); туда явились Долганскіе старшины, чтобы ближе условиться на счетъ того, какимъ образомъ и черезъ какія пространства Авамекой тундры они мнѣ помогутъ перелетѣть на своихъ упряжныхъ животныхъ.

Вскорѣ оказалось, что Долганы живутъ на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ можно было предполагать по ихъ немногочисленности, равно какъ по неизвѣстному имени ихъ, и что они не только были кочевники, но отчасти занимали также самыя сѣверныя поселенія всего Таймырскаго края.

Сначала я скоро пришелъ къ тому заключенію, что Долганы — сами они называли себя Долгашъ — представляютъ совершенно особое по формѣ лица народное племя, т. е.

типъ совершенно отличный отъ типа всѣхъ Остяковъ, Юраковъ, Самоѣдовъ и Тунгусовъ, которыхъ я до того времени имѣлъ случай видѣть и измѣрить и съ которыхъ, по моему распоряженію, снимались портреты. Этотъ типъ изображенъ въ VI-ой таблицѣ прилагаемыхъ рисунковъ, и даже того, кто мало привыкъ подмѣчать этнографическіе признаки, должно поразить, какъ мало это лицо Мани (3), старшины Долганскаго племени ¹⁾ Vuhhigádjádj (у Русскихъ, по тамошнему произношенію: Дзиганская орда), служить представителемъ съ одной стороны финскаго, съ другой — монгольскаго типа. Скулы выдаются весьма умѣренно; глазное отверстіе хотя и узко, но не щелкообразно, да и не идетъ вверхъ, а лежитъ горизонтально. Но великому сближенію съ монгольскимъ типомъ паразитическіе всего противорѣчить длина лица, отъ глазъ до подбородка, слѣдовательно высота верхнечелюстной кости, да длина носа. Последний, въ основаніи своемъ, правда, широкъ, но отнюдь не плосокъ, а, напротивъ того, уже въ основаніи своемъ образуетъ острый хребтикъ, оканчивающійся длиннымъ, полуразвитымъ орлинымъ носомъ. Это положительна татарское лицо кавказской породы.

Къ такому заключенію я пришелъ сначала, какъ уже замѣтилъ, но вскорѣ долженъ былъ измѣнить свой взглядъ: стали являться такіа лица, которыя заставили меня отмѣтить въ дневникѣ слѣдующее: «теперь я все-таки болѣе не берусь сразу отличить любого Долгана отъ Тунгуса». Въ административные списки правительства Долганы внесены подъ названіемъ Тунгусовъ. Дѣйствительно, на сколько въ физиономіи Маніи и во многихъ другихъ, похожихъ на него, лицахъ легко было замѣтить особый типъ, на столько становилось труднымъ отыскать общія черты, послѣ того, какъ мнѣ встрѣтились такіе экземпляры, какъ Пальковъ (таб. VI, 2) и другіе.

Полгода спустя все это, конечно, стало мнѣ ясно, какъ день, но пусть читатель приметъ въ соображеніе, что я явился прямо изъ Европы и ѣхалъ безостановочно въ Таймырскій край. При совершенномъ незнакомствѣ моемъ съ Якутами и при сходствѣ образа жизни всѣхъ кочующихъ Долгановъ съ образомъ жизни Тунгусовъ, меня должно было сбить съ толку неправильное обозначеніе въ административныхъ спискахъ. Но еще болѣе поддерживали меня въ моей ошибкѣ единственныя извѣстія, которыя у меня были въ рукахъ относительно происхожденія этого загадочнаго народа. Тѣ изъ нихъ, которые были по разумію, повторяли, что по преданію они родомъ съ Олейской стороны.

Фишерова Сибирская исторія дѣйствительно говоритъ намъ, что въ 1632 году Бекетовъ поплылъ внизъ по Лѣвѣ и наложилъ дань на Долганскихъ да Жиганскихъ Тунгусовъ. Это преданіе, казалось мнѣ, заслуживаетъ вѣроятія тѣмъ болѣе, что въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго, хранящемся въ Академіи Наукъ, подъ 1806 годомъ, отмѣчено, что въ Тавуискѣ, слѣдовательно далеко на востокъ отъ Охотскаго моря, «5 отдѣловъ Тунгусовъ вносятъ ясакъ: 3 отдѣла Долганскихъ и 2 отдѣла Угалинскихъ, занимающихся охотою въ горахъ при р. Тавун и Ямѣ».

¹⁾ Орда или племя по долгански называется: арбут.

Только впоследствии, когда я стал сравнивать язык Долганов, оказалось, что кочующие съ Тунгусами Долганы хорошо умѣли объясняться съ ними не потому, что языкъ ихъ принадлежалъ къ тому-же корню, или что Долганы понимали по-тунгусски (что впрочемъ также имѣло мѣсто), а еще гораздо больше потому, что Тунгусы усвоили себѣ долганскій языкъ. Последний же, какъ вскорѣ оказалось, былъ почти чисто-якутскій языкъ.

И такъ эта «Долганская орда», дѣйствительно, первоначально переселилась изъ окрестностей города Жиганска, лежащаго подъ полярнымъ кругомъ на р. Ленѣ, вѣроятно въ то время, когда казаки Мангазейскіе и Якутскіе старались перецеголить другъ друга въ грабежахъ на р. Ленѣ и предводители ихъ оспаривали другъ у друга порабощеніе первобытныхъ жителей долины р. Лены, т. е. не только воевали между собою, но и отбирали ласахъ у коренныхъ жителей съ той и съ другой стороны (1633 г.). Вѣроятно въ то время якутскія и тунгусскія племена вмѣстѣ двинулись на западъ, потому что въ административныхъ спискахъ Тунгусы въ Норильскихъ горахъ названы Жиганскими Тунгусами¹⁾. Къ тому времени, какъ извѣстно, относится также движеніе Якутовъ съ средняго теченія Лены въ область прибрежій Ледовитаго океана.

Слѣдовательно, въ мое время Долгановъ можно было считать небольшою вѣтвью выселившихся Якутовъ, которая сверхъ двухъ поселеній на Енисей²⁾ занимала самыя западныя мѣста пребыванія этого племени въ рѣчной области Пясинны и Хатанги, но не простиралась далѣе низовьевъ этихъ рѣкъ и уже никакъ не доходила до устьевъ ихъ или до моря.

Они кочевали въ верховьяхъ упомянутыхъ рѣкъ, въ горахъ, окружающихъ Норильскія озера, и пользовались своими угодьями сообщая съ Жиганскими Тунгусами, усвоивъ себѣ ихъ образъ жизни, а отчасти и языкъ. Самыя сѣверныя родичи ихъ, всего впрочемъ три чума, въ мое время кочевали на Авамской тундрѣ, при р. Авамѣ и на Дудынгѣ. Итомъ эти Долганы отправлялись еще далѣе на сѣверъ, вверхъ по Дудынгѣ, и внизъ по Пясинѣ, даже по Горбицѣ, въ область истоковъ р. Таймыра, прилегающую къ области рѣки Пясинны и окаймляющую лѣвый берегъ истоковъ Таймыра горнымъ краемъ, тогда какъ по правому берегу тянется ровная тундра. Такимъ образомъ, эти Долганы съ запада окружали Асинскихъ Самоѣдовъ, Долгане же, придерживавшіеся болѣе р. Хатанги, граничили съ тѣми-же Самоѣдами съ востока, когда въ лѣтнее время на лѣвомъ берегу Хатанги откочевывали къ низовью Болохини и даже за нее³⁾ до р. Блудной⁴⁾, гдѣ находилась осенняя переправа кочующихъ съв. оленей,

¹⁾ Срав. атласъ картъ, приложенный къ этому сочиненію, табл. II.

²⁾ До зимовья Порганагина.

³⁾ Въ мое время впрочемъ только патриархъ-Крѣзь Окѣ и прамисъ его потомки. Въ 1740 году Лангевъ при устьѣ Блудной засталъ уже «ослабыхъ Тунгусовъ», безъ сомнѣнія этихъ Долгановъ.

⁴⁾ Срав. въ главѣ о Якутахъ сказанное о Якутскихъ поселенцахъ у Туруханска.

которых они там полстерегали. Отъ этой рѣки, къ югу, вдоль Хатаги, даже до источниковъ рѣки Попига и Анабара, и до Норильскихъ горъ, бродили Долганы.

Эти кочующіе Долганы, хотя мѣстами и устраивали себѣ на время зимніе шалаши, юрты ¹⁾, въ родѣ тунгусскихъ, но еще менѣе чѣмъ Тунгусы придерживались такихъ постоянныхъ жилищъ, и, не стѣсняясь ими, бродили какъ поволо. Отчасти они тѣсно примкнули къ Тунгусамъ, подобно имъ заводили лишь небольшое число сѣв. оленей и потому только крайне неохотно выходили изъ горъ своихъ на плоскую тундру, многочисленные волки которой въ одну ночь могли отбить у нихъ все стадо. Они увѣряли, что благодаря волкамъ, болѣзнямъ и вызваннымъ нуждою закальваніямъ животныхъ, они и лишились стада, которыми нѣкогда владѣли предки ихъ. Питались они, главнымъ образомъ, отчасти рыбами, отчасти крупною дичью, но вовсе не добывали, по ихъ увѣренію, пушныхъ животныхъ. Последнее было, пожалуй, ложное показаніе по необходимости, которое при сношеніяхъ съ корыстолобными чиновниками, священниками и казаками, должно было обратиться въ привычку. Ясакъ свой они уплачивали впрочемъ наличными деньгами.

Съ перваго же взгляда они напоминали Тунгусовъ въ томъ отношеніи, что носили при себѣ витовки и имѣли жесткіе черные волосы, связанные въ длинную косичку, которая была обмотана ремнями и обвѣшана на концѣ стеклянными бусами, да и въ томъ еще отношеніи, что доходившіе лишь до половины икоръ, слѣдовательно болѣе короткіе чѣмъ у Самоѣдовъ, тулупы состояли изъ шкуръ темнаго цвѣта. Безъ сомнѣнія это можно приписать столько-же болѣе темному цвѣту горныхъ сѣв. оленей, сколько свободному выбору, потому что въ области тѣсовъ темный цвѣтъ меньше отдѣляется отъ цвѣта прочей обстановки. А для охотника это чрезвычайно важно.

О якутскомъ нарядѣ напоминалъ шитый мѣховой набо-

Якутскій и долганскій начельникъ, нашивчикъ и набродникъ.

родникъ ²⁾, сдерживавшейся повязкою въ видѣ Т, оба бедра которой шли вдоль щекъ къ прилегавшему къ головѣ начельнику. Къ этому начельнику прикрѣплялись и сѣтковые очки, которые у одного состояли даже изъ зеленыхъ стеклокъ, чего я въ Сибири нигдѣ болѣе не видѣлъ. По всей вѣроятности это старинная наследственная вещьца, перешедшая изъ Якутска, а

¹⁾ Домикъ изъ поставленныхъ торчмя бревенъ. По официалльнымъ свѣдѣніямъ такихъ домиковъ было у Долганскаго рода 20, у Жиганскаго 16.

²⁾ Срав. ниже якутскія названія.

может быть и относящаяся ко временам ученых экспедицій, совершенных сто лѣтъ тому назад. На табл. XV, рис. 3 иѣм. над. изображенъ великолѣпный головной уборъ Долганки, который привѣшивается къ концу косички и въ качествѣ такого украшенія косы пользуется у Тунгусокъ особеннымъ почетомъ.

Страннымъ показалось мнѣ, что у Долгановъ башлыкъ тулунный могъ затягиваться вокругъ мѣховой шапки при помощи продѣтаго ремня: эта особенность не встрѣчалась мнѣ у другихъ кочевниковъ и, вѣроятно, составляетъ моду у полярныхъ Якутовъ Восточной Сибири. Точно также я произвожу отсюда весьма поразительный въ Самоѣдской тундрѣ Долганскій способъ держать конье, т. е. шесть для погонянія сѣв. оленей, въ правой рукѣ; по этому и заправной сѣв. оленя въ четверкѣ припрягаетъ у нихъ съ правой стороны, да и ѣздить они также справа отъ другихъ саней, если таковыя подчинены ихъ присмотру и впряженные въ нихъ животныя не хотятъ порядкомъ слѣдовать зади на привязи.

Хотя они по русски знали больше Тунгусовъ Норильскаго края, но они строже ихъ придерживались старинныхъ нарядовъ, обычаевъ и правовъ. Всѣ они также, не исключая даже старшинъ Мани и Тыльцахана, твердо устояли противъ сильнаго искушенія принять крещеніе. Это былъ живой, подвижной, ловкій, услужливый народъ, съ большимъ достоинствомъ. Въ единоборствѣ онъ отличался ловкостью, такъ что Долганы одерживали верхъ надъ монги казакъ. Между кочующими Долганами больше всего встрѣчались неподдѣльно якутскія фizioноміи. При всемъ этомъ они физически сдѣлись съ Тунгусами не менѣе, чѣмъ въ отношеніи правовъ и образа жизни. Этому я приписывалъ и встрѣчавшіяся между ними значительныя различія въ ростѣ, хотя большая часть Долгановъ были малаго роста. Съ Тунгусами они сдѣлись до такой степени, что въ мое время Долганъ тунгусской Ялегринской орды, постоянно жившій въ Авамскомъ поселеніи, былъ выбранъ въ помощники старшины, т. е. въ десятники.

Тѣ члены этого рода, которые доходили до самыхъ крайнихъ полярныхъ предѣловъ его (главнымъ представителемъ ихъ былъ Крезъ Око, изъ области рѣки Бодохни), сообразно плоской тундрѣ, до такой степени приняли вѣшность Самоѣдовъ, что даже дѣти Око, очевидно подѣ влияніемъ матери, Самоѣдки, не понимали и подавно не говорили по долгански. Око самъ понималъ только нѣсколько долганскихъ словъ. Дѣти сдѣлались пастухами сѣв. оленей и могли удержаться на тундрѣ только въ качествѣ такихъ обладателей и охранителей большихъ стадъ. Они говорили по самоѣдски и вооружены были только лукомъ да стрѣлами. Охота ихъ ограничивалась, какъ у Самоѣдовъ, добываніемъ сѣв. оленей и гусей. Рыбною ловлею они занимались только какъ совершенно второстепеннымъ дѣломъ.

Третью, весьма важную категорію Долгановъ составляли осѣдлые поселенцы, занимавшие все пространство, можно почти сказать поперечный путь, отъ Дудина до Хантискаго погоста. Иѣтомъ, правда, они отправлялись также на тундренныя озера, къ сѣверу, но и тамъ любили строить себѣ маленькіе шалаши. Отсюда-то они эксплуатиро-

вали бесчисленное множество разбланных кругом богатыхъ рыбою озеръ, заготовляя запасы на зиму. Они питались преимущественно рыбами и хотя свободно кочевали, родичи ихъ поглядывали на нихъ какъ-бы съ чувствомъ соблзнованія, но преимуществва обезпеченнаго существованія, осбдлости, связаннаго съ нею заготовленія большихъ запасовъ, сношеній съ пробзжавшими по временамъ чиновниками, купцами и священниками, выгоды крещенія и т. д. давали имъ такое превосходство надъ кочующими, что они положительно были самыми замбчательными членами этого рода и не мало гордились тбмъ, что въ тяжкія времена спасаютъ странствующихъ собратьевъ своихъ отъ голодной смерти. Происходитъ это, говорили они неоднократно, оттого, что кочевники полагаются на ненадежное охотничье счастье, вмбсто того, чтобы заняться надежною рыбою ловлею, которую я не могъ не приравнить къ разведенію картофеля въ неблагопріятныхъ земледбльческихъ мбстностяхъ.

Между этими поселенцами поэтому-то и находилось двое старшинъ Долганскихъ, вбнтельный Арца, по ту сторону Хатанги ¹⁾ и долганскій старшина на Богандб ²⁾. Арца улачивалъ ласкъ своей орды, за 80 душъ.

Хотя въ поселеніяхъ того или другаго Долгана прямо называли Якутомъ—почему, этого мнб не удалось дознаться—но какъ разъ тутъ-то можно было замбтить наибольшее смбшеніе.

Такъ напр. сынъ Арца былъ жевать на Русской, самъ-же отличался несомнбнно тунгусскою фizioноміей. Другой Долганъ, въ Хатангскомъ Погостб, былъ жевать на дочери покойнаго священника, слбдовательно также на Русской. Повсюду по-

Долганское поселеніе въ предблб лбсной растительности.

¹⁾ Въ Убойномъ, еще на два дня пути далье отъ Хатангскаго погоста. ²⁾ Въ Горбуновб.

поселенія указывали на свое родство между собою, хотя жители причисляли себя то къ Русскимъ, то къ Якутамъ или Долганамъ. Не исключали себя также кочевники и поселенцы. Изображенный на табл. VI, 2, Гаврила Пальковъ совершенно поселился на Боганидѣ, тогда какъ родители его еще кочевали между Хетой и озерами, лежащими за Хатагой. Изображенный на XI таблицѣ нѣм. изд. братнїй сынъ его Прысъ Пальковъ поселился на Хетѣ¹⁾, на которой, впрочемъ, нѣсколько прежнихъ поселенїй были покинуты. Два сына вышеупомянутаго Долгана Око были женаты на Самоѣдкахъ, равно какъ и Долганъ, котораго я засталъ совершенно осѣлымъ на р. Хетѣ, среди Якутовъ.

Помѣщенный выше рисунокъ можетъ дать понятїе о видѣ, какой представляетъ хорошо устроенное поселеніе около предѣла лѣсной растительности. Всегда оно лежитъ около воды; вмѣсто крыши зимовье обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настлїюк, покрытой дерномъ; безъ шалаша изъ шкуръ сѣв. оленей нельзя обойтись; одну изъ существеннѣйшихъ принадлежностей составляютъ жерди, на которыхъ сушатся распластанныя рыбы. Мы покончили со всѣмъ и намъ больше не о чемъ упоминать въ этой глуши.

Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ; пробраться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошенымъ гостемъ вмѣстѣ съ чело-вѣкомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей

Долганскій очагъ.

камень, но по огромному размѣру печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котель, и которую, по усмотрѣнїю, можно поворачивать къ огню.

или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это еще до сего времени дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ. На верху, въ потолкѣ, заступающемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крышу, на которой весною нерѣдко топчаты сѣв. олени, находится отверстїе — дымовое окно — которое прежде, чѣмъ весь дымъ успѣетъ выйти, закрывается при помощи жерди, съ затычкою на концѣ, состоящею изъ

¹⁾ Вспротивъ назятаго Русскими поселенія Корги, покинуто было поселеніе Орлово, равно какъ Романа рѣкѣ, выше Медвѣжьего поселенія. Между ними низъ, лежащая по рѣкѣ еще выше Корги.

шкура съв. оленя. Вокруг стѣнъ идутъ лавки для сидѣнія, на которыхъ также спятъ и надъ которыми въ ростъ человѣческой прикрѣпленъ рядъ досокъ, служащій для удержанія сажки, падающей съ потолка и стѣнъ. Небольшое пространство, которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующій дымъ зимою спасаетъ отъ удушьящего, злонапахающего испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ совмовъ комаровъ.

Въ мое время въ административныхъ спискахъ по-видимому совершенно отказались отъ распределенія жителей по національностямъ, потому что въ Туруханскомъ округѣ, кромѣ:

1) Долганскаго (также Долгано-Тунгусскаго) рода, по последней ревизии	82 души ¹⁾
2) Жиганскаго рода	73 » ²⁾
значились еще:	
3) Бродячихъ Исеевской управы ³⁾	174 »
4) » Боганидской »	55 » ⁴⁾
<hr/>	
384 души	

Первые два отдѣла платили ясакъ по 2 руб. 15 коп. (ассигн.), послѣдніе два только по 1 руб. 43 коп. съ души; этимъ высказывалось, что первые считались ловцами соборлей, а послѣдніе только ловцами песцовъ.

Впрочемъ, въ мое время, согласно ревизіи 1834 года, подъ № 1 насчитывалось лишь 35, а подъ № 2 только 26 душъ мужскаго пола, отъ 18 до 15 лѣтъ отъ роду, платившихъ ясакъ.

На этомъ останавливаются замѣтки въ моемъ дневникѣ, писанномъ 30 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ о Долганахъ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія, въ особенности гг. Кривошапкинымъ и Третьяковымъ, которые, первый въ званіи врача, а второй въ качествѣ начальника Туруханскаго округа, довольно долго жили въ тѣхъ мѣстахъ и составили весьма замѣчательныя монографіи.

Здѣсь же я начну съ немногихъ замѣтокъ Кастрена ⁵⁾, такъ какъ съ ними скорѣе всего можно покончить. Онъ говоритъ, что Долганами называютъ три маленькихъ якутскихъ племенъ, которыя сами называютъ себя: 1) Долганы, живущіе въ Хатангскомъ краѣ; 2) Адляны, по-русски Жиганы; 3) Донготы; послѣдніе два рода живутъ у Норильскихъ озеръ. Хотя всѣ принимаютъ ихъ за Тунгусовъ, но они говорятъ на чисто

¹⁾ По другому оцѣнчившему донесенію 90 душъ, по третьему 91, изъ которыхъ 35 платятъ ясакъ, а 56 могутъ быть старше 30 лѣтъ. На это количество приходится 96 душъ женскаго пола.

²⁾ По другому чтенію 168 душъ, изъ которыхъ 80 платятъ ясакъ. При этомъ 144 души женскаго пола.

³⁾ По другому извѣстію 58 душъ, при 50 душахъ женскаго пола.

⁴⁾ Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845 — 1849, herausgegeben von Anton Schiefner, 1856.

⁵⁾ При 85 душахъ женскаго пола.

якутскомъ языкѣ. Начало свое они производятъ отъ трехъ братьевъ: Галкинга, Сакатина и Бйкя, переселившихся, по ихъ словамъ, изъ Якутскаго края. Въслѣдствіе этого поздняго переселенія Самоѣды называютъ Долгановъ и Тунгусовъ «Аи», т. е. младшими братьями.

У Кривошапкина¹⁾ число Долгановъ, на основаніи относящихся къ 1860 году официальныхъ донесеній начальника округа Третьякова, сочиненіе котораго появилось въ печати позднѣе, показано слѣдующимъ образомъ²⁾:

	муж. пола	женск. пола
Тунгусовъ Боганидскаго рода	59	49
» Долгано-Исейскаго рода	195	187
» Жиганскаго рода	74	70
» Долганскаго рода	108	83
	<hr/> 436	<hr/> 389

Кривошапкинъ ошибается, утверждая, что Долганы говорятъ на языкѣ, похожемъ на тунгусскій, но все-таки, въ противоположность другому начальственному лицу, князю Кострову, отдѣляеть ихъ отъ настоящихъ Тунгусовъ, опираясь на нашъ академическій авторитетъ.

По его мнѣнію³⁾ фязіономія Долгановъ выразилась менѣе отчетливо, одежда ихъ проще, чѣмъ у Тунгусовъ. Да и христіанское крещеніе Долганы принимаютъ охотнѣе⁴⁾, такъ что всѣ считаются христіанами, тогда какъ Тунгусы едва на половину христіане. Впрочемъ, значеніе этого свѣдѣнія поясняется тѣмъ, что и христіане не могутъ обойтись безъ шамановъ. Третьяковъ присовокупляетъ⁵⁾, что туземцы пользуются полною религіозною свободою, но что тѣ, которые принимаютъ крещеніе, освобождаются на три года отъ податей.

Болѣе извѣстій мы находимъ у Третьякова⁶⁾. Особенный вѣсъ я придаю тому, что, перечисляя⁷⁾ названіе мѣсяцевъ у разныхъ кочевниковъ, онъ приводитъ также долганскія имена мѣсяцевъ, которыя совершенно отличны отъ якутскихъ названій.

Число Долгановъ по 10-й переписи составляетъ у него 303 души мужскаго и 270 душъ женскаго пола⁸⁾, а именно:

	муж. пола	женск. пола
Долгано-Исейскаго рода	195	187
Долгано-Тунгусскаго рода	108	83

Первые живутъ по обѣимъ сторонамъ Хатанги и Хеты, послѣдніе у Норьскихъ озеръ и въ Авамской тундрѣ. Онъ напоминаетъ о томъ⁹⁾, что въ 1633 году Корытовъ

¹⁾ Енисейскій округъ и его жители, изданіе Имп. Русск. Геогр. Общ. 1863.

²⁾ Тамъ же I, стр. 355; II, стр. 31.

³⁾ Тамъ же II, стр. 33, примѣч.

⁴⁾ Тамъ же II, стр. 41.

⁵⁾ Стр. 372.

⁶⁾ Туруканскій край, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1869, стр. 216 и слѣд.

⁷⁾ Тамъ же стр. 291.

⁸⁾ Тамъ же стр. 335, 373, 375.

⁹⁾ Тамъ же стр. 353.

заставлял Долганскаго старшину Диканга платить двойную дань и увелъ одного изъ сыновей его заложникомъ.

Долганы, перенявшие у Якутовъ всѣ обычаи, даже покрой одежды¹⁾, называютъ себя, говорить онъ, Тагаль, но преданію происходятъ отъ Тунгусовъ и переселились изъ верховьевъ Хатанги въ то время, когда знаменитый богатырь Сюрдюкь-сюгатоюнъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Русскими. Нѣкогда племя это, говорятъ, было воинственно, потому что герои его носили кольчуги (куяк), защищавшіе лѣвый бокъ отъ шеи до коленъ. Къ этому вооруженію, кромѣ того, принадлежали головная защита (лаба) и прикрытіе лица (бастыга).

Сверху медвѣжьей рогатины (Batás), у нихъ въ колчанѣ (kogäk) было 9 различныхъ видовъ стрѣлъ: 1) S'ogús', съ пирамидальнымъ наконечникомъ; 2) Onohós', съ пригнутымъ наконечникомъ²⁾; 3) Mäs' onohós' (Tamär у остальныхъ кочевниковъ), также съ тупымъ концомъ, но вся изъ дерева; 4) Bürgos', съ шилообразнымъ наконечникомъ; 5) Ok, съ типическимъ наконечникомъ; 6) Dshani, съ ножкоподобнымъ наконечникомъ; 7) S'ile, съ двумя заостренными ребрами; 8) Djäna, вся изъ мамонтова зуба; 9) Totkó, съ раздвоеннымъ наконечникомъ.

Причина, по которой Долганы утеряли свой природный языкъ, заключается, по мнѣнію Третьякова, въ близкихъ сношеніяхъ ихъ съ Якутами, у которыхъ они брали женъ своихъ; не смотря на это у Долгановъ, увѣряетъ онъ, болѣе тунгусскій, чѣмъ якутскій типъ лица: умное, нѣсколько серьезное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушное выраженіе; гладкій и высокій лобъ. Они носятъ тунгусскій, богато украшенный бусами, нагрудникъ (Tügüllük) и поясъ.

По единогласному отзыву лучшихъ путешественниковъ, Долганы не имѣютъ никакого понятія о христіанской религіи³⁾, хотя половина туземцевъ приписана къ ней; они даже рѣдко удерживаютъ имена, которыя даются имъ при крещеніи. Вѣроисповѣданіе ихъ представляетъ смѣсь христіанскихъ и языческихъ понятій.

Тунгусы и большая часть Долгановъ, да Якутовъ ѣздятъ, по Третьякову, верхомъ на сѣв. оленяхъ.

Этими новѣйшими извѣстіями вообще подтверждаются, но, къ сожалѣнію, мало дополняются свѣдѣнія, заимчившіяся въ моемъ дневникѣ. Предположеніе, что Долганы около половины 17-го столѣтія переселились съ востока въ теперешнія мѣста своего пребыванія, чтобы укрыться отъ гнета чужеземцевъ въ недоступныхъ пустыняхъ, пріобрѣтаетъ все болѣе вѣроятія, но не можетъ быть вполне доказано.

Страна разница въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ относительно названія ихъ. Кастрентъ

¹⁾ Тамъ же стр. 406 и слѣд. — ²⁾ На Боганидѣ имъ показывали стрѣлу съ тупымъ наконечникомъ, подлѣ якутскимъ названіемъ Аандакъ. — ³⁾ Loc. cit. стр. 420 и 523.

пишетъ Dolgán; Долганы Авамской тундры продиктовали мнѣ названіе Dolgásch; по словамъ же Третьякова, они сами называютъ себя Тагаль. Отчего происходитъ эта разница?

Мнѣніе Кривошапкина, принимающаго языкъ Долгановъ за тунгусскій, во всякомъ случаѣ ошибочно; они несомнѣнно говорятъ на чистомъ якутскомъ языкѣ. Необходимо только объяснить, почему названія мѣсяцевъ несходны съ якутскими. Звучать они дѣйствительно по тунгусски и подлежатъ сравненію съ языкомъ Береговыхъ или Ламскихъ Тунгусовъ. Всѣ другія слова, мимоходомъ приводимыя Третьяковымъ, какъ-то: названіе различныхъ стрѣлъ, разныхъ одеждъ, божества и т. д. совершенно сходны съ якутскими.

Съ предположеніемъ Третьякова, что Долганы промѣнили свой первоначальный природный тунгусскій языкъ на якутскій, я не могу согласиться, тѣмъ болѣе, что у нихъ, какъ я замѣтилъ, преобладалъ именно якутскій типъ лица и притомъ въ такой сильной степени, что я не считалъ нужнымъ замѣнить лицо Долгана Мани (см. табл. VI. 3), служащее типомъ якутскаго лица, другимъ болѣе типичнымъ якутскимъ лицомъ¹⁾. Разсматривая обезьяне лицо Гаврилы Палькова (см. табл. VI. 2), который, впрочемъ, былъ весьма порядочный человѣкъ, вѣроятно никто не отыщетъ на немъ восхваляемаго Третьяковымъ высокаго, гладкаго лба Долгановъ. На стр. 634 о немъ уже говорилось.

Долганы, какъ я замѣтилъ уже выше, положительно, весьма интересный смѣшанный народъ, у котораго во всемъ явно высказывается преобладаніе якутскаго элемента. Мы не должны забывать при этомъ, что нѣкогда существовали весьма дѣятельныя сношенія между Якутскомъ и пресловутымъ Исеевскимъ озеромъ въ верховьяхъ Хатагги, да и внизъ по теченію этой рѣки. Еще въ мое время въ устахъ поселенцевъ на р. Боганидѣ сохранились преданія о прелестяхъ Исеевскаго озера. Кривошапкинъ²⁾ говоритъ, что оспа и тифъ одолевали жителей и съ тѣхъ поръ сношенія прекратились.

Тунгусы (см. табл. IV и V).

На сколько численность ихъ незначительна, на столько чрезвычайно обширно распространены они по всей Восточной Сибири, въ области р. Амура, въ горахъ острова Сахалина и еще дальше за предѣлами Сибири. На среднемъ теченіи Енисея они стали

¹⁾ Въ какой одинаковой степени тутъ происходили по мѣся, это доказываютъ не только вышеприведенныя свидѣнія, но и преданіе, сообщенное Третьяковымъ (стр. 376). Между Затундрскими Якутами (говоритъ онъ) существуютъ еще доселѣ потоки трехъ тунгусскихъ братьевъ «Синилеръ», которые въ свое время были извѣстны боины.

Въ началѣ прошлаго столѣтія комиссаръ Тюрина,

при помощи священника, уговорилъ этихъ Тунгусовъ принять крещеніе и поселиться на Хатаггѣ, при впаденіи Жданихи, гдѣ Русскіе поселенцы были перебиты. Тунгусы охрещены были на имя Тюрина и поселились въ означенномъ мѣстѣ. Потоки ихъ прекратились въ Якутскѣ, вѣроятно вслѣдствіе брановъ съ ними.

²⁾ Loc. cit. I, стр. 369.

даже перебираться на лѣвый его берегъ, въ Западную Сибирь. Въ одномъ Таймырскомъ краѣ они предоставили самую сѣверную часть Самоѣдамъ, на востокѣ-же, сдерживаемые только Чукчами, они занимаютъ гористую часть до береговъ Ледовитаго океана, а нѣкогда жили даже, можетъ быть, на островахъ этого океана¹⁾. Вслѣдствіе такого обширнаго ихъ распространенія, я не только встрѣчаю ихъ мимоходомъ на Енисей и въ области р. Пясины, но сталкивался съ тунгусскими семействами и на южномъ берегу Охотскаго моря, повсюду на Становомъ хребтѣ и на притокахъ Амура.

А. Сѣверные Тунгусы.

По переписи 1838 года, на основаніи оффиціальныхъ донесеній, въ Туруханскомъ краѣ находились слѣдующія тунгусскія племена:

	Душъ мужск. полъ.	Душъ женск. полъ.
1) Нижнечумскіе Тунгусы, съ присоединенными къ нимъ Тунгусами I-го лѣтняго рода.....	42	40
2) Илимпейскіе Тунгусы.....	208	189
3) Чапогиры.....	129	112
4) Усть-Курейскіе.....	39	36
5) Тунгусы II-го лѣтняго рода.....	86	82
6) » III-го » ».....	59	53
7) » IV-го » ».....	57	64
8) Богандскіе Тунгусы.....	58	50
	678	626

Мѣста ихъ пребыванія значатся въ атласѣ картъ, приложенномъ къ нѣмецкому изданію, на табл. II-й.

Подъ 62^{1/2}° с. ш., въ поселеніи Бахтинскомъ, на Енисей, я увидѣлъ первыя тунгусскія лица. Во-первыхъ изображенную на табл. IV-й Черемокъ, изъ рода Чапогирѣвъ. Поселенецъ взялъ ее къ себѣ въ семейство почти тринадцатилѣтнею дѣвочкою. Чрезвычайно хвалили ея правдивость. Уже въ теченіи 8 мѣсцевъ она научилась русскому языку. Точно такъ, какъ въ Енисейскихъ Остякахъ (стр. 640, 659), и въ ней меня поразило быстрое, и въ особенности урывчатое произношеніе словъ. Столь-же урывчато она и крестилась. Миѣ показалося это весьма характеристичнымъ обстоятельствомъ. Она, да изображенный на IX-ой таблицѣ нѣм. изд. Илимпейскій Тунгусъ Оедотъ были татуированы и рассказали миѣ, что она, будучи дѣвочкой лѣтъ 7 или 8, была связана по рукамъ и по ногамъ, въ то время когда старуха производила надъ ней весьма чувствительную операцію при помощи лыжной пилки, натертой углемъ. Такъ какъ Оедотъ, вслѣдствіе

¹⁾ Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ было нѣсколько танги (Зав. Гидрогр. деп. IX, стр. 301; Сиб. Вѣст. I, ослѣднихъ Тунгусовъ на р. Байдной, которая подл. бо- стр. 79, 83).
лѣе, чѣмъ 73° с. ш., впадеетъ съ востока въ устье Ха-

боли, стал сопротивляться, то его не татуировали болѣе, хотя между мужчинами ихъ рода встрѣчаются нѣкоторыя лица, татуированныя вокругъ лба и еще болѣе.

Затѣмъ, близъ устья Нижней Тунгуски, въ поселеніи Миродинскомъ, я снова увидѣлъ двухъ Тунгусовъ, поразившихъ меня своими рѣзкими монгольскими чертами лица. При положительной монгольской формѣ глазъ и носа, равно какъ и монгольскомъ цвѣтѣ кожи, поражаель ихъ широкій лобъ, казавшійся четырехугольнымъ. Самонадѣнность въ приемахъ ихъ рѣзко отличалась отъ всего видѣннаго мною до тѣхъ поръ. Оба они были статные, проворные парни, съ легкостью скользящіе на лыжахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ неуклюжіе Остяки проваливались.

У нихъ было, и это меня тотчасъ-же поразило, особое название для сѣры, а именно «Njutā», тогда какъ повсюду мнѣ приводилось слышать только русское название.

Въ предѣлахъ полярнаго круга, на Курейкѣ, я нашелъ двухъ, усвоенныхъ русскими поселенцами, высокоголовыхъ Тунгусовъ, изображенныхъ на табл. V, 1, 2.

Наконецъ увидѣлъ и самыхъ сѣверныхъ Тунгусовъ Туруханскаго края въ низовьяхъ Авама (притока Пасины). Въ Дудинѣ (69½° с. ш.) представился мнѣ старшина «лѣтнаго рода» Завылда. Этихъ Тунгусовъ называли также Норильскими, по озерамъ, при которыхъ они жили. Они занимали до 10 чумовъ, изъ которыхъ у половины уже не было сѣв. оленей. У самого старшины также было всего 8 штукъ. Мѣста пребыванія имѣли у нихъ слѣдующія названія: озеро Пасина — Pāsina-amūt; одна впадающая въ него рѣка (вѣроятно Буструмина) — $\frac{0}{y}$ jan-djigⁱ-n; вытекающая изъ озера $01_r^d o_s^z i$ (вѣроятно Рыбнаго) горная рѣка, $01_r^d o_s^z ibigga$; наконецъ Amūt-ol^d_o (вѣроятно озеро Давыдово). Они жили рыбною ловлею, ловили изрѣдка песцовъ, а еще меньше соболей, которыхъ нѣкогда было больше.

Въ Авамскомъ поселеніи поджидалъ меня старшина Ялегринской орды ¹⁾ S'ap-lāul. Эта орда кочевала на востокъ отъ р. Авама до Хатанги, а къ югу до извѣстнаго Гесейскаго озера и до высшихъ горныхъ вершинъ этого края, въ верховьяхъ Хеты. Тамъ они находятся въ сношеніяхъ съ Болграми, изъ которыхъ одинъ изображенъ на табл. V-ой. Правительство же совершенно раздѣляетъ обѣ орды, причисляя Болгровъ къ тому Якутскому старшинѣ (Арбай), чрезъ посредство котораго они вносятъ свой ясакъ. Ниже мы найдемъ членовъ этого рода не только на Вилюѣ и на сѣв. скатѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, но даже на Амурѣ.

На Дудынѣ я познакомился наконецъ еще съ тунгусскимъ старшиной Епифаномъ Тюприно, Тильбянтбүльскаго орды, Харитонова рода. Онъ устроилъ себѣ осѣдность при рѣкѣ, и проводилъ лѣто на сѣверѣ въ верховьяхъ р. Дудынты ²⁾, въ то время какъ члены его орды, 23 души платившія ясакъ, въ приблизительно 10 чумахъ,

¹⁾ Къ этой ордѣ былъ присоединенъ родъ Малгача. ²⁾ Между Фирсомъ и Бородино, у Иркутскаго гринскихъ Тунгусовъ, состоявшій примерно изъ 9 поселеній. Ясакъ вносился въ Аксеновѣ, 4 души, вносившія ясакъ.

занимались охотою въ южныхъ горахъ, вмѣстѣ съ Ялеграмми, и только зимою спускались съ горъ къ сѣверу.

Ялегры только что выбрали себѣ въ десятскіе Долгана (Уксуеникова), который устроился на р. Авамѣ и разставлялъ свои песцовыя ловушки по всей Авамской тундрѣ, островами лежащей внутри предѣла лѣсной растительности. У него было стадо сѣв. оленей, придававшее ему известное значеніе, такъ какъ у большей части Тунгусовъ этой орды было ихъ только по нѣскольку штукъ.

Эти Тунгусы называли Авамъ, Виску, Иесейское озеро тѣми-же именами, которыя употребляются Русскими, но

Дудышту они называли	Dydŭpta;
Волочанку » »	Wolots'janka;
Хатангу » »	Kotuj (amüt);
Курейку » »	Njuma.

Всѣ жавались на уменьшеніе количества «звѣра» въ ихъ краѣ, за исключеніемъ сѣв. оленей. Песцы, говорили они, встрѣчаются рѣдко, соболѣ почти совершенно истреблены. Ялегринская орда утверждала, что до Апрѣля ей удалось добыть всего 9 соболов и до 40 песцовъ. Мнѣ хотѣли этимъ дать понять, что казенный долгъ свой въ 160 пудовъ муки они никакъ не въ состояніи заплатить.

У всѣхъ были монгольскія лица и широкіе черепа въ такомъ родѣ, какъ у $\frac{S}{h}$ apta'ga, чрезъ кожу котораго просвѣчивалъ нѣжный оттѣнокъ яркаго румянца. Правда, что лицо его было умыто и волосы причесаны, какъ это повсюду принято у Тунгусовъ. Чрезвычайно красиво ихъ приличіе въ движеніяхъ, открытый характеръ ихъ. Хотя они были очень услужливы, но, не смотря на скромность, во всемъ видно было, что они сознавали свое достоинство. Это высказывалось и наружно въ томъ отношеніи, что одежда ихъ, хотя она и не была такъ разукрашена, какъ на сородичахъ ихъ, живущихъ на Нижней Тунгускѣ, но была въ большомъ порядкѣ, красиво обшита и такого покроа, который обрисовывалъ стройную, ошанистую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкую фигуру ихъ. Лицо было умыто, жесткіе черные волосы причесаны, потому что національная коса исчезла съ приобрѣтеніемъ русскихъ рубашекъ и шейныхъ платковъ. Волоса были подрѣзаны на половину. Въ отличіе отъ Самоѣдовъ, они дорожили теплыми верхними тулупами изъ темноцвѣтныхъ шкуръ сѣв. оленя. Кромѣ того, у нихъ былъ якутскій набродникъ (см. изобр. на стр. 691) и колпакъ не соединялся съ верхнимъ тулупомъ, а состоялъ дорогой головной уборъ изъ блестящихъ лисьихъ ногъ, украшенный шкурами россомахи. Такой колпакъ стоялъ столько-же, сколько сѣв. олень.

Оригинальный покрой тунгусской первобытной одежды изображаютъ два прилагаемыхъ при семъ рисунка. Такъ какъ фракноподобный кафтанъ узокъ и спереди открытъ, то набродникъ составляетъ нераздѣльную часть его. Эти части одежды сверху до низу со вкусомъ расшиты и совершенно симметрично, но далеко не пестро, укра-

шены разноцветными бусами. В мое время такой наряд стоял ни больше, ни меньше, как 25 руб. асс.

Остяк или Самоѣдъ въ такомъ нарядѣ былъ бы похожъ на медвѣдя въ шутовской одеждѣ, Тунгуса же, при его тонкомъ, ловкомъ, приличномъ обращеніи, этотъ нарядъ чрезвычайно красивъ. Такое впечатлѣніе произвели они на всѣхъ путешественниковъ, безъ исключенія ¹⁾. Кастрень (стр. 250) выразился очень вѣрно, сказавъ, что Тунгусовъ можно назвать дворянами Сибири. Они дѣйствительно большіе охотники до рыцарскихъ упражненій, потому что въ Авамской тундрѣ, при малѣйшемъ привалѣ, не было конца бѣганію въ запуски потому что загонять оленей посредствомъ махалокъ, какъ это дѣлаютъ Самоѣды, не позволяла лѣсная мѣстность.

Тунгусскій обыденный фракъ съ Нижней Тунгуски.

и состязанію въ единоборствѣ.

Хотя Тунгусы самыя сѣверныя верховыя ѣздоки на сѣв. оленяхъ, но они мастеры умѣли управлять ими и въ упражжн, держали однакоже шесть не въ лѣвой рукѣ, какъ Самоѣды, а въ правой. Они мало обращали вниманія на сильную метель, но при всемъ томъ и въ тундрѣ не сбивались съ дороги, хотя охотничьимъ угодемъ ихъ были высокія горы, какъ это вполнѣ доказывали красивыя ложки ихъ, вырѣзанныя изъ рога горной овцы (цивукун). Къ дикимъ оленямъ они прикрадывались, по-

Мѣдныя украшенія въ косѣ, равно какъ ожерелье молодой дѣвушки, обставленное

¹⁾ Уже безъ малго 150 лѣтъ тому назадъ моряки наши сообщали (Зпн. Гидрогр. Деп. IX, стр. 56): «умищеніемъ, и чловѣчествомъ, и смысломъ, Тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ. Но въхъ Тунгусовъ состоятъ Якуты». Ганстенъ (стр. 35)

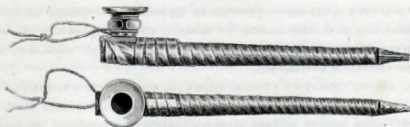
говорить о прекрасномъ впечатлѣніи, которое на него произвели Тунгусы, и отъ Рададе у меня есть письмо, въ которомъ онъ высказываетъ свой восторгъ объ этой націи.

старыми пуговицами¹⁾, и медная головка от трубки, приобретенныя всё въ Якутскѣ, свидѣтельствовали объ огромныхъ пространствахъ, которыя проходили эти Тунгусскіе отстояли отъ земли и втиснуты были между двухъ деревь; на тризну, по значительной стоимости упряжныхъ и верховыхъ сѣв. оленей, употребляли не больше двухъ сѣв. оленей. По небольшой сѣ парѣзами палочкѣ отсчитывали праздники, а въ особенности день поминокъ.

Этимъ и ограничилось бы мое знакомство съ сѣверными Тунгусами, если бы въ Якутскѣ мнѣ не представился случай увидѣть двухъ Юкагировъ, жившихъ по близости отъ впаденія Индигирки въ

Нагрудникъ того-же Тунгуса.

Тунгусская трубка Таймырскаго края, слѣзанная въ Якутскѣ.

Ледовитый океанъ. Ихъ сослали въ Якутскѣ за смертоубійство. Оба были очень похожи другъ на друга. Одинъ изъ нихъ, Архинъ Бурнашевъ, изображенъ на табл. 1-й. 2. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе челоѣка, представляющаго смѣсь юракскихъ и тунгусскихъ элементовъ. Коренная часть носа была чрезвычайно плоска. Ростъ былъ вышиною въ 4' 9". Нѣкогда Юкагиры составляли, говорить, многочисленное

¹⁾ Головы оленей и пуделей на отиыхъ пуговицахъ въ глазахъ много странствовавшихъ обладателей ихъ были опять фигуры животныхъ. Срав. стр. 649.

наемл. Въ 1842 году случилось небывалое дѣло: богатый Чукочъ женился на дочери Юкагира. Это снова доказываетъ, что даже самые строгіе ревнители чистоты расъ, какъ напр. Чукчи, съ теченіемъ времени, все-таки допускаютъ помѣси расъ. Женить сразу уплатилъ разными мѣхами болѣе 1,000 рублей, которые Юкагиръ задолжалъ купцамъ.

Оба Юкагира, не смотря на то, что они были преступники, все-таки приходили въ ужасъ отъ безчестности и низости людей въ столицѣ Якутскѣ.

В. Южные Тунгусы.

Прежде, чѣмъ я перейду къ тѣмъ главамъ моего дневника, которыя описываютъ мое знакомство съ южными Тунгусами, т. е. съ Тунгусами Становаго хребта, слѣдовательно касаются странъ, находящихся на нѣсколько тысячъ верстъ отъ Таймырскаго края, я считаю нужнымъ забѣжать нѣсколько впередъ. Мнѣ хочется предпослать объясненіе, что, не смотря на чрезвычайно дальнее распространеніе этого малочисленнаго народа, въ немъ, повсюду, гдѣ бы мы ни встрѣтились съ нимъ, высказывается все тотъ-же характеръ, который нами выше описанъ.

Во-первыхъ это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ Альповъ. Они обладаютъ извѣстной выправкой, исполнены приличія, ловки, предприимчивы до отваги, живы, открытены, самолюбивы, охотники наряжаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

Если мы хотимъ продолжать сравненіе съ европейскими горными народами, то мы должны отправиться въ Альпы дальше на западъ, чтобы встрѣтиться съ беззаботною удаляю Тунгуса, который въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтренникъ.

Правда, что эта страсть къ удовольствіямъ (въ особенности у южныхъ Тунгусовъ), причинявшая мнѣ не мало горя, вѣроятно потому только такъ поразила меня, что я наткнулся на нихъ какъ разъ въ періодъ осенняго раздолья и годовичныхъ сходовъ, составляющихъ блестящія точки въ совершенно уединенной, трудовой и опасной обыденной жизни этихъ людей. Я не знаю другого народа, у котораго большую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ напр., въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное дерево, въ зарубкѣ котораго торчатъ стрѣлы концомъ внизъ. Это значить: я разставляю луки по близости. Если стрѣла смотритъ въосъ къверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая такимъ-же образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ раз-

стоянии. Положенный через сѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направлению; чурбанъ, положенный на такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ устраивать тутъ чумъ. Лошадина голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.

Въ случаѣ болѣзни или гибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Разговоръ съ Тунгусами, мимоходомъ, касается того или другого случая подобнаго рода, какъ будто это такъ и должно быть. Находить скелеты или замѣчаютъ, что недостаетъ знакомыхъ: всѣ они погибли безслѣдно.

Такъ я встрѣтилъ три совершенно обдѣившихъ тунгусскихъ семействъ; у одного изъ нихъ былъ всего одинъ сѣв. олень, у другого три, а у третьяго ихъ вовсе не было; эти три семейства соединились между собою, чтобы помогать другъ другу ¹⁾.

Какъ ни уединенно Тунгусъ живетъ въ своей горной глуши, все-таки онъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое, и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно, большею частью весьма небольшими переходами, посѣщаетъ самыя отдаленныя мѣстности и сходитъ съ самыми разнообразными сосѣдями. Я набрелъ на Тунгуса, пропавшаго безъ вѣсти съ двумя мальчиками. У него не было оленей и потому, выступая на лыжахъ, онъ тащилъ добро свое за собою на санкахъ. При всемъ томъ онъ забрался въ Китайскія области дальше всѣхъ другихъ русскихъ Тунгусовъ.

Жизнь Тунгуса представляетъ поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не упускаетъ случая въ теченіи года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другаго на болѣе, чѣмъ тысячу, даже болѣе двухъ тысячъ верстъ, тутъ занимался обильной ловлей рыбы, заходящихъ изъ морей въ рѣки, тамъ охотился на лучшихъ соболей. Но съ другой стороны онъ любитъ также постоянно возвращаться на зиму въ тѣ-же нагорныя долины, гдѣ онъ на нѣсколько дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки, устраиваетъ лмы, и гдѣ онъ издавна, по крутымъ скатамъ горъ, знаетъ обычныя холы кабарги, которую онъ питается.

Отсюда-то и происходитъ мнимое противорѣчіе, что Самоѣду, кочевая жизнь котораго почти за все время его существованія ограничивается однимъ шахматнымъ ходомъ: на лѣто къ сѣверу, а на долгую зиму опять назадъ къ предѣлу криворослаго лѣса, известна только жизнь въ чумѣ. Совершенно иначе складается жизнь Тунгуса, который не довольствуется тѣмъ, что устроить себѣ шалашъ лѣтомъ изъ бересты, въ болѣе суровое

¹⁾ Указъ 1823 года, найденный мною въ Архивѣ Удскаго Острога, предписывалъ Тунгусамъ дѣйствовать соболя, чтобы уничтожить дикихъ кошекъ (ѣдроты тигровъ или пантеръ). Должно быть, что приходилось плохо отъ нихъ.

Среди моего странствованія, я набрелъ на оустой тунгусскій шалашъ. На слѣдующій день я узналъ, что отецъ

и мать шалаша, почти въ одно время, умерли отъ оваральной болѣзни, оставивъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего семь лѣтъ. Куда дѣлись дѣти? Мы вернулись верями назадъ, но въ шалашѣ все еще никого не было. Повесть въ шокъ съ женой между собою шалаша и поставивъ вождѣ шалаша лѣсомъ доушку, мы уехали. Это все, что можно было сказать.

время года из шкуръ, а перѣдко въ лѣсной глуши строятъ себѣ небольшой постоянный срубъ [ūtān], на якутскій ладъ ¹⁾, изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ. Но онъ и не привязывается неразлучно къ этому дому и, если нужно, тотчасъ покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иной разъ и навсегда. Это его охотничій замокъ, а не жилье съ домашнимъ очагомъ. Мы, рожденные въ домахъ, испытывали необыкновенно пріятное чувство, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ пустыни неожиданно находили себѣ кровъ. Тунгусъ очевидно не испытывалъ этого чувства, такъ что въ этомъ смыслѣ мѣстные управленія справедливо причисляютъ его къ третьему отдѣленію, т. е. къ бродячимъ кочевникамъ.

При совершенномъ недостаткѣ картъ низовьевъ Амура мнѣ нисколько не помогли ни мои постоянные разспросы въ Якутскѣ, ни способность нѣкоторыхъ Якутовъ, растопыривая пальцы, объяснить на суставахъ, или изображать наглядно, посредствомъ складыванія вѣтокъ, сближеніе верховьевъ рѣкъ, водораздѣлы и проходы. Только на мѣстѣ я успѣлъ убѣдиться, на какія громады пространства этотъ предприимчивый и подвижной народъ распространяетъ свои кочеванія, и какъ далеко онъ забирался въ мѣстности, признававшіяся за Китайскія области, куда ходить имъ строго запрещено было тогда нашими управленіями.

Но возвратимся опять къ регулярному топографическому ходу моего путешествія и, по этой нити, прослѣдимъ мое постепенное ознакомленіе съ южными Тунгусами.

Еще до переправы черезъ Алданъ, въ мѣстечкѣ Уранъ-Айдакъ, въ Алданскихъ горахъ, на р. М. влѣ, я впервые встрѣтилъ южныхъ Тунгусовъ. Они принадлежали къ Кюрбюрдинскому роду Учурекаго племени, и поселились при рѣкѣ въ юртахъ (ūtān), потому что только у двухъ-трехъ Тунгусовъ было еще по нѣсколько сѣв. оленей. Живя ближе къ центрамъ управленія, они были окрещены уже въ концѣ прошлаго столѣтія и мало по малу сдѣлались бѣдными рыбаками. На всемъ Алданскомъ хребтѣ находился только одинъ Тунгусъ, у котораго было 70 сѣв. оленей, за исключеніемъ живущаго на дальнемъ прибрежьи Гарамзина. У этого аристократа, предки котораго играли роль уже въ прошломъ столѣтіи, и въ мое время насчитывалось еще 600 сѣв. оленей. Его стада сохранились, не смотря на страшную копытную болѣзнь, потому что лѣтомъ охлаждались сначала позднимъ льдомъ Охотскаго моря, а потомъ, во второй половинѣ лѣта, наледными долинами на горныхъ высотахъ. Срав. сказанное на стр. 566.

Старшина Кюрбюрдинскаго рода на столько-же былъ полонъ претензій и надуть, на сколько онъ былъ жалокъ; при навьючиваніи нашихъ животныхъ, онъ самъ не помогалъ, а изволилъ только приказывать. Болѣе жалкихъ Тунгусовъ я не видалъ. Правда, что это было время голоданія въ началѣ весны. Крещеніе этихъ Тунгусовъ, также какъ и другихъ ихъ соплеменниковъ, отзывалось обычнымъ образомъ: осенью, когда меня по-

¹⁾ Важнѣйшія свѣдѣнія см. въ главѣ о Якутахъ. Тунгусъ не возитъ съ собою, какъ Самоѣдъ, стопокъ для шалаша, которыхъ требуется до 30. На хорошихъ кормовыхъ мѣстахъ часто можно встрѣтить основанія для шалашей, поставленныхъ другими; если же ихъ нѣтъ, то лѣсъ представляетъ обиліе по части стопокъ.

разно, что Учурскіе Тунгусы, горячо о чемъ-то спорившіе, одного все называли $\frac{m}{n}$ -а-маномъ, и когда я попросилъ растолковать мнѣ причину этого, они сознались, конфузясь и какъ бы оправдываясь: «да это не великій». Но живость характера вскорѣ побудила ихъ рассказать мнѣ потомъ о чудныхъ подвигахъ «великаго». Само собою разумѣется, что при этомъ играютъ роль разныя охотничьи суевѣрія подъ подставнымъ названіемъ «грѣха». Кабаргу я могъ получать только безъ головы, соболей безъ мяса, до тѣхъ поръ, пока дѣлится на нихъ охота, иначе эта охота въ текущемъ году будетъ неудачна. Иныя Тунгусы до такой степени придерживаются этого шабаша, что изъ-за того же опасенія даже не рѣшаются платить кущамъ деньги до тѣхъ поръ, пока весна не закончитъ срока охоты.

Такимъ-же образомъ, во время сниманія шкуры съ животнаго, никто не смѣетъ перешагнуть черезъ огонь, разведенный въ чумѣ, или внести въ чумъ свѣжаго снѣга, потому что это опять портитъ охоту. Не хорошо также, если кладутъ палку поперекъ снѣга, если срубленное дерево повалится поперекъ Тунгусской тропинки и т. п. Тунгусъ никому не дастъ огня изъ своего чума, и не возвращаетъ дикихъ сѣв. оленягъ или лосей — потому что все это грѣхъ.

Съ такимъ-же благочестіемъ, какъ Якуты, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліанія въ честь злыхъ духовъ, и при этомъ выливаетъ даже единственный глоточекъ водки, который у него остается.

Въ Удекомъ Острогѣ, равно какъ во время моего дѣтняго плаванія по Охотскому морю, я совершенно потерялъ изъ виду Тунгусовъ, и только въ началѣ Сентября, когда я на р. Тугурѣ распростился съ своей байдарой и приступилъ къ зимнему странствованію на сѣв. оленяхъ по Амурскому краю, я встрѣтилъ ихъ сборные пункты. Они сошлись изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ и занимались заготовленіемъ зимнихъ запасовъ. Безчисленное множество кеты, забравшейся вверхъ по рѣкамъ, представило удобный случай скоро справиться съ этимъ дѣломъ. Часть рыбной ловли была окончена: тѣ семейства, которыя запоздали, собирались пополнить свои рыбные запасы въ области р. Амуга. Они готовились къ переправѣ черезъ плоскій водораздѣлъ, съ Тугура къ Немлену (притоку Амуга), куда кета заходитъ позднѣе, потому что ей приходится совершить туда изъ моря гораздо болѣе длинный путь. Стало ночью морозитъ и все предвѣщало, что настаетъ время попытать счастье въ охотѣ на соболей «съ собачьими ногамъ». Всѣ начали готовиться.

Какъ только мы прибыли на сборный пунктъ Буруканъ, при изгибѣ Тугура, какъ мой караванъ встрѣтили винтовочной пальбой. Собравшіеся Тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои тщательно сберегавшіеся пороховые запасы. *Noblesse oblige*. Желая положить конецъ безполезной дѣтской пальбѣ (не отношу этого къ крѣпостямъ высокоцивилизованныхъ гаваней и къ военнымъ кораблямъ), я назначилъ преміи за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгусскіе стрѣлки на 95 шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, по казни

ружье на подставку. При этом некоторые держали левую руку трубообразно над прицелом. Тринадцатилетние мальчики также принимали участие в стрельбе. Но как далеки были эти подвиги от хвастливого предания, которое сами Тунгусы считали действительным фактом. Миѣ показывали посеребрённый пояс, перешедшій къ теперешнему его владельцу от дѣда. Последний былъ вызванъ въ Петербургъ къ Императрицѣ, которая приказала прикрѣпить монету къ шпилю церковной башни. Тунгусъ попалъ въ монету и получилъ поясъ на память отъ Императрицы.

За стрельбою въ цѣль последовалъ балъ. Если уже Самоѣды при этомъ дохлопотались до поту, дѣйствуя спокойно и по-видимому разгорячались только отъ усиленнаго дѣйствія внутреннего напряженія, то въ Тунгусахъ окончательно разошлось плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленький кружокъ, въ перемежку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ, какъ попало, безъ замѣтнаго вліанія половыхъ отношеній. Схватываясь за руки и начинаясь безискусственная пляска, заключающаяся въ передвиженіи ногъ въ сторону. Вскорѣ однакоже круговая пляска стала оживляться, движенія обратились въ прыжки и скачки, все тѣло покачивалось, лица разгорались, восклицанія становились все восторженнѣе, одинъ старался перекричать другого; сбросили полшубочки, сбросили набедренники. Въ заключеніе всѣхъ обуло бѣшенство. Нѣкоторые еще пытаются противиться, но вотъ уже и у нихъ голова незамѣтно начинаетъ покачиваться, то вправо, то влево, подъ тактъ, и вдругъ такой зритель, какъ будто прорвавъ твердый олотъ, вторгается въ кругъ пляшущихъ. Все отрывочнѣе, все шумнѣе становятся движенія, да напѣвъ восклицаній: *hurjá, hurjá—hūgoj, hūgoj—hūgyj, hūgyj—hūmgoj, hūmgoj—hākā, hākā—āhandō, āhandō—hārga, hārga*. Наконецъ весь кругъ разстраивается только вслѣдствіе крайняго утомленія; ноги и голоса не дѣйствуютъ болѣе.

Демоисканная сила пляски на морскомъ прибрежьи увлекла даже глядѣвшихъ на нее неуклюжихъ Гиляковъ, отъ головы до ногъ закутанныхъ въ тяжелыя собачьи шубы. Поглазѣвъ нѣсколько времени, они, какъ медвѣди, ринулись въ кругъ и, обнаживъ волосатыя верхнія части своего тѣла, вскорѣ спустили верхнюю часть мохнатой шубы на поясъ.

За пляской последовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашихъ большихъ баловъ я долженъ замѣтить, что тѣ же самые Тунгусы, какъ бы преобразившись, соблюдаютъ самое сдержанное приличіе. Ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умеренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ.

Затѣмъ, совершенно иначе, чѣмъ у нѣмыхъ Самоѣдовъ, настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ миѣ опять наши европейскія краспорѣчивыя націи и теперешнія красно-и-многорѣчныя времена. Рѣчи принали высокой полетъ. Когда я, съ своей стороны, въ прощальной рѣчи указалъ на то, что эта страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для Тунгуса, и что только по собственной винѣ они могутъ задолжать, терпѣть нужду, или даже умирать съ голоду, вмѣсто того, чтобы быть пребогатыми, то всѣ громкогласно согласились, что я совершенно правъ. *Tout compte chez nous.*

Выше я замѣтилъ, что страсть Тунусовъ къ удовольствіямъ причинила мнѣ немало горя. Вотъ какъ это было.

У беззаботныхъ Тунусовъ торговля сложилась иначе, чѣмъ у Самофловъ. Благодаря содѣйствию чрезвычайно ловкихъ Якутовъ, охотниковъ потроговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ образовались регулярно повторяющіяся въ извѣстныхъ времена сходки, вследствие которыхъ такіа пустынные мѣста по временамъ превращаются въ торговые пункты. Мы находимъ тамъ первые зачатки нашихъ армарокъ, потому что является конкуренція, которую торговцы стараются составлять другъ другу. Такъ какъ не можетъ быть рѣчи объ определенныхъ дняхъ сходки и въ означенныхъ мѣстахъ приходится оставаться довольно долго, то вскорѣ строятся также нѣсколько юрты, въ которыхъ торговцы располагаются съ своимъ товаромъ. Затѣмъ является туда и Тунуска съ своими якуто-тунусскими дѣтми (срав. стр. 630). Въ главѣ о Якутахъ мы вернемся опять къ этимъ торговымъ, а тутъ замѣтимъ только, что такіе торговые пункты весьма естественно возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ самая большая ловля пушныхъ звѣрей, хотя бы это было очень далеко, среди ужаснѣйшей глуши.

Отсюда-то происходитъ пріятная привычка вѣтрениковъ, въ течение послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь кое-гдѣ по пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Затѣмъ вскорѣ опять сходятся. Такое странствование сообща представляетъ непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего больше не останется; никто не оставляетъ компаніи до тѣхъ поръ, пока весь запасъ не истощится. При такомъ коммунистическомъ хлѣбосольствѣ горные вѣхъ приходится солидному европейскому путешественнику, экономно расчитавшему и распредѣлившему все для себя и для спутниковъ своихъ по недѣлямъ и днямъ, по фунтамъ и лотамъ. Гостепріимный обычай Тунусовъ похожъ на священнодѣйствіе, а кто, даже въ Европѣ, сталъ бы поступать наперекоръ ему, хотя бы это было самое безмысленное суетнѣе. Попробуйте-ка въ хорошемъ англійскомъ обществѣ поступать не gentleman-like, напр. въ отношеніи бѣлаго цвѣта галстука, или держанія вилки и т. п. Въ пустыни же европеецъ зависитъ отъ дикаря. Тутъ я могу присоветовать только одно: съ самаго начала раздѣлить всѣ запасы по порціямъ, уложить ихъ отдѣльно въ разные мѣшки и по-іезуитски, какъ этого требуетъ культъ, по веселомъ окончаніи вскрытаго мѣшка, отношеніе котораго разговаривать всѣхъ гостей, на дальнѣйшемъ пути снова принять за бережливое расходованіе другаго.

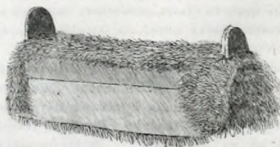
Извлекаю изъ дневника моего нѣсколько пояснительныхъ данныхъ. Сдѣлать предварительный расчетъ, записавъ я, невозможно, потому что никогда не знаешь, сколько будетъ гостей. Вотъ отчего въ пустыняхъ и приходится такъ много голодать. Нашъ спутникъ, Захаръ, сдѣлалъ находку, поймавъ сбѣжавшую лошадь; едва успѣли ее зарѣзать, какъ на вирь явились другіе Тунусы; на слѣдующій день отъ нея не осталось уже ни одного кусочка. Когда я кушилъ лошадь, то и со мною случилось тоже самое. На Тугурѣ явился кувеческій прикащикъ; онъ прожилъ двѣ недѣли на счетъ Тун-

гусовъ. Тунгусскій старшина Аванасій присоединился къ намъ. Весь его запасъ заключался въ полуляшкѣ сѣв. оленя. Я сталъ возставать противъ этого дикаго обычая; необходимымъ слѣдствіемъ этого было то, что вожакъ моего каравана, Ваньчѣ, сталъ кормить его изъ запасовъ владѣльца сѣв. оленей, своего хозяина. Затѣмъ пристали еще два Тунгуса, Константинъ и Прокопій, у которыхъ всего было по нѣсколку сушеныхъ рыбъ. Они наѣли на Гиляковъ и отправились на Дьелотикитъ, чтобы посѣтить рыбачившихъ Тунгусовъ, набить себѣ пузо, да забрать себѣ кое-что на обратный путь къ намъ. Хотя уже всѣ они ежедневно питались нашимъ чаемъ и нашими сухарями, которыми очевидно нельзя было не угощать ихъ, но вскорѣ намъ пришлось все-таки допустить къ нашей трапезѣ еще 3 Тунгусовъ и 4 Гиляковъ. Вслѣдствіе такихъ странствующихъ посѣтелей лавина по временамъ нарастаетъ на 4—6 и даже до 11 душъ или собственно желудковъ. У насъ гости; у вожака свои. Вскорѣ у вожака истощаются нѣкоторыя принадлежности его запасовъ. Стоило ли уговариваться, что онъ самъ долженъ кормить и себя и своихъ погонщиковъ сѣв. оленей: мнѣ приходится многое уделить ему, а самому довольствоваться уменьшенными порціями.

Мы снимаемся съ мѣста. Да, но отъ этого намъ не лучше, потому что вся компанія провожаетъ насъ: она идетъ съ нами. Страшная стужа. Къ нашимъ 40 сѣв. оленямъ прибавилось еще 40 другихъ. Начинается суматоха. Впереди женщины съ развѣвающимися косами, серебряными поясами, разнаго рода привѣсками, съ обнаженными или вложенными въ ножны медвѣжьими рогатинами. Сбоку пристегнута люлька, плотно обвязанная мѣхами, подъ которыми тихоонько дремлетъ грудной ребенокъ. За матерью слѣдуетъ пятнадцатилѣтній мальчуганъ, составляющій добавокъ къ кладу и сидящій сверху на сѣв. оленѣ. Онъ на видъ не столько высокъ, сколько широкъ. Шуба его мѣшаетъ ему опустить руки: онъ растопыренъ горизонтально, точь въ точь какъ у огороднаго чучела. Рукава его кабарговой шубы зашиты въ видѣ обручковъ и только прорѣха съ боку позволяетъ просунуть руку. Шапка оставляла бы небольшую часть лица раскрытой, если бы и эта часть не была припрятана за бѣлице боа.

У другой бездѣтной женщины позади на сѣдлѣ забавный на видъ снарядъ: это тунгусскіе щипцы, домашній приборъ, безъ котораго никакъ нельзя обойтись.

Другія женщины еще укладываются: даже дѣти усердно таскаютъ свернутую бересту²⁾, между тѣмъ какъ мужчины не заботятся о такомъ бабьемъ дѣлѣ и почти въ

Женское сѣдло¹⁾.

лѣтнихъ нарядахъ, сгорбивъ спину, такъ что косички далеко оттопыриваются, сидятъ на короткогахъ передъ огнемъ. Одинъ осматриваетъ, хороша ли его медвѣжья

¹⁾ Срав. стр. 300.

²⁾ Tinsy, сѣбѣи шалаша.

рогатина, и ею скоблить себѣ зубъ. Мальчики лѣтъ 6—8 играютъ съ собаками; съ оленьимъ шестомъ въ руки, они садятся затѣмъ на годовалыхъ или двухгодовалыхъ оленятъ. Везутся лыжи, самострѣлы, ружья и т. д., наваленныя на вымочныя сѣдла. Проѣзжаетъ также, въ видѣ добавленія къ поклажѣ, собака, привязанная на сѣв. оленѣ на сѣдлѣ. Слѣдуетъ верхомъ старикъ Тунгусъ. Всѣ эти сѣв. олени раздраженные проходятъ мимо насъ; за ними бѣгутъ свободно, съ сильнымъ хрипомъ, почти хрюкая, нѣсколько оленятъ, которые безпокойно скачутъ то туда, то сюда «Нгау, нгай», зовутъ впереди женщины и, желая приманить ихъ, стараются по возможности лучше поддѣлаться подъ голосъ смолкшихъ оленей, на которыхъ сами садятся.

«Кай, кай», кричатъ погоняя мужичины, которые, держа въ руки недвижимо рогатину, большею частью ведутъ на поводѣ своихъ собакъ и пѣшкомъ плетутся позади. Немилосердными толчками они погоняютъ своихъ черезъ глубокой снѣгъ, проносятся мимо отстающихъ, потому что при этомъ они считаютъ себя точно такими-же молодцами, какъ у насъ челоѣкъ, несущійся въ щегольскомъ экипажѣ.

Впрочемъ, эта непрошенная компанія все-таки была чрезвычайно интересна, а именно ее составляли: 1—4) Гилэки, идущіе съ нами недалеко, для осмотра сѣлковъ въ прибрежныхъ горахъ; 5—6) Тунгусъ съ сыномъ, отправляющійся за высокія горы къ дальнимъ верховьямъ Силымджи; 7—8) Тунгусъ съ сестрой, хотя и собирающійся идти въ совершенно противоположномъ направленіи, но, ради пріятной компаніи, не дорожащій потерей нѣсколькихъ дней и совершеніемъ лишняго пути; 9) старикъ Тунгусъ, который доселѣ проводилъ зимы на Амгуни, т. е. въ Китайскихъ краяхъ, но узнавъ, что мать его захворала, отправляется къ ней, къ верховьямъ Торума; 10) Тунгусскій старшина, занимавшійся ловлею тюленей и теперь собирающійся сначала еще половить рыбу въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ (на р. Амгуни), а потомъ двинуться на ловлю соболей къ верховьямъ этой рѣки; 11 и 12) Манискій Тунгусъ, прибывшій изъ новой гавани Аяна, съ интересными извѣстіями объ адмиралѣ Завойкѣ и собирающійся съ товарищемъ также на Амгунь за соболями, которыхъ у него на родинѣ нѣтъ; наконецъ 13) Якутъ Сергѣй Соловьевъ, пользующійся почетомъ торговецъ. Вотъ весь комплектъ гостей, идущихъ съ нами часть пути. Впоследствии сцена неоднократно мѣняется и мы проходимъ большія пространства, на которыхъ нѣсколько недѣль сразу не набредешь на слѣдъ челоѣка. Наконецъ потребность собрать свѣдѣнія, необходимыя для ориентированія, становится такъ велика, что мы 6 дней сразу идемъ по слѣдамъ Тунгуса, какъ по слѣдамъ звѣря въ степи, пока намъ удастся настигнуть его.

Упомянутые гости были непрошены. Но не слѣдуетъ думать, что они безъ дальнѣйшаго брали все, что имъ вздумалось. Это весьма приличный и благоправный людъ. Тунгусъ възбѣгаетъ въ чумъ и располагается у огня; это само собою разумѣется. Онъ у пераго встрѣчнаго беретъ трубку изъ рта (стр. 703); это также весьма понято точно такъ, какъ у насъ принято предлагать чужимъ свою табакерку или папиросницу. Этимъ они и довольствуются. Но за тѣмъ приличіе и обычай требуютъ, чтобы гостю предло-

жили отвѣдать, и тогда только онъ начинаетъ кушать. Къ счастью они умѣренны въ ѣдѣ; намъ нужно было болѣе для своего содержанія. При всемъ томъ они рассказали мнѣ, съ дѣльнымъ самодовольствомъ, про одного изъ своихъ хорошихъ охотниковъ, нынѣ уже покойника, что онъ, не переставая, т. е. въ одинъ присѣсть или въ одинъ обѣдъ, съѣдалъ трехлѣтняго медвѣдя, либо двухгодоваго дикаго сѣв. оленя. Тогда котель на огнѣ бывалъ обставленъ одними вертелами.

Весельчаки такъ беззаботны, что ни старикъ Тунгусъ, у котораго все-таки было восемь сѣв. оленей, ни жена его, съ взрослымъ сыномъ и дочерью да еще двумя маленькими дѣтьми, не забрали съ собою ни одной рыбы, а шли съ нами, полагаясь на запасы и хлебосольство вожака моего каравана. Двѣ изъ его оленей снабжали дѣтей молокомъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ принимается за небольшое количество своихъ сѣв. оленей.

Пока есть возможность предложить, что у кого-нибудь еще найдутся запасы, только съ трудомъ можно убѣдить этотъ беззаботный людъ заняться охотою. Упомянутого старика Тунгуса нельзя было уговорить, чтобы онъ разставлялъ сѣти нашу болѣе одного раза въ день. Мы проходили мимо утокъ, даже тетеревовъ, но провожавшая насъ компанія считала слишкомъ затруднительнымъ подкрадываться къ нимъ, имѣя въ виду наши мѣшки съ запасами. За этою дѣлю, повидимому, крылась боязнь, что они могутъ прозвать нашу чай; по крайней мѣрѣ мнѣ привелось видѣть, что они не заботились спутать уже согнанныхъ сѣв. оленей, а полѣзли въ шалашъ за чаемъ, предоставивъ сѣв. оленямъ возможность разбѣжаться въ разные стороны. Другой изъ-за чая не поздоровался со своимъ семействомъ, съ которымъ онъ встрѣтился у насъ послѣ мѣсячнаго отсутствія. Кроме того, пользуясь гостеприимствомъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія показать, что они считаютъ себя обязанными, такъ что угощаемые нами не помогали намъ (развѣ только, что на нихъ находила охота) ни рубить дрова, ни навьючивать поклажу, ни строить плотъ и т. п. Такимъ-же образомъ мнѣ привелось видѣть, что сестра, усердѣйшимъ образомъ принимавшая участіе въ устройствѣ чума, спокойно глядѣла, какъ брать рылъ яму для храненія запасовъ. Это была не ея работа, это до нея не относилось. Такое строгое распредѣленіе труда свойственно всѣмъ первобытнымъ людямъ, и никакія соображенія о благодарности не въ состояніи измѣнить эти порядки (срав. стр. 646).

При подобныхъ обстоятельствахъ случайная добыча часто должна выручать изъ бѣды. Такого рода добыча кстаті познакомила меня съ установленными обычаемъ законами этого охотничьяго народа относительно права пользоваться долею (сравни. стр. 652 и 679).

Моя тунгусская собака Уорчакъ остановила лося. Мы подкрались къ нему и я застрѣлилъ его; только что мы успѣли разрѣзать его, какъ явился Тунгусъ и заявилъ свои права на добычу, утверждая, что раненный его самострѣломъ лось, за которымъ онъ гнался, очевидно долженъ быть этотъ самый. Надрѣзъ въ шкурѣ былъ подозрѣваемъ за рану, произведенную стрѣлою. Долго продолжался дальнѣйшій осмотръ шкуры и мяса: упорно,

но спокойно и съ величайшимъ приличіемъ, предъявлялись и вѣшивались въ этомъ спорномъ вопросѣ доводы и возраженія. Со стыдомъ я припоминаю иные охотничьи споры въ Европѣ. Такъ какъ въ минувшій разѣ отъ стрѣлы не оказывалось необходимаго полтека крови, то претендентъ былъ устраненъ. Въ заключеніе на другой день при осмотрѣ слѣда оказалось, что нашъ лось пришелъ издалека; тогда Ваньча, вожакъ моего каравана, распредѣляя лоса, согласно обычаю, слѣдующимъ образомъ: одну половину назначили мнѣ, признавъ возможнымъ, что справедливыя права свои я могу передать своимъ людямъ; другую половину получили Тунгусы, странствовавшій съ нами уже нѣсколько дней, а именно: 1) какъ спутникъ, 2) какъ старшій между нами, и 3) какъ отецъ большого семейства, которое все шло съ нами.

Подъ половиною разумѣлись: 1) полшкура ¹⁾; 2) половина грудной части и 3) половина спиннаго куска ²⁾; 4) полголовы; 5) ползатылка; 6) половина крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ; 7—12) половина сердца, легкихъ, печени и крови, почекъ и кишечнаго жира.

Другой Тунгусъ, еще старше предыдущаго, но не принадлежавшій къ нашей компаніи, а случайно приходившій къ раздѣлу, получилъ зашеекъ и одну ногу со шкурой къ этой ногѣ. Панданъ къ нему достался другому Тунгусу съ сыномъ. Вожакъ моего каравана съ товарищами и два погонщика нашихъ сѣв. оленей получили каждый ланку съ ногой.

Позвонки были разобраны по одиночкѣ и распределены поровну между всѣми, при чемъ самые средніе четыре поясничныхъ позвонка считались лакомствомъ, а послѣдній поемѣнникомъ судьбы. Кровь слили и хранили въ желудкѣ; внутренности тотчасъ-же отправились въ котель. Черепъ и копыта развѣшены были въ видѣ трофеевъ на мѣстѣ раздѣла. Въ нагорныхъ мѣстахъ мы нѣрѣдко встрѣчали гнѣздоводные столы изъ хвороста, устроенные между двумя деревьями, близко стоящими одно возлѣ другаго или на видообразныхъ шестахъ, и обставленные черепами и когтями медвѣдей, лосей и сѣв. оленей ³⁾.

На этомъ обычѣ дѣлать добычу основано право всякаго, кто находитъ въ тунгусскихъ самострѣлахъ или ловушкахъ убитаго звѣря, брать безъ малѣйшаго опасенія сколько ему нужно, до половины всего животнаго. Шкуру же и голову онъ обязанъ оставить на мѣстѣ, и вмѣстѣ съ оставшимся мясомъ тщательно укрыть отъ хищныхъ звѣрей. Если же онъ не необходимости присвоитъ себѣ все мясо, то расчеты представляются только въ такомъ случаѣ, когда законный хозяинъ въслѣдствіе этого самъ попадетъ въ бѣду и долженъ быть заколотъ своего собственнаго сѣв. оленя.

Съ кабаргой поступаютъ иначе. Она не подлежитъ распределенію на доли. Ее

¹⁾ Шкура съ ногой только зимою составляютъ нераздѣльную часть всей шкуры; относительно сѣв. оленя это постоянное правило, потому что шкура его не под-

лежитъ раздѣлу на двѣ части.

²⁾ Ребра отдѣляются отъ позвоночнаго столба.

³⁾ Dolkón у Капаласцевъ; Gilik у Нихагирокъ.

можно взять только в случай крайней нужды, но оставив голову и переднія ноги, иначе на будущее время ловъ не удастся, какъ и тогда, когда будетъ взять соболь. Если кто по необходимости долженъ былъ взять ее, то при первомъ-же свиданіи съ хозяиномъ ея, онъ говоритъ ему уже издалека: я взялъ твою кабаргу. Этого требуетъ обычай, котораго строго придерживаются.

Всѣ, въ особенности мой половинщикъ, торжественно благодарили меня за мой «та-ланъ». Что означало это выраженіе: талантъ или счастье? Но много ли проку было для моего половинщика въ его счастье? По доброму тунгусскому обычаю онъ тотчасъ-же долженъ былъ отдать голову и шею на пирушку, къ которой пригласили и меня, тѣмъ болѣе, что вожакъ моего каравана принималъ живѣйшее участіе въ приготовленіи и снаряженіи пира. Усѣлись въ кружокъ и передъ каждымъ (маленькій тунгусскій мальчикъ также принялъ участіе въ пирушкѣ) разстлали въ видѣ скатерти сѣдельную попоу сѣв. оленя (кумаланъ). Сначала подали котель съ густой горячей кашей, состоявшей изъ раскрошеннаго на мелкіе кусочки мяса, которое жарилось въ мозгу и кишечномъ жирѣ. Котель обошелъ весь кружокъ, каждый бралъ полную ложку и передавалъ котель сосѣду. Опять соблюдалось высшее приличіе, съ спокойнымъ выжиданіемъ очереди. За кашею послѣдовали куски мяса разнаго рода, которые усердно поѣдались. Меня отличили тѣмъ, что мнѣ дали самыя лакомые кусочки, какъ то: жиръ отъ грудной кости, мозгъ изъ костей (въ сыромъ видѣ Tschänga) и языкъ. И старикамъ, то туда, то сюда, раздавались лакомые кусочки. Если кто не могъ съѣсть все, данное ему распорядителемъ пира, что бы то ни было, то онъ бралъ остатки съ собою, для жены и дѣтей, точно такъ какъ уже прежде это дѣлали Тунгусы и Гляки съ нашими сухарями и съ чаемъ. Самый счастливый ловъ очень скоро прибирается и нѣтъ ничего характеристичнаго отвѣта на вопросъ: хорошо ли было тамъ-то или тамъ-то тому или другому лицу. Тунгусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ примѣрно такъ: «мы съѣли тамъ четырехъ лосей».

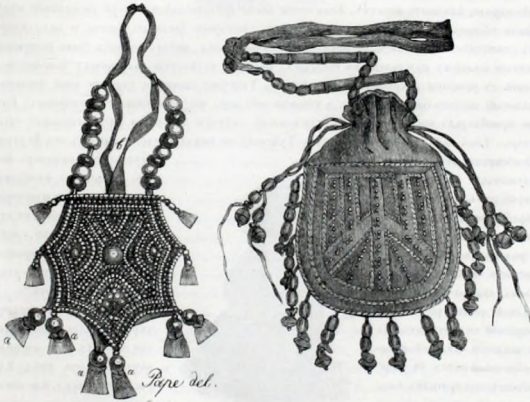
Тунгуса нельзя лучше угостить, какъ жиромъ, и за тѣмъ мукою. По этому мука, поджаренная на жирѣ или маслѣ, т. е. извѣстный по всей Сибири саламатъ, такая божественная пища, съ которою ничто не можетъ сравниться.

Заговоривъ о кушаньяхъ, считаю еще нелишнимъ замѣтить, что мясо большихъ животныхъ разрѣзается на длинныя полоски въ палецъ толщины, которыя весною натыкаются на колышки и сушатся на солнцѣ, а во время появленія мухъ вѣшаются въ дымъ¹⁾. За тѣмъ еще считаю нужнымъ упомянуть, что меня угощали брусникой, которую хорошая тунгусская хозяйка растираетъ съ икрой въ тѣсто и въ такомъ видѣ хранитъ на зиму. Точно также растираются ягоды черемухи; добытое изъ нихъ тѣсто мѣшajúтъ съ небольшимъ количествомъ масла, сплюсцивають въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Заморажи-

¹⁾ Такое сушеное мясо называется у Кивгаласцевъ: oljonkó, у Учурскихъ Тунгусовъ: hulúktó.

вают также черемуховую кашу, разведенную на молокѣ сѣв. оленницы. Такимъ образомъ прекрасно сохраняется пріятный вкусъ синильной кислоты ¹⁾.

Чтобы исчерпать немногое, отмѣченное мною въ дневникѣ относительно тунгусскихъ женщинъ, я замѣчу тутъ, что южные Тунгусы, хотя женами своими и обшиваются въ обтяжку и щегольски, но далеко не бываютъ такъ нарядны, какъ Тунгусы на Нижней Тунгускѣ (см. стр. 702 и 703), которые очевидно самые большіе щеголи. Не смотря на все сходки, я встрѣчалъ мужчинъ только въ обыкновенной одеждѣ, что однакоже не исключало щегольскихъ принадлежностей, въ родѣ купленныхъ мною тамъ кисетовъ (см. прилагаемый рисунокъ), густо покрытыхъ разноцвѣтными бусами.

Кисеты южныхъ Тунгусовъ.

У кисета, изображеннаго съ лѣвой стороны, особаго рода покроя, такъ что собственно маленькій, незамѣтный тутъ, мѣшокъ виситъ на обоихъ, показанныхъ на

¹⁾ Тщетно я расширявалъ объ упомянутомъ у Германовъ совершенно неизвѣстны. Но помпичина Ева Schitagar
орги обыкновенно есть дѣтскій послѣдъ варенымъ и жидкимъ, была еще въ полномъ употребленіи.
ренимъ. Оба названія, равно какъ слово Vaniga, были

рисункѣ, внутреннихъ ремняхъ (b) и, въ случаѣ надобности, вытаскивается внизъ изъ плотной, шитой оболочки.

Но я очень удивился, когда увидѣлъ, что не только женщины, но и мужчины, отправляясь въ путь, надѣвали замшевыя перчатки ¹⁾. Повидимому, это означало высшую степень щегольства. Въ самомъ дѣлѣ эти перчатки были такъ ловко сшиты и украшены шелковыми узорами по швамъ, что въ качествѣ дорожныхъ перчатокъ онѣ и у насъ удостоились бы вниманія.

Сильно раздражены были женщины, а въ особенности дѣвушки, тѣмъ болѣе, что онѣ уже употребили сукна. Красныя юбки были обшиты широкими синими каемками, которыя и сзади охватывали высоко заходившую кверху прорѣху, составляющую отличіе народа, ѣдущаго верхомъ. Если юбки были другого цвѣта, то онѣ по крайней мѣрѣ были обшиты красными каймами. У тѣхъ, которыя были по богаче и находились въ сношеніяхъ съ китайскими пограничными народами, вмѣсто каемокъ были вылушки, шитыя желтымъ или зеленымъ шелкомъ. Вообще, вслѣдствіе различныхъ соприкосновеній съ разными пограничными сосѣдями, Тунгусы очевидно утеряли свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Гдѣ не преобладало сосѣдство Китая, тамъ вездѣ якутскіе торговцы распространили свои узоры. Такъ напр. изображенную тутъ Тунгуску по наряду нельзя отличить отъ Якутки.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ шапка, на которой, по красному сукну, серебряными нитками, вышиты пальмовыя листья, а рядомъ съ этимъ тропическимъ мною основаніемъ шапки послужилъ родной рысь, роскошной опушкой ея росомаха. Да и широкій мѣдный посеребренный поясъ, съ узорчатымъ серебрянымъ ожерельемъ ²⁾ въ два пальца толщиною, очевидно якутскаго происхожденія. Причатаго фуллара. Затѣмъ слѣдуютъ серьги; изъ нихъ значащіяся на прилагаемомъ рисункѣ съ лѣвой стороны по формѣ сходны съ якутскими; показанныя справа состоятъ изъ се

Тунгуска въ якутскомъ костюмѣ.

стужѣ его замѣняетъ боа изъ бѣличьихъ хвостовъ, которое носятъ и мужчины и женщины, обвивая его либо вокругъ шеи, либо вокругъ лба. На совершенно полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ ³⁾.

Большую роль играетъ украшеніе для косы, которое бываетъ или въ родѣ якутскаго (см. табл. XV, рис. 3 нѣм. изд.), или повидимому чисто-тунгусское, состоящее изъ серебрянаго

либо посеребреннаго трубчатаго фуллара. Затѣмъ слѣдуютъ серьги; изъ нихъ значащіяся на прилагаемомъ рисункѣ съ лѣвой стороны по формѣ сходны съ якутскими; показанныя справа состоятъ изъ се

¹⁾ Табакъ, для отличія отъ рукавицъ kokoldro см. рисунокъ на стр. 616.

²⁾ Стоитъ 10 рублей.

³⁾ Въ такомъ случаѣ оно стоитъ 3 рублей.

ребриной проволоки съ двумя большими стеклянными бусами и кажутся мнѣ чисто тунгусскими. Кромѣ того женщина обвѣшена кистями, мѣховыми украшениями и разными предметами убранства, какъ то: игольникомъ, сѣрной коробкой, серебряной цѣпочкой отъ трубки и т. д. Страстишка Тунгусокъ по

женю быть, эгоистичѣе Самоѣдокъ, потому что наряжаютъ только самихъ себя и своихъ оденей, и далеко не хлопочутъ такъ о своихъ мужьяхъ, какъ Самоѣдки. Еще менѣе онѣ заботятся объ убранствѣ своихъ ребятъ, которые большею частью должны довольствоваться обносками и потому часто ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагими и одѣвѣнншими отъ холода; иначе это и быть не можетъ, потому что напр. волосъ на парѣ изношенныхъ штановъ у хорошаго охотника остается очень мало.

У иголовья Тунгуской люльки вѣшалась для успокоенія ребенка погремушка изъ зубовъ сѣв. оденей, собольихъ челюстей да козюлихъ копытъ. Ребенку лежитъ въ люлькѣ всегда на хорошо высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣхъ. Люльку въ шалашѣ иногда качаютъ; чѣмъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, высказывается ибжная любовь родителей къ дѣтямъ.

Не только при дубленіи кожъ (стр. 643), но и при воспитаніи дѣтей можно замѣтить важное значеніе, которое кочевники придаютъ разрывающей и содѣйствующей пищеваренію силѣ слюны. Даже молоко сѣв. оденей кипятилось, бралось матерью въ ротъ и вливалось ребенку. Впрочемъ обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью года три сряду, такъ что перѣдко сверхъ новорожденнаго являютса сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не конфузясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ.

Однолѣткамъ, для лучшаго прорѣзанія зубовъ, привязывается къ рукѣ кость сѣв. оленя.

Тунгусскій ребенокъ, которому наступаетъ третій годъ, еще совершенно неповоротливъ, хотя сзади къ одеждѣ его и придѣлана кожаная косичка съ привѣской; но мальчикъ, которому еще не было пяти лѣтъ, въ опасномъ мѣстѣ уже умѣлъ крикнуть сѣв. оленю свое «осторожно», даже соскакивалъ съ сѣдла, разумно болталъ, помогалъ. Маленькія дѣвочки уже были разукрашены всевозможными привѣсками и кушаками.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, Тунгусы не кочуютъ, ради самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ крайней надобности кочеванія,

этой части доходить до того, что онѣ даже сѣв. оленямъ продѣваютъ въ уши илтки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. О сношеніяхъ съ китайскими Тунгусами свидѣтельствуютъ китайскія монеты на одеждѣ, привѣски по краямъ юбки и т. п.

Мнѣ вообще казалось, что южныя Тунгуски, дол-

через несколько часов дѣлается привалъ и разводится большой огонь. На это время они очень дорожат срубленнымъ домикомъ. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образом крошечныя существа въ состояніи сохранить собственное тепло. Мнѣ пришлось видѣть, какъ при самой сильной стужѣ, въ шалашѣ, сквозившемъ какъ рѣшето, брали изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго существа подвергалась той разницѣ въ температурѣ, съ которой мы ознакомились на стр. 457. Не смотря на это, ребенокъ не хотѣлъ возвращаться въ люльку, изъ которой онъ пропихивалъ голыя ручки свои. Лучистая теплота огня въ шалашѣ дѣйствуетъ такъ пріятно, что и для взрослыхъ кочевниковъ нѣтъ лучше удовольствія, какъ сидѣть передъ огнемъ и подвергать дѣйствію его обнаженныхъ туловище и ноги, прикрывая спину накинутымъ на плечи полушубкомъ. Чувствуешь, какъ съ каждой минутой пропадаютъ бѣловыя ревматическія боли. Впрочемъ Тунгусы, хотя и они сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, далеко не страдаютъ такъ отъ ревматическихъ болей, какъ Самоѣды: очевидно потому, что они много ходятъ. Но боль въ спиныхъ и въ крестцѣ появляется вслѣдствіе напряженія силъ при трудной ходьбѣ по глубокому снѣгу.

Иногда мнѣ случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ. При этомъ дѣлать такое твердое, какъ камень, масло, что оно звенитъ, какъ монета, когда его бросаютъ въ котель.

При такихъ климатическихъ и шалашныхъ условіяхъ представьте себѣ повальную корь, какую я засталъ. Изъ 15 лицъ, помѣщавшихся въ чумѣ, большихъ и малыхъ, 12 были больны корью, да еще въ декабрѣ.

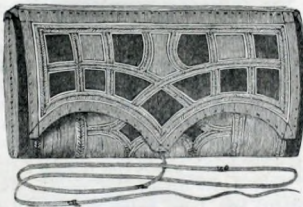
Нужно удивляться, какъ человѣческой организмъ выносить такія сильныя невзгоды. Нельзя также не удивляться, какъ, не смотря на глядѣніе въ огонь съ ранней молодости, не смотря на часто невыносимый дымъ въ чумѣ, отъ котораго иной тунгусскій мальчуганъ реветъ во всю глотку, взрослые хрюкаютъ, а женщины отъ слезъ не могутъ шить, какъ, не смотря на все это, глаза служатъ отлично и до глубокой старости. Если старикъ Тунгусъ жалуется, что «онъ болѣе ничего не видитъ», то это обыкновенно значить, что онъ все еще въ состояніи различать предметы несравненно лучше нашего брата. Все-таки гораздо губительнѣе дѣйствуетъ на организмъ вліяніе нашей культурной жизни! Столь-же мало, какъ рысьи глаза Тунгусовъ, страдаетъ и превосходно обоняющій носъ ихъ собакъ, хотя онѣ всегда садятся такъ близко къ огню, что для того, чтобы выдержать дѣйствіе его, поворачиваютъ голову то вправо, то влѣво, и лапой мажутъ себѣ по мордѣ, но при всемъ томъ бѣлая шерсть ихъ, пригорая, становится желто-бурую. Отъ снѣжнаго сверканія глаза животныхъ, въ особенности сѣв. оленей, защищаются, какъ бы снѣговыми очками, тѣмъ, что зрачокъ ихъ суживается въ едва замѣтную щель.

Въ сравненіи съ мотовскими суммами, которыя расточаютъ Тунгусы, цѣны, платимыя ими за жень, чрезвычайно умѣренны. Тунгусъ, которому было ни по чѣмъ тутъ

задолжать тысячу рублей, тамъ столько-же считать за другимъ, купишь себѣ жену за 20 сѣв. оленей. Но за то она принесла ему въ приданое 10 штукъ, да новую одежду и шалашную покрывку изъ замшевыхъ кожь (Ivjukan). Такая шалашная покрывка (а на маленкій шалашъ нужны по меньшей мѣрѣ три шкуры) не дешева. Каждую покрывку составляютъ шкуры отъ 5 до 6 годовыхъ или двухъ годовыхъ лосей, да еще шкура для приставки. Въ мое время подобная покрывка стоила отъ 35 до 40 рублей.

Свертки же изъ бересты (Tiks'a), которыми покрывается лѣтній шалашъ, не имѣютъ значенія. Ихъ берутъ со всего объема березы, т. е. до 3' ширины, и обшивають кожаными полосками въ три пальца ширины. Въ обработкѣ бересты Тунгусы очень искусны, какъ это доказываетъ изображенный тутъ дорожная сумочка, на которой фигуры были тисненными.

Въ соединеніи съ шитьемъ бусами и съ нѣкоторыми узорами, какъ напр. на принадлежащемъ Тунгускѣ футлярѣ для чайнаго прибора (см. рисунокъ на слѣдующей страницѣ), берестовая под-

Дорожная сумочка изъ бересты.

кладка прекрасна.

Но весь такой домашній скръбъ, составляющій приданое невесты, не имѣетъ большой цѣнности, и я считаю нужнымъ замѣтить именно, что водается не одинаковаго мѣроу, такъ какъ же-

нихъ не вправѣ обращать вниманіе на то, каковы сѣв. олени, которыхъ ему принести будущая жена. Если не сдѣлано особаго уговора, то, по принятому обычаю, даже оленца, которая скоро должна отелиться, считается за двѣ головы. Отъ жениха же принимаются только отборные сѣв. олени.

Изъ-за средствъ, необходимыхъ для покупки жены, бѣдный паренъ на Становомъ хребтѣ лишень былъ возможности завести свое собственное хозяйство тѣмъ болѣе, что при естественныхъ богатствахъ въ горахъ недостатокъ средствъ для женитбы почти равнялся неспособности добывать себѣ пропитаніе, и мотовству: съ другой же стороны первобытная честность была еще такъ велика, что похищеніе невесты или побѣгъ ея не могли дойти до такихъ размѣровъ, какіе Кастрень застала у Остяковъ. Поэтому упомянутый паренъ счелъ себя счастливымъ, когда ему представился случай добыть свиноту, выросшую у священника въ Удскомъ Острогѣ. Онъ хвалилъ великодушіе послѣдняго, такъ какъ отдавался уплатою 5 соболей и 10 половинокъ лосиныхъ шкуръ, но правда долженъ былъ взять жену почти нагую, даже безъ платочка, бѣдную, пребѣд-

Футляръ для чайнаго прибора.

ную. При всемъ томъ онъ и эту жену добылъ себѣ большею частью при помощи догровъ. Дѣло въ томъ, что когда сынъ отдѣляется отъ отцовскаго чума, то онъ уходитъ съ тѣмъ, что ему принесла жена. Только богатые родители надѣляются его еще сѣв. оленями.

Насъ провожала вдова съ сыномъ и взрослою дочерью. Умри мать, говорили мнѣ, покусную дѣву за дѣвушку получить братъ, равно какъ воспитатель ея, который ей не сродникъ.

Возвратимся къ рассмотрѣнію занятій мужчинъ.

Устройство обширныхъ засѣкъ требуетъ много времени и труда. Вечеръ проходитъ въ изготовленіи луковъ и стрѣлъ¹⁾. Твердое листовичное дерево сначала обрубается медвѣжьей рогатиной, а потомъ одинаково обдѣливается ножомъ и скребелемъ. Наконецъ въ видѣ пробы, дерево гнуть и смотреть гдѣ его еще слѣдуетъ подстругать, чтобы оно сгибалось совершенно равномерно. На изготовленіе десяти луковъ уходитъ цѣлый день. Если хотять, чтобы вещь была сдѣлана поглаже, какъ этого во всякомъ случаѣ требуютъ напр. стрѣла, шомполъ и т. п., то прибѣгаютъ къ изображенной тутъ деревянной «настругѣ», у которой нижняя плоскость сдѣлана въ видѣ желобка. Вкладывая остріе ножа то въ ту, то въ другую зарубку, и потому захватывая имъ то глубже, то косѣе.

¹⁾ Железные наконечники стрѣлъ покупались у якутскихъ торговцевъ по полтинѣ за штуку. Поэтому иногда еще употреблялись костяные наконечники.

когда вы проводите на-
стругу по дереву, кото-
рое подлежатъ поли-
ровкѣ, вы дѣствуете
какъ стругомъ.

Наструга, по-акутски: Ко һа́к.

Короткій зимній день
почти весь уходитъ на

такихъ задержкахъ уже случилось, что находили разомъ по 10, по 15, даже по 20 жи-
вотныхъ. Лѣтомъ это не должно случаться, а всё мѣста, гдѣ происходитъ лова, дол-
жны быть осматриваемы никакъ не позже, какъ за третій или на четвертый день.

За недостаткомъ времени, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стоить устраивать засѣки, рѣдко
обращаютъ вниманіе на бѣлку, рѣдко разставляютъ чирканъ (см. стр. 611). Но и ка-
барги любятъ ходить по обратнымъ слѣдамъ, и потому самострѣлы разставляютъ по
ихъ слѣду.

Осмотръ засѣчныхъ проходовъ, съ горы на гору, въ разъединенныхъ, поросшихъ
первобытными лѣсами горахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, тяжелая работа. Поэтому,
не смотря на сильную стужу, доходившую до замерзанія ртута, мы встрѣчали много Тунгуса,
одѣтаго въ легкой, спереди открытый, замшевый лѣтній кафтанчикъ. При каждомъ движе-
ніи, подъ отодвигавшимся нагрудникомъ, выглядывало неприткрытое гѣло всего передняго
туловища. Человѣкъ, о которомъ я теперь особенно вспоминаю, провелъ такимъ обра-
зомъ три ночи въ лѣсу около сильного огня. Шкуру для подстилки онъ носилъ при
себѣ. Тунгусъ безъ сомнѣнія самый закаленный изъ всѣхъ кочевниковъ. Только лицо
оберегается рассмотрѣнію нами на стр. 691 начельною, шапечною и подбородочною по-
влякою; только плечи защищаетъ Тунгусъ въ холодно-сырую погоду медвѣжьимъ во-
ротникомъ, устраняющимъ промоканіе.

За тѣмъ, при той-же неблагоприятной поверхности почвы, нужно добычу отнести
домой, потому что никакихъ санокъ нельзя употребить въ дѣло. Каждому охотнику при-
ходится нести до трехъ кабаргъ. При этомъ голова и ноги отрубаются и укладываются
рядомъ, иначе онѣ лежать слишкомъ неудобно. Встрѣчаются, говорятъ, Тунгусы, кото-
рые на плечѣ несутъ домой до 5 кабаргъ.

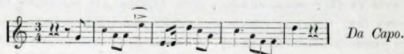
Очень трудно и даже опасно охотничье ремесло Тунгусовъ. Потому я и не встрѣ-
чалъ между ними ни одного толстяка. Но дѣятельный образъ жизни сохраняетъ ихъ
здоровье до глубокой старости. Со мною цѣлую недѣлю странствовали два Тунгуса, изъ
которыхъ у одного, 60 лѣтъ отъ роду, были также сѣдые волосы, что у нихъ состав-
ляетъ большую рѣдкость. Младшему его сыну шелъ всего третій годъ. Другой Тунгусъ,
хотя постарше (говорили, что ему 70 лѣтъ), былъ еще бодръ и крѣпокъ на ногахъ.
Отецъ его, которому, какъ говорили, было сто лѣтъ, жилъ еще и года два тому назадъ
былъ еще бодръ, пока наконецъ ослѣпъ и за тѣмъ поочередно черезъ годъ жилъ у од-
ного изъ своихъ сыновей, удержавъ за собою стадо въ 20 сѣв. оленей, для котораго

освидѣтельствованіе
разставленныхъ само-
стрѣловъ, ямъ и лову-
шекъ, хотя иногда про-
ходить недѣли и мѣся-
цы, пока засѣба осмо-
трѣна вся кругомъ. При

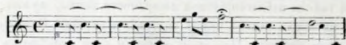
нимали особую пастушку. Шестидесяти и семидесятилѣтніе старики нерѣдко представлялись мнѣ отцами грудныхъ дѣтей; иногда даже матерью оказывалась первая, уже очень съезжившаяся жена. Неоднократно я встрѣчалъ въ живыхъ отъ 7 до 9 дѣтей. Если бы жены не кормили дѣтей грудью по нѣсколькѣ лѣтъ, то приплодъ былъ бы еще многочисленнѣе. Тяжелое вращиваніе дѣтей, въ особенности же періодическое появленіе оспы, кори, краснухи и скарлатины, одолювающихся и старыхъ и молодыхъ, равно какъ тифъ, сильно уничтожаютъ населеніе. Въ мое время повсюду господствовали коклюшъ. Въ архивной бумагѣ 1816 года насчитывалось 631 лицо Кангаласкихъ Тунгусовъ, которымъ не была привита оспа. Съ тѣхъ поръ это дѣло врядъ-ли улучшилось¹⁾.

Распространена была также такъ называемая «Radesyge», хотя первичная сифилитическая зараза занесена была только въ Удской Острогъ ссыльными, въ чумахъ же не была извѣстна. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи столь значительная въ то время изолированность этихъ горъ имѣла еще большія преимущества предъ Западною Сибирью. Легкомысленный характеръ Тунгусовъ усилилъ бы зло, подвергшее погибели туземцевъ Западной Сибири.

На стр. 653 была рѣчь о необузданности эротическаго воображенія, оживляющаго тунгусскія пѣсни. Небольшой образецъ, слышанный мною, помѣщенъ акад. Шифнеромъ въ Кастреновой *Tungusische Sprachlehre* (въ концѣ). Большая часть текстовъ, впрочемъ, говорить, импривизуется. Вотъ записанная мною на мѣстѣ мелодія пѣсни, слышанной на р. Килѣ:

Другая пѣсня распѣвалась по слѣдующей мелодіи:

Была еще третья мелодія, у которой послѣдній тонъ всегда оканчивался чрезвычайно отрывочно:

Какъ мало Тунгусы способны устоять противъ искушеній, это показываетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе ихъ экономическихъ условій. Правда, что искушенія, которымъ

¹⁾ Сомнѣвающимся въ пользу основанія я послалъ бы непринятными къ сочиняемъ. Тамъ, при первой же эпидеміи, они навсегда избавились бы отъ всякаго сомнѣнія.

подвергается их легкомыслие, слишком велики. По возможно точным сведениям, собранным мною во время пребывания на Становом хребте, оказалось, что в 1844 году, на принадлежащем к Якутскому краю северном скате Станового пограничного хребта, со влечением области прилегающих притоков р. Силымджи, торговало 25 кушцов, с приблизительно 80 прикащиками и полуприкащиками¹⁾. Товары свои, назначенные для южного ската, эти торговцы привозили в горы на примерно 700 сив. оленях. Из них приводилось до 300 голов, для продажи Тунгусам в качестве вьючных животных, и между ними находилось от 50 до 100 более дорогих сив. оленей (Ламских²⁾), из Алданских гор; прочие получались с Вилюя. Остальные 400 частью закалывались торговцами, частью служили им для возвращения в Якутск. На каждые 3 шалаша я насчитывал по торговцу.

Кроме сив. оленей в горы приводились и лошади. На пути туда они действительно служили вьючными животными, но до осени почти все там откармливались³⁾ и потому продавались на убой, потому что у Тунгусов они считаются самым лакомым мясом, которое предпочитается всякому другому мясу. Осенью 1844 года из вьючных лошадей, отправленных из Якутска в Удской Острог, проданы были: часть в Удском, 10 вверх по Галламу, 10 вверх по Чонгару (притоку р. Уди), 15 на Никань, в верховьях р. Силымджи, а несколько штук погнали к Тугуру и там продали Тунгусам на убой⁴⁾. К этим лошадям нужно еще прибавить неопределенное, но незначительное, число лошадей, которые оставлены были в горах китайскими Даурцами, приходящими с юга.

Эти вьючные животные подвозили Тунгусам масло, жир, муку, чай, сахар, табак, порох и свинец, ружья, ружейные замки, котлы, сковороды, медвежьи рога, топоры, ножи, топоры и т. п.

Этим однакоже несколько не исчерпан перечень подвозимых съестных припасов. С юга те-же Даурцы, подобно Якутам, привозят топленое масло⁵⁾, но и замо-

¹⁾ Кроме этих кушцов, около ста других Тунгусских торговцев отправлено по разным, не относящимся к нашему вопросу направлениям, отсылавая Тунгусов.

²⁾ Для пополнения сказанного о Ламских сив. оленях на стр. 314, сообщая тут следующее сопоставление размеров их. Ламский сив. олень имеет в холке 48 $\frac{1}{2}$, в крестце 43 $\frac{1}{2}$ дюйма; Вилюйский сив. олень 42 $\frac{1}{2}$ и 41 $\frac{1}{2}$ дюйма. Кроме разницы в величине, эти животные на более косое направление спинной линии Ламского сив. оленя, у которого холка поднимается выше.

³⁾ И тут также лошади быстро разжирали не от сочных горных трав, а опять таки от заманчатого хлеба сибиряк (срав. стр. 336, примеч. 1-е). Особенно хорошими хлебами полями славилась горная речка

Орчий, Хатаннах, Кысайская (приток р. Шивили) и Оттух, равно как Бейтоя, приток Галлапа.

⁴⁾ Три года перед тем число проданных лошадей было гораздо значительнее. Поблизости местам пребывания Якутов еще гораздо больше лошадей попадается под нож Тунгусов. Каждая лошадь разбивается на 6 частей и каждая шестая доля, смотря по состоянию откорма, стоит от 20 до 25 руб. При покупке такой лошади она продается за 100 рублей. — Из всего этого видно, какое значение можно придале известию, что Тунгусы считают величайшим грехом есть конину (см. Вестн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1858, III, 22, стр. 150).

⁵⁾ Примерно литру за собола. Для масла у Тунгусов нет другого названия, кроме якутского (ату) или русского.

роженую сметану въ видѣ блинковъ въ палецъ толщины и въ тарелку величины ¹⁾, да свиные окорока ²⁾. Нѣкоторые китайскіе Бурало-Тунгусы также вымѣниваютъ собою на товары.

Кромѣ подвоза съ сѣвера и съ юга, уже въ мое время являлся подвозъ съ запада, потому что ежегодно къ такъ называемой Солонской ³⁾ сходкѣ пріѣзжало около ста казаковъ.

Со всѣхъ трехъ сторонъ Тунгусамъ подвозилась мука, но никакъ нельзя было узнать, какъ велико потребление ея. Повидимому она вообще составляетъ болѣе предметъ роскоши, чѣмъ дѣйствительной потребности питанія, и болѣшая часть подвозимой муки идетъ вѣроятно на прокормленіе прикащиковъ и погонщиковъ съв. оленей.

Главные сборныя мѣста были: 1) на Темтѣнѣ, гдѣ собирались уже въ началѣ Октября, и потомъ вторично весною, со сходомъ снѣга; 2) на Давукытѣ (или Давукакытѣ), въ началѣ Января; 3) на Тукси, въ началѣ Декабря. Впрочемъ тѣ-же самые торговцы посѣщали также Ярмарки на Учурѣ (отъ половины Мая до половины Июня); въ Удскомъ Острогѣ (въ Августѣ); на Чогарѣ, впадающемъ въ Удъ (въ Декабрѣ); около Бурукана (въ Январѣ). Чирринитъ (притокъ Уди) также служилъ торговцамъ, возвращавшимся въ Мартѣ съ Никана, послѣднимъ сборнымъ мѣстомъ, которое посѣщали Тунгусы.

Какъ мало Тунгусы стѣснялись огромными разстояніями, это можетъ доказать слѣдующее обстоятельство: на Давукытѣ я встрѣтилъ тунгусскихъ торговцевъ, объяснившихъ мнѣ, что хотя оттуда къ Алясской гавани ближе, но что изъ-за лучшихъ кормовъ они охотнѣе запасаются всѣми необходимыми предметами на Темтѣнѣ, гдѣ такія-же цѣны, какъ тамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представился старшина, который пришелъ къ Давукыту изъ Якутска, черезъ Алянъ, и сообщилъ новѣйшія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ гавани.

Въ мое время въ главныхъ сборныхъ пунктахъ оказывались слѣдующія цѣны:

	На Темтѣнѣ	На Давукытѣ	На Тукси	У Солонск	На Учурѣ	Въ Алясской
	(прит. Алдана) въ верхнихъ.	(на р. Килѣ, прит. Даян).	(прит. р. Нары)	(слѣд. Зобайн, товаръ).	(прит. Алдана).	гавани ⁴⁾ .
	Р	Р	у	б	а	е
Муки, пудъ	8	10	15	5	6—10	5
Масла »	15	30	35	30	20—25	30
Жиру »	15	25	30	10	15	20—25
Табаку фунтъ . . .	2½	2½	2½	въ видѣ придачи	2—2½	—
Чай съ сахаромъ.	10	15	15—20	10	15	—

¹⁾ Также стоитъ собола.

²⁾ Каждый окорокъ стоитъ собола.

³⁾ Подъ Солонскомъ очевидно разумѣли торговое мѣсто на рѣчкѣ, впадающей въ Амуръ поперекъ Албазина; или сѣвнхъ козаковъ, отправлявшихся туда изъ Забайкаля; слѣдовательно пріхрдно и компанію кон-

трабавляющую, схватить которую я считалъ для себя счастлиемъ, потому что такимъ образомъ мнѣ удавалось замѣнить уже негодныхъ съв. оленей конкъ лошадьми. Сраз. стр. 726.

⁴⁾ Осенью 1844 года въ Алянѣ собралось до 20 чумовъ Тунгусовъ, пріѣхавъ 6 козаковъ для торговли, про-

Если иногда случалось, что товаров было больше, чѣмъ покупателей, то цѣны наконецъ понижались на $\frac{1}{4}$ обыкновенной стоимости.

На Темтѣнѣ цѣны оказывались гораздо дешевле не только потому, что это мѣсто лежитъ еще на сѣверномъ скатѣ, но и потому въ особенности, что до него товары доставляются на вѣчныхъ лошадяхъ, а оттуда развозятся дальше на сѣв. оленяхъ. Мыѣ рассчитывали, что каждую лошадь до Темтѣна слѣдуетъ считать на 10 рублей расходовъ по перевозкѣ тяжести, и что слѣдовательно перевозка моего транспорта изъ Якутска до Давукакыта за 12 $\frac{1}{2}$ руб. съ пуда обошлась очень дешево.

Сѣв. олень и хорошая собака стоили рублей 100. За хорошее ружье платили еще больше и до 150 рублей, а за ружейный замок 10 руб., хотя между Тунгусами былъ ружейный мастеръ, а другой Тунгусъ, у котораго пружина лопнула, тотчасъ-же при мыѣ замѣнилъ ее маленькимъ лукомъ изъ упругаго дерева. За медные нитки для ставной сѣти платили 5 рублей, но Тунгусъ могъ сплести себѣ изъ нихъ двѣ сѣти.

Медвѣжьи рогатины, топоры, ножи съ обитыми мѣдно ножнами, и 20 нитокъ мелкихъ бусъ стоили по 5 рублей.

Должно казаться страннымъ, что въ моемъ спискѣ цѣнъ не значатся ни порохъ, ни свинецъ. Это происходитъ оттого, что на каждого тунгусскаго стрѣлка казна отпускаетъ вообще по одному фунту пороху, хотя требовалось гораздо больше (фунтъ до 5). Тунгусу приходилось платить 5 рублей за свой фунтъ пороху, который старшина ему привозилъ изъ магазиновъ. Но такъ какъ подати не уплачивались регулярно, то мѣстное Якутское управление уже два года не отпускало болѣе пороху.

Что же вы дѣлаете? спросилъ я съ любопытствомъ. «О, мы беремъ порохъ отъ Солорщевъ (слѣд. Забайкальскій), гдѣ онъ также не дорогъ». Какъ затрудненіе добывать порохъ, такъ и довольно большой калибръ ихъ ружей, да страхъ пропустить выстрѣлъ болѣе доходный, удерживали Тунгусовъ, на южномъ скатѣ, отъ охоты на глухарей, рябчиковъ и т. п., которыхъ тамъ безчисленное множество, или также на бѣлокъ. Когда я вымѣнялъ себѣ собаку, то фунтъ пороху, который я далъ за нее сверхъ другихъ предметовъ, мыѣ все-таки расчитали въ 10 рублей.

Что касается свинца, то часто слышалась жалоба, что онъ слишкомъ твердъ и портитъ ружейное дуло. Хорошъ былъ только свинецъ, получавшійся изъ Нерчинска.

Распоряженіе мудраго начальства о запрещеніи продавать порохъ не смутило Тунгусовъ, тѣмъ болѣе, что онѣ уже успѣли смекнуть, что забайкальскіе покупатели, подобно китайскимъ, не были еще такъ избалованы хорошими собольими шкурами, какъ якутскіе, да и вообще мало знали толку въ хорошемъ товарѣ. Поэтому худые и попорченные соболы шли туда и доставляли продавцамъ отъ 20 до 25 руб., тогда какъ якутскіе торговцы предлагали за нихъ только по 5 рублей. Притомъ тамъ сбывались шкуры безъ

длинныхъ 11 лошадей; въ предшествующую зиму Тунгусы купили тамъ и зарѣзали до 30 лошадей. Мускусовые мѣшкы привозились въ тамошнюю торговлю по 3 $\frac{1}{2}$ до 5 рублей, бѣлки по 30 — 50 копѣекъ.

хвостов и лап, даже такіа шкуры, которыя вычернены быш котельной сажей. Но за то тамъ и за самую лучшую шкуру платили не дороже 40 рублей.

Всѣ цѣны взъ году въ годъ оставались почти тѣ-же, только на кабарговья струн сильно мѣнялся курсъ. Такъ напр. ошъ стоили въ горахъ:

въ 1839 году $2\frac{1}{2}$ руб.   въ 1841 году 6 руб.   въ 1843 году 4 руб.
 » 1840   » 5   »   » 1842   » 5   »   » 1844   » 3   » и дешевле.

Цѣны же на лосинья, собольи и др. шкуры не измѣнились. Привсемъ томъ, число ежегодно убиваемыхъ кабаргъ вѣроятно остается почти одно и то же, такъ какъ въ альпійскихъ хребтахъ кабарга составляетъ главную основу ежедневнаго пропитанія Тунгусовъ.

Жизнью Тунгуса руководятъ два соображенія: необходимость добывать пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соболой. Такъ какъ то и другое не ведѣ можно найти въ одномъ мѣстѣ, то явилась необходимость въ разные времена года эксплуатировать мѣстности, очень далеко отстоящія одна отъ другой, а эта необходимость поддерживала страсть уходить далеко.

Но эта страсть издавна приняла два совершенно опредѣленныхъ направленія, потому что главный барышъ доставляли Становой альпійскій хребетъ и южные его скаты. Кромѣ соболя тамъ-же, на крутыхъ вершинахъ, водилась кабарга, а въ глубоко впающихся долинахъ сѣв. олени и лоси. Вотъ что составляло основы тунгусскаго существованія. Гдѣ на южномъ скатѣ не было больше кабарги, гдѣ сѣв. олень уже рѣже начиналъ встрѣчаться, тамъ къ лосу присоединялись олень и козуля, а далѣе, внивъ по рѣкѣ, даже кабанъ, мѣстами въ видѣ рѣдкой придачи, мѣстами же и очень часто, какъ напр. въ низовьяхъ Ура. Преслѣдовать кабана далѣе, въ южной его родинѣ, не позволяютъ прекращеніе соболя и невозможность прокормить домашняго сѣв. олена на лишенной моховъ значности по причинѣ слишкомъ южнаго положенія мѣстности. Тамъ, по ту сторону Бысы (притока Силвмджи) и на Тырмѣ (притокѣ Бурен), Коные Тунгусы Китайской имперіи, подвигающіеся съ юга вверхъ, являются естественными сосѣдями Оленныхъ Тунгусовъ. Велѣдствіе травяныхъ налей, нерѣдко распространяющихся по многимъ высоколежащимъ основнымъ лѣсамъ, они отодвигаютъ Оленныхъ Тунгусовъ въ горы еще выше, чѣмъ это обусловливалось первобытною природою. Впрочемъ не только Коные Тунгусы устраивали такіа пали (Кигиң), чтобы улучшать кормовыя мѣста для своихъ лошадей, но и наши Тунгусы жгли значности, для полученія сочныхъ луговъ, на которыхъ они потомъ подстерегаютъ оленей.

Эти китайскіе Коные Тунгусы, называемые также Буралами (или Быралами), и наши Оленные Тунгусы, кажется, взаимно давали другъ другу названіе Тѣ-һалъ (тотъ народъ). Они устраивали свои засѣки на правомъ берегу Амура, но поздно осенью взбирались высоко къ подошвѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, а иногда даже лѣтомъ, въ челокахъ, напр. по Уру. Такъ какъ они весь южный берегъ этого хребта

считали своимъ, т. е. китайскимъ краемъ, то въ мое время разныя мелкія столкновения не всегда ограничивались одними угрозами, а нерѣдко выражались въ жалобахъ на отягченіе огнестрѣльнаго оружія, на умерщвленіе верховыхъ и вьючныхъ животныхъ и т. п.¹⁾ Во всякомъ случаѣ собственно виновными тогда были наши Тунгусы, позволявшіе себѣ своевольничать все болѣе и болѣе. Такъ какъ я самъ былъ на запрещенномъ пути, за который два года спустя спутнику моему Ваганову пришлось заплатить жизнью, то къ сожалѣнію я находился также въ неловкомъ положеніи, заставлявшемъ меня импровизовать Бураламъ. Одному Буралу, который сталъ требовать у меня отчета о томъ, куда я отправляюсь, я отвѣтилъ угрозами и удачнымъ выстрѣломъ на лету. Потому мы сдѣлались хорошими друзьями.

Этотъ Буралъ причислялъ себя, если я его вѣрно позналъ, къ Мангирьскому роду, а другой, на Бурей, къ Гураграмъ. У перваго была чисто тунгусская фазіономія. Но словамъ его, онъ не стригъ головы своей и не носилъ косы потому, что мать его умерла. Ясакъ платили они (китайскому правительству) по одному соболю и получали за это муки, примѣрно на 40 руб. на наши деньги. Если представленный соболь былъ слишкомъ плохъ, то чиновникъ отрубалъ лапу, вслѣдствіе чего шкура терла цѣну свою въ торговлѣ.

Благодаря безумной неурядицѣ, которая дорожить только минутой и уничтожаетъ все, что ей попадетъ подъ руки, не щадя по пословицѣ «ни денегъ въ сундукъ, ни теленка въ коровѣ», Тунгусы изъ году въ годъ все болѣе истребляютъ животныхъ, такъ что съ каждымъ годомъ наши Оленные Тунгусы подвигались все дальше на юго-востокъ, гдѣ въ мое время первоначальное изобиліе первобытной природы еще сохранилось почти въ прежнемъ видѣ, потому что въ этомъ углу жители придерживались отчасти морскихъ прибрежій, отчасти Амура съ его значительными притоками и большихъ озеръ. Болѣе чѣмъ щедро питаемые рыбами, тюленями и выброшенными на берегъ китами, они мало по малу сдѣлались рыболовами и предоставили горы этой страны ихъ собственной судьбѣ.

Соболей и лосей въ этомъ благодатномъ уголкѣ земли было безчисленное множество. Когда нужны были съѣстные припасы, то отправлялись на Амгуни, въ которомъ кишмя кишѣла и кета. Въ Бурею она не заходила.

Лосей, увѣрали меня Тунгусы, съ горныхъ хребтовъ часто можно видѣть сразу по 30 головъ, хотя они ходятъ по одиночкѣ, а не стадами. Приэтомъ, дѣйствительно, можно было помириться съ недостаткомъ кабарги. О множествѣ соболей мы будемъ говорить ниже. Подобно каллифорской, австраійской и другимъ золотопромышленнымъ лихорадкамъ, горячка охватила и Тунгусовъ, такъ что все повалило въ пресловутое Эльдорадо²⁾.

¹⁾ Сравни уже сказанное о Буралахъ или Бырадахъ въ примѣчаніи къ I му тому нѣмецкаго изданія этого сочиненія, стр. 167. Жалоба ихъ 1780 года (см. тамъ-же, стр. 165) также относится сюда.

²⁾ Наши Тунгусы отправлялись туда отчасти по долигѣ р. Бурей, отчасти чрезъ мѣстечко Бурукіанъ Миллендорфа, Путешеств. по Сиб., ч. II.

на Тугурѣ, чрезъ Укакытъ на Нениденъ, потомъ вверхъ по Амалу, а оттуда къ Акрани, которая по болотамъ вела къ Амгуни.

Въ мое время къ Амгуни велъ новый путь отъ Хамбакіна на Нениденъ, внизъ по Нилану.

Вѣроятно это случилось бы уже гораздо раньше¹⁾, если бы не оказалось одно неудобство: чѣмъ ближе къ побережью, тѣмъ меньше стоили соболѣи.

Лучшими соболѣями считались въ торговлѣ тѣ, которые шли съ Темтена, т. е. съ той части сѣвернаго ската и западной половины Становаго водораздѣльнаго хребта, гдѣ берутъ начала верховья и притоки Алдана, Дзѣи и Ура. Эти шкуры составляли верхи или такъ называемыя головки собольихъ сороковъ и цѣнились каждый въ 100 рублей. За ними слѣдовали соболѣи съ верховьевъ р. Уди, но они рѣдко продавались за 80 руб.; обыкновенно же за нихъ платили по 60 руб. Еще дальше на востокъ, въ верховьяхъ Бурѣи, встрѣчались уже только шкуры похуже предыдущихъ, хотя тамошнія горы высоки и идутъ отвѣсными гребнями. Къ этому разряду принадлежали также соболѣи «золотаго края», съ прославленныхъ верховьевъ Амгуни, въ Бурейскихъ горахъ. Такого рода качество немощно уменьшало доходы отъ множества добытыхъ соболѣей, тѣмъ болѣе, что по временамъ въ верховьяхъ Уди²⁾ бывалъ очень хорошій уловъ, такъ какъ тамъ чащи кустарнаго кедра предохраняли соболѣей отъ истребленія.

Разсмотримъ теперь по одиночкѣ затронутые нами вопросы, принявъ за исходную точку болѣе сѣверныя мѣста пребыванія южныхъ Тунгусовъ.

Къ сѣверу отъ Половинной (притока р. Уди) въ мое время уже не было болѣе лосей; на Алданскомъ хребтѣ они, можно сказать, были почти совершенно истреблены, такъ что прибрежнымъ или Ламскимъ³⁾ Тунгусамъ приходилось довольствоваться дикими сѣв. оленями, зайцами и бѣлыми куропатками. Кое-гдѣ попадалась горная овца, но видѣть у нихъ не встрѣчались кабарги, предѣлъ распространенія которыхъ прекращается южнѣе. Безчисленныя массы морскихъ рыбъ, заходившихъ въ рѣки, представляли основу хозяйства. Этими я никакъ не хочу сказать, чтобы иногда у нихъ не было раздолья по части мяса сѣв. оленей, какъ напр. весной 1844 года, когда снѣгъ такъ плохо спекался, что Учурскіе Тунгусы убивали по 30, 40 и даже по 60 сѣв. оленей на человѣка. Но за такой быстро прокученной рѣзней слѣдуетъ, само собою разумѣется, неудачная охота на сѣв. оленей нѣсколько лѣтъ сряду. Впрочемъ, домашніе сѣверные олени, которые въ Алданскихъ горахъ росли столь-же хорошо, какъ и дикіе, служили также поддержкою для пропитанія, и кромѣ того шли въ продажу, потому что вслѣдствіе особенной ихъ величины за нихъ дорого платили.

Соболѣи были почти совершенно истреблены. Тѣмъ быстрѣе размножались бѣлки, вознаграждая часть утеряннаго промысла. Осенью до моего пріѣзда было напр. такое неслыханное количество бѣлокъ на рѣкахъ Анямъ, что человѣку можно было убить до 2000 штукъ, а такъ какъ каждая стоила 30 к., то это уже составляло порядочный доходъ.

Сравнимъ теперь съ этими данными нѣкоторыя свѣдѣнія съ южнаго ската водораз-

¹⁾ Что движеніе началось уже въ прошломъ столѣтіи, это доказываетъ даже 4-е примѣчаніе на стр. 366, а еще подробнѣе содержаніе примѣчаній къ стр. 98 и

слѣд., особенно же стр. 160—162-ой I-го отдѣла этой части.

²⁾ А именно притоковъ Шивали и Гуллама.

³⁾ Въ буквальной переводѣ: «Морскіе Тунгусы».

дѣльнаго хребта, гдѣ, замѣтимъ тутъ-же, горныя воды повсюду были запружены плотинами или «заеками»¹⁾ и доставляли богатую придачу къ питанію мясомъ.

А. Тунгусъ, проводившій лѣто въ нагорной части у перехода отъ верховьевъ Аламы (притока Учюра) къ Дзеѣ (тамъ регулярно выпадаетъ очень глубокой снѣгъ, такъ что лѣто благоприятно и для домашнихъ и для дикихъ сѣв. оленей), подраживался на сѣв. оленей, или ходилъ на нихъ также съ собакою на привязи. Въ Августѣ онъ, свиста на скрученной берестѣ, подманывалъ тамъ кабаргу, которая, какъ самецъ, такъ и самка, подбѣгала на зовъ. Осеннею зимою онъ спускается съ горъ къ югу, охотится на соболей «на собачьихъ погахъ» и обходитъ лосей, направляясь по ихъ слѣду, а иногда дѣлаетъ кругъ и идетъ противъ вѣтра, такъ какъ и лось идетъ противъ вѣтра. Если онъ заберется далеко внизъ по рѣкѣ, то иной разъ ему подвернется и олень. Зимою главную его пищу составляетъ кабарга, а потому онъ въ это время опять забирается высоко въ горы и разставляетъ до 100 передвижныхъ самострѣловъ²⁾, потому что у него не устроены засѣки. Только соболю, которому онъ не ставитъ приманки, а разставляетъ самострѣлы передъ его норой или на обратномъ слѣдѣ, онъ не позволяетъ обходить ловушку, втыкая кругомъ прутья.

Такимъ образомъ онъ ежегодно добываетъ среднимъ числомъ около 30 сѣв. оленей и лосей, по крайней мѣрѣ 100 кабаргъ и отъ 10 до 15 соболей. Существенную помощь оказываютъ домашніе сѣв. олени, которыхъ у него 30 штукъ. Чѣмъ дальше онъ уходитъ внизъ по рѣкѣ, тѣмъ больше преобладаетъ количество лосей, тѣмъ меньше онъ убиваетъ сѣв. оленей.

Въ обыденной жизни кабарга, будучи сварена, составляетъ обѣдъ для него, для жены, для сына, работницы и трехъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ богатой добычи, устраиваются два обѣда, въ противномъ случаѣ только одинъ. На выручку является запасное сушеное мясо красного звѣра.

Въ годъ этотъ тунгусскій чумъ расходовалъ: 1) муки 10 пудовъ; 2) масла 5 пудовъ; 3) жира отъ 2 до 3 пудовъ; 4) чаю 5 фунтовъ и сахару 10 фунтовъ; 5) пороху 4 фунта и свинца 8 фунтовъ; 6) табаку 20 фунтовъ; 7) одежды рублей на 100.

В. Другой Учурскій Тунгусъ, жившій въ верховьяхъ Чонгара, Уди, Шивили и Галлама, потому что тамъ горы наиболѣе богаты кабаргами, добывалъ ихъ каждую зиму отъ 80 до 200 и даже 250 штукъ, если ему удалось разставить 200 самострѣловъ. Столь-же богаты кабаргами были, говорили мнѣ, прибрежныя горы неподалеку отъ южнаго берега, въ верховьяхъ Уякона и Мальмасина.

С. На Ыиѣ (притоки Нимана) и Иси (прит. Бысы) три брата разставили до 200 самострѣловъ и убили въ прошломъ году до 30 сѣв. оленей, 10 лосей и 200 кабаргъ.

¹⁾ По-тунгусски: *Dalir*; по-акуски: *Bubyt*.

²⁾ Количество разставленныхъ самострѣловъ Тунгусъ понимаетъ такъ, что оно означаетъ такое-же количество слѣловъ. Если лось убьетъ своего звѣра, и потому опять

ставится на томъ-же мѣстѣ, то онъ все-таки считается за тотъ-же лось.

При засѣкахъ количество луговъ означаетъ количество проходовъ въ засѣкѣ.

D. У Тунгуса на Киле (прит. Дзеи) главную часть добычи уже составляли олени. Он убивал ежегодно штук 15; остальное количество необходимого для него запаса доставляли лоси, козули и весьма многочисленные кабарги. Козуль ежегодно добывалось до 25 штук, особенно во время переправы их в лагуны при ежегодных весенних и осенних странствованиях.

Поддержкою хозяйства являлось богатство рѣкъ и озеръ по части тайменей, ленокъ, щуки и окуней, которыхъ Тунгусы ловили тамъ сѣтями¹⁾.

Соболи встрѣчались очень рѣдко; тѣмъ болѣе было рысей и росомахъ. Главный промыселъ составляли неокрѣпшіе олени роговые зачатки (tontū), которые китайскіе Бурало-Тунгусы и Даурцы покупали у нихъ за большія деньги, трехконечные по 50, а четырехконечные по 70—80 рублей. Этихъ оленей убивали на прикличку.

Оленьи шкуры, подобно шкурамъ сѣв. оленей, не раздѣляются на двѣ части и цѣнятся въ 5—10 рублей, хотя не поступаютъ въ продажу, а расходуются въ хозяйствѣ²⁾. Десять рублей стоятъ большія, осеннія, совершенно коротковолосыя оленьи шкуры, которая считаются самыми дорогими. Столько-же стоитъ каждая изъ обихъ половинокъ лосиной шкуры.

E. Тунгусы на Керокѣ. Лѣтомъ они уходятъ на озера р. Уръ, около которыхъ водится много лосей, оленей и козуль. Первыхъ охотникъ убиваетъ до 30 штук; кромѣ того еще отъ 5 до 8 кабановъ. Зимомъ они возвращаются къ своимъ засѣкамъ. Туда лишь очень рѣдко заходитъ соболь. Взамѣнъ того они убиваютъ бѣлокъ. Медвѣдей очень много, но ихъ убиваютъ такъ-же рѣдко, какъ выдръ, рысей и росомахъ. Лисицы вовсе не встрѣчаются. Волки тутъ уже появляются, преслѣдуя козуль.

Каждый чумъ ежегодно расходуетъ примѣрно 3 пуда муки.

F. Тунгусъ на Отобѣкѣ (прит. Нижняго Килѣ). Добываетъ на половину сѣверныхъ оленей, на половину лосей. Въ цѣлый годъ онъ убилъ только одного оленя. Козули вовсе не встрѣчаются.

Соболемъ прежде въ хорошій годъ убивалось около 15 съ собакой и 10 въ самострѣлахъ, и среднимъ числомъ они продавались рублей за 25. Теперь соболи стали рѣдки и мѣсто ихъ заняли 50—200 бѣлокъ.

Онъ употребляетъ ежегодно 2 пуда муки и платитъ 10 руб. за фунтъ пороху.

Дальше внизъ, къ Амуру, Тунгусы стрѣляютъ, говорятъ, почти только бѣлокъ, много занимается рыбною ловлею и употребляютъ много муки, которая тамъ дешева.

G. Тунгусъ на Джееѣ (прит. Тымги, прит. Дзеи). Онъ ежегодно убиваетъ отъ 15 до 20 сѣв. оленей и лосей (преимущественно послѣднихъ), до 5 оленей, 10 козуль и 50 кабаргъ, разставляя 100 самострѣловъ.

¹⁾ Они ловили также рыбу Джюю, по названью ее Дзюу.

²⁾ Онъ былъ тутъ дороже, чѣмъ въ главномъ городѣ

Якутскѣ, гдѣ за шкуру сѣв. оленя, вследствие привоза съ Кольми и изъ прибрежныхъ странъ Охотскаго моря, платили отъ 4 до 2½ рублей.

Домашних сѣв. оленей бывало у него отъ 3 до 20, смотря по годамъ; въ плохое время онъ закармывалъ до 10 штукъ, вмѣсто которыхъ потомъ покупалъ другихъ.

Муки онъ расходовалъ отъ 2 до 3 пудовъ.

Весною выручаютъ пойманные въ силкахъ глухари.

И. Якутъ на Кебели (срав. ниже) въ годъ расходовалъ на свой чумъ (2 мужчинъ, 2 женщинъ и 1 мальчикъ) 10 пудовъ муки, отъ 3 до 4 пудовъ масла; столько-же жиру; 10 фунтовъ чаю; 15 фунтовъ табаку (сыгъ не курить, что составляетъ неслыханное дѣло).

Такимъ образомъ на мѣстахъ хорошаго улова на восточной половинѣ южнаго ската значительнѣйшихъ возвышенностей Становаго хребта и его развѣтлений сходится Тунгусы сѣвернаго ската изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей (срав. стр. 711).

Такъ мы встрѣтили тамъ Кангаласскихъ Тунгусовъ изъ Якутскаго округа, Учурскихъ Тунгусовъ (Бытальскій и Эдъянскій¹⁾ роды) и Ламутовъ, т. е. Прибрежныхъ Тунгусовъ изъ Алданскихъ горъ. Ламуты и Эдъянцы не носили косъ²⁾, какъ Кангаласцы и Быталыцы, и поэтому ихъ можно было отличать съ перваго-же взгляда. Но языку оказывалась также значительная разница между Кангаласскими и Учурскими Тунгусами. У послѣднихъ почти одно и тоже нарѣчье съ Икагирами; рассказывали, что и Олекминскіе Тунгусы могутъ хорошо объясняться съ ними, у Ламутовъ же самый своеобразный языкъ.

Изъ всѣхъ Тунгусовъ, говорятъ, особенно Икагиры, нѣкогда, были несравненно многочисленнѣе. На плоскомяхъ лугу, рассказывали мнѣ, который 50 верстъ ниже Удскаго Острога окружаетъ холмъ Дяраканъ, они бывало плясали круговую и, держа другъ друга за руку, своимъ кругомъ оцѣпляли весь холмъ. Оттого, говорили, еще до сихъ поръ совершенно ясно видны натоптанные слѣды. Не въ мѣру, говорятъ, они гордились своею многочисленностью, какъ вдругъ появилась оспа и истребила всѣхъ, за исключеніемъ двухъ семействъ, потомки которыхъ теперь находились передо мною.

Рѣчную долину Амгуни въ китайскихъ предѣлахъ въ мое время посѣщали главнымъ образомъ Эдъяне съ нѣсколькими Лалегирами³⁾.

Кромѣ вышеупомянутыхъ Тунгусовъ, я встрѣтилъ дальше къ западу на р. Бургаги Тунгусовъ слѣдующихъ родовъ: 1) Ниниганъ (во множ. числѣ Нинигаттеръ),

¹⁾ По официальнымъ извѣстіямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, въ 1844 году въ третьемъ Эдъянскомъ родѣ считалось 118 податныхъ душъ, изъ которыхъ у 78 были сѣв. олени, тогда какъ остальные были охотные рыбаки.

Въ Бытальскомъ родѣ было 142 души, изъ которыхъ у 79 были олени (316 штукъ).

²⁾ По-видимому это было слѣдствіе русскаго вліянія и главнымъ образомъ слѣдствіе головныхъ набокныхъ, потому что у нѣкоторыхъ волосъ на головѣ были об-

стрижены и оставлены только рѣдкѣйшіе вѣтви длинныхъ волосъ по краямъ.

³⁾ Въ мое время въ Удскомъ Острогѣ насчитывалось слѣдующіе Тунгусы: 1) Лалегиры, 92 души муж. и 67 женск. пола; 2) Икагиры, 20 душъ муж. и 11 женск. пола; 3) Эдъяне, 39 душъ муж. и 32 женск. пола. Кромѣ того Якуты Шерскаго отѣла, 20 душъ муж. и 16 женск. пола. — Цифры эти я считаю весьма сомнительными.

которых было 33 податных души; 2) Сологонъ съ 17, и 3) Муригаткаръ съ 4 податными лицами муж. пола.

Ниниганьцы, у которыхъ было еще довольно много сѣв. оленей, ради нихъ проходили лѣто у верховьевъ Килѣ, Олдо, Ливѣръ и нѣкоторыхъ, впадающихъ въ Олекму, горныхъ ручьевъ сѣвернаго ската. Они добывали весьма изобилующихъ тамъ дикихъ сѣв. оленей, а зимою кабаргъ.

Къ осени они отправлялись въ долины, убивать бѣлокъ; при этомъ попадалось и нѣсколько соболей, которые въ верховьяхъ Олдо уже вовсе не встрѣчались. Въ хорошій годъ они расходовали на человѣка до 6 фунтовъ пороху, который въ самой Горбицѣ, составлявшей центръ ихъ пребыванія, продавался не дешевле 5 руб. за фунтъ. Въ хорошие годы человѣкъ убивалъ до 150, въ худые иногда только 50 бѣлокъ. Такъ какъ тамъ почти не было ни лосей, ни оленей, то трапезу пополняли зайцы и глухари. Около 10 тунгусскихъ семействъ этого рода, не имѣвшихъ сѣв. оленей, жили на р. Уричи. Между ними я встрѣтилъ впервые Тунгуса, который со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ, что имъ приходится очень жутко. Не смотря на значительный подарокъ, данный ему изъ состраданія, этотъ человѣкъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь намъ при сломкѣ нашего чума (срав. стр. 712).

Эти Ниниганьцы обращали на себя вниманіе чертами лица, отличавшимися отъ физиономіи болѣе восточныхъ Тунгусовъ, и поразительно напоминали особенности единственнаго семейства Норильскихъ Тунгусовъ, которое и на сѣверѣ стояло совершеннымъ особнакомъ между прочими Тунгусами. Черты лица ихъ носили на себѣ признаки монгольскаго типа, измѣненные вліяніемъ кавказскаго племени. Лицо было овалитѣе, скулы менѣе выдавались впередъ, глаза менѣе были прорѣзаны въось. Да и рѣзко-черные волосы, которые особенно выдавались въ высоко-выгнутой, густыхъ бровяхъ, казались иначе, чѣмъ у другихъ, прежде видѣнныхъ мною Тунгусовъ: они блестѣли и потому казались еще чернѣе, тогда какъ у другихъ Тунгусовъ были чернубурыя, менѣе густыя брови.

Откуда взялись такія качества, этого мнѣ не удалось узнать, тѣмъ болѣе, что Ниниганьцы были привнесены здѣсь лишь 17 лѣтъ тому назадъ, а потому и очень жаловались на затрудненія, которыя они встрѣчаютъ въ сношеніяхъ со сборщиками податей вслѣдствіе незнанія одними тунгусскаго, другими русскаго языка. Недостатокъ посреднческаго якутскаго языка былъ весьма чувствителенъ. Въ подтвержденіе своего разсказа о ихъ происхожденіи, старшина вынулъ бумагу отъ Якутскаго управленія 1683 года. Послѣ долгаго времени мнѣ опять, какъ въ Якутскѣ, впервые оказали честь тѣмъ, что сняли меня съ сѣдла. Металлическіе посеребренные кушаки напоминали о своемъ происхожденіи изъ Якутскаго края.

Съ уменьшеніемъ собольяго лова появилась у нихъ бѣлчица монетная система, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большая положительность. Они были хорошо одѣты, даже въ бумажныхъ кафтанахъ, но самый большой долгъ простирался не свыше 400 бѣлокъ, т. е.

по тогдашнимъ цѣнамъ на этихъ животныхъ, особенно высоко цѣнимыхъ изъ этой мѣстности, немногимъ больше 200 рублей. Такъ какъ каждый чумъ ежегодно расходовалъ отъ 4 до 15 пудовъ муки, то сбереженіе происходило оттого, что уже вовсе не требовалось масла и употреблялось только отъ $\frac{1}{2}$ до 2 пудовъ жиру. Большею частью не было также расхода на чай. Пили его лишь въ 5 чумахъ, употребляя ежегодно отъ 4 до 6 фунтовъ.

Тутъ начиналось употребленіе ружей большого калибра, про которыя прежде мнѣ часто рассказывали, называя ихъ Солонскими ружьями. Они были гораздо дороже маленькихъ винтовокъ и цѣнились, если пользовались извѣстностью, до 200 руб.

Не только въ восточной и средней части водораздѣльнаго хребта, но и въ западной происходили такіа-же передвиженія населенія, о какихъ мы говорили выше. Козаки въ верховьяхъ Амура увѣрили меня, что въ прежніе годы не было Тунгусовъ въ той полосѣ земли, которая заключается между Аргуною, верховьями Амура и Албазинхой, что лѣтъ 12 тому назадъ Солонскіе ¹⁾ Тунгусы, жившіе прежде по ту сторону Олдо, въ верховьяхъ Даен, вслѣдствіе голоднаго года перешли на правый берегъ Амура, гдѣ не только много звѣрей, годныхъ для ѣды, но и много соболей, и что года четыре тому назадъ за ними послѣдовали также Бѣлькоты, душъ 12 Кангаласской орды, платящихъ ясакъ. Послѣдніе, такъ увѣрили меня Тунгусы, первоначально жили на Алданѣ, но выселились оттуда изъ-за тѣснаго времени и чтобы избавиться отъ притѣсненій. Такъ какъ они уже давно не платили ясака, то изъ Якутска послали въ погоню за ними козаковъ, которые однакоже не успѣли нагнать ихъ.

Верстъ 12 ниже начала Амура (Усть-Стрѣлка) я самъ встрѣтилъ Болгра, поселившагося тамъ въ срубленномъ домикѣ. Онъ принадлежалъ къ тому-же роду, какъ другой Тунгусъ, сдѣлавшій мнѣ челнокъ близъ Удскаго Острога. И его также требовали, такъ какъ онъ со времени учрежденія ясачной комиссіи не платилъ податей, но ему все удавалось отдѣлываться. Третій Болгръ также не платилъ и жилъ на золотыхъ приискахъ на Тунгирѣ (притокѣ р. Олекмы). Родъ ихъ разбрелся во все стороны, потому что Болгры жили на Дабукытѣ, на Олдо, Урѣ, Ботамѣ, Темтѣнѣ и Алданѣ. Четыре брата этого рода въ мое время были записаны даже на Видюѣ и тамъ вносили свой ясакъ. Всѣхъ ихъ было 74 человекъ, платившихъ подати.

Одного Учурскаго Тунгуса я встрѣтилъ при Улабанскомъ заливѣ между 3 Гилками. Восемь лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе смерти жены, онъ лишился ея приданого и потому поселился на берегу рыбакомъ. Сначала онъ при случаѣ пересылалъ ясакъ, но потомъ пересталъ вносить его.

Между Туггуромъ и Немленомъ, въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ, въ то время считавшемся китайскимъ, я также встрѣтилъ Учурскаго Тунгуса, который поселился тамъ уже

¹⁾ Некоторые козакъ называли ихъ Солонскими.

лѣтъ 10 тому назадъ, занимался охотою въ верховьяхъ Нимлена, и не обращалъ вниманія ни на какія требованія.

На р. Кебели (притокъ Нимана) жилъ Якутъ лѣтъ 8. Онъ построилъ себѣ юрту и помещеніе для склада товаровъ, и осенью жилъ тутъ, запрудивъ рѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ по близости занимался ловлею соболей. Въ верховьяхъ Бысы онъ въ прошломъ году разставилъ 300 самострѣловъ, давшихъ ему однакоже только 80 кабаргъ (изъ нихъ $\frac{1}{4}$ съ сумками), 6 лосей и 5 сѣв. оленей. Соболей онъ добылъ только 10, потому что сибгъ спекал и тѣмъ совершенно испортилъ охоту съ собаками.

И черезъ горы, лежащая на лѣвомъ берегу Шилки, приходили Тунгусы съ Олекмы (Тунгусы произносятъ Олѣмна) и съ Тунгира на сѣв. скатѣ. Другіе Тунгусы и казаки называли ихъ Айиѣками и Орочонами. Съ рыбной ловли въ верховьяхъ Амаджара, который они запружали, они приходили въ Чучугайскую, для покупки муки (на чумъ расходовалось до 20 пудовъ), которая продавалась тамъ очень дешево, т. е. по рублю или нѣсколько дороже, тогда какъ въ Олекминскомъ округѣ приходилось платить за нее 5 и даже до 15 рублей.

Между Тунгусами были явные дармоѣды: развитые эппзон гостеприимства. Такъ я встрѣтилъ одного, проѣхавшаго своихъ сѣв. оленей въ верховьяхъ Дзеи. Съ женою и двумя дѣтьми онъ въ лодкахъ спустился по Дзеѣ до Элген и жилъ на счетъ тамошнихъ Тунгусовъ до тѣхъ поръ, пока они, какъ онъ очень наивно рассказывал, «уже слишкомъ обѣдѣли и не могли далѣе кормить его», хотя тамъ уже встрѣчалось много кабановъ. За тѣмъ, спасаясь отъ комаровъ, онъ отправился въ лодкѣ вверхъ по Уру и пѣшкомъ внизъ по Олдо, чтобы отпраздновать тамъ сходку и принесть себѣ хлѣбосола, у котораго онъ и пристроился.

Эти порядки однакоже до такой степени держались на основахъ коммунистическаго гостеприимства, что мнѣ ни отъ одного Тунгуса не приходилось слышать жалобу на дармоѣдство родичей. Но довольно часто они жаловались на якутскихъ торговцевъ и на свое собственное легкомысліе. Тѣ, которые были по разсудительнѣе, проклинали этихъ поживлявшихся на ихъ счетъ друзей, проклинали ихъ за то, что они удерживали ихъ отъ ловли животныхъ и соблазняли ихъ на частые легкомысленные кутежи. Но, всматриваясь въ дѣло внимательнѣе, легко можно было замѣтить, что такъ отзывались только болѣе богатые, у которыхъ была задняя мысль, т. е. желаніе вмѣсто Якутовъ самимъ обогатиться посредствомъ торговли и монополій ея. Разумно и въ тоже время неогонистично было ихъ сердечное желаніе, чтобы Якуты не слѣдовали за ними въ зимовья, а ограничивались ярмарочными пунктами. Бѣдные же Тунгусы все-таки твердили, что сами не въ состояніи помочь себѣ и пропали бы въ случаѣ неприбытія торговцевъ.

При всемъ томъ они неоднократно подавали начальству жалобы на различныя притѣсненія со стороны Якутовъ, но всѣ жалобы ихъ оставались тщетными. Хитрые Якуты умѣли обходить начальство.

Уже въ 1744 году внушено было нашимъ Тунгусамъ не переходить за китайскую

границу, не обижать и не обворовывать тамошних народов¹⁾. Распоряжение это последовало очевидно вследствие того, что китайское правительство вступилось за своих подданных. Не смотря на это, в 1794 году было получено донесение о ежегодных столкновениях Охотских и Майских Тунгусов с Нигидальцами. Действительно, уже в 1784 году, старшина Эдяицевъ занимался ловлею звѣрей на Шантарских островахъ. В 1780 году жаловались и китайскіе Бурало-Тунгусы особенно на Якутовъ, такъ что на слѣдующій годъ прямо последовало запрещеніе пускать Якутовъ черезъ Удъ на кочевья Тунгусовъ. Ослушниковъ приказывалось отсылать въ Якутское правленіе. Это были только послѣдствія прежнихъ порядковъ, потому что уже в 1744 году присылались въ Удской острогъ указы разыскать и некоторыхъ скрывшихся Якутовъ различныхъ племенъ, о которыхъ известно было, что они жили на Китайской землѣ. Съ тѣхъ поръ последовало множество подобныхъ указовъ, такъ что въ девятидесятихъ годахъ изъ Удскаго острога присылались въ Якутскій ивжій окружный судъ то 15, то 20, даже по 30 и болѣе Якутовъ²⁾.

Теперь вѣроятно уже не одно лишь нарушеніе границы причинало начальству столько хлопотъ, а стали появляться также жалобы русскихъ Тунгусовъ. Въ архивѣ Удскаго Острова оказалось множество такихъ жалобъ, относившихся къ періоду времени около 1792 года. Тунгусы жаловались на то, что Якуты въ Удскомъ краѣ, особенно на рѣкахъ Галламѣ, Шивелѣ и т. д. торгуютъ, обманываютъ и ловятъ звѣра. Еще положительнѣе вызваны строгія мѣры вѣроятно тѣми громадными переходами на китайскую землю въ 1787 году, о которыхъ мѣстами упоминается.

Эти перекочевки приводили начальство въ отчаяніе, потому что много Тунгуса не только и несколько лѣтъ сразу нельзя было развѣдать, не говоря уже отыскать, но даже нерѣдко тотъ или другой совсѣмъ не возвращался, а поселялся на южномъ скатѣ въ такихъ мѣстахъ, которыя принимались за китайскую землю.

Начальство очевидно не было въ состояніи услѣдить за подвижностью Тунгусовъ, а это увеличивало путаницу до невозможнаго. Такъ напр. на южномъ скатѣ я встрѣтилъ въ прежнемъ старшинѣ Болыгровъ очень разсудительнаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку Тунгуса. Онъ доказалъ мнѣ, что изъ 77 ясачныхъ душъ, представителемъ которыхъ ему доводилось быть, только 37 еще жили на сѣверномъ скатѣ, а 40 уже успѣли перебраться на южный. Вмѣсто того, чтобы взять ясакъ въ Горбицу на Шилкѣ, слѣдовательно непосредственно въ Иркутскъ, что и для него и для родичей его было бы весьма легко, приходилось вносить его, по прежнему, въ Якутскъ, т. е. на 8 градусовъ широты сѣвернѣе и на столько же градусовъ долготы къ востоку. Старшина, конечно, не преминулъ отказаться отъ своей должности, потому что весь годъ уходилъ на пере-

¹⁾ Срав. примечанія къ 1 му отдѣлу этого сочиненія, стр. 159 и 160.

²⁾ Зауеръ (Voyage, II, стр. 225) говоритъ даже о Миддевадѣ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

6000 Якутахъ, перешедшихъ съ Олекки и Вилюя. Въ китайскихъ источникахъ вѣроятно можно найти мысль вѣршия сѣдлѣнія объ этомъ случаѣ.

бды туда и обратно, при чемъ ему удавалось убивать развѣ только мелкихъ звѣрей, напр. бѣлокъ. Рѣдко, говорилъ онъ, случалось убивать сѣв. оленя, потому что приходилось торопиться, чтобы въ теченіи года проѣхать 2000 верстъ до Якутска, да 2000 верстъ обратно. Нужно было тѣмъ болѣе торопиться, что въ противномъ случаѣ торговцы подоспѣютъ раньше и заберутъ себѣ добытыхъ соболей. При этомъ ему, хотя онъ и страивуетъ съ 30 сѣв. оленями, приводится неоднократно запастись провизіей, покушать ее дорого, убивать собственныхъ домашнихъ животныхъ. Изъ прежнихъ его 50 сѣв. оленей дѣйствительно уже пропало 20, и не отдѣлайся онъ отъ своей должности, онъ уже теперь, какъ справедливо увѣрялъ, былъ бы такимъ-же нищимъ, какъ его родичъ, который, какъ старшина, поручился за своихъ и потомъ долженъ былъ отвѣчать за неуплату ласака.

Это одна сторона дѣла. Другая заключается въ выгодахъ, происходящихъ оттого, что старшины, подобно многимъ богатымъ соплеменникамъ, въ тоже время занимаются торговлею и притомъ безпощадно. Къ этому еще нужно прибавить обычные подарки.

Да, правда, отвѣчалъ онъ мнѣ, вмѣсто содержанія я получалъ отъ соплеменниковъ моихъ подарки, но послѣдніе болѣею частью опять уходили въ городѣ. Зачѣмъ же ты давалъ? спросилъ я. «Вотъ видишь», продолжалъ онъ, «тѣ, которые въ городѣ, говорятъ, что имъ приходится хорошо одѣваться, хорошо жить, хорошо ѣсть, ну вотъ каждый и даетъ: много, у кого побольше, мало, кто не можетъ столько дать. Ты ничего не требуешь, тебѣ я ничего и не даю». Насловомъ повѣрилъ я ему, зналъ, что мой переводчикъ, какъ переводчикъ, бралъ подарки. Повѣрилъ ему, потому что когда мнѣ поправился кочанъ, который я хотѣлъ кушать, то Тунгусъ отвѣтилъ: «пусть онъ его беретъ». Когда же я настаивалъ на томъ, что хочу купить его, то Тунгусъ не зналъ, что спросить съ меня, пока я наконецъ, къ величайшему прискорбію его, отказался отъ покупки, потому что я и такъ уже посулилъ за нее черезъ чуръ много¹⁾.

Наводи Тунгусовъ все снова на тотъ-же предметъ, я понемногу успѣлъ понять, что дѣйствительно каждый Тунгусъ считалъ своею обязанностию давать старшинѣ подарокъ; исключались только самыя бѣдныя. Иной старшина былъ извѣстенъ тѣмъ, что умѣетъ выжимать подарки. Дѣло всегакъ опять сводилось на то, что нечего дѣлать, нужно дать соболя. «Не стану же я его рѣзать», сказалъ Тунгусъ, когда я замѣтилъ, что это слишкомъ много. Вѣдь ласака, говорилъ онъ, уплачивается только соболями, и

¹⁾ Но зачѣмъ я выставляю на позоръ его, дикаря. Точно тоже со мною неоднократно происходили сибирскіе чиновники. Прому я напр. выручить меня изъ бѣды, уступить мнѣ саней, и встрѣчно величайшую готовность и предупредительность. Проходитъ добрый часъ времени, пока растолкуешь, что ни въ какомъ случаѣ не впрямъ подарокъ. Наконецъ иду извѣщаю — вчетверо дороже, почти неповѣриво. Это первообычные порядки человеческого общества.

Козакскій урядникъ, прежній «командиръ» Удскаго Острога, за чѣмъ съ пушечью преоткровенно рассказывалъ мнѣ, какъ онъ поступалъ. «Является такой старшина съ всякомъ, все соболя, названные на ремнѣ въ пучки; вотъ я ему и говорю: Да вѣдь этотъ слишкомъ плохъ. Такого парю вѣдь не дамъ. Я вставляю за него моихъ собственныхъ, а ты останешься мнѣ ихъ должнымъ». Стало ему только сознавать, что онъ остался въ долгу, и все дѣло было въ шляпѣ, лавина росла на ходу.

так как сдачи не дают¹⁾, а старшина остальное берет себе за свои труды, то нужно быть дураком, чтобы одать хорошаго; дать худаго неприлично, да и старшина бранить, ну и даешь соболя среднего разбора. Расчетливый же старик высчитывал, что выгоднее поступать так, как он дѣлает, т. е. платить бѣлками и кабарговыми сумками. Въ такомъ случаѣ и старшина долженъ довольствоваться тѣмъ, что получить на свою долю одну или двѣ сумочки. Развѣ только тогда, когда старшина цѣлый годъ у него не былъ, онъ даетъ ему соболя, да и то, конечно, средней доброты. Если къ этому онъ добавитъ еще кабарговую струю, то вѣдь это все, что можно дать.

Кромѣ ласачнаго соболя, богачи давали старшинѣ еще одного соболя за его хлопоты и въ вознагражденіе за расходы въ пользу тѣхъ его соплеменниковъ, съ которыхъ онъ къ сроку не могъ собрать ласакъ. Кромѣ того прежде старшина былъ обязанъ принимать для своего племени и раздавать ему запасы пороха и свинца, что требовало отъ него не только особыхъ хлопотъ, но и лишннихъ вычужныхъ животнхъ.

Какъ бы то ни было, но тоже самое, что мнѣ прежде привелось видѣть у Самоѣдовъ, повторилось и тутъ. Помимо неизбѣжныхъ подарочныхъ соболей, Тунгусскій старшина заплатилъ подати по 8 руб. 8 коп. асс. съ души, тогда какъ въ Нерчинскій я увидѣлъ изъ податныхъ списковъ, что его племя обязано было уплатить за 33 человекъ, всего 43 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп. сер. т. е. почти въ шесть разъ меньше. Это происходитъ оттого, что козакъ не умѣетъ прямо писать, сказали бы опять мои добродушные Самоѣды. У Тунгусовъ же я встрѣтилъ нѣсколько сильно озлобленныхъ лицъ, утверждавшихъ, что не можетъ же быть, чтобы недоимки взыскивались снова, когда подати постоянно вносились аккуратно. Вѣдь они давно сполна уплатили даже такъ называемыя недоимки, откуда же опять берутся новыя? Тунгусы шумѣли²⁾.

¹⁾ Ласачная Комиссія сбила тамошнихъ соболей второго сорта къ 20 рублей. На этомъ и остановилась. Между тѣмъ соболя шурсы съ тѣхъ поръ стали вдвое дороже, а на бѣлочки мѣла вѣса почти не измѣнилась.

²⁾ Новымъ можетъ показаться, что указанія эти, равно какъ на стр. 736 и 656, не довольно основательны. Для нихъ сообщено еще нѣкоторыя извѣщенія изъ моего дневника. 1) Въ одно время со мною въ Тунгусскій издодвался оружейный судья, для производства слѣдствія о ищущихъ уничтоженіи хлѣба въ казенныхъ запасныхъ магазинахъ. Также самое приписывалось также мѣждо. Судья этотъ умеръ до окончанія слѣдствія. 2) Такъ какъ меня признали за чиновника сенатора Толстаго, которому поручена была ревизія Сибирскаго управленія, то помощникъ Тунгусскаго оружейнаго начальника зарѣзалъ въ бытность мою въ Тунгусскій. 3) Въ Енисейскій одинъ изъ болѣе важныхъ чиновниковъ откровенно рассказалъ мнѣ, что онъ не принялъ должности оружейнаго пристава, потому что ее обяжутъ слишкомъ высоко. Новое открытое тамъ золотое прииска отпави-

ются въ 200,000 рублей, тогда какъ они могутъ дать развѣ $\frac{1}{10}$ этой суммы, изъ которой $\frac{2}{3}$ нужно отдать выше. 4) Тунгусскій отдѣльный засѣдатель жаловался мнѣ, что на его счетъ постоянно присылаются нарочные изъ Енисейска въ наказаніе за недовѣреніе деленей, которыхъ невозможно доставить. Эта жалоба согласовалась съ жалобой поселенцевъ. Они должны были ставить подводы, но никогда гроша не получали за нихъ, а деньги кладъ себѣ въ карманъ чиновникъ, пользовавшійся кромѣ того торговнымъ доходомъ, потому что его нарочный возилъ въ Тунгусскій товаръ. 5) Какъ козакъ, такъ и торговцы уверяли меня, что чиновникъ по особымъ порученіямъ, посланный изъ Якутска на армарку на Учу рѣ, для разбора разныхъ жалобъ, при укладкѣ собранныхъ изъ на обратный путь соболей, кладъ съ собою болѣе 800 штукъ. 6) Стоитъ только прочесть (въ 3-мъ томѣ эт. соч.) Отчета Уваровскаго, какъ онъ, по должности президента инспекціи таможеннаго губернатора, получалъ въ мѣсяцъ всего 3 руб. содержания (стр. 18), и сообразить при этомъ, что въ тоже самое время для

Но Тунгусъ по всему своему природному характеру гораздо отважѣе тихаго Самоѣда. Съ самаго Тугура я часто встрѣчалъ въ лѣсу развѣшенные въ видѣ трофеевъ медвѣжки черепа, свидѣтельствующіе о геройской храбрости лицъ, охотившихся въ одиночку. Что для Самоѣда коня въ отношеніи къ беззащитному сѣв. оленю, то для Тунгуса медвѣжка рогатива: родъ универсальнаго прибора, служащій ему топоромъ, для проложенія пути черезъ первобытную чащу и для срубки лѣса на топливо, пожомъ для изготовленія самострѣловъ, верховною налкою, когда онъ садится на сѣв. оленя, пеншено для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Кольчуги, встречающіяся еще у нѣкоторыхъ Тунгусовъ, напоминаютъ этому народу о геройскихъ подвигахъ прежняго времени. По этому разбой или смертоубійство, которая между Самоѣдами неслыханна, у Тунгусовъ не большая рѣдкость. Въ мое время была такой случай: одинъ Тунгусъ застрѣлилъ другого на охотѣ и присвоилъ себѣ его сѣв. оленей, но былъ выданъ женою и дѣтьми убитаго, которымъ удалось уйти, и преданъ суду. Нѣсколько лѣтъ спустя бѣдный спутникъ мой Вагановъ и товарищи его во время сна были застрѣлены исподтишка Тунгусами; вскорѣ послѣ того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиціи, которая снаряжена была для изслѣдованія Становаго пограничнаго хребта, подъ начальствомъ проф. Шварца. Нельзя вмѣнять это горнымъ сынамъ въ слишкомъ большое преступленіе, потому что они привыкли встрѣчать одобреніе за убійство бѣглецовъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ. Соблазнъ великъ, искусство подкрастися къ жертвѣ изучено превосходно, пуля бьетъ мѣтко, первобытный лѣсъ молчаливъ, преслѣдованіе слабо.

Взглянувъ еще разъ на бытъ Тунгусовъ, мы найдемъ, что онъ, какъ уже было сказано, похожъ на образъ жизни лотерейнаго игрока, которому почти цѣлое столѣтіе сряду болѣею частью чрезвычайно везло, а когда стали выходить пустые билеты, снова удалось срывать значительные выигрыши даже еще болѣе прежнихъ.

Разсказы о множествѣ соболей, водившихся на южномъ скатѣ еще пятьдесятъ лѣтъ, а мѣстами и двадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ, доходили до баснословнаго. Я бы и не повѣрилъ такимъ охотничьимъ разсказамъ, если бы мнѣ не называли нѣсколько разъ времени, мѣста и лицъ и если бы всѣ показанія не были согласны между собою.

Для примѣра сообщу два-три случая. Въ верховьяхъ и на притокахъ Снаимджи, гдѣ въ то время видѣлись собольи тропинки, какъ заячи слѣды въ сѣту, четыре брата, производившіе тогда ловлю на счетъ своего отца, лѣтъ за 20 до моего приѣзда, въ одинъ годъ убили болѣе 200 соболей. Одинъ изъ нихъ, безъ малаго лѣтъ 10 тому

Тунгусовъ не существовало другой единицы, какъ соболь, т. е. 25 руб. Этими все сказано, все остальное тутъ ничего не значить. — Въ послѣднее время все это, го-

большею цѣрствѣ можно судить по тому, что какъ при Козьминѣ, въ 1829 году, такъ еще и въ мое время, на Учурской ярмаркѣ въ оборотѣ было до 4000 соболей и корякъ, стало лучше. О значительности оборотовъ въ со- 15,000 кабарговскихъ струй (сумочекъ).

назад, добыть съ собакою болѣе 30, а всего въ одинъ и тотъ-же годъ поймать и продать до 50 соболей.

Старые Якуты, которые въ качествѣ торговцевъ мимоходомъ участвовали въ осенней ловлѣ соболей, подтвердили тоже самое. Сначала случилось перѣдко, что Якутъ съ собакою убивалъ до 40 соболей, а отецъ одного Якута (его звали Сергѣемъ Соловьевымъ) самъ въ годъ убилъ безъ малаго 100 соболей. Срав. стр. 83.

Положимъ, что эти случаи служили выраженіемъ возможно большей удачи въ тогдашнія времена, но во всякомъ случаѣ они не составляли главнаго выигрыша, кое-когда выпадашаго на долю того или другого счастливица, а большая часть выигрывала, не сегодня, такъ завтра, столько-же или почти столько-же.

Осенняя охота съ собакою была положительно самая удачная. Но успѣхъ ея зависитъ не только отъ множества соболей, но главнымъ образомъ и отъ благоприятной погоды, а именно отъ количества и качества выпавшаго снѣга. Снѣгъ не долженъ быть очень глубокъ, чтобы собака не утомлялась, потому что подъ густыми, привившими къ землѣ сучьями, прикрытыми снѣгомъ, соболю легко укрываться. Слой снѣга не долженъ быть также и слишкомъ тонокъ, т. е. менѣе трехъ четвертей или даже фута, иначе соболю легко бѣгать по нему. Въ мою бытность уже 27-го октября слякоть положила конецъ охотѣ на соболя съ собакой, такъ какъ на другой день снѣгъ слегка спекся и соболь не проваливался. Это было плохо, но выпавшій за тѣмъ снѣгъ явился на выручку (срав. стр. 615).

Перѣдко и самострѣлы съ избыткомъ вознаграждали за неудачу охоты съ собакой. Такъ дѣтъ 10 тому назадъ Якутъ, съ которымъ мы встрѣтились на Инкани, убилъ съ собакою только 14 соболей, но самострѣлы прибавили къ нимъ еще 62, такъ что онъ всего продалъ 76 штукъ. Въ прошломъ году онъ убилъ только 15 соболей, потому что на снѣгѣ образовалась кора. Если соболи разлакомились на павшую кабаргу, то случается, что одинъ и тотъ-же самострѣлъ убиваетъ отъ 3 до 4 соболей.

Въ прошедшемъ году охота съ собакой была чрезвычайно неудачна и продолжалась безъ малаго мѣсяцъ. При всемъ томъ вожакъ моего каравана совершенно мимоходомъ убилъ 6, а товарищъ 13 соболей. Потому мой вожакъ въ ту же зиму разставилъ 20 самострѣловъ, уѣхалъ по дѣламъ, освидѣтельствовать свои самострѣлы лишь по прошествіи мѣсяца и нашелъ въ нихъ 9 соболей.

Однимъ словомъ, мы видимъ (срав. главу о Якутахъ), что въ мое время каждый Тунгусъ все-таки ежегодно могъ разсчитывать среднимъ числомъ по меньшей мѣрѣ на дюжину, и даже на гораздо большее количество соболей, дававшихъ ему, при продажѣ, среднимъ числомъ по 25 руб., слѣдовательно, всего до 300 рублей, къ которымъ прибавлялось еще не менѣе 100 рублей за шкуры, оленины рога и кабарговья сумки. На европейскую мѣрку это необыкновенно большой доходъ, такъ какъ при этомъ еще добывались мясная пища и одежда, при даровомъ помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи.

Не смотря на это, во время моего путешествія оказывалось, что у всѣхъ Тунгусовъ были большіе долги; притомъ (это было чрезвычайно знаменательно и казалось без-

смыслицею) долги ихъ постоянно были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ богаче считался Тунгусъ. Выраженіе «у него только 100, 200, 300 руб. долгу» равнялось словамъ «это бѣднякъ». Правда, что это какой-то мѣръ на изнанку, но онъ и въ Европѣ не составляетъ рѣдкости, которую даже можно отыскать не въ одномъ студенческомъ быту.

У нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ я разспрашивалъ, было до 2000 руб. долгу. Это были богачи, очевидно потому, что кредитъ ихъ, который они вполне истощали, былъ очень великъ. За самыми богатыми насчитывали болѣе 3000 руб. долговъ и столько потому, что кредитъ ихъ былъ столь великъ. Тунгусъ, который на прибрежьи изготовилъ мнѣ челнокъ изъ ствола тополя за 25 рублей и котораго я упрекнулъ за то, что онъ труды цѣлой недѣли прокутилъ въ два дня, отвѣтилъ мнѣ недовольнымъ тономъ: «ну, такъ что же, стоитъ мнѣ только добыть чернобурую лисицу или дожидаться хорошаго собольяго года, такъ я заплачу всѣ мои долги, которые не составляютъ даже 500 рублей, и буду богачемъ». Это было чрезвычайно характеристично. Эта монетная единица въ 25 рублей (и вчетверо больше), т. е. соболь, и случайная удача въ ловлѣ его, испортили народъ. На западной половинѣ Становаго хребта, гдѣ водились лишь бѣлки и въ случаѣ удачи можно было разсчитывать не болѣе какъ на 250 бѣлчиныхъ шкуръ, долги доходили только до одной десятой части вышеприведенной суммы.

Въ продолженіи всего моего путешествія я видѣлъ только одного Тунгуса, котораго считали богатымъ и у котораго все-таки не было долговъ. Впрочемъ онъ переналъ у Якутовъ искусство наживаться торговлею.

При своемъ легкомыслиемъ, беззаботномъ характерѣ отцы ихъ, да и сами они, приучились нѣкогда расточать ежегодно, при даровомъ содержаніи, громадный доходъ, примѣрно въ 1000 руб. Мефистофели-Якуты предлагали имъ все, чего душа требовала, прежде особенно водку и во всякое время кредитъ. Но дѣтская душа первобытнаго человека просить все, что видится, особенно у Тунгуса, охотника до нарядовъ и удовольствій. Онъ утопаетъ въ раздолжьи, наслаждался жирными рыбами и жирною дичью, а все-таки Якутъ долженъ привозить ему на убой лошадей и сѣн. оленей, Даурецъ — окорока, все-таки ему необходимъ подвозъ масла и жира. Еще теперь вижу передъ собою сладкую физиономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы танцуя отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ Тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе Даурцамъ дорогія деньги за сметану. «Безцѣнно; вовсе не жаль дать соболя», говорилъ онъ, причмокивая.

Кирпичный чай, который я везъ съ собою, я и не рѣшался вынимать изъ мѣшка. «Это чай второго сорта», замѣтилъ Тунгусъ, прихлебывая, когда я дѣйствительно вытаскилъ второй сортъ, потому что мой кирпичный чай оказывался здѣсь не годнымъ и долженъ былъ припрятаться. Нужно было доставать самые лучшіе припасы для этихъ «дикарей», между которыми самые богатые, т. е. наиболѣе надѣлавшіе долговъ, возили съ собою обитые металлическими пластинками ящички съ фарфоровой посудой для чая, потому что они въ годъ употребляли его до 10 фунтовъ, слѣдовательно, на 150 рублей.

Как же поступают бедняки? спросил я. Бедняк Тунгус не пьет чаю, отбить спрошенный, но прибавил к этому: если он поймает соболя или найдет себе кредит, то уж он навѣрное тотчас-же купит себе чаю.

Тот же самое было и с одеждою. Даурцы должны были привозить на продажу Тунгусам мѣха лисицъ и росомахъ для обшивокъ; даже весьма непрочный одѣла изъ заячьего мѣха, покрытая ситцомъ, продавались Тунгусамъ изъ Якутска рублей за 15—30. Но суко съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стало входить въ употребленіе, люди по богаче начали одѣваться въ подшелековые зипуны и когда однажды на Шилкѣ, въ Горбицѣ, я нашелъ, что такой зипунъ слишкомъ дорогъ, потому что за него требовали 20 рублей, то какой-то засаленный Тунгусъ тотчас-же перекупилъ его. О разныхъ мелкихъ украшеніяхъ, поясахъ и цѣпочкахъ, а подавно женскихъ шардахъ нечего и говорить.

Сильный ремонтъ сѣв. оленей посредствомъ покупки новыхъ также увеличивать легкомысленно надѣланные долги; кромѣ того Тунгусы всегда тотчас-же готовы зарѣзать и разгнривать подлежащее убою животное. Полное пренебреженіе къ мяснымъ животнымъ, высказывавшееся въ пированіяхъ и неограниченномъ долевымъ надѣлѣ, соблазняло Тунгусовъ не обращать вниманія на несоразмѣрную дороговизну домашнихъ животныхъ.

Затѣмъ сильно паростали проценты, которые при каждой производившейся по частямъ уплатѣ долга уравнивались посредствомъ соболя. Положимъ, что за прошлый годъ Тунгусъ остался должнымъ 80 руб.; уплачивая теперь изъ нихъ 50 рублей, онъ приплачиваетъ соболя въ видѣ процента. Соболя, слѣдовательно 25 рублей, составляя ихъ монетную единицу, какъ при покупкѣ, такъ и при подаркахъ.

Но хлѣбосолецтво, коммунизмъ хлѣбосолецтва, чего онъ стоитъ? вѣдь бѣдный (долгами) имѣетъ точно такія-же потребности, какъ богатый (долгами), и все-таки долженъ жить на счетъ послѣднего.

Такимъ образомъ Тунгусъ все болѣе и болѣе входить въ долги, потому что (такъ требуетъ этого обычай), онъ должнаетъ только одному и тому-же торговцу. Послѣдній распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормится запасами Тунгуса, но заставляетъ его платить за все, что онъ ему привозитъ. Является отдача въ закладъ лица, нго кабалы. Умираетъ только должникъ, но кабала безсмертна.

Сынъ, наследникъ отвѣчаетъ за долги своего отца, и въ мое время всѣ приходили въ ужасъ отъ бывшего при мнѣ случая, когда сынъ отказался не только отъ всего наследства, но и отъ собственнаго добра и имущества, и твердо рѣшился уйти въ одной только одеждѣ, которая на немъ была, но быть свободнымъ. Нужно было поступить такъ, какъ поступилъ тотъ, который теперь сидѣлъ передо мною. Отецъ умеръ, оставивъ 900 рублей долговъ, но и сѣв. оленей да мѣха; сынъ уплатилъ всѣ долги, а потому торговецъ и не бросилъ его, а ссудилъ его на цѣлый годъ необходимымъ запасомъ то-

варовъ. Въ какомъ же положеніи дѣло теперь? спросилъ я. Да у меня только немногимъ больше 2000 рублей долгу, отвѣтилъ онъ.

Контролировать такіе долги было нетрудно, потому что долговья книги вездѣ были раскрыты. Частью долги всегда признавались самымъ честнымъ и откровеннымъ образомъ, частью торговцы, на случай смерти должника, обезпечивали себя тѣмъ, что количество долговъ дѣлалось известнымъ и при случаѣ признавалось также при свидѣтеляхъ. Но свѣжіе долги текущаго года, тѣ до слѣдующаго года еще не считались долгами, не входили въ общій счетъ; таковъ уже былъ обычай.

Такимъ образомъ при одной сходкѣ въ моемъ присутствіи нетрудно было сосчитать, что менѣе подвижные Кангаласцы далеко не надѣлали столько долговъ, сколько предприимчивые Учурцы. Только одинъ изъ Кангаласцевъ задолжалъ болѣе 1000 руб., другіе удовольствовались 700, 500 руб. и т. д. На за то эти Тунгусы задолжали казніи больше всѣхъ другихъ тунгусскихъ племенъ.

При такихъ порядкахъ, само собою разумѣется, въ казенныхъ податяхъ оказывались недомжки. Торговцы всегда уже раньше успѣли побывать у Тунгусовъ и соболей не было. Запретили торговцамъ торговать и стали высылать казаковъ для сбора податей. Торговцы начали прикрывать свои дѣлишки, говоря, что они отправляются на охоту или за сборомъ прежнихъ долговъ и вскорѣ казаки обратились въ нихъ прикащиковъ или стали торговать на свой собственный счетъ. Послали чиновниковъ. Тѣ стали дѣлать тоже самое, только въ гораздо вышемъ стилѣ (срав. стр. 737, примѣч. 2-е), но встрѣтили опасныхъ соперниковъ, успѣвшихъ опередить ихъ. Это были священники. Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что Тунгусамъ, какъ я случайно узналъ отъ нихъ, необходимо отправляться въ Тылыгыль-Ванчъ къ священнику, такъ какъ онъ, живя въ 180 верстахъ отъ Якутска, при впаденіи Синеи въ Лену, не смѣетъ ѣздить дальше. Дальше ему не выдавали подорожнаго бланка, потому что Тунгусамъ пришлось наконецъ жаловаться, что часто они должны выставлять подводы въ 8 сѣв. оленей для любящаго разбѣгать священника, который такъ толстѣетъ, что сѣв. олень не въ состояніи возить его на себѣ верхомъ. Къ удивленію моему я услышалъ разсужденія дикарей, глубоко посвященныхъ въ бюрократическія драги, объ архіерее, Земскомъ Судѣ, Окружномъ Правленіи и т. д. Священникъ въ Горбицѣ также вѣнчалъ и крестилъ только на мѣстѣ. Поэтому я встрѣчалъ Тунгусовъ, которые женились по тунгусскому обычаю и собирались когда-нибудь при случаѣ справить церковное вѣнчаніе, да и крещеніе трехъ или четырехъ дѣтей своихъ. Одинъ Тунгус явился къ вѣнчанію съ 7 дѣтми, подлежащими крещенію.

Тоже самое повторялось и съ ласкомъ; уплату его откладывали и намѣренія внести его всегда были прекрасны.

Управленіе все-таки возвращалось опять къ единственно правильной системѣ: къ требованію ласка всего племени отъ старшины. Не смотря на большіе барыши, которыми послѣдній при этомъ пользовался, только третій человекъ умѣлъ извлекать изъ нихъ

выгоду для себя (срав. стр. 737); онъ долженъ быть дѣлиться съ другими, потому что самъ дѣлался чиновникомъ и потому что ему приходилось въ восточной столицѣ получать подарки торговцевъ, отъ которыхъ доходы уменьшились. Но къ великой чести Якутска я долженъ сказать, что торговля водкой въ то время почти совершенно вывелась, тогда какъ на забайкальскомъ концѣ хребта я къ великой радости своей замѣтилъ близость [тайно промышляющихъ виномъ] казаковъ по пьяному Тунгусу, котораго я встрѣтилъ среди первобытнаго лѣса. Плелся верхомъ впередъ своего каравана, я ѣхалъ озабоченный изъ отдаленнѣйшей безлюдной глуши, и мы уже перестали встрѣчать кормовыя мѣста для нашихъ сѣв. оленей.

У своихъ соплеменниковъ старшина не легко терялъ свои ссуды, но на сколькокомъ пути, на который вступили Тунгусы, уже въ мое время не могли не встрѣчаться случаи, позорившіе весь тунгусскій народъ: иной Тунгусъ сталъ скрывать отъ своего кредитора и брать товары у другихъ торговцевъ, или сѣв. оленей, которыми, по тунгусскому обычаю, одинъ другаго беззакословно выручалъ, не были возвращаемы или не замѣнялись другими и т. д. Однимъ словомъ первобытный коммунизмъ, основанный на честности и доврѣнн, сталъ расшатываться.

Для друга человечества прискорбно видѣть, что у Енисейскихъ Остяковъ (срав. стр. 660 — 661) казенныя недоимки наконецъ дошли до того, что выродившихся и изнемогшихъ туземцевъ придется предоставить неизбежной гибели, но почти столь-же прискорбно и во всякомъ случаѣ еще болѣе возбуждается наше участіе, когда мы видимъ, что такихъ энергическихъ людей, какъ Тунгусовъ, за подобныя-же долги, но не казнь, а своимъ-же торговцамъ, неминуемо ожидаетъ самый положительный банкротъ, предвѣстники котораго начали также деморализовать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не лишать ихъ убрѣнности въ самихъ себѣ. Если Тунгусы своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія (а онъ едва-ли болѣе будетъ открытъ для нихъ, когда мясныя и пушныя животныя исчезнутъ еще больше прежняго), т. е. на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣв. оленей, то они, не смотря на замѣчательныя природныя дарованія, также обречены на погубель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство сумѣло справиться съ великой задачей. Еще время не ушло ¹⁾.

¹⁾ Въ главѣ о Якутахъ мы показываемъ, какъ медленно происходитъ истребленіе соболей, такъ что времени еще довольно, чтобы приступить къ преобразованіямъ экономическихъ данныхъ.

Нигидальское племя.

Проѣхав по Тугуру вверх до м. Бурукана, лежащаго на изгибѣ Тугура, я совершилъ небольшую поѣздку чрезъ невысокій водораздѣлъ къ Нимилѣну, притоку Амгуни, и такимъ образомъ перебрался въ область р. Амура, чтобы познакомиться съ тунгусскимъ племенемъ, которое находилось въ китайскомъ подданствѣ и о которомъ неоднократно говорили наши Тунгусы. Это было племя Нигидаль, во множ. числѣ Нигиддѣтеръ¹⁾.

Мое, при тогдашнихъ условіяхъ, не безопасное предпріятіе облегчилъ мнѣ разумный Нигидалецъ, отецъ котораго уже живалъ на томъ-же мѣстѣ. Признавъ положеніе свое, какъ крайній форпостъ противъ Русской имперіи, не совсѣмъ безопаснымъ, онъ охотно согласился, по случаю проѣзда священника по Тугуру, принять крещеніе, но только лично, не впутывая въ это дѣло семейства; чтобы на всякій случай обезпечить себя. Онъ хорошо помнилъ и свое крестное имя Егора Ланатина, и входилъ въ сношенія съ нашими Тунгусами, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный человѣкъ его племени, который обзавелся сѣв. оленями. Племя его составляло главнымъ образомъ осѣдлый рыболовный народъ, у котораго охота являлась второстепеннымъ дѣломъ.

Нѣтъ 10 тому назадъ еще два другихъ семейства его-же племени рѣшились перебраться съ Амгуни и поселиться въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого они ушли далеко отъ своихъ соплеменниковъ, потому что на Нимилѣнѣ не было селеній, и ближайшіе ихъ сосѣди жили только на Амгуни, на два дня пути отъ впаденія притока Амѣла, до котораго они считали 4 дня пути. Слѣдовательно имъ нужно было пройти всего 6 дней пути, чтобы встрѣтить людей своего племени; послѣдніе жили отъ мѣста впаденія Амгуни въ Амуръ, вверхъ въ семи ночевкахъ ѣзды на лодкѣ. Съ этого устья Амгуни, говорили они, на Амурѣ нѣтъ ихъ соплеменниковъ, а живутъ только Гиляки.

Нигидальское племя дѣлилось на 9 родовъ: 1) Муктегры, къ которымъ принадлежалъ Егоръ; 2) Аюмканы, отъ которыхъ происходили его товарищи; 3) Алчакѣлы, которые соединились съ 4) Торомконами; 5) Чѣкчагеры; 6) Нысекагры; 7) Удѣаны; 8) Чемакогры; 9) Танкалы, жившіе уже на Амурѣ, тогда какъ Торомконы жили на Амгуни выше всѣхъ другихъ. Всѣ эти роды были малочисленны, за исключеніемъ Нысекагровъ и Аюмкѣновъ. Нѣсколько Муктегровъ жило между Шамгаграми. Кочевья ихъ были разбросаны; въ одномъ мѣстѣ было не болѣе 4 юртовъ.

¹⁾ Срав. сказанное уже о нихъ въ первой части этого сочиненія, т. I, стр. 169, прим. 1.

Я скоро познакомился со стариком, которого звали $\frac{0}{y}$ ljtunḡāb; отец его назывался S'ältitschān; сыновья S'irrin и Mūvjī; жена Njōren. Детям дзеть имена отца. Так как я эти имена записал, то онъ пожелалъ узнать и мое имя, нѣсколько разъ повторялъ его, повторяя, снова спрашивалъ, такъ-ли онъ говоритъ и наконецъ очень довольный остановился на томъ, что меня зовутъ Эндбротъ.

Это былъ веселый, общительный старикъ, съ неспорченнымъ любезнымъ первобытнымъ характеромъ, какой развивается въ дѣсномъ уединеніи. Въ сравненіи съ нимъ, наши Тунгусы казались какими-то субъектами, извращенными ложною житейскою мудростью. Не только мытый, но и гладко причесанный, съ косою старикъ съ полною готовностью объяснялъ мнѣ все, что меня интересовало. Амуръ они называли Māngu, но и S'ilkirj. Самихъ себя они называли Ylkān; нашихъ Тунгусовъ Dushgūtka; Гилъковъ Giljaka; Шамагровъ S'amāgr; Якутовъ Ioko.

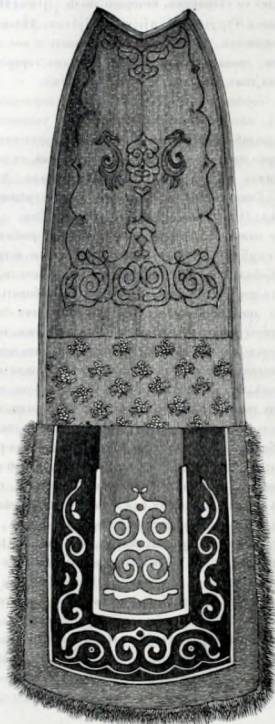
Все ихъ хозяйство опиралось главнымъ образомъ на рыбную ловлю. Основаніе ея составляли кета и горбуша. Дальше внизъ по Амгуни встрѣчались еще разные другіе странные виды. Соболей они хотя никогда много не ловили, но изъ году въ годъ добывали меньше съ гѣхъ поръ, какъ наши Тунгусы стали забираться все дальше; на ихъ долю оставались только лисцы и выдры на зиму, когда имъ было время заниматься этою ловлею и конкуренты удалялись. Я охотно повѣрилъ имъ, когда они жаловались, что наши Тунгусы, которые намъ — вѣдь мы пріѣхали изъ цивилизованнаго міра — казались чрезвычайно честными, совѣмъ не вели себя какъ люди и обманывали. Споръ между пограничными соседями, объяснилъ мнѣ, начался съ того, что одинъ изъ нашихъ Никагировъ выдалъ дочь свою за Нигидалъца, но потомъ опять взялъ ее у него. Чтобы получить то, что было заплачено за невесту, Нигидалецъ захватилъ ружье Никагира, съ порохомъ и табакомъ. Нигидалъцы были чрезвычайно рады, что я не иду на нихъ войною за это, потому что лишь у весьма немногихъ были ружья и они должны были добывать себѣ порохъ да свинець у русскихъ Тунгусовъ, потому что китайскій порохъ былъ слишкомъ дуренъ. Поэтому они и знали русскія названія пороховъ и свинець и даже отличали temāna¹⁾, т. е. русскія деньги, отъ Dsiba, т. е. китайской мѣды.

Впрочемъ Шамагры были посредниками въ торговлѣ, пріѣзжая лѣтомъ въ лодкахъ, а зимою на собачьихъ санкахъ. Никогда даже Маньчжурскій купецъ отправлялся вверхъ по Амгуни, но онъ умеръ, не оставивъ наследника. Между тѣмъ вмѣсто него, до моего пріѣзда, въ первый разъ Нгатку[ецъ] на нартахъ, въ которыхъ выражены были 10 собакъ, доѣхалъ до Немеиlena, торгуя преимущественно табакомъ и китайскими матеріями (Доба). Въ послѣднее время Нигидалъцы покупали кое-что и у нашихъ Тунгусовъ. Вверхъ по Амгуни привозилось не мало муки и проса. Чай въ такомъ видѣ, въ какомъ его пьютъ Маньчжурцы, они не любили, но нашъ подслащенный чай они пили съ удовольствіемъ.

¹⁾ Меня порадовало это тѣмъ болѣе, что какъ Якуты, такъ и Тунгусы называютъ наши деньги харчи.

Когда, передъ отъѣздомъ мной, начался торгъ и со мною, потому что мнѣ хотѣлось приобрести разныя этнографическія бездѣлушки, то безискусственная первобытность этого небольшого народа высказалась въ неспривторномъ выраженіи его страсти къ тому, что имъ правилось. Такимъ образомъ я приобрѣлъ изображенные ниже предметы главнымъ образомъ въ обмѣнъ на ситцы и бусы. На мой вопросъ: что же онѣ станутъ дѣлать съ этими матеріями, въ которыя онѣ вѣдь не наряжаются, женщины отвѣчали, что это имъ нужно на смертный одръ, если понадобится на свадьбу дочерей.

Онѣ старались торговаться совершенно по восточному, приносили мнѣ лепешку изъ

Нагрудникъ.

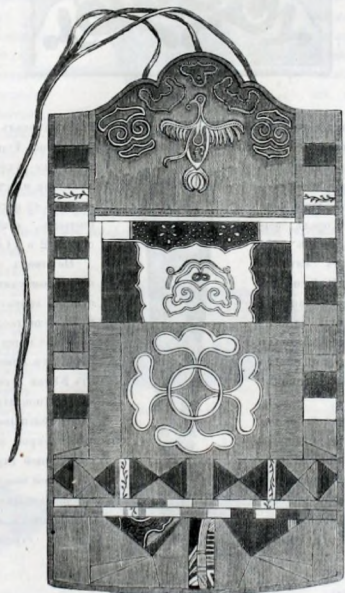
черемухи и требовали за него все-возможное. Встрѣчая отказъ, онѣ несколько не чувствовали себя обиженными, а оставались веселыми и не отбирали у меня лепешку, довка оговариваясь, что такъ какъ мнѣ его пришло въ голову, то онѣ не станутъ же опять брать его домой. Затѣмъ онѣ клали двѣ три незначительныя мелочи и требовали за нихъ цѣлое ситцевое платье; но какъ только я металъ на это головой, такъ онѣ поскорѣе клали втрое противъ прежняго.

Нѣкоторымъ изъ своихъ вещей онѣ чрезвычайно дорожили, говоря, что это остатки отъ стараго времени, или серебро, которое Манчжурды болѣе не возятъ и т. д. За невзрачную пару сережекъ (Seldühin), изображен-

цию на стр. 717, мне пришлось дать 10 аршин ситцу, шейный платок и пару сережек, потому что они были сделаны из серебряной проволоки. Да расставаться с этими медными привесками на юбке стоило им очень много труда. Но они показывали свои сокровища с большим удовольствием и неоднократно жалели, что лучшие вещи оставили в своих зимних местопребываниях.

Хотя языки их по-видимому отличался от тунгусского языка русских поданных только незначительными диалектическими особенностями, все же производил на меня такое впечатление, как будто я находился среди нового народа. Это происходило отчасти оттого, что Нигидальцы были почти исключительно рыболовный народ, отчасти же и оттого, что они тяготели уже к Китаю.

Форма ли-

Нагрудник.

ца хотя и была тунгусская с высокого ловым направлением, но здоровенные усы напоминали, вопреки редким бородам, близость, да вероятно происшедшую по временам примесь крови, сильно обросших волосами жителей прибрежий и островов. Хотя у самого $\frac{\text{O}}{\text{y}}$ *tuŋgav'a*, у прочих его товарищей, да и у старшего сына, были такие же монгольские глаза, какие составляют принадле-

лестность монго-тунгусского типа, но зато у младшего сына, Сишина, были такие приволятые сверху наружные глазные углы, какие я до сих пор видеть только на приволениях

Отворотъ рукава.

стр. 746 нагрудникъ своеобразными фигурами своими свидетельствовалъ о томъ, что онъ исходилъ не изъ того моднаго центра, которому подчинялись наши Тунгусы.

А тутъ на второмъ нагрудникѣ¹⁾, изображенномъ на предъидущей страницѣ, даже еще явился одноглавый орелъ, вышитый мало извѣстнымъ у сѣверныхъ Тунгусовъ матеріаломъ, шелкомъ (S'eltakén), который имъ привозятъ Манджуры. Впрочемъ сюда стиснилось еще множество мѣдныхъ привѣсокъ самыхъ страшныхъ формъ, равно какъ заплата и т. п.

Выше показанная часть неоконченной работы, отворотъ рукава²⁾, также можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ новыхъ образцовъ, особенно если мы сравнимъ ихъ съ купленными у Нигдалей-

Футляръ для ножа.

китайской живописи. Впрочемъ такіе глазные углы были у покойнаго Манджурскаго купца.

Затѣмъ отборнѣйшія моды также сильно напоминали о Китаѣ. Изображенный на

цѣвъ-же рукавицами, изображенными на стр. 646, и сопоставимъ съ русско-тунгусскимъ питьемъ, изображеннымъ на стр. 702 и 714.

Наконецъ я считаю нелишнимъ помѣстить тутъ еще рисунокъ вышитаго уже на китайской шелковой матеріи футляра для ножа³⁾. Тѣхъ, которымъ эти признаки зашедшаго изъ Китая эстетическаго вкуса могутъ показаться не довольно доказательными, вполнѣ убѣдять покроей изображенной на слѣдующей страницѣ женской стеганой шапки⁴⁾, сдѣланной изъ шелковыхъ матерій, и женскій башмакъ, изображенный на той-же страницѣ. Я выра-

¹⁾ S'alla Нигдалейцевъ.

²⁾ Ngä's'urru.

³⁾ $\frac{0}{0} \frac{0}{y} \frac{0}{k} u.$

⁴⁾ Awuu.

зиль мѣние, что они привезены готовыми, но мнѣ объяснили, что дѣйствительно нужна особенно искусная жена на то, чтобы изготовить такія вещи, и представили мастерицу, которая оказалась женою одного изъ Нигидальцевъ. Такимъ шанкамъ онѣ придавали особенную цѣну еще потому, что, согласно обычаю, носили ихъ и дома. Въ обыденномъ употребленіи были родъ ночныхъ кроя, съ которымъ я уже познакомился на приборжѣ, у Гиляковъ, происходить съ Амура. Это былъ кисеть изъ выдѣланной въ родѣ подошвы тюленьей шкуры, для хранения табака и огнива. Верхняя половинка, въ видѣ крышки, надвигалась на нижнюю; въ Сибири эта форма нигдѣ не встрѣчалась, но переходъ къ ней составляетъ тунгусскій кисеть, изображенный на стр.

Женская шанка.

Женскій башмакъ.

чепцовъ, защищавшихъ затылокъ и очень похожихъ на гельголандскій Nordwester. Стеганная шапочка надвигалась на этотъ чепецъ.

Женскій башмакъ изъ желтой кожи также напоминалъ Китай, а китайскія монеты, служившія пражками на полѣ изъ конскихъ волосъ, или на подвязкахъ¹⁾, носили на себѣ отпечатокъ своего происхожденія.

Приборъ другого прокра, у Гиляковъ, происходить съ Амура. Это былъ кисеть изъ выдѣланной въ родѣ подошвы тюленьей шкуры, для хранения табака и огнива. Верхняя половинка, въ видѣ крышки, надвигалась на нижнюю; въ Сибири эта форма нигдѣ не встрѣчалась, но переходъ къ ней составляетъ тунгусскій кисеть, изображенный на стр. 714. и описанный на стр. 715.

Футляръ для ножа, сдѣланный изъ хвоста бронепоной рыбы, также свидѣтельствовалъ о своемъ приморскомъ происхожденіи, потому что тунгусскіе футляры

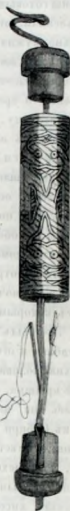
1) o g a k i.
h a y.

Касеть.

дѣлаются из бересты. Железо было рѣдкій товаръ, такъ что лезвiя употреблялись въ дѣло до послѣдняго кусочка.

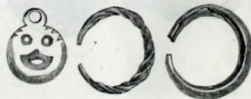
На Енисейковъ указывалъ также игольникъ, отличающийся какъ оригинальною формою, такъ и своеобразными фигурами, которыми онъ украшенъ. Фигуры эти явно похожи на тѣ, которыя преобладаютъ на островахъ Южнаго океана, и очевидно должны считаться подражанiемъ столь употребительной тамъ формы мертвой головы, положительно находящейся въ связи съ каннибализмомъ и

Игольникъ.

трофеями изъ человѣческихъ череповъ.

Съ Амура были также кольца и похожал на голову мертвеца пуговица съ обшивкой, украшающей нижнюю кайму юбокъ.

Подобныя-же медныя украшенія, но въ видѣ маленькихъ пустыхъ полушариковъ, на короткихъ ремешкахъ были пришиты къ изображенному тутъ кафтану ¹⁾, въ видѣ каймы.

Рыбы шкуры обрабатывались при помощи тяжелаго, клиновиднаго, слѣдовательно топоробразнаго, деревяннаго молотка, которымъ вколачивали ихъ въ соответственно устроенную форму, вырѣзанную въ кускѣ дерева.

Кафтанъ изъ шкуры кеты.

Тотъ-же кафтанъ спереди.

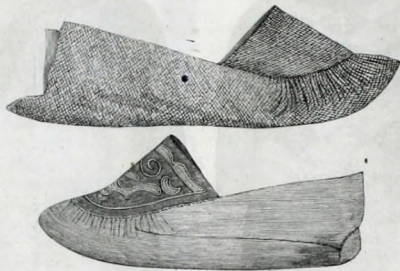
Послѣ долгаго годичнаго шкуры освобождаются отъ своихъ чешуй, за тѣмъ скоблется тѣми-же самыми дубильными приборами, съ которыми мы ознакомились на стр. 642, порядочно еще растираются руками, и въ заключеніе гладко и бѣло шлифуются пемзой, которую имъ доставляютъ Ньгатку. Послѣдніе находятъ ее, говорить, на берегахъ Амура, въ видѣ изверженія, что указываетъ, слѣдовательно, на существованіе нѣкогда вулкана при одномъ изъ его притоковъ.

¹⁾ Uzkjllin.

Милдендоръ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

Черною краскою является тутъ уже китайская тушь; для желтаго цвѣта употребляется желчь лосаля. Всѣ одежды шьются не крапивными нитками, а жилами. Рыбьи шкуры служатъ главнымъ образомъ для женской одежды; для мужской предпочитаютъ болѣе носкую лосинную шкуру.

Кроятся и застегиваются кафтаны точно также, какъ сибирскіе зипуны вообще, и показываютъ намъ, откуда взялся покрой передней части нашихъ русскихъ кучерскихъ кафтановъ. Съ этимъ покроємъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и чисто-тунгусскій нагрудникъ, который превращается въ женскій передникъ, бывающій обыкновенно короче европейскаго.

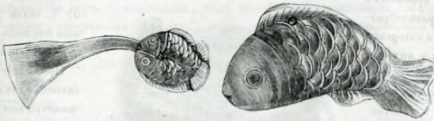
Мужскіе башмаки.

Къ вышеуказанному кафтану принадлежить еще цѣлый нарядъ изъ рыбьихъ шкуръ. Сообщаю тутъ рисунокъ мужскихъ башмаковъ¹⁾ Нигидальцевъ, чтобы наглядно показать измѣненіе покроя, потребовавшаея для женщинъ (см. стр. 749), безъ различія матеріала, т. е. безъ различія того, слѣданы ли они изъ рыбьей шкуры, или изъ замшевой дубленой лосины. У Тунгуса даже обувь должна быть слѣдана аккуратно и щеголевато.

Хорошія шкуры добываютъ какъ съ кеты, такъ и со щуки²⁾, но тонкую крашеную шкуру, употребляемую на шитую парадную одежду, дасть рыба кетахыть, которую изображаетъ, говорятъ, показанное на слѣдующей страницѣ китайское стеклянне украшеніе, и которал, слѣдовательно, повидимому принадлежить къ карпамъ.

¹⁾ Oota; набредникъ къ низу называется Gäjn.

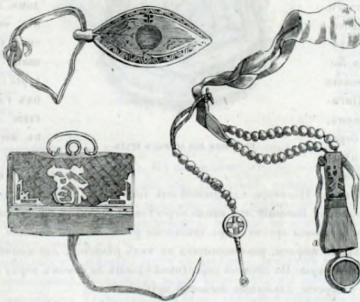
²⁾ Kujtschän (у нашихъ Тунгусовъ Mutkän).

Стеклоное украшеніе.

Эти указанія на Китай мы окончим изображеніемъ китайскаго огнива, которое рядомъ съ издѣліями горныхъ жителей казалось вещицею, взятою изъ европейскаго магазина.

Обѣ сѣр-
ницы ока-
зываются
рукодѣль-
ными про-
изведеніями
горныхъ жи-
телей. Од-
на изъ
нихъ плос-
кая кося-
ная чашеч-
ка; другая
деревян-
ная, съ
ручкою,
украшен-
ною ли-

Огниво и сѣрницы.

тымъ сви-
нцомъ, и
предохра-
няемая отъ
сырости
кожанымъ
фуля-
ромъ, ко-
торый мо-
жетъ быть
спущенъ.
Не берусь
рѣшить,
состав-
ляетъ ли
ушная ло-
жечка,
привѣши-
ная къ э-
тому необ-

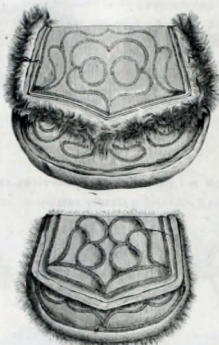
ходимѣйшему прибору Тунгуса, предметъ роскоши востока или запада.

Чисто Нигидальскимъ произведеніемъ я ишьеть шитье на двухъ чрезвычайно отчетливо и красиво сдѣланныхъ кошелькахъ для храненія огнива и трута (S'ituk). Фигуры вышиты блестящими бѣлыми нитками, которыя Нигидальскія женщины умѣютъ наматывать изъ внутренней кожи главной артеріи (Aorta) сѣв. оленей или лосей.

Кайма къ нимъ подобрана чрезвычайно удачно изъ самыхъ пѣкныхъ, — съ прекраснѣйшими цвѣтными переливами, и по возможности съ металлическимъ отблескомъ, —

перья красивых птиц, разнообразная чучела которых находятся у них в употреблении¹⁾. Эти перья, искусно подобраны, действительно чрезвычайно красят парадь и вместе с тем доказывают, как спокойны Нигидальцы от моли, как воздушны их лачуги.

Столы же своеобразны, но в другом направлении, были художественныя произведения Нигидальских женщин, сдѣланные из бересты. У рабочего мѣшка, изображенного на

Ковшечки для огня и трута.

Шалашъ, сдѣланный изъ того-же материала, можно сравнить съ карточнымъ домикомъ. Висящій при входѣ берестовый занавѣсъ изображаетъ дверь. Съ противоположной стороны другая дверь такого-же рода. Вмѣсто потолка, покрыто множествомъ тоненькихъ жердей, разложенныхъ въ видѣ рѣшетки, для копченія рыбы и въ особенности рыбьей икры. На покатоѣ берестовой крышѣ на самомъ верху приспособлено четырехугольное отверстіе, служащее дымовой трубой.

На полу, по обѣ стороны хода, ведущаго къ очагу и противоположной двери, также разложены берестовые коври. На палецъ разстоянія въ нихъ сдѣланы поперечные надрѣзы, чтобы нельзя было поскользнуться. Такъ какъ они, подобно очагу, обложены

слѣдующей страницей²⁾, были растяжные боковыя вставки изъ рыбьей шкуры.

Приходится одинаково удивляться и симметрическому вкусу и удачности выполнения. При помощи небольшого пюжика, поперекъ вставленнаго въ черенокъ, и держа ядомъ, для разграниченія, большой палецъ свободной руки, женщина вырѣзала фигуры отъ руки на моихъ глазахъ. Вѣдствие этой ловкости въ изготовленіи бересты у Нигидальцевъ все принимать

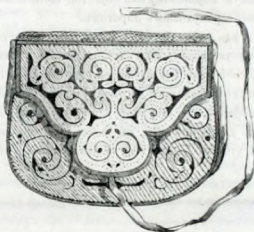
¹⁾ По-видимому это были большею частью утки и нырки, которыхъ Нигидальцы называли слѣдующимъ образомъ: 1) Коѳгасіан (An. sponsa?); 2) Атгасчан; 3) Ідгі; 4) Мѡшпан; 5) Тажми; 6) Сѡс-1, самка котораго называлась Іг'енеп; 7) Кѡнѡ; 8) Акѡну (Podiceps); 9) Тшѡтѡма (An. bochas). Такія птицы шкуры вообще назывались Мѡѡѡк'с'ѡ. Тетерева Ка-

гѡка (Tetr. falcipennis) назывъ Тунгусѡвъ они называли Ассѡмја.

²⁾ Кѡрта; въ видѣ мѣшка онъ назывался С'ѡкѡтѡн. Такой-же, но еще большій мѣшокъ, сшитый изъ шкурокъ сѡвъ оленятъ, и являвшійся уже огромнымъ рабочимъ мѣшкомъ, назывался: ѡкѡкѡг; наконецъ роль футлара для шелковой матеріи: Укѡл^{isch}/₂ ѡк.

жердями, то внутренность шалаша производит впечатлѣніе большого порядка, даже щеголеватости. Но какъ только садѣшь, такъ къ сожалѣнію вспомнишь, что обѣдѣй челоѣкъ однимъ мучителемъ, однимъ быстроногимъ домашнимъ насекомымъ богаче кочевника, у котораго оно не можетъ завестися.

Лѣтнее помѣщеніе очень пусто. Все вертится на сѣтяхъ. Последнія дѣлаются изъ крапивы¹⁾, пышно разрастающейся благодаря остаткамъ отъ рыбной ловли. Стебли ея вырываются съ корнями, сушатся и, пожеподобно обдѣланными костями, расщепляются пополамъ; потомъ каждая изъ этихъ

Женскій рабочий инструментъ.

стоитъ изъ деревянной круглой пластины и служащей ей осью палки, на одномъ концѣ которой находится поперечный сучокъ. Къ послѣднему отодранное привязывается, веретено быстрымъ катаніемъ нижняго конца оси, на колѣнѣ, приводится въ круговое движеніе и такимъ образомъ совершается пражженіе. Для скручиванія полученныхъ нитокъ въ шнуры, вертится вокругъ оси инструментъ, похожій на приборы для наматыванія мѣрильныхъ веревокъ, лаговъ и т. п.

Пока мы старались объясниться другъ съ другомъ, отъ души хохотали и знакомились, старикъ преспокойно продолжалъ вязать свою сѣть, что пріятно отличалось отъ бездѣльничанія шалашныхъ Тунгусовъ. При всемъ томъ онъ повторилъ нѣсколько разъ: если бы мы могли порядкомъ объясниться другъ съ другомъ, то намъ можно бы было о многомъ поговорить. Игелка, которою вязалась сѣть, была такая-же, какою у насъ вяжутъ сѣти. Ячейки въ ладонь ширины назначались для тайменей и ленковъ.

Стоящіе на сваяхъ амбары доказывали, что въ нихъ съ успѣхомъ складывались большіе запасы на зиму. Челноки изъ бересты (срав. изображеніе на стр. 581) были длиною въ 20', а шириною только въ 1½'; по концамъ они были покрыты, какъ для удержанія воли, такъ и для защиты поклажи отъ промоканія. Просто, но весьма прак-

желокообразныхъ половиннокъ выглаживается тѣми-же костями. За тѣмъ въ корневомъ концѣ стебель надламывается такъ, что кора отдѣляется отъ мяги; послѣднюю отдираютъ и тотчасъ-же прядутъ изъ нея нитки, изъ которыхъ потомъ скручиваютъ веревки.

Веретено, которымъ прядутъ, со-

¹⁾ *hitt*^o_y, какъ у патаховъ Тунгусовъ.

точно защемливание бересты между тонкими расщепленными деревянными планочками, въ замѣнъ шва и рамки.

Меня угощали смѣсью сушеныхъ и толченыхъ черемуховыхъ ягодъ (Inokto) съ сушеной кетой, которую обливали холодною водою. Въ поджаренномъ видѣ сушеная кета мнѣ чрезвычайно нравилась. Такъ какъ я отозвался объ этомъ съ похвалою, то мнѣ на дорогу дали хорошенькую корзиночку изъ бересты, наполненную лакомствами и прикрытую, взамѣнъ крышки, черемуховымъ пирогомъ.

Въ то время, какъ я ѣлъ, трехлѣтній ¹⁾ босою, подобно всѣмъ дѣтямъ, мальчуганъ, который, глядя на ѣду, почувствовалъ аппетитъ, подошелъ къ матери и довольно безцеремонно самъ вытаскилъ себѣ свою ѣду изъ-за ея нагрудника, что нѣсколько не смутило компанію. Едва онъ успѣлъ управиться съ этимъ, какъ потребовалъ морскаго сухаря, который я привезъ съ собою. Когда ему замѣтили, что сухарь для него слишкомъ крѣпокъ, онъ отвѣтилъ: хотя онъ и крѣпокъ, но я все-таки его раскушу, и показалъ при этомъ рядъ прекрасныхъ зубовъ. Голова его, за исключеніемъ косы, была выбрита.

Почтовая дубина.

Когда я завелъ рѣчь о любопытномъ ихъ способѣ рѣшенія дѣлъ, касающихся чести и взаимныхъ споровъ, мой любезный старикъ съ величайшею готовностію вытаскилъ на сцену изображенный тутъ прототипъ нашихъ рапиръ. Этотъ мукечи дѣлается изъ самаго крѣпкаго мѣстнаго дерева, т. е. изъ каменной березы. Какое значеніе имѣтъ желобокъ а на спинкѣ, этого я не могъ узнать. Мукечи нѣсколько шероховатъ для того, чтобы при парированіи удары не скользили слишкомъ легко.

Съ пылкимъ усердіемъ, которое сдѣлало бы честь самому задорному студенту, съ сверкающими глазами, мой добрый старикъ показывалъ мнѣ, какъ эту деревянную слабо держать обѣими руками и какъ, направляя ее то туда, то сюда, парировать удары. У каждаго Нигидальца, говорятъ, по крайней мѣрѣ, по одному мукечи. Совершенно на европейскій рыцарскій ладъ игра продолжается до перваго появленія крови, при чемъ иногда, говорятъ, переламываются пальцы и разрѣкается кожа на головѣ. Tout comme chez nous.

Теперь, говоритъ мой другъ, существуютъ только небольшіе шаманы, по мой собственный отецъ былъ очень большой шаманъ.

¹⁾ Въ то время я не зналъ, что Маньчжуръ и Монголы страннымъ образомъ считаютъ лѣта не со дня рожденія, а со дня зачатія. По-этому я теперь не знаю, не слѣдуетъ-ли во всѣхъ моихъ показаніяхъ возраста отсчитывать $\frac{3}{4}$ года.

Въ лѣсу я встрѣчалъ гробы, которые были втиснуты между деревьями, или стояли на двухъ столбахъ, соединенныхъ перекладинами.

Относительно народовъ, съ которыми въ мое время сталкивались тунгусскія племена южного ската водораздѣльнаго хребта, я могъ собрать только самыя незначительныя свѣдѣнiя, потому что я не встрѣчался ни съ однимъ изъ такихъ народовъ.

Ныгатку описывались какъ царь, жившiй при Амурѣ, выше устья Амгуни, и говорившiй на другомъ, чѣмъ тунгусскiй, языкѣ.

Шамагры ежегодно въ выдолбленныхъ челнокахъ приѣзжали вверхъ по Пемилу до Хамбыкана, вдалека, какъ говорили, съ той стороны Амгуни.

Буралы были очевидно Тунгусы, въ китайскомъ подданствѣ, потому что говорили на языкѣ, близко походившемъ на языкъ нашихъ Бытало-Тунгусовъ. Голову они брили, оставляя только косичку. Старшину ихъ китайское правительство отличало кисточкой на шапкѣ. Они были конные Тунгусы и отдѣлялись отъ нашихъ Оленныхъ Тунгусовъ свойствомъ кормовыхъ мѣстъ. Но такъ какъ они, въ интересахъ произрастанiя травяной растительности, занимались спаливанiемъ весною прошлагодней травы, то они иногда опускались большiя пространства лѣса, да и болѣе сухiя кормовыя мѣста съ оленей на южныхъ предѣлахъ той области, до которыхъ возможно пробраться на сѣв. оленяхъ. Отсюда происходили столкновения и наши Тунгусы горько жаловались на это, забывая, что они сами находились на запретной границѣ.

У Бураловъ были только фитильныя ружья и мало лошадей, такъ что послѣднихъ цѣнили высоко, т. е. въ 6 — 9 соболей, тогда какъ Даурцы продавали своихъ коней гораздо дешевле.

На Нимаиѣ, впоследствии на Долдеканѣ, да и на Бысѣ, были сборные пункты, на которыхъ зимою они сходились съ нашими Тунгусами. Изъ году въ годъ это стало дѣлаться рѣже; да и Даурцы перестали приходить къ Никани, гдѣ прежде ихъ много бывало.

Буралы по-видимому жили главнымъ образомъ близъ самаго Амурса; самый сѣверный при впаденiи Бысы въ Силвуджи. При устьѣ Уричи (впадающаго въ Амуръ, выше Албазина) я встрѣтилъ Бурала, на котораго не могъ однакоже обратить вниманiя, потому что мы были какъ разъ на самомъ ходу. Ихъ должно быть много, потому что они жили на правомъ берегу Амурса, между Албазихой и Пангой.

Нашихъ Тунгусовъ они называютъ *Tohálj*, а Даурцевъ *Dahühälj*, тогда какъ наши Тунгусы называютъ Даурцевъ *Djulü*.

Якуты.

О Якутах уже столько писано, что мы не намѣрены прибавлять къ прежнимъ поверхностнымъ извѣстиямъ еще новое неполное описаніе. Между сибирскими туземцами этотъ народъ занимаетъ такое важное мѣсто, что ему слѣдовало бы посвятить обширное самостоятельное сочиненіе, которое могло бы стать на ряду съ изслѣдованіемъ акад. Бѣтлингга о языкѣ Якутовъ. Такое сочиненіе можетъ быть названо дѣйствительною потребностью тѣмъ болѣе, что до самого послѣдняго времени писатели отчасти съ выраженіемъ удивленія упоминаютъ о поразительныхъ будто бы странностяхъ кочевой жизни Якутовъ, частью распространяютъ даже совершенно ложныя извѣстія о характерѣ якутскаго народа, и въ нѣкоторыхъ, недавно появившихся, статьяхъ присоединяютъ Якутовъ къ числу тѣхъ сибирскихъ народовъ, которые обречены на неизбежную гибель.

Мои замѣтки ограничатся тутъ сообщеніемъ такихъ свѣдѣній изъ моихъ сношеній съ Якутами, которыя способны пролить настоящей свѣтъ на этотъ интересный народъ. Образцовое и въ свое время исчерпавшее всѣ данныя изслѣдованіе Бѣтлингга (въ 3-мъ томѣ иѣм. изд. этого Путешествія), а въ особенности сообщенный Уваровскимъ якутскій текстъ, хотя и приправленный нѣкоторыми восточными прикрасами, представляютъ превосходное основаніе для ознакомленія съ Якутами. Въ главахъ «Общая свѣдѣнія», «Долганы» и «Тунгусы» мною также неоднократно говорено о Якутахъ.

Подобно Тунгусамъ, я и Якутовъ встрѣчалъ какъ на глубокомъ сѣверѣ Таймырскаго края, такъ и на отдаленнѣйшемъ юго-востокѣ Сибири, даже на Амурѣ, область котораго въ то время еще вполнѣ принадлежала Китайской имперіи.

Не подготовленный путешественникъ удивится, услышавъ что на Енисей, на нѣсколько тысячъ верстъ отъ главнаго пребыванія Якутовъ, онъ встрѣтитъ совершенно осѣдлый обломокъ этого племени, какъ скоро тронется изъ Туруханска внизъ по Енисею.

Всего въ 35 верстахъ отъ Туруханска, въ поселеніи Шорохинѣ, вы очутитесь среди колоніи, которая имѣетъ полнѣйшее право считаться особымъ якутскимъ родомъ, Шорохинскимъ. Въ мое время насчитывали 17 душъ муж. и 16 душъ женск. пола. Вотъ и все. По общему наружному виду они преобразились въ Русскихъ; это тѣмъ болѣе не удивительно, что половина новыхъ дворовъ, составлявшихъ Шорохино, была занята чисто-русскими поселенцами.

Какими судьбами, когда и какимъ путемъ этотъ родъ, происшедшій вѣроятно отъ одного и того-же семейства, заброшенъ на самый крайній западный форпостъ, это мнѣ

съ сожалѣніемъ не удалось развѣдать при быстромъ моемъ проѣздѣ¹⁾. Какъ островъ, онъ находится среди обширнаго океана совершенно разнородныхъ народовъ, но сохранилъ для своей внутренней жизни свой языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и многое, связанное съ нимъ, не смотря на то, что уже въ мое время русскій языкъ у этого рода по видимому усилъ приобрести право гражданства.

Такимъ образомъ намъ пока можно прибѣгнуть къ двумъ предположеніямъ. Или ихъ постигла та же судьба, какой подвергнулись жители почти всѣхъ поселеній въ низовьяхъ Енисея, т. е. ихъ насильно, можетъ быть въ наказаніе за проступки, переселили на эту рѣку (на извѣстныхъ разстояніяхъ), чтобы сдѣлать возможнымъ сообщеніе между Туруханскомъ и поселеніями, лежащими дальше внизъ; или передъ нами добровольное переселеніе этого неугомоннаго народа, изъ Таймырскаго края, а еще вѣроятнѣе съ знаменитаго Есейскаго озера, которое некогда поддерживало дѣятельныя сношенія между Вилюемъ, городомъ Якутскъ и самымъ южнымъ Таймырскимъ краемъ. Въ мое время еще не угасли разнородныя воспоминанія объ этихъ сношеніяхъ, да и на берегахъ этого богатаго дарами озера по-видимому еще сохранились остатки Якутскаго народа²⁾.

Изъ Шорохина нужно отправиться за 4 градуса широты къ сѣверу и далеко на востокъ, чтобы за тундрами встрѣтить опять Якутовъ, которые тамъ, числомъ около 500 душъ, въ видѣ острова занимаютъ рѣчныя области Хатаиги и Анабара³⁾. Официально они называются Нижне-Затундренскими, что составляетъ плеоназмъ, какъ потому, что и въ Верхне-Затундренскихъ Якутовъ, такъ и потому, что тундра, по ту сторону которой она живутъ, называется «Большой Низовой», т. е. собственно глубоководно-сѣверной.

Мѣста пребыванія Якутовъ означены въ нашемъ атласѣ картъ на табл. II-ой и III-ей изд. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ сѣв. оленей (одинокіе), живутъ осѣдло въ срубкахъ, на берегахъ текущихъ водъ. Между всѣми туземцами эти Якуты были единственный народъ, который въ официальныхъ спискахъ составлялъ первую категорію «осѣдлыхъ туземцевъ». Самое большое ихъ поселеніе было Коренное Филиновское, на Боганвѣ, исходный пунктъ моихъ дальнѣйшихъ странствованій на сѣверъ; тамъ я устроилъ метеорологическую станцію, которая осталась на мѣстѣ въ теченіи лѣтней половины года.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи вопросъ не разъясненъ и понышнимъ монографіями Туруханскаго края, т. е. ни Костровымъ, ни Третьяковскимъ, ни Кривошанкинымъ.

²⁾ По словамъ Кривошанкина (Енисейскій округъ, 1863, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. I, стр. 371) тамъ еще и теперь живутъ Якуты.

³⁾ У Палласа (Reise, III, p. 321) число Якутовъ Туруханскаго края, которые въ то время болѣею частью уже были крещены, простирается до 127 душъ муж. пола. Но въ соч. Георга (Besch. des Russ. Reichs,

II, стр. 1013), вышедшаго въ 1799 году, видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія тамъ было 229 крещеныхъ и 70 языческихъ душъ муж. пола. Степановъ (Енис. губ. I, стр. 160) насчитываетъ еще почти такое-же число, т. е. 296 душъ муж. пола. Съ тѣхъ поръ, следовательно, количество очевидно уменьшилось, потому что Костровъ насчитываетъ 234 Якутовъ и 236 Якутовъ, кромѣ Шорохинскихъ. У Кривошанкина (I, с. I, стр. 353) и Третьякова (I, с. стр. 373 и слѣд.) значится за 1860 годъ увеличеніе до 263 душъ муж. и 272 душъ женскаго пола.

Тѣ изъ тамошнихъ Якутовъ, у которыхъ есть сѣв. олени, пользуются этимъ упряж-нымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣв. равнины, въ область притоковъ Таймыра, и, не будучи стѣняемы конкурентами, занимаются тамъ закалываніемъ сѣв. оленин и избіеніемъ гусей. Они очевидно заняли прежнія кочевья Самоѣдовъ и оттѣснили ихъ все дальше и дальше въ самую крайнія пустыни глубокаго сѣвера, т. е. принудили ихъ къ тѣмъ обширнымъ лѣтнимъ странствованиямъ, которыя теперь сдѣлались прави-лыми, потому что зимою оба народа живутъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ.

Хотя упомянутые Якуты, имѣющіе сѣв. оленин, въ оффиціальныхъ спискахъ при-числяются къ «кочующимъ туземцамъ», но любовь ихъ къ осѣдымъ жилищамъ такъ развита, что и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія промысловыя странствования ста-ливаются съ крайними предѣлами ихъ зимнихъ ловушекъ (срав. стр. 609), они любятъ устраивать себѣ маленькія хаты, или по крайней мѣрѣ срубы — лѣтovie или отъ-ѣзжее, — сколачивая ихъ изъ бревенъ, которыя съ большимъ трудомъ привлекаются къ предѣлу дѣсовой растительности къ тундрѣ.

Впрочемъ не одни эти лѣтнія и охотничьи резиденціи, но и главныя жилища свои (зимовья), они покидаютъ съ легкостью, напоминающею Тунгусовъ. Условія ловли или семейныя обстоятельства, гнетъ со стороны слыхкомъ часто пребрѣгающихъ сборщиковъ податей, важныхъ чиновниковъ или священниковъ и т. д. очень легко побуждаютъ весьма еще неусидчивый характеръ къ перемѣнѣ мѣста жительства. По-этому у путешест-венника, при началѣ его разспросовъ, складается неизбежное понятіе, что передъ нимъ очень густо населенная рѣчная область. Вскорѣ, когда ближе выкаешь въ дѣло, яв-ляется мысль, что произошло вымирание. Фактически же, вслѣдствіе довольно медленнаго наращиванія количества населенія, пожалуй, мало измѣняется¹⁾. Бурная жизнь этихъ Якутовъ переноситъ ихъ то туда, то сюда, хотя вслѣдствіе неприютности края и поваль-ныхъ болѣзней дѣйствительно иное поселеніе совершенно теряетъ свое населеніе. Въ

¹⁾ Исключенію примѣрно рядъ зимовьекъ, которыя, какъ я узналъ по разспросамъ, расположены были на Ха-тангѣ и Хетѣ, но, какъ потомъ оказалось, не были постоянно заняты: На Хантѣ сверху внизъ: 1) Крестовское, при устьѣ Хеты; 2) Носовское; 3) Козачье; 4) Ждановское (послѣднія три въ одинаковомъ разсто-янн отъ Хантскаго погоста); 5) Хантскаго погоста; съ 4 дворами; 6) Протоchnoe, на рукавѣ главной рѣки; 7) Лѣтовье; 8) Кыласово Нижнее; 9) Убноно; 10) Нижнеостровское; 11) Лукино; 12) Крестовское; 13) Рыбное; 14) Понгайское; 15) Португалино или Болховское (един-ственное зимовье, лежащее на лѣвомъ берегу, на до-брый день пути отъ № 14); 16) Новое, вверхъ по Понга-ю (добрый день пути); 17) Озерное Лѣтовье, которое на зиму большою частью покидаютъ.

На Хетѣ отъ устья вверхъ: 1) Крестовское, о кото-ромъ уже было говорено выше (оно состоитъ изъ 3 дво-ровъ); 2) Назоново, всего одинъ дворъ; 3) Протоchnoe; 4) Соколово, изъ 3 дворовъ; 5) Прилучино, въ которомъ дѣйствительно никого не было, потому что всѣ жители этого поселенія, до послѣдняго человѣка, вымерли годъ за два до моего прїѣзда; 6) Конопа, четыре двора съ тѣхъ поръ, какъ туда перебрался переселенецъ изъ При-лучина; 7) Александрово или Кирылово, четыре двора; 8) Рабово, два двора; 9) Назоново второе; 10) Назоново первое; 11) Корговское; 12) Медвѣжье; 13) Орлово.

За исключеніемъ Налганова и Назонова второго, всѣ эти поселенія лежали на правомъ, высокомъ берегу Хеты.

устахъ народа однакоже извѣстія о такихъ событіяхъ слишкомъ выдвигаются на первый планъ и обобщаются, такъ что проѣзжій долженъ составлять себѣ объ этомъ ложныя понятія.

Свѣжо сохранившееся у этихъ глубоко-сѣверныхъ Якутовъ преданіе о томъ, что предки ихъ удалились въ эти пустыни издавѣка отъ притѣсненій, подтверждается неутомимостью ихъ.

Объ устройствѣ домовъ въ этихъ поселеніяхъ мы говорили въ главѣ о Долганахъ. Замѣчательно, что это блокгаузы на русскій ладъ, т. е. срубленные изъ горизонтально лежащихъ другъ надъ другомъ бревенъ, тогда какъ во всемъ остальномъ якутская мажера одержала верхъ надъ русскою. На Хетѣ я нашла даже, что первоначально русскіе поселенцы до такой степени преобразились въ Якутовъ, что якутскій языкъ сдѣлался ихъ настоящимъ роднымъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что поселенцы русскаго происхожденія женились на Якуткахъ.

Хотя, по части нѣкоторыхъ мужскихъ нарядовъ, и замѣтны кое-какіе слѣды обращенія Якутовъ съ русскими поселенцами и торговцами, но прилагательный рисунокъ мочениемъ, усвоенъ и даже развитъ ими съ рѣдкою добросовѣстностью. Вошло въ законъ до того спать по безчисленнымъ праздникамъ, что только ѣда и послѣдствія ея могли нарушать эту зимнюю спячку. Верхъ этихъ порядковъ заключался въ томъ, что, очевидно, вслѣдствіе нашего пріѣзда, по временамъ являлись гости для того, чтобы по-

Якутка съ Хетъ.

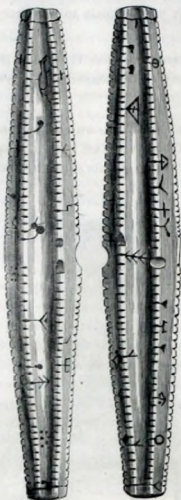
жеть служить доказательствомъ, что особливо женщины въполнѣ придерживаются стараго порядка. Нарядъ ихъ, на изготовленіе котораго онѣ употребляютъ много старанія, не можетъ не перейти и на русскихъ женщинъ.

Вслѣдствіе продолжительности зимней ночи на глубококъ сѣверѣ, склонность всѣхъ первобытныхъ людей къ бездѣйствію и баклушичанію развились у этихъ поселенцевъ до величайшей виртуозности. Вслѣдствіе этого успѣхи новаго ученія, добытые пре-

спать в гостях. По-видимому друг друга приглашали на такое парадное спанье.

Это дѣлалось къ концу зимы. Люди какъ бы старались спать про запасъ. Когда въ лѣтней половинѣ года наступаютъ подвиги тундры, когда и ночь не въ состоянн отодвинуть солнечный кругъ подъ горизонтъ, тогда тѣ же зимнн сони пробуждаются къ самой успешной, почти непрерывающейся дѣятельности.

Такъ какъ, слѣдовательно, Якуты должны дорожить тѣмъ, чтобы особенно во время упомянутой глубокой зимней спячки не проспаться важныхъ дней самаго отборнаго сна, то у нихъ

Якутскій календарь карди.

завелся календарь пустыни, какъ вышнй ларь цивилизаціи. Очевидно, они усвоили его себѣ отъ Русскихъ поселенцевъ. Это такъ называемый карди (русская пасхалия), изъ мамонтовой кости. Зарубки служить скользящему по нимъ пальцевому ногтю мѣстами остановки, по которымъ тщательно отсчитывается число дней, отъ знака до знака. Между этими знаками напр. слѣва на верху очертаніе животнаго означаетъ медвѣдя, т. е. день св. Георгія (23-го апрѣля)¹⁾. Счетъ идетъ внизъ по порядку и потомъ переходитъ на лежащій справа рядъ зарубокъ, назадъ къ противоположному концу и т. д.

¹⁾ Для могущихъ интересоваться этимъ предметомъ, сообщамъ еще слѣдующія указанія: † Кременіе;

† Леонаскіе дѣла; † Ассенья; † Трехъ Святыцъ; † Срътенъ; С Елдося; ✱ Сорока Святыцъ; † Алексѣя; † Благовищенъ; † Марія Египетской и т. д.

Найдется мало хитрых Русскихъ, которымъ кое-гдѣ удалось бы обмануть дикаря Якута.

Уазровскій, см. нѣм. изд. этого Путеш. III, стр. 62.

Длинное, предлинное путешествіе, обратно къ Енисею, вверхъ по нему, наконецъ черезъ Иркутскъ, привело меня отъ вышерасмотрѣннаго, столь далеко занесеннаго обломка якутскаго народа, за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Якутскъ, въ средоточіе этого народа.

Говорятъ, что уже въ концѣ 14-го столѣтія Якуты были отгнѣнены Бурятами отъ Байкальскаго озера и заняли рѣчную долину Лены и притоковъ этой рѣки.

Остатки старинной крѣпости въ Якутскѣ, въ 1844 году.

Первое столкновеніе русскихъ удалцовъ-завоевателей съ Якутами произошло лишь въ 1620 году¹⁾.

Для поясненія сообщеннаго ниже преданія, я помещаю тутъ вѣрное изображеніе послѣдняго изданія возведенныхъ противъ Якутовъ крѣпостныхъ сооруженій въ Якутскѣ. Столько сохранилось отъ нихъ еще весною 1844 года.

¹⁾ Къ періоду, предшествовавшему этому времени, одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другую не любилъ. Относится нижеслѣдующее преданіе, рассказанное мнѣ Якутомъ за основкомъ въ первобытномъ лѣсу. Пальма ввѣзъ по Лѣнѣ на сѣлянномъ изъ кожъ суднѣ, его часто посѣщалъ Бурятъ, по имени Эльвай, потому что они были большіе друзья. Огонюмъ предложилъ Якутъ по имени Огонюмъ. У него были двѣ дочери; ему ту изъ своихъ дочерей, которая ему понравится.

Уже до 1700-го года Якуты жили на Омолонѣ, потому что на Ремезовской картѣ (срав. т. I, стр. 36) возлѣ рѣки Омлоевой написано: «и при этихъ рѣкахъ живутъ Якуты разныхъ волостей».

Такимъ образомъ по этому пути Якуты, вслѣдъ за Юкагирами, мало по малу погибшими отъ междоусобій и оспы, простираются вѣлодъ до Ледовитаго океана¹⁾. Но это было только на крайнемъ востокѣ, гдѣ не было Чукчей. Если Якуты уже въ 1710 г. появляются и на устьѣ Колымы, то все-таки столѣтіе спустя Сарычевъ сообщаетъ, что Якуты, придя съ Индигирки, лишь недавно прибыли къ Верхней и Средней Колымы²⁾. Слѣдовательно распространеніе ихъ съ востока на западъ сравнительно шло медленно; да и едва-ли удалось доказать, добрались-ли они до Таймырскаго края съ Вилюя, или вѣлодъ побережья Ледовитаго океана. Вѣроятно же, какъ мнѣ кажется, они пришли съ Вилюя, потому что уже ранѣе половины 18-го столѣтія моряки застали довольно значительное число Якутовъ въ Таймырскомъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ низовьяхъ Оленека и на Анабарѣ. По-видимому въ то время происходили главныя сношенія между низовьями Оленека и Хатангой, хотя побережье между Оленекомъ и Леной не было занято.

Во всякомъ случаѣ, при графическомъ изображеніи распространенія Якутовъ, оно представилось бы въ видѣ червообразныхъ фигуръ, тянущихся на картѣ вдоль большихъ рѣкъ и вѣлодъ морскаго побережья. То же самое явленіе представляють на европейскомъ сѣверѣ Зыряне, вытѣсняющіе Самоѣдовъ, хотя ни тѣ ни другіе не могутъ быть названы моряками. По первоначальному мѣсту своего пребыванія Якуты были коневодами. Такими-же хорошими наѣздниками, содержащими по нѣскольку тысячъ лошадей, какими ихъ зналъ уже старикъ Витсенъ³⁾, они и доселѣ еще остаются въ главныхъ мѣстахъ своего пребыванія. Овечьи стада, которыя безъ сомнѣнія были у нихъ въ перво-бытныхъ мѣстахъ пребыванія, совершенно погибли въ лѣсистой полосѣ сѣвера. На стр.

Эзлей выбралъ не любимую дочь. Осерчавъ на это еще болѣе, отецъ далъ ему въ приданое только кобылу и бурю корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Огонюма навѣстить зятя, говоря, что самъ онъ (Огонюмъ) уже становится слабъ. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Эзлей послѣлъ его, колишкими кругомъ приколѣлъ къ землѣ казавъ тестя Огонюма вѣздъ полную чину съ кумысомъ, но, стараясь встать, промалъ все, что въ ней было. Пошелъ поэтому, что онъ началъ слабѣть, онъ помирался съ Эзлеемъ и навѣстель его.

Сынъ Эзляя назывался Тыгмыномъ и былъ сильный, могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгмынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ свлечь и вѣздъ въ батраки. Послѣдній убивалъ и за тѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суд-

нѣ и долго вели войну съ Тыгмыномъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе сватыли сверху бревна. Они вѣздъ Тыгмына въ плѣвъ и поѣздъ его. Въ то время у Тыгмына родилась сынь Эбаръ, отъ котораго происходитъ существующій еще доселѣ родъ Кангалассыи же потомки братьевъ Тыгмына.

1) Упомянутое около 1735 года названіе рѣчки Хара-Улахъ, впадающей въ Ледовитый океанъ (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 151), undoubtedly всего доказываетъ, что въ то время Якуты успѣли уже проникнуть до береговъ Ледовитаго океана.

2) Сарычевъ, Путеш. I, стр. 63 и слѣд. — О движеніи ихъ къ Запѣверску и Верхоянску, срав. стр. 548 этой части.

3) II, стр. 542.

570 я уже замѣтилъ, что длина теперешней единицы путевой и кочевой мѣры — кѣсъ нинѣшнихъ Якутовъ — весьма вѣроятно указываетъ на прежнее существованіе овечьихъ стадъ.

Характеристику чертъ Якутскаго лица мы сообщили на стр. 631. Чѣмъ болѣе мнѣ удавалось видѣть Якутовъ, тѣмъ болѣе оправдывались указанные мною отличительные признаки. Они оказывались несомнѣнно принадлежностью первоначальныхъ турко-татарскихъ якутскихъ лицъ и могутъ быть сведены на то, что жевательное продолженіе яремныхъ костей, какъ своею значительною вышнюю (слѣдовательно длиною соответственной части лица), такъ и нѣкоторымъ выступаніемъ впередъ, главнымъ образомъ обуславливаетъ незначительно выдающееся положеніе скуловыхъ костей. Это выступаніе скуловыхъ костей гораздо незначительнѣе и меньше обращено внаружу, чѣмъ у настоящихъ Монголовъ.

Благодаря тому, что въ юго-восточной Сибири мнѣ часто случалось разсматривать сравнительно Якутовъ рядомъ съ Тунгусами, вскорѣ оказалось, что у послѣднихъ сильное выдаваніе скуловыхъ костей обуславливается не столько основою яремной кости, сколько тѣмъ, что самая яремная дуга выступаетъ и отстоитъ далеко отъ основы яремной кости; при чемъ эта яремная дуга, по-видимому, часто бываетъ очень тонка. Первобытное татарское лицо Якутовъ очевидно близко сродно съ формою лица нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ.

Но не слѣдуетъ полагать, что первобытное татарское лицо Якутовъ, такъ рѣзко выдававшееся среди другихъ народностей Таймырскаго края, встрѣчается повсюду у большей части Якутовъ. Это можетъ быть бываетъ или бывало преимущественно только въ центрѣ главнаго ихъ пребыванія и у чистокровныхъ старшинъ. Въ Якутскомъ краѣ, напротивъ того, мнѣ привелось главнымъ образомъ имѣть дѣло какъ разъ съ тѣми Якутами, которые находились въ наиболѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Тунгусами. Помѣсь съ послѣдними происходила часто, поводомъ къ ней служили не только частыя поѣздки и обусловленное ими продолжительное отсутствіе изъ дому ¹⁾, но и обычай, указывающій на южно-азіатское отвращеніе къ бракамъ между сородичами, т. е. обычай, не позволявшій Якуту выбирать себѣ жену изъ одного съ нимъ рода, и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже изъ одного съ нимъ племени. Какъ бы то ни было, но между Якутами, особенно между младшимъ поколѣніемъ, часто встрѣчались преобладающія монгольскія, преимущественно же тунгусскія черты лица. Для этихъ формъ лица мнѣ удавалось розыскивать, безъ исключенія, тунгусскихъ матерей или бабокъ. Такія помѣсь

¹⁾ Срав. стр. 632. Къ приведеннымъ тамъ причинамъ исчезновенія типическихъ особенностей, мы присоединимъ тутъ еще неоднократно повторавшееся переписываніе и приписываніе къ класныхъ спискахъ. Въ мой Барабѣ (см. стр. 89 русск. изд.) я указалъ, какъ такимъ

образомъ между казаками встрѣчаются киргизскія лица. Сарычевъ (Путеш. 1, стр. 123) упоминаетъ о томъ, что подобнымъ же образомъ на р. Мазъ Якутовъ записываютъ Тунгусами.

пошли въ ходъ въ началѣ этого столѣтія, и въ особенности на Алданскомъ хребтѣ составляли самое обыкновенное явленіе.

Меня должно было поразить, что при такомъ происхожденіи лицо главнымъ образомъ и даже вполнѣ подчинялось монгольскому типу; лобъ вмѣстѣ съ ярменной костью и носомъ были укорочены; нерѣдко лобъ покато подавался назадъ отъ высокостоящихъ бровей; отъ сильно выдающейся ярменной дуги и, вслѣдствіе того, яблокообразно выпучивающихся щекъ очертаніе лица рѣзко скашивалось внизъ къ острому подбородку.

Носъ становился вдернутымъ вверху толстымъ комомъ, глазныя щели дѣлались косые, вся голова была какъ-то меньше въ сравненіи съ величиною тѣла.

Относительно величины тѣла Якуты составляли, въ общей сложности, нѣчто среднее между Русскими и Тунгусами, изъ которыхъ послѣдніе, среднимъ числомъ, были приблизительно на $\frac{3}{4}$ фута короче Русскихъ, и очевидно имѣли болѣе тонкія кости, а потому и были легче ихъ¹⁾.

У типичныхъ Якутовъ и Якутокъ ноги и руки были больше, чѣмъ у Тунгусокъ, равно какъ у имѣвшихъ монгольской складъ Гилячекъ, которая въ этомъ отношеніи подходила на Самоѣдокъ (срав. стр. 639).

Изъ всего сказаннаго видно, что еще въ мое время типичныхъ, первобытныхъ Якутовъ никакъ не слѣдовало смѣшивать съ Монголами, отъ которыхъ они явно отличались, тогда какъ главную массу Киргизовъ, по вышнему ихъ виду, я никогда не затруднялся приурочивать къ Монголамъ, хотя языкъ ихъ и противорѣчитъ этому²⁾. Изъ прежнихъ своихъ селѣнцъ Якуты вытѣснены настоящими Монголами, Буратами. На сколько они въ прежнія столѣтія, вслѣдствіе соприкосновеній съ Буратами, подверглись примѣси монгольской крови, это трудно сказать, но даже между Долганами я встрѣтилъ двѣ-три чисто бурятскія фizioноміи; отмѣтивъ себѣ незнакомаго мнѣ особенности этихъ лицъ, я отложилъ замѣтки свои въ сторону, пока наконецъ поѣздка моя по Бурятскимъ степямъ разъяснила мнѣ давнишнюю загадку мою. Далѣе, какъ я замѣтилъ, уже въ мое время, т. е. тридцать лѣтъ тому назадъ, якутскій народъ сильно омонголивался Тунгускими женщинами. Не только дочери, но именно сыновья такихъ смѣшанныхъ браковъ стали походить, уже въ первомъ поколѣніи, главнымъ образомъ на мать. Но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, мы должны предполагать, какъ сказано было выше, что въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ, не говоря уже о еще раннемъ времени, происходило гораздо болѣе продолжительное омонголиваніе посредствомъ бурятской крови. Это мы вправѣ предполагать не только на основаніи вышеприведеннаго преданія (см. стр. 763, примѣч.), которое уже давно опережено другими сказаніями подобнаго-же рода, но и вслѣдствіе древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о Восточной Сибири, указывающихъ на

¹⁾ Среднимъ числомъ Русскіе въ Якутскѣ были рос- чески омонголились въ давнее время. Врѣднѣе они уже томъ приблизительно въ 67 дюймовъ. Якуты отъ 63 — давно подверглись тому-же самому процессу, зарожденіе которого я застаю у Якутовъ. Срав. мое изслѣдованіе: 64, а Тунгусы отъ 59 — 60 дюймовъ. котораго я застаю у Якутовъ. Срав. мое изслѣдованіе:

²⁾ Это по-видимому доказываетъ, что Киргизы фizio- Бараба, стр. 87.

тѣсныя связи между обоими народами. Такъ напр. искусство Якутовъ по части обработки металловъ вообще, въ особенности же по части гравированія серебра и выкладыванія имъ, приписывается вліянію Буратовъ ¹⁾. Но что такая помѣсь продолжалась уже нѣскольکو столѣтій сряду, объ этомъ еще убѣдительнѣе свидѣлствуетъ якутскій языкъ, какъ это подробно доказалъ и положительно подтвердилъ акад. Бѣтлингъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія.

По моему мнѣнію даже весьма вѣроятно, что въ теченіи тридцати лѣтъ, протекших со времени моего посѣщенія Якутовъ, физическое омонголеніе этого народа успѣло усилиться до такой-же степени, какъ это случилось съ Киргизами.

Если мы за тѣмъ обратимся къ характеристикѣ умственныхъ особенностей Якутовъ, то прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная склонность и превосходная способность къ торговлѣ. Въ этомъ отношеніи невольно является сравненіе съ іудейскимъ народомъ, и мы готовы бы были назвать ихъ жидами сѣверо-восточной Азіи, если бы они въ весьма многихъ отношеніяхъ не отличались значительно отъ жидовъ другими, не менѣе характеристичными особенностями.

Но лучше всего не забѣгать впередъ, а предоставить читателю случай, изъ нижеобщаемой нами писанной съ натуры картины якутскаго быта, самому составить себѣ правильное понятіе объ этомъ народѣ.

Точнѣе охарактеризовать бытъ его я считаю себя обладающимъ потому, что этотъ народъ безспорно не можетъ быть причисленъ къ исчезающимъ. Во первыхъ, онъ съ начала этого столѣтія, не смотря на всѣ препятствія, размножился почти вдвое, т. е. состоитъ изъ слишкомъ ста тысячъ душъ, а во-вторыхъ, не смотря на указанное мною сильное физическое омонголеніе, ассимиляціонная сила этого татарскаго смѣшаннаго народа такъ велика, что, при нѣкоторыхъ благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, онъ окупиваетъ даже русскихъ поселенцевъ, главнымъ образомъ, конечно, по части языка, образа мыслей и направленія склонностей.

Тѣмъ, которымъ это покажется преувеличеніемъ, я припомню окупенныхъ русскихъ поселенцевъ Таймырскаго края, даже не исключая семейства священника въ Хантагскомъ погостѣ, укажу на Амчискую слободу, большое село, опирающееся все-таки на близъ-лежащій главный городъ Якутскъ, укажу на самый Якутскъ, гдѣ въ мое время на чиновничьихъ и купеческихъ вечеринкахъ много говорили по якутски ²⁾.

¹⁾ Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 570.

²⁾ Некоторые мѣстные чиновники сравнивали его, по этому, съ салоннымъ французскимъ языкомъ. Въ присутствіи чужого лица, онъ можетъ быть употребленъ чаще, потому что былъ для него непонятенъ. Укоренился якутскій языкъ между Русскими очевидно вслѣдствіе якутской прислуги, которая встрѣчалась часто уже въ 1733 году (Müller, Samml. russ. Gesch. III, p. 523), равно какъ въ необразованности женщинъ, которая всю

жизнь свою оставалась въ кругу привычекъ дѣтской обстановки. Кромѣ того я предлагаю господамъ лингвистамъ заняться разрѣшеніемъ вопроса, на сколько дѣйствительно особенности русскаго языка менше поддаются къ мѣстнымъ условіямъ, чѣмъ простой, вышедшій изъ жизни и быта копечниковъ, удобный, потому что не выкопленный, якутскій языкъ. Справ. превосходно выраженная замѣчанія Гейла по этому предмету (V. Heilm, Kulturpflanzen und Hausthiere, 1871, p. 18).

Наконец самое лучшее и неопровержимое доказательство можно найти очевидно въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія. Смыслъ одного изъ болѣе значительныхъ чиновниковъ, впоследствии самъ, днемъ и ночью, занимавшій переписываніемъ бумагъ, высшимъ канцелярскимъ и административнымъ дѣломъ, сильнѣе всего увѣковѣчилъ справедливость моихъ словъ написаннымъ имъ Якутскимъ текстомъ. Якутскій языкъ соответствуетъ душѣ Уваровскаго лучше всякаго другаго; говоря о Якутахъ въ третьемъ лицѣ, онъ невольно на каждой страницѣ высказываетъ взгляды добродушнаго Якута, въ котораго самъ онъ превратился.

Но не одни только Русскіе научаются якутскому языку: даже въ Амурскомъ краѣ, на р. Урѣ, я встрѣтилъ Тунгусовъ, которые никогда не видали Якута, а между тѣмъ очень бойко объяснялись съ моими оленевожатыми на якутскомъ языкѣ. Хотя они и находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русскими прибайкальскаго края, но кое-какъ знали только нѣсколько русскихъ словъ. Между тѣмъ они сочли полезнымъ научиться у средственныхъ имъ Тунгусовъ якутскому языку. Въ формахъ и духѣ обонихъ языковъ заключается, должно быть, сходство, облегчающее Тунгусамъ изученіе этихъ чуждыхъ звуковъ, хотя между словарями того и другаго языка нѣтъ ничего общаго.

Указанною нами преобладанію якутскаго языка нисколько, впрочемъ, не противорѣчить то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ у Якутовъ множество словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка. Относительно предметовъ и порядковъ, которые не были извѣстны Якутамъ до соприкосновенія ихъ съ Русскими, это само собою разумѣется¹⁾. Не трудно также понять, что тѣ Якуты, которые находятся въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ господствующей націи, хвастаясь знаніемъ русскихъ словъ, какъ это ясно показываетъ нижеообщенная хорвалъ пѣсня.

Иначе, кажется, должно смотрѣть на слово *s'iegej*, т. е. сѣрый. Вѣроятно оно понадобилось Якутамъ позднѣе, когда они научились правильно оцѣнивать незначительныя различія въ темныхъ цвѣтахъ. Поводъ къ такому предположенію подастъ намъ стр. 649. Слово *kāgā*, означющее сѣровато-козудій цвѣтъ, искони существовало въ якутскомъ языкѣ.

Но особенно поражаетъ меня то, что слово *баранъ* также перешло въ якутскій языкъ непосредственно изъ русскаго. Хотя это сильно противорѣчитъ моему предположенію, высказанному на стр. 570, но послѣднее все-таки можно подтвердить разными свидѣтельствами. Такъ напр. я тщетно доискивался первобытнаго якутскаго слова для обозначенія тумана, весьма сильно преобладающаго въ Якутскомъ краѣ. Для тумана у

¹⁾ Въ видѣ дополненія ко множеству примѣровъ, приведенныхъ Буталиномъ въ 3-мъ томѣ нѣмец. изданія этого сочиненія, я могу привести еще слѣдующіе: *patrus'ka* (пороховница), *s'obodŭk* (забойникъ), *erarka* (отвертка), *merka* (мѣрка порохова), *moschokā* (мѣшокъ для дровъ), *mebōk* (комельскъ сто рублей), *etārbes* (гор-

бась, сапогъ), *bitschuguja* (битска, петля на стрѣлѣ, скрученная изъ конопляныхъ волоконъ), *karpal* (карпалъ, кожанъ каравана), *dōrok* (дѣроль), *tsehā's'iyja* (честот), *otejārak* (очередъ), *s'uoiko* (шмель), *nepremenno* (непрежвнно), *odnako* (однако), *budto* (будто), *perwoje dālo* (первое дѣло).

Якутовъ не было другого слова, какъ русское туманъ. Тоже самое встрѣчается у Киргизовъ, говорилъ мнѣ спутникъ мой Вагановъ, который семь лѣтъ провель у Киргизовъ. И съ чепиокомъ Якуты не были знакомы въ своей первобытной родинѣ: кромѣ ту онъ называется у нихъ чаще всего *tóngus'*, т. е. Тунгусомъ или тунгусскимъ именемъ *ongotschó*. Это столь-же убѣдительно говорить въ пользу пошлвенія Якутовъ изъ безводной степи, сколько напр. слово *kug'sá*, которое у Монголовъ означаетъ степенную лисицу, корсака, а Якутами глубокаго сѣвера употребляется для обозначенія тундроваго жителя, песца, мѣста пребыванія котораго отстоять отъ мѣсть, гдѣ водится корсакъ, болѣе чѣмъ на 15 градусовъ широты.

Если мы, принявъ въ соображеніе только-что сказанное, взглянемъ за тѣмъ на густо-опушенную мѣхомъ конусообразную шапку на головѣ богатаго Якута и увидимъ на ней тотъ-же колючекъ, по которому мы узнаемъ Татарина, и который въ такой-же степени свойственъ Киргизамъ; если мы далѣе последуемъ удивленію моего спутника, долго жившаго меж-

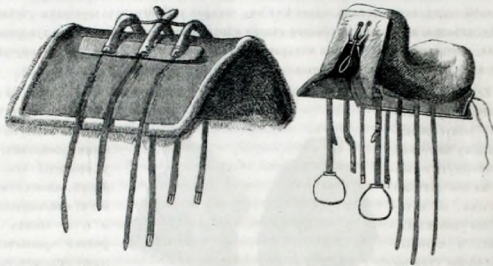
нать временемъ и обстоятельствами раздѣленія обоихъ народовъ. Стоитъ только отправить къ Якутамъ этнографическаго изслѣдователя, поручивъ ему побывать сперва у Киргизовъ, а потомъ у Бурятовъ, и дать ему возможность основательно изучить якутскій народъ, не только въ главныхъ мѣстахъ его пребыванія, но и въ самыхъ отдаленныхъ развѣтвленіяхъ его распространенія. Это было бы навѣрное благодарная задача.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію Якутовъ моего времени, необходимо бросить взглядъ на два вѣдншихъ обстоятельства, которыя не могли не развить природныхъ способностей этого народа.

Припомнимъ сперва, что до 1807 года, когда *Sloop Diana* была отправлена въ Охотскъ, всѣ припасы для флота Восточнаго океана, цѣлое столѣтіе сряду, перевозились сухимъ путемъ изъ Якутска въ Охотскъ. Одинъ уже провіантъ, который доставлялся для войска, находившагося въ Охотскѣ и въ Камчаткѣ, вѣсилъ 34 тысячи пудовъ. Ежегодно одна казна забирала на подводы десять тысячъ, а Американская компанія до трехъ

ду Киргизами и постоянно опять, по новымъ признакамъ, находившаго, что въ языкѣ, одеждѣ, нравахъ, наклонностяхъ и т. д. обоихъ народовъ чрезвычайно много сходнаго, тоне-вольно задеаешься вопросомъ, нельзя-ли это сходство опредѣлить точнѣйшимъ образомъ и объяс-

тысяч лошадей¹⁾. Обстоятельства сами дѣлали Якутовъ подводчиками и торговцами для самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Но уже въ то время дѣла сложились такъ, что хотя кунцы платили отъ 35 до 45 рублей за каждую подводную лошадь и за каждые пять пудовъ, Якутамъ это все-таки мало доставляло барыша²⁾. Ежегодно начальству

Вьючное сѣдло

Якутовъ.

Верховое сѣдло

¹⁾ Шемелинъ, Путешествіе I, стр. 203.

²⁾ Тоже самое оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи условий, на которыхъ Якуты вѣдлись доставить мою экспедицію на 72 лошадахъ изъ Якутска въ Уаской Острокъ. Рядчики платили вожаку по 13 рублей съ каждой лошади, а помощнику его по 12 рублей. Каждый погонащикъ получалъ по 30 руб. за дѣло, на койсянскихъ харчахъ. Считалось хорошимъ запасомъ, что на всю дорогу они вѣли по 6 пуд. муки, по 6 пуд. якутскаго жала и по 1 1/2 пуд. сала.

Были еще разныя постороннія расходы. Такъ напр. на р. Учурѣ пришлось многихъ уморившихся лошадей замѣнить новыми у Тунгусовъ, которые вѣли хорошую набабку; нужно было вѣсть съ собою не входившихъ въ счетъ запасныхъ лошадей; за нихъ не платилось точно также какъ за лошадей, которыя вѣли поклажу и провозилъ возозковъ. Подборка лошадей для путешествія отбывалась отъ 3 до 10 рублей за каждую.

Знравляющій всѣмъ поводомъ и люди его отвѣчаютъ за тѣхъ лошадей, которыя могли бы пропасть, но не отвѣчаютъ за тѣхъ, которыхъ приходится оставлять склабастые или утомленныя, за тѣхъ, которыя тонуть при переправахъ, и т. д.

Оказывалось, что главный барышъ рядчика заключался въ томъ, что онъ получалъ въ руки наличныя деньги, а люди своихъ разсчитывалъ товаромъ, заставляя отработать прежніе долги, которые въ противномъ случаѣ остались бы неизплаченными, и наконецъ опять связывалъ ихъ новыми долгами. Выдача денегъ впередъ до такой степени входила въ рассчетъ събоксъ съ Якутами, что даже въ казенныхъ дѣлахъ рядчиковъ выдавались 2/3 условленной цѣны.

Что пасмъ лошадей для моей экспедиціи происходило не при исключительныхъ обстоятельствахъ, это доказываетъ стр. 725. Бъ этому я могу еще присовокупить, что въ мое время кунцы Стручковыхъ постоянно строили палаты на р. Учурѣ, которые по ней и по Алдану связывалъ до стараго казеннаго тракта, т. е. за 50—60 верстъ до урочища Чепанда, и отсюда возвращался въ Якутскъ на пасмныхъ лошадахъ, за которыхъ платилъ среднимъ числомъ рублей 12 (отъ 10 до 13), смотря по конкуренціи.

Отъ Учурѣ до Хотуньки сами я тѣмже прѣдлагалъ по 30 рублей провозной платы за каждую лошадь.

приходилось посылать казаковъ на эту дорогу, сожигать павшихъ лошадей, которыя заражали воздухъ ¹⁾.

Для пополненія относящихся сюда политипажей на стр. 537 и 544, тутъ изображены якутскія сѣдла, какъ самыя подходящія эмблемы этого народа. Шириною изображеннаго тутъ верховаго сѣдла обуславливается столь смѣшная поза всадника на стр. 544.

Другимъ обстоятельствомъ, послужившимъ къ развитію Якутовъ въ упомянутомъ отношеніи, служила натура тунгусскаго населенія. Необыкновенно подвижной, простодушный и легкомысленно преданный удовольствію народъ, какъ Тунгусы, представлялъ для предприимчиваго торговаго духа Якутовъ такую вещь, какую нельзя бы было создать лучше съ этою собственною цѣлью. Умѣнье Якутовъ легко принаравливаются ко всемъ условіямъ посящаемыхъ ими народовъ исключало почти всякую конкуренцію, даже русскую, такъ какъ требовалось пробраться въ потаенное захолустье народа, живущаго особнякомъ, и обратиться съ нимъ въ Тунгуса.

Якуты мастерски умѣли утратить и учетверять свои барышни. На видъ они платили Тунгусамъ за мѣха дороже всякаго другаго, но въ нѣсколько разъ возмѣщали это на чрезвычайно высокихъ цѣнахъ своихъ собственныхъ товаровъ; торгуя, въ то же время сами принимались, вмѣстѣ съ Тунгусами, за ловлю звѣрей, но, эксплуатируя коммунистическое гостеприимство первобытнаго человѣка, въ это время большею частью жили на счетъ Тунгусовъ и при такихъ выгодныхъ условіяхъ находили необходимый досугъ и случай подбивать своихъ хозяевъ постоянно на новыя издержки для удовлетворенія прихотей, пока наконецъ у Тунгуса уже нечего было продавать и онъ при радушии предложенномъ ему кредитѣ легкомысленно брать товаръ въ долгъ. Но это апогей всякаго торга съ такъ называемыми дикарями: съ этой поры торговецъ становится дознающимъ торговымъ прителемъ. Другими словами: теперь Тунгусъ закабаленъ въ монополію, вынужденъ продавать свой товаръ только ему, заимодавцу, и покупать только у него. Цѣны назначаетъ продавецъ по своему произволу, мѣрить товаръ на свой аршинъ. Продать онъ напр. Тунгусу сѣв. оленя не дешевле 80—100 рублей, принимаетъ же отъ него не иначе, какъ за 50 рублей. Подарки, идущіе въ уплату, взимаютъ процентомъ за долги.

¹⁾ Четыре года до моего проѣзда, на дорогѣ въ Учутку, изъ числа лошадей, везшихъ обозы съ товарами якутскихъ купцовъ, погибло болѣе 200 животныхъ въ дѣствіе того, что неожиданно выпало очень много снѣга. Это повсюду огромное значеніе, придаваемое Якутами слову as'ylyk, коровнице, о которой у нихъ постоянно идетъ разговоръ.

Опасности такихъ непогодъ никакъ нельзя приписывать безлѣтности Якутовъ. За неимѣніемъ коровенокъ, повывшихся наядло, срубается множество деревь, чтобы воспользоваться бородами ихъ, которыми они покрываютъ. На стр. 540 мы уже говорили, какъ тщательно

разгорачивались или подготавливались къ дороге лошади высокою подвязываніемъ голени; на стр. 543 упоминали, какъ превосходны потники. Прибавимъ тутъ еще, что предосторожность при подвязываніи голени весной соблюдается такъ строго, что сначала послѣ небольшого зноя перепада, лошади приходится стоять подвязанной отъ 6 до 8 часовъ, прежде нежели ей позволяютъ пастись. Даже въ 10 и день ее засталяютъ стоять часа четыре. Иначе, говорятъ они, легкія становятся совершенно бѣлыми, печень точно вареною. Лѣтомъ и осенью Якуты гораздо менѣе опасались подвергаться такимъ непогодамъ.

возрастают свыше ста процентов. Дѣло выиграно, потому что «дикарь» слишкомъ честенъ, чтобы обманывать, да и слишкомъ честенъ, чтобы не быть обманутымъ чрезвычайно легко. Пока съ него можно взять что-нибудь, онъ станетъ давать все, что у него есть, и все, что у него будетъ.

Послушаемъ, какъ шло дѣло, по словамъ прекрасной, честной души, заправлявшей мною караваномъ, человека, который велъ дѣло въ качествѣ прикащика, но, не смотря на барыши, въ первый годъ потерялъ убытокъ рублей въ 300, забывъ условиться, что угощеніе и разнообразная выдача денегъ должны идти на счетъ и на рискъ хозяина. Дѣло въ томъ, что для такого промысла онъ былъ слишкомъ честенъ и добродушенъ. Послушаемъ разсказъ его:

Навался я на зиму за 60 рублей: харчи хозяйскія да и одежда, потому что я могъ пользоваться шкурами бойныхъ вьючныхъ животныхъ, коли мнѣ не удастся самому убить столько лосей или сѣв. оленей, чтобы добыть себѣ нарядъ. Наймись я на цѣлый годъ, я получилъ бы — правда товаромъ, какъ всегда — 100 рублей содержания и паша бы лѣтомъ сѣв. оленей на горахъ. Но мой хозяинъ отыскалъ Тунгуса, который взялся пасти сѣв. оленей по 4 рубля съ головы. За пропажу сѣв. оленя отвѣчалъ Тунгусъ, а за болѣзнь не отвѣчалъ. Но на такое дѣло соглашается только такой Тунгусъ, которому приходится уже очень плохо.

Провіантъ полагается въ мѣсяцъ не болѣе 1 пуда муки и 30 фунтовъ сала. Остальное должны дополнять результаты собственной охоты и тунгусское гостепримство.

Съ восемью сѣв. оленями моего хозяина, на которыхъ навьюченъ былъ товаръ, я тронулся въ путь такъ рано, что во-время могъ еще поспѣть къ осенней ловлѣ соболя «на собачьихъ ногахъ». Тутъ охота уже даетъ, что Богъ пошлетъ. Потомъ я отправился къ своему пріятелю Тунгусу, которому я кое-когда помогалъ также осматривать его засѣки и самострѣлы. Меня Тунгусъ кормитъ, потому что ѣда у нихъ не идетъ въ счетъ. Я же разставляю мои приборы на соболей, и эту охоту каждый ведетъ на свой счетъ. Убью я случайно мясное животное: мясо идетъ въ пользу юрты, а шкура и рога принадлежать мнѣ. Я везу съ собою муку, чай, табакъ, порохъ, свинецъ, до которыхъ иной разъ, пожалуй, также доходить очередь, равно какъ и до того или до другого изъ моихъ сѣверныхъ оленей, но такъ какъ это купленные вещи, которыя мнѣ не принадлежать, то онѣ ставятся моему Тунгусу особо въ счетъ, хотя я ими также пользуюсь. Когда подойдетъ время, я отправлюсь на сборное мѣсто и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Если люди ничего не хотятъ брать, такъ угостишь ихъ, тогда сердце ихъ растаетъ. Сначала они рѣшатся, можетъ быть, спросить только кремль, но потомъ является одно за другимъ. Когда угостишь ихъ хорошенько, такъ они берутъ все, что имъ вытатишь, а на цѣны они соглашаются безъ дальнѣйшаго. Главное дѣло угощеніе. Заваришь чаю, положишь сахару, сухарей, масла, и въ заключеніе сварить большой котелъ сала мата. Вотъ что радуеть Тунгуса непомерно и уже онъ на-вѣрное изъ благодарности подаритъ соболя: самый бѣдный и тотъ принесетъ по крайней мѣрѣ кабарговую струю. За тѣмъ

торгъ идетъ какъ по маслу и Тунгусъ дешевле отдастъ соболей. Коль у него ихъ нѣтъ въ то время, то это ничего не значить, и какъ даровой, такъ и продажный соболь ставается въ счетъ. Если же можешь дать водки, то все получишь; но она рѣдка и ее нужно провозить въ маслѣ, потому что она запрещена. Тунгусъ такой человѣкъ, что если я знакомому поклонюсь полудомъ сала, такъ онъ уже непременно отвѣтитъ на мой поклонъ соболями. Встрѣчается, правда, кое-гдѣ и такой Тунгусъ, который, хотя его и угостишь, не считаетъ себя за это въ долгу, но такихъ осуждаетъ общее мнѣніе.

Вотъ что рассказать мнѣ добродушный мой вожакъ.

Тунгусъ, котораго я разспрашивалъ о томъ, что онъ добылъ въ году, откровенно сообщать все, пока я не спросилъ: сколько же онъ наловилъ соболей въ эту зиму. Тутъ все застряло, человѣкъ какъ будто переродился. Уже впоследствии я узналъ, что какъ онъ только успѣлъ забыть въ чумѣ, такъ мои оленоводы стали разспрашивать дѣтей его, есть ли у отца мѣха. Къ чему послужила бѣдняку его осторожность? На другой день, когда онъ уѣхалъ, я узналъ, что помощникъ моего вожатаго уничтожилъ всѣ добрыя намѣренія первобытнаго человѣка и наконецъ все-таки выманить у него два мѣха.

Впрочемъ изъ Якутскихъ купцовъ только немногіе торговали мѣхами собственно отъ себя; въ мое время лишь трое, платившіе подати какъ купцы третьей гильдіи. Это были давно-извѣстныя личности (Басинъ, Стручковъ и Новгородовъ), въ сопровожденіи нѣсколькихъ Якутскихъ мѣщанъ и множества Кангаласскихъ Якутовъ. Такихъ второстепенныхъ торговцевъ я насчиталъ, какъ уже замѣтилъ выше (стр. 723), около сотни.

Что всѣ запрещенія¹⁾ ни къ чему не вели, это доказываетъ донесеніе Уваровскаго, которое я читалъ въ Якутскомъ архивѣ. Въ 1827 году онъ засталъ 47 семействъ, въ 84 души, которыя торговали, вопреки запрещенію, въ Удскомъ Острогѣ и изъ которыхъ нѣкоторыя находились тамъ уже лѣтъ 30, не смотря на всѣ указы и на отсылку недостаточныхъ на родину. Уваровскій самъ тщетно выслалъ въ Якутскъ 11 такихъ человѣкъ. Да и я вскорѣ убѣдился, что дѣйствіе запрещеній не простиралось далѣе бумаги указовъ. Уже съ ноября шныряли якутскіе торговцы въ горахъ, отыскивая Тунгусовъ въ самыхъ затаенныхъ закоулкахъ, вмѣсто того, чтобы строго держаться армарочныхъ мѣстъ. Они успѣвали забирать всѣ мѣха и сборщикамъ подати приходилось уходить съ пустыми руками. Какъ ловкіе люди (срав. эпиграфъ на стр. 763), якутскіе торговцы всегда были у мѣстныхъ властей на довольно хорошемъ счету.

При этомъ Якутскій и Иркутскій край сами по себѣ такъ устроились, что не мѣшали другъ другу взаимной конкуренціей. Тутъ и тамъ эксплуатировали другяихъ кочевниковъ и знали другъ о другѣ только по совершенно неопредѣленнымъ наслышкамъ, такъ что мои разспросы о мѣстностяхъ, лежащихъ при верховьяхъ Амура, до тѣхъ поръ

¹⁾ Армарочные сборы были назначены: на Учурѣ съ 1-го мая до 1-го іюня; на Маѣ съ 15-го іюня до 15-го іюля; въ Удскомъ Острогѣ съ 1-го августа до 1-го сентября, и потому приказано было не пускать купцовъ изъ Якутска ранѣе февраля.

не разъярили мнѣ дѣла, пока я вдругъ, совершенно неожиданно, не очутился среди длинной вереницы забайкальскихъ казаковъ, бойко торговавшихъ на запретной Китайской землѣ. Да и условія, при которыхъ они вели свою торговлю, цѣны и т. д. были совершенно другія ¹⁾).

На сколько Якутъ, сообразно вышеприведенному эпиграфу, хитрѣ Русскаго, это вскорѣ показали первые посредники между сбытомъ товара на востокѣ, и на западѣ. Какъ занимающіеся имъ Якуты, такъ и вожакъ моихъ оленей, вскорѣ подмѣтили, что въ сущности казаки все-таки невѣжи по части торговли, которые не умѣютъ цѣнить самый отборный товаръ и не достойны его. На моихъ глазахъ соболья шкуры съ кабарной стороны смачивались теплою водою, растягивались, наплавлялись на доску, сушились передъ огнемъ ²⁾ и краснѣли. «Вѣдь даже подуть противъ волокъ и узнать рѣдки-ли волосы казакъ не умѣеть», говорили Якуты и, усѣвшись, вставляли въ плохія до негодности выговни мошонки мѣховыя заплатки, напизывали ихъ вмѣстѣ съ хорошинами на ремень, но самыя бѣсѣстыя вытаскивали и откладывали въ сторону для Якутска. «Эти елшнкомъ хороши и полны; ихъ-то казаки и будутъ считать поддѣлками и искусственно набитыми. Вѣдь тутъ всякая мошонка стоитъ 5 рублей, какаѣ бы она ни была». Такъ говорили они.

Болѣе опасными для Якутовъ конкуррентами, чѣмъ казаки, стали являться китайскіе Даурцы, которые нѣкогда начали торговать довольно успѣшно полушубковыми матеріями, камлотомъ, панчою и окороками. Якуты жаловались на это и наши чиновники помогали имъ въ преслѣдованіи этихъ стѣснителей ихъ монополіи.

Сказанное достаточно показываетъ, что мы были вправѣ, сравнивъ якутскихъ торговцевъ съ еврейскими торговцами. Торгуютъ они до послѣдней минуты передъ отправленіемъ въ путь. По подвижности, смѣлности и ловкому знанію людей они не уступаютъ Евреямъ, по части же хитрости иной Якутъ, можетъ быть, еще перецеголяетъ Еврея. Но у Якута нѣтъ той благодатной способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ Еврей; а это много значить.

Якутъ въ состояніи подвизаться съ любымъ кочевникомъ: въ необыкновенной сдержанности, когда этого требуетъ необходимость; въ умѣнн терпѣливо, даже весело, переносить ужаснѣйшія невзгоды, которымъ его подвергаютъ климатъ и первобытная природа; въ самой напряженной дѣятельности, когда приходится продолжать тысячи

¹⁾ Казаки со Стрѣлки между Шинкой и Аргуною покупали муку, которую везли, отъ преставлѣ, поселенныхся въ деревняхъ вѣсколко выше на Аргуни. Послѣдніе зимними путями привозили се къ Стрѣлкѣ, и продавали тутъ по 1½ — 2 рубля (дома стоила она отъ 90 коп. до 1 руб.). Помоль также доставляла барышъ, потому что зерновой хлѣбъ былъ 20 или 30 коп. дешеле. Но у казаковъ были только ручныя мельницы, тогда какъ у преставлѣ работа производилась водяными мельницами. Въ мѣховой торговлѣ казаки промѣшивали

пудъ муки на 10 бѣлокъ, изъ которыхъ Аргунскія опивались сунами по 60, а всѣ прочія въ этомъ край по 45 — 50 копѣекъ.

Вода, которая въ Якутской области почти совершенно устранена, тутъ продолжала еще свою деморализующую роль. Слѣдовательно, самыя крайніе составы огромнаго государственнаго организма служили оправдаться въ этомъ отношеніи скорѣе, чѣмъ тѣ части часовка, которыя лежатъ ближе къ туловищу.

²⁾ Сряв. поддѣлки, о которыхъ говорено на стр. 616.

разных трудностей и опасностей, которыя ему противопоставляет суровый первобытный характер неприютных горъ. Онъ не страшится никакой опасности.

Но заглядывающая вдаль бережливость, забота о запасѣ, о дальнемъ будущемъ, продолжительныя хлопоты, не вызванныя одною лишь неотвратимою необходимостью, ему совершенно чужды. Онъ главнымъ образомъ человекъ, живущій настоящимъ и для наслажденія.

Замѣчательно, что даже неутомимо подвижной жокакъ моего каравана, не страшившійся самыхъ утомительныхъ трудовъ, вдругъ превращался какъ будто въ другаго человека, коль скоро дѣлалась дневка. Страстно прищуривъ глаза, онъ растлгивался во всю длину, какъ олицетворенная бездѣльничаящая лѣнность. Въ это время онъ лишь съ величайшею неохотою отвѣчалъ на вопросы, ворчалъ и начиналъ грубить, совершенно на перекоръ своему обыкновенному характеру. Но въ такомъ родѣ они были все; торговцы же, которые были побогаче другихъ, вели уже совершенно лѣнливую сатрапскую жизнь. Они считали лишнимъ трогаться съ мѣста и тревожили или Тунгусовъ или своихъ женъ, а сами лежали на мѣстѣ и болѣею частью спали. Проснувшись, они проводили время въ пріятномъ бездѣльѣ, болтовнѣ, игрѣ въ карты и ширваніи въ компаніи. При всемъ томъ я встрѣтилъ между ними двухъ братьевъ, которые дали другъ другу слово не пить крѣпкихъ напитковъ, впрочемъ чрезвычайно практично, только до известнаго срока.

Въ главѣ о Тунгусахъ (стр. 741) мы видѣли деморализующее вліяніе того, что соболья шкура, означавшая тоже, что 25 рублей, являлась монетной единицею въ тунгусской торговлѣ. Когда я сначала подѣхалъ съ копѣчными счетами, то Якутами овладѣлъ явный ужасъ. Это превосходило у нихъ всякое понятіе; на столько не хватало ихъ микроскопъ и когда я сталъ напирать на нихъ, то восклицаніемъ: «да вѣдь я же не стану разрѣзать соболью шкуру» они быстро старались выходить изъ затруднительнаго положенія. Даже кабарговья струн, не говоря уже о бѣличьихъ шкуркахъ, назывались на ремни въ большія единицы цѣнности. Чѣмъ ближе мы пододвигались къ предѣламъ распространенія соболя, чѣмъ исключительнѣе бѣличья шкура составляли главный предметъ охотничьей добычи, тѣмъ болѣе чрезвычайныя особенности въ торговлѣ Якутовъ стали опять отступать на задній планъ, хотя бѣлка, эта наименьшая единица, все-таки еще по стоимости равнялась полтиннѣ.

О сумасбродствѣ, которое это обстоятельство возбуждало въ людяхъ, можно судить не только по сравнительно громаднымъ суммамъ, о которыхъ они говорили шутя, но и по тысячамъ, двумъ тысячамъ, тремъ тысячамъ рублей долгу, о которыхъ упоминалось вскользь, какъ о самой обыкновенной вещи (срав. стр. 740). Столь-же рѣдко являлось мнѣ неожиданно это сумасбродство съ другой стороны. Первый и притомъ громадный, глубоко вѣщаный въ болото, медвѣжьей слѣдъ, встрѣченный мною на Алданскомъ хребтѣ, поразилъ меня колодою картъ, которая тамъ, въ этой безлюдной пустынѣ, лежала въ немъ, какъ бы оправдывая этимъ преданіе о заколдованномъ старикѣ. Колоду эту потеряли профжакіе Якуты. Лентяйничанье, бездѣльничанье, кутежи и легкое

наживание денег посредством охоты и торговли, привели Якутовъ къ карточной игрѣ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я, возвратясь съ развѣдки къ привалу, услышалъ, какъ якутскій торговецъ, громко крича, жаловался на фальшивую игру моего козацкаго урядника: разспросивъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, я узналъ, что эти два молодца играли въ семерку (S'etteli), да еще не меньше, какъ по 5 руб. очко, такъ что въ нѣсколько часовъ проигрышь простирался почти до 200 руб.

Карточная игра завелась у Якутовъ въ прошломъ столѣтіи. Уже въ 1808 году (какъ я совершенно случайно узналъ изъ архивныхъ бумагъ) купецъ Стручковъ, въ числѣ другаго товара, отправилъ 25 дюжинокъ карточныхъ колодъ въ горы, на ярмарку на р. Учурѣ.

Въ одинъ приѣздъ проигрывали до 1000 рублей, что не удивительно, когда знаешь, что бостонъ, отъ полтины до рубля-вишь, считался очень невысокою игрою. Упомянутая же игра въ семерку (S'etteli) игралась по 10, 15, 25 и даже по 100 руб. карта. По этому образцу можно судить о страстности игры. Игра S'etteli, называемая также Kositdu^{ch}/_k (вмѣстѣ съ тѣмъ это доказываетъ, что игра обязана своимъ происхожденіемъ русскимъ наставникамъ), основана на томъ, что сдающій открываетъ седьмую карту, и она служитъ козыремъ. Непокрытыя карты накладываются ко вреду того, кто играетъ.

Были также въ ходу игры saetas (marriage) и biät¹).

Вожакъ моихъ оленей также при всякомъ малѣйшемъ поводѣ тотчасъ предлагали другъ другу биться объ закладъ и ставка у этихъ бѣдняковъ почти всегда была не меньше 10 рублей.

На мои увѣщанія мнѣ всегда возражали: «да чтоже такое? Хорошая охота на соболей, или пожалуй олень-панты, или чернобурая лисица, я и богатъ». Tout compte chez nous.

Когда я разсчитывалъ торговцамъ, какъ велики ихъ доходы и сколько тысячъ они должны бы были имѣть, то они соглашались съ этимъ, а все-таки оказывалось, что ничего не было сбережено. На кутежи и удовольствія уходилъ весь огромный барышъ отъ мѣховою торговли; даже Якутскимъ купцамъ она не приносила настоящей пользы, не смотря на почти 40,000 рублей, которые, по ихъ словамъ, Якуты и Тунгусы въ мое время имъ были должны. Побочныхъ расходовъ было также не мало, потому что прикащикъ, откровенно высказывавшійся, не только платилъ 55 руб. казенныхъ податей, но со включеніемъ этаго заплатилъ всего 220 рублей на благоотвореніе разныхъ чиновниковъ.

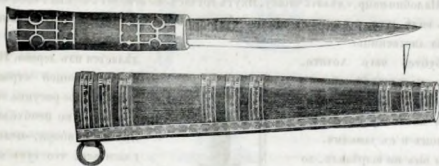
Если мы поклянемъ торговый районъ Якутовъ и заглавнемъ въ главный мѣста ихъ пребыванія, то мы поймемъ, что случай, который имъ представился, для развитія торговаго духа, имѣлъ на нихъ не благотворное, а деморализующее вліяніе.

Государству, имѣющему въ виду развитіе доставшійся ему безконечно обширный

¹) Игрныя карты (ojunlich kárty) обозначались отчасти названіями, взятыми съ русскаго, напр. bubna, tschiebŕŕ, отчасти чисто якутскими именованіями: abbiännaçh (сердцеобразные наконечники стрѣлъ, т. е. пикъ) и togrä

(поперечное, т. е. трефа), tojonŕ (король), chotunŕ (дамъ), klois (валета); очки, ^{ch}/_k aragä, считаются; только tús' клято прямо изъ русскаго языка.

Сибирскій край, должны быть особенно дороги свойства осядлага рода, задатки котораго также имѣются въ этомъ даровитомъ народѣ (срав. стр. 759 и 760). Эти-то свойства несомѣнно ставятъ Якута, умѣющаго справлять тяжелую и продолжительную работу, гораздо выше Еврея, съ которымъ у него, кромѣ торговаго духа и снѣсности къ торговлѣ, одинаковая степень ловкости въ рукодѣльныхъ работахъ, равно какъ наклонность и способность къ самымъ разнообразнымъ ремесламъ. Якуты хорошіе плотники и камен-

Якутскій ножъ.

тесы. За тѣмъ они дѣлаютъ не только упомянутыя выше рѣзныя, красиво убранныя серебромъ, металлическія наряды, какъ напр. поясы, серьги и т. д., но и топоры, рога-тины, ножи, серпы (Сѳотѳг), ножницы, трубки, огнива и т. д., которыя всѣ разукрашены узорами и свѣдѣтельствуютъ о мастерскомъ исполненіи.

Взглянемъ напр. на изображенный тутъ ножъ, который служитъ Якутамъ какъ для собственной надобности, такъ и для продажи Тунгусамъ. Это приборъ самаго обыкновеннаго употребленія и самаго простаго свойства. Рѣзныя мѣдныя полоски на пластинкахъ, служащихъ для большей крѣпости ноженъ и свинцовыя спайки, украшающія рукоятку, вмѣстѣ съ тѣмъ придерживающія въ ней клинокъ, ясно указываютъ намъ, каковъ мастеръ, который ихъ изготовляетъ. Но узнавъ, что желѣзо для клинковъ добывается изъ руды самымъ первобытнымъ образомъ тѣмъ-же самымъ Якутомъ¹⁾, что при этомъ два кожаныхъ мѣшка [для сбереженія масла] изъ которыхъ поочередно вышускается воздухъ²⁾, замѣняютъ раздувательный мѣхъ, и что весь приборъ столь-же простъ, чита-

¹⁾ Въ 1839 году въ одномъ Кангаласскомъ уездѣ насчитывалось 64 плотника, 90 кузнецовъ и 3 столара.

Руда добывалась въ двухъ округахъ (Nas'le'g'axh): Хачикатскомъ и первомъ Шемконскомъ. Въ Хачикатскомъ округѣ, на р. Ботанѣ, а именно въ урочищахъ: Дарылахъ, Шестаковскѣ и Кюртатѣ добывалось въ годъ 1400 пудовъ желѣза. Въ Шемкон-

скомъ округѣ, при рѣчкѣ Лютягѣ, добывалось до 190 пудовъ.

²⁾ Мѣшокъ для масла (S'mir) свивается изъ полудубленыхъ, конченыхъ кожъ. Широкое отверстіе его закрывается двумя нагнѣми въ родѣ поршнѣи. Соединивъ обѣ нагнѣ, переложивъ ихъ черезъ зрѣную паку и за тѣмъ связавъ ихъ, Якутъ получаетъ совершенно

тель навѣрно не преминетъ признать даровитость этого народа¹⁾. Это признание еще усилится, когда мы при ближайшемъ разсмотрѣніи узнаемъ, какъ показываетъ изображенный разрѣзъ клинка, что при изготовленіи этого клинка только одна плоскость его направляется подъ острымъ, другая же подъ прямымъ угломъ къ клинчному хребтику, на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Въ связи съ этой уловкой и при помощи изображенной на стр. 721 деревяшки, чрезвычайная гибкость, которую Якутъ умѣетъ придать клинку своего ножа, въ состояніи замѣнить ему множество разнообразныхъ инструментовъ. Надобно напр. сдѣлать чашку, Якутъ тотчасъ-же сгибаетъ ножикъ своей обѣ стволѣ дерева въ видѣ дуги, и съ руки, прежде чѣмъ успеешь оглянуться, вытачиваетъ чашку изъ дерева ливневницы.

Потребуйте, чего хотите, Якутъ все смастеритъ: чайнички ли, или болѣе сложныя самовары, или винтовку съ нарізаннымъ дуломъ и съ замкомъ.

Что бы онъ ни вырѣзалъ, во всемъ у него особый шикъ: будетъ ли это столь-же удобная, какъ простая, но все-таки красивая рыбная ложка (либировка), которую онъ дѣлаетъ для Русскаго, или большая ступка для толченія, которая также можетъ защемлена обими колѣнами, и придѣлывается къ ней ручку. Другой, живущій въ затопляемыхъ низменностяхъ, гдѣ нѣтъ шней, но есть много иль, осуществляетъ идею (см. фигуру сирава), возможную только на полюсѣ крайней стужи, гдѣ какъ разъ чело-вѣкъ этого живетъ. Силетенная изъ ввовыхъ прутьевъ корзина скрѣпляется сверху и снизу деревянными обручами, а промежутки замазываются тѣстомъ изъ глины и лошадиного помета. За тѣмъ вся штука эта, будучи нѣсколько разъ опущена въ воду, покрывается толстою, крѣпко пристающею, ледяною глазурью и вотъ готовъ стекловидный сосудъ, глазурь котораго, какъ только пожелаете, можетъ быть возобновлена.

Совершенно другую форму имѣетъ ступка для шохательнаго табаку, Melliere; но оригинальнѣе всего, кажется, придумана ея сонерница, которую изображаетъ послѣдній

Мувтовка (по якутски тукъ) и рыбная ложка.

дѣлается изъ дерева. Помѣстивъ на слѣдующей страницѣ рядомъ четыре рисунка этого столь простаго, но необходимаго для Якута, прибора, нельзя не согласиться, что тутъ не можетъ быть рѣчи о механической подражательности. Ведѣ проглядываетъ своеобразность. Одинъ, вырѣзалъ себѣ ступку изъ дерева, устраиваетъ ножку ея (см. рисунокъ съ лѣвой стороны) такъ, что она удобно можетъ

плотный мѣшокъ. Въ такомъ мѣшкѣ превосходно сохраняется якутское масло, которое отъ времени до времени осыпается холодною водою. Кроме того онъ такъ плотенъ, что достаточно вставить трубку, и поставить рядомъ два мѣшка и поочереднымъ выдвиганіемъ воздуха замѣнить раздувательный мѣхъ. При приподни-

маніи мѣшка отверстіе его немедленно широко раскрывается.

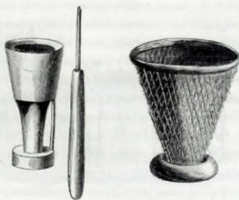
¹⁾ Моему байдару я сдѣлалъ также при помощи двухъ Якутовъ, имѣвшихъ случай разлѣзаться на таинскихъ судахъ въ былыхъ владѣніяхъ нашей Северо-Американской компаніи.

рисунок. Китовый позвонок выдолблен шарообразно. Так как стѣнки его, подобно отвердѣвшей губкѣ, по всемъ направлениямъ испещрены червообразно извивающимися трубчатыми ходами разнаго рода, то позвонокъ представляетъ шероховатую поверхность, напоминающую поверхность лучшихъ прирейнскихъ жернововъ, приготовляемыхъ изъ лавы. Главная польза отъ выбора такого, притомъ чрезвычайно легкаго на вѣсъ, позвонка, мнѣ стала понятна лишь послѣ долгаго знакомства съ нимъ, довольно забавнымъ образомъ.

При коммунистиче-

скихъ порядкахъ. Уменьшить достоинство послѣднихъ не могло даже то обстоятельство, что губчатость ступки, для устранения слишкомъ большой бережливости ея, была набита самыми сильными порціями золы, прежде чѣмъ дѣло доходило до растиранія табака.

Что Якутъ все еще не помышляетъ серьезно объ осѣдлости, это съ перваго же раза доказываетъ зимнее его жилище. Взглядъ на послѣднее, при нѣкоторомъ знакомствѣ

по якутск. Enég¹⁾.

по якут.: Melliere.

ступка изъ китоваго позвонка.

Ступки разнаго рода.

ческихъ порядкахъ, существующихъ среди первобытной природы, табачные запасы мало по маду совершенно истощались, такъ что страстные нюхальщики приходили въ отчаяніе. Тогда эта позвоночная ступка усердно должна была выручать ихъ изъ бѣды. Цѣлая педѣля сряду, во время ночныхъ приваловъ, ее слегка постукивал, ворочали надъ подставкою по всемъ возможнымъ направлениямъ, цѣлая педѣля сряду загадочно изогнутые меандрообразные ходы въ стѣнкѣ ступки снова выискали изъ себя при этихъ приемахъ нѣсколько по-

¹⁾ Ступка, изображенная съ правой стороны, называется также, говорить, К. П.

сть остальным бытом этого народа, должен возбуждать подозрение, что этот народ никогда прибывал сюда из областей южных стран, что онь когда-то

Зимнее жилище бѣднаго Якута.

жили въ кибиткахъ, но подь полюсомъ, вслѣдствіе сильнѣйшей стужи, бросилъ ихъ, и перенялъ у Тунгусовъ ихъ зимнее жилище, Утанъ, но не передѣлалъ

его, а удовольствовался только расширеніемъ его ¹⁾.

Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозку лѣса. Такой способъ постройки рассчитанъ на силы одиноко живущаго Тунгуса, у котораго нѣтъ ни лошадей, ни воловъ для подвозки бревенъ, и который помышляетъ о томъ, какъ бы ему при удобномъ случаѣ спокойно покинуть свое жилище.

Шесть отвѣсно вшущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклоненныхъ во внутрь, столбовъ, изъ которыхъ четыре по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ, составляютъ главный остои; лежащее поперекъ обонхъ срединныхъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собою свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы какъ можно плотнѣе одинъ къ другому и составляютъ стѣну; другіе, положенные сверху, образуютъ слегка покатыи потолокъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ роль крыши. Все это обмазывается смѣсью изъ глины и помета отъ лошадей да рогатаго скота, и обсыпается землей, зимою же прибѣгаютъ къ прекрасному материалу, снѣгу, для лучшаго удержанія тепла, предварительно покрывъ подстилку замерзающею водою поливою, съ тѣмъ, чтобы чрезъ нее не сочился тающій въ концѣ зимы снѣгъ.

Для вставки оконныхъ ледяныхъ глыбъ оставляютъ одно или нѣсколько отверстій, величиною не болѣе квадратнаго фута. Слѣду рѣдко встрѣчаешь, но при уменьшеніи холода, въ оконное отверстие вставляются, чрезвычайно практично, плотно сплетенная изъ конскихъ волосъ сѣтка; она употребляется въ теченіе лѣтней половины года, пропускаетъ воздухъ и удерживаетъ комаровъ. Дверь болѣею частью была также не болѣе двухъ футовъ въ квадратѣ. Столъ-же просто устроены каминъ, состоящій изъ стѣнки

¹⁾ На сѣверѣ они усвоили себѣ русскій блоглаузь. Справ. стр. 761.

отвѣсныхъ, но сверху нѣсколько отогнутыхъ назадъ, столбовъ, которые глиняною обмазкою, скрѣпленною посредствомъ вставленныхъ въ нее камней, предохраняются отъ возгорания. Такъ какъ передъ этой односторонней, лишь въ $2\frac{1}{2}$ фута ширины, но согнутой въ полутрубу, стѣной, которая наверху становится дымовою трубой, стоитъ глиняный въ футъ вышины ящикъ, на которомъ полѣнья ставятся отвѣсно къ стѣнѣ, то дерево горитъ превосходно и при оковѣвшихъ членахъ ничто на свѣтѣ не можетъ сравниться съ ярко пылающимъ огнемъ такого громко трещащаго, хорошо обставленнаго камня.

На южномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта встрѣчается даже примѣненіе взятаго у Гилляковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло. Это, какъ мы сказали, заимствованная задача, тогда какъ первоначально къ такому жилью принадлежитъ только холодный прилавокъ, для сна, идущій вдоль стѣны. Такой прилавокъ встрѣчается повсюду, вплоть до самаго глубокаго сѣвера и очевидно былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Не рѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60 градусовъ Цельсія. Когда привѣтаешь, то легкія задыхаешься отъ жары, а ноги забнутъ. Не рѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растанувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься потомъ. Пробуешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просекахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ же вась не защититъ уже никакая шуба, и только пылающій камень въ состояніи согрѣть оковѣвшіе члены.

Такія постройки я засталъ еще посреди проселеннаго села Амгинска, хотя для тамошнихъ русскихъ поселенцевъ, для священника и казаковъ были построены удобные русскіе блокгаузы. Напротивъ того, само собою разумѣется, что Якуты, у котораго есть скотъ, все болѣе и болѣе расширяетъ свое жилье, потому что рогатый скотъ, не привыкшій къ сѣверной землѣ, ему приходится приставать въ своемъ жильѣ, т. е. по нашему въ своей комнатѣ. Непривычнаго къ такимъ порядкамъ Европейца ночью часто будить возня животныхъ. Повсюду проносятся взрывы.

Передъ домомъ оставляютъ нѣсколько несрубленныхъ деревь, къ которымъ привязываютъ лошадей. Вскорѣ дерево засыхаетъ; его срубаютъ въ ростъ человѣческой и столбъ готовъ; часто впрочемъ къ нему придѣлываютъ рѣзную головку. Этимъ не ограничивается употребленіе деревь, на томъ мѣстѣ, гдѣ сооружается постройка. Внутри строенія встрѣчаются то столы на стволахъ, сидящихъ корнями еще въ землѣ, то колыбели, висяція между высокими обрубками и т. д. Возлѣ строенія весною возвышается высокий валъ изъ вывощеннаго помета.

Неравново уютіе бываетъ лѣтомъ въ просторныхъ, прохладныхъ и довольно красиво сдѣланныхъ изъ бересты шалашахъ (Uros'á), которыя сооружаются посреди при-

вѣтливой мѣстности, на хорошихъ пастбищахъ, владѣи отъ зимняго мѣстопребыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тщательно оберегать отъ пастьбы. Длинную выросшую траву животныя легко разгребаютъ подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна Якутъ заготовляютъ, какъ мы уже замѣтили, только для рогатаго и молодаго скота (срав. стр. 547).

Это упоминаніе объ Якутахъ, въ качествѣ скотоводовъ, — а такими этихъ первоначальныхъ пастуховъ стали дѣлать неблагоприятныя условія полярнаго климата — это упоминаніе, говорю я, приводитъ насъ къ естественному главному назначенію этого народа въ отношеніи къ государственному хозяйству Сибири. Возвращаясь снова къ прежнему сравненію его съ Евреями (см. стр. 773), мы приходимъ къ такимъ качествамъ Якутовъ, по которымъ они стоятъ несравненно выше Евреевъ и потому тѣмъ болѣе заслуживаютъ полнаго вниманія правительства.

При значительной инициативѣ и ассимиляціонной силѣ Якутовъ, о которой мы говорили уже выше (стр. 767), этотъ даровитый народъ обладаетъ такою необыкновенною способностью приравливаться къ естественнымъ условіямъ и къ обычаямъ другихъ странъ и другихъ народовъ, что въ этомъ отношеніи онъ составляетъ подлѣйшую противоположность къ неподвижному національному характеру Евреевъ, которые веждъ такъ долго остаются одними и тѣми-же. Среди первобытныхъ порядковъ тунгусскихъ или самоѣдскихъ, Якутъ въ самое короткое время становится Тунгусомъ или Самоѣдомъ, но не останавливается на этомъ превращеніи или не погрязаетъ въ немъ, а напротивъ вскорѣ въ этомъ новомъ своемъ качествѣ начинаетъ превосходить другихъ. Желѣзное, закаленное тѣло его позволяетъ ему браться за любую работу въ новой его обстановкѣ, а превосходство его изворотливаго, живаго ума вскорѣ возвышаетъ его надъ этой обстановкой. Мирно властвуя надъ противившимися ему, онъ въ скоромъ времени начинаетъ эксплуатировать ихъ. Являясь среди Русскихъ, онъ вскорѣ пріучается возвышаться до ихъ уровня; за тѣмъ, благодаря своему знанію людей и хитрости, быстро подмѣчаетъ ихъ слабости и тотчасъ-же ловко приравливается къ новымъ условіямъ. Какъ только онѣ попадаютъ подъ гнетъ чиновнаго взяточничества, такъ онъ съ замѣчательною быстротою осваивается со всею грязью оффиціальнаго бумажнаго прикрывательства и надувательства, знакомится съ тонкостями разныхъ формальностей и дѣловаго хода, эксплуатируетъ взяточничество и, подъ самолюбивымъ руководствомъ своихъ наследственнѣйшихъ соплеменнѣхъ во все это наставниковъ, становится однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ клуазниковъ и крочкотворовъ. Немало удивилъ я, когда Тунгусъ въ дѣбрѣхъ Становаго хребта сталъ спрашивать моего совѣта, хорошо ли составлена бережно припрятанная бумага, которую онъ предъявлялъ. Это было прошеніе, написанное для Тунгуса Якутомъ города Якутска среди глуши Амурскаго края, обращенное ни къ кому иному, какъ прямо къ министру государственныхъ имуществъ, въ лежащей за десять тысячъ верстъ столицѣ, и начинавшееся словами: «Съ тѣхъ поръ какъ Якуты имѣютъ счастье находиться подъ скипетромъ Русскаго» и т. д. Отсюда видно, что Якуты несправедливо под-

ведены подъ привнесенные къ дѣтскому состоянию особые законы, изданные для ко-
чующихся народовъ, а могли, и даже должны бы были подчинены общимъ узаконеніямъ
государства.

Упомянутыя нами способности поддерживаются такимъ терініемъ, что мы встрі-
чаемъ Якутовъ во главѣ какъ земледѣльцѣ, такъ и скотоводствѣ Сѣверной Сибири. Имъ
удалось даже пробраться за предѣлы успѣшнаго развитія этихъ двухъ отраслей промыш-
ленности, еще дальше къ сѣверу, и вездѣ дѣла ихъ идутъ хорошо.

Въ какомъ бы плохомъ видѣ ни находилось тамъ земледѣіе — въ отдѣлѣ «Расті-
тельность Сибири» (стр. 676, Прибавл. I, стр. III; Прибавл. II, стр. VII) мы изложили
это на сколько могли¹⁾ — не слѣдуетъ упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: во-пер-
выхъ, Якуты въ первобытныхъ, болѣе южныхъ мѣстахъ пребыванія своего едва-ли ко-
гда-либо воздѣлывали землю, а во вторыхъ, имъ приходится въ настоящее время дѣлать
опыты земледѣшества при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, подъ полюсомъ самой суро-
вой зимней стужи, въ ледяной почвѣ, промерзшей на значительную глубину и никогда
не оттаивающей. Будучи родомъ изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ даже первобыт-
ный человекъ долженъ былъ сдѣлаться для насъ образцомъ по части орошенія земли,
Якуты проявляютъ свое умѣіе приравливаясь къ обстоятельствамъ, тѣмъ, что здѣсь
напротивъ того, выпускаютъ воду изъ озеръ (см. напр. Растительность Сибири, При-
бавл. II, стр. VII; Прибавл. IV, стр. XXI, XXIII и т. д.).

Съ другой стороны Якуты-же, въ качествѣ пастуховъ, сѣмьліи распространили
лошадь до береговъ Ледовитаго океана, и притомъ на самомъ крайнемъ сѣверо-востокѣ
(стр. 535)²⁾, тогда какъ въ болѣе теплой Западной Сибири правительство лишь при по-
мощи жертвъ успѣло, не говоря водворить лошадь подъ полярнымъ кругомъ, а только
выдвинуть на столько въ качествѣ добытаго издалека упряжнаго животнаго.

И съ рогатымъ скотомъ Якуты являются на крайнемъ полярномъ предѣлѣ ското-
водства, а это имъ удалось только благодаря тому, что они мало по малу изъ пастуховъ
сдѣлались скотоводами³⁾. Сдѣлались же они скотоводами въ полномъ смыслѣ этого слова
съ тѣхъ поръ, какъ со скотомъ своимъ пробрались въ такія безпріютныя мѣстности, гдѣ

¹⁾ Въ мое время Якуты сѣяли въ воздѣланныхъ земляхъ
по 10 пуд. ячменя на десятину, а въ сажающіе годы
по 8 пудовъ. Одинъ изъ нихъ собралъ напр. въ 1842 году
съ 21 пуда посѣва 300 пудовъ, а въ 1843 году съ
8 пудовъ посѣва 100 пудовъ ячменя, не смотря на
множество саранчи (якут. ас'уида). За два года до моего
пріѣзда собрано было 20-е зерно, а три года раньше,
сѣлховальско около 1839 года, не удалось даже собрать
посѣва.

Въ Амгинской слободѣ въ мое время пазили рабо-
чечу по 23 руб. въ годъ; 10 руб. за зиму.

²⁾ О важномъ значеніи коневодства у Якутовъ нами
говорено на стр. 769.

Въ Верхоянскомъ округѣ въ 1850 году лошадь стоила
Миддендоръ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

только отъ 20 — 40 руб. асс.; въ Якутскѣ въ 1844 году
уже 35 — 40 руб.; въ Кангаласскомъ уездѣ, въ 1839 году,
лошадь, которая шла на убой, дѣлилась на пять частей
или «жестъ» и каждая жѣсто продавалась по 4 руб. сер.
Въ Айтаскомъ наслѣтѣ лошади стоила въ то время
15 руб. сер.

³⁾ Для сравненія съ мірами, сообщенными на стр. 552
въ прилѣченіи, поѣздку туть измѣренія тѣла якутской
короны на р. Билірь, въ Алданскихъ горахъ:

Высота у холки	53"
« « крестца	49"
Вся длина	78"
Отъ холки внизъ до груди, какъ разъ между передними ногами	33".

ним приходится заботиться о своевременном изготовлении как зимнего жилья, так и запасов сѣна на зиму, да еще по 100 пудовъ и даже болѣе на каждую скотину ¹⁾, при чемъ само собою разумеется, какъ это дѣлается во всей Сибири, за кося принимаются только тогда, когда трава доходитъ человѣку по крайней мѣрѣ до половины бедра.

Такъ какъ возка сѣна зимою по временамъ причиняетъ имъ много хлопотъ, то они предпочитаютъ устройство, сверхъ главнаго жилья своего, еще нѣсколькихъ другихъ шалашей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находятся самыя лучшіе запасы сѣна. Они перебираются туда съ своими скотомъ и стараются извернуться, какъ могутъ.

Не смотря на такія затрудненія, скотоводство ихъ довольно значительно ²⁾ и, кромѣ мяса, молоко и масло составляютъ весьма существенную часть ихъ пищи ³⁾ и сбыта.

Вслѣдствіе очевидныхъ выгодъ, доставляемыхъ скотоводствомъ, уже и въ мое время нѣкоторые Алданскіе Тунгусы начали сѣдовать хорошему примѣру и въ особенности на верховьяхъ Ман стали заниматься скотоводствомъ, такъ какъ хлѣбопашство въ Амгинскій доставило имъ по сносимымъ цѣнамъ необходимое для того количество зерноваго хлѣба. Но они не успѣли еще пройти школу горькихъ опытовъ, которую прошли Якуты, прежде чѣмъ научились совладать съ препятствіями. Мнѣ самому пришлось встрѣтить Тунгуса, которому удалось развести 30 штукъ рогатаго скота, пока весною, когда я проѣзжалъ, напоръ льда, закрудившаго Алданъ, внезапно не унесъ всего. Въ нѣсколько часовъ погибли плоды многихъ лѣтъ; разбогатѣвшій прогрессистъ вдругъ сдѣлался бѣднякомъ и нищимъ. Проложить путь прогрессу, благоденствовать пионеромъ, вовсе не такъ легко, какъ иному, можетъ быть, кажется.

Присоединимъ къ нашимъ замѣткамъ о скотоводствѣ Якутовъ, нѣсколько сообще-

¹⁾ По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ бывшимъ Якутскимъ губернаторомъ, другимъ мнѣмъ, тайнымъ совѣтникомъ докторомъ фонъ Штубендорфомъ, въ 1859 году косили сѣна въ населгѣ Сасмылѣ до 37 пудовъ, въ населгѣ Нгидей до 81 пуда, въ населгѣ Баагантай до 103 пудовъ на каждую скотину. Кромѣ того они изготовили запасы сѣна для жеребятъ, равно какъ и для лошадей, которыхъ рано въ году приходилось подготавливать къ дальнимъ транспортнымъ походамъ.

²⁾ Въ населгѣ Нгидей считали на семействѣ до 42, въ населгѣ Омекіоно-Богоронъ до 39, въ населгѣ Сасмылѣ по 19 штукъ рогатаго скота.

Быкъ цѣнился въ Верхоянскомъ округѣ въ 15—20, корова въ 15—16 руб. асс.; въ населгѣ Айтанъ штука цѣнялась въ 40 руб. сер., пудъ мяса въ 60—90 коп.

³⁾ При такихъ затруднительныхъ условіяхъ якутская корова свѣжодойная даетъ 3 и не болѣе 6 антеръ въ день. Доятся коровы только съ мая до октября и не далѣе ноября и весь удой можно считатьъ лучше всего потому, что бѣднѣйшіе Якуты Мегинскаго улуса принимаютъ дойныхъ коровъ отъ богатыхъ съ тѣмъ усло-

віемъ, что они обязываются во время погаса до 1-го октября внести хозяйну 30 фунтовъ масла и полбочки (Сhas'as'), т. е. 8—10 пудовъ простокваши (Tag). Самихъ себя они содержатъ на счетъ остающагося излишка, кормятъ ихъ и сверхъ того заготавливаютъ запасы на зиму.

Пудъ топленаго масла стоилъ у Якутовъ (Кангаласкаго и Мегинскаго улусовъ) отъ 3—4 руб.; пудъ такъ называемаго якутскаго масла, содержащаго много сырннхъ частей (Сhas'asch) 1½ руб.; полбочка простокваши 1½—2 руб.; антра молока (Bes'ten, т. е. 2½ фунта) 1½ коп.

Отъ кобылъ Якуты постояннымъ доениемъ добываютъ, смотря по обстоятельствамъ, столько-же молока, сколько отъ коровъ. Якуты ухитряли меня даже, что можно довести дѣло до ведра въ день. Но это достигается только частымъ доениемъ. Обыкновенно доятъ отъ 3 до 6 разъ въ день. Если здоровыя кобылы стоятъ въ жирномъ, спокойномъ, огороженномъ травяномъ мѣстѣ, то ихъ доятъ до 8 разъ въ день, и только вечеромъ допускаютъ жеребенка къ сосцамъ.

женій о ихъ способѣ пропитанія, и воздадимъ при этомъ случаѣ должное уваженіе тому неожиданному обстоятельству, что тотъ самый Якутъ, который не гнушается въ попортившагося мяса, ни самаго затхлаго творогу, ни невыносимо прогорклаго якутскаго масла, умѣетъ отличать самыя мелкіе оттѣнки разныхъ сортовъ чая. Во время нашихъ переходовъ Якутъ, гостившій у насъ, замѣтилъ: «этотъ чай хуже вчерашняго». Топографъ мой и я, мы ничего не замѣтили, но этотъ парень былъ правъ: оказалось, что вмѣсто пачки въ 7 руб. за фунтъ пачка была новая пачка по 6½ руб. При всемъ томъ они приготавлиють приправу изъ Eriobium'a, но употребляютъ ее только въ крайнемъ случаѣ¹⁾.

Количество годовыхъ припасовъ богатого якутскаго семейства заключается, по общеннымъ мнѣ свидѣніямъ, въ слѣдующемъ:

Фамильнаго чаю.....	20 до 30 фунтовъ
Бѣлаго сахара.....	40 » 80 »
Водки.....	5 (и болѣе) ведеръ
Конины.....	30 пудовъ и болѣе
Коровьяго мяса.....	20 до 30 пудовъ
Масла { топленаго.....	10 » 15 »
{ якутскаго.....	5 » 7 »
Творогу-простокваша...	25 пудовъ.

Сверхъ того еще уловъ рыбы, охотничья добыча и т. д.; рѣдко мука²⁾.

Въ бѣдныхъ же якутскихъ семействахъ мы уже находимъ меньшую степень раздолья, каковая не замѣчалась у коренныхъ жителей, разсмотрѣнныхъ нами прежде. Улучшеніе культурнаго быта, заставляющее заводить съ трудомъ запасы на зиму, приводитъ Якута изъ прежняго состоянія первобытныхъ коммунистическихъ порядковъ къ той роковой разницѣ въ удобствахъ образа жизни, которая постоянно встрѣчается на западѣ. Разсматривая образъ жизни бѣдныхъ якутскихъ семействъ, я вспомнилъ, что имъ, равно какъ Тунгусамъ и Самоѣдамъ, могли бы очень пригодиться пазинанскіе горшки, для лучшаго употребленія суррогатовъ муки, и остатковъ отъ закалываемыхъ

¹⁾ Вѣдѣліе употребленія чаю у Якутовъ конны въ честь разныя настои.

При непродолжительности моего пребыванія у нихъ мнѣ удалось замѣтить только, что настой изъ попортившагося (кавай) давалъ силъ, ослѣпляя, когда они смотрѣли ушко и казался больнымъ. Онъ же хорошо помогаетъ, говорить, человеку противъ тропическаго кашля. — Лусоробитъ же употреблялся только для вытравленія посуды.

Настой на травѣ, которая по тунгусамъ называется Тschukuktä, употребляется при ранахъ, опухлостяхъ

и ушибахъ. Настой медвѣжьей печени, заваренной на кипяткѣ, принимается противъ боли въ печени, равно какъ и медвѣжья желчь, а еще гораздо охотнѣе, желчь отъ дикой осы.

²⁾ Въ Кэнгазаскомъ уездѣ продаванъ пудъ ячменя по 40 коп., пудъ пшеницы по 1 руб. Смолотымъ это зерно продавалось 20-ю копейками дороже съ пуда, такъ какъ употребляются только ручными мельницами.

Пудъ медвѣжьей или таймена стонка отъ 1½ до 1¾ рубля.

животных, хотя при этом и так пропадает очень мало. Но даже в Европѣ эта полезная посуда еще не успѣла распространиться.

Соответственно тому, что сказано выше, добавочная ѣда богатого Якута становится главною пищею бѣдняка и такъ какъ даже богатъ рѣдко употребляетъ муку, то бѣдняку приходится довольствоваться суррогатами, которые ему представляютъ главнымъ образомъ сосновая кора, и сверхъ того разные дико-растущіе корни.

Сосновая кора употребляется двоякимъ образомъ: отчасти толченою на крупноподобныя крохи¹⁾ — Jögä —, отчасти въ видѣ муки²⁾ — Adyï —. Въ годъ бѣдное якутское семейство употребляетъ до 10 пудовъ крупы перваго рода и до 6 пудовъ муки изъ сосновой коры; сверхъ того еще необходимо нужны двѣ полубочки творогу-простокувши.

Пища изъ сосновой коры, которая совсѣмъ не дурна на вкусъ, готовится слѣдующимъ образомъ. Въ глиняный сосудъ, вмѣщающій въ себѣ около ведра воды, кладутъ 1½ фунта Jögä, ½ фунта Adyï, 3 фунта творогу, если возможно наливаютъ еще ½ фунта прѣснаго молока, а для сгущенія и лучшаго вкуса прибавляютъ 3 щепотки муки Undshulä³⁾, все это хорошенько перемѣшиваютъ и варятъ съ водой. Счастливыгь тотъ, кто можетъ подбавить муки, отъ которой кушанье становится вкуснымъ Vitugašomъ. Изъ коры лиственницы или, правильнѣе, изъ заболони этого дерева, также готовится мука, хотя и рѣже.]

Корки эти толкутся въ ступкахъ разнаго рода (стр. 779) и, замѣшивая ихъ, главнымъ образомъ нужно прилежно разбалтывать похлебку. По этому у Якутовъ встрѣчаются мучовки всѣхъ возможныхъ формъ; если онѣ сдѣланы изъ дощечки, то всегда просверливаются дырочки самымъ практичнымъ образомъ.

Вожатый нашего каравана и его помощники питались главнымъ образомъ мучною похлебкою. Неполную горсть сала на челоуѣрка распускали въ небольшомъ количествѣ воды, къ которому потомъ подмѣшивали добрую горсть муки, прибавляли опять воды и снова варили. Если къ этому удавалось добавлять валенное на морозѣ мясо, то оно придавало кашницѣ вкусъ, крѣпость и цвѣтъ.

Овощами и припосами служили: кислица (kislä), дикій лукъ и луковцы, которые назывались хриномъ. Русскія названія ихъ очевидно доказываютъ, что Якуты стали употреблять эти овощи лишь недавно.

Въ кашу эту подбавляли также ягоды разнаго рода.

¹⁾ Толкутъ ее въ большихъ ступкахъ, изображенныхъ на стр. 779. Эту крупу называютъ также, говорятъ, Кут-Ванпикъ.

²⁾ Для помола употребляются ручныя мельницы, на которыхъ въ день можно смолоть отъ 25 до 40 фунтовъ ячменя.

³⁾ Это растение называется также Kjöi as'a (озерная пища) и, судя по описанію, можетъ быть корневичекъ Nymphaea. Кроме этихъ корней Якуты называли еще другіе питательно-съѣдобные корни, какъ-то:

1) Ymujäch, 2) Bytä, 3) Makaarschin (вѣроятно известная макарша), которые они ѣдятъ и сырыми и вареными, но Makaarschin почти только какъ лекарство, противъ поноса; 4) Choŋin (вѣроятно саранъ); они любятъ варить его въ молокѣ, которое становится отъ того муцистымъ. Его выкапываютъ изъ мышиныхъ норъ. 5) Тулгусы рассказывали мнѣ еще о корнѣ Schenkikä, котораго Якуты не знали подъ этимъ названіемъ. Не есть ли это какой-нибудь видъ oxytropis?

Но апогеем всёх наслаждений языка и утробы является божественная пища саламатъ. Приготавливается она очень просто: въ котлѣ распускаютъ масло, по немногу подбавляютъ муки, постоянно мѣшая ее, все это порядкомъ жарятъ, и наконецъ, не переставая мѣшать, до тѣхъ поръ подбиваютъ кнптку, пока вся каша не получитъ двойнаго объема. Тогда чудесная пища эта готова. Но иногда мнѣ казалось, что людямъ этимъ чистое топленое масло нравилось все-таки еще больше; притомъ известно ¹⁾, что Якуты не прочь за одинъ присѣсть съѣсть съ пудъ топленаго масла. Саламату конечно

вряд-ли столько можно съѣсть. Видѣлъ я также Якутовъ, которые вдоволь наѣвшись саламату, клали остатокъ въ горячій чай, такъ что масло выдѣлялось, плавало сверху и за тѣмъ могло быть спущено съ усладительнымъ чаемъ, осаждала на днѣ муку, уже не умѣщавшуюся въ утробѣ.

Макоптовый гребень съ изображеніемъ празднества.

Обѣлъ, которымъ меня угостили богатый якутскій торговецъ, состоялъ изъ: 1) горшка густыхъ и желтыхъ вареныхъ сливокъ; 2) замороженныхъ сливокъ; 3) кусочковъ замороженнаго масла, составившихъ особое блюдо; 4) вареной рыбы; 5) масла, распущеннаго въ кипяткѣ; 6) глухара и оленьяго

языка; 7) коровьей почки и вымени, жареныхъ въ маслѣ; 8) саламатъ.

Такая роскошь, усиленная серебряными ложками и фарфоровою посудою, рѣдко контрастируетъ съ грязнымъ приготовленіемъ кушанья и съ окончательнымъ облизываніемъ (на манеръ усердныхъ собакъ) посуды, а въ особенности котла, въ которомъ потомъ исчезаетъ вся голова.

У другаго богатаго Якута дѣло происходило болѣе въ стилѣ первобытномъ: за рыбой сдѣлали оленья языки, за тѣмъ оленья губа, потомъ конина и наконецъ саламатъ.

О передаваемомъ Гмелинымъ обычаѣ якутскихъ отцовъ съѣдать, какъ лакомство, поглѣлъ собственнаго повороженнаго ребенка, уже не знали болѣе. Все-же Европейцу не могъ не быть прѣтивенъ способъ, какъ они убивали убойный скотъ: не смотря на строжайшее запрещеніе, объявленное именнымъ Высочайшимъ указомъ, и въ мое время животному заживо распарывали животъ, запускали въ него руку, хватали зоргу и скинали, да переворачивая ее, убивали животное. Говорили впрочемъ, что животныхъ иногда закалывали заостренной палкой, а иногда задумали посредствомъ притягиванія къ дереву, смотря по мѣстнымъ обычаямъ.

¹⁾ Ужѣ Эрманъ, Гейне (Expedition, III, 1837, стр. 33) и другіе говорятъ объ этомъ.

Так как лѣтнее время я провелъ опять среди Тунгусовъ, то мнѣ не удалось принять участіе въ извѣстныхъ якутскихъ празднествахъ и пирушкахъ, изображенныхъ на предыдущей страницѣ на барельефахъ художественнаго произведенія, сдѣланнаго Якутомъ изъ мамонтовой кости. Кромѣ любимыхъ въ Средней Азіи единоборствъ и скачекъ, эти празднества, поименныя ниже сообщенными хорowymi пѣснями, главнымъ образомъ сводятся на непомѣрное употребленіе кобыльаго молока. Кумысъ, который подносится въ изображенный, сцевѣ, распивается изъ огромныхъ, въ нѣсколько литровъ, кружекъ, красиво вырѣзанныхъ изъ лиственничнаго дерева. Такую кружку, подобно древнимъ рогамъ для питья, приходится осушать до дна, потому что ножка ея, которую скорѣе можно назвать ручкой, не служитъ кружкѣ твердой подставкой. Ручка обвязана имѣющимъ особое значеніе воло-

Кружка на пирахъ.

товара до сдѣланнаго изъ бересты поплавка для невода, всѣ такія приношенія богамъ угодны, но безъ лошадиного волоса, либо скрученнаго, либо привѣяннаго, какъ на изображенной тутъ кружкѣ, такъ и на полавкѣ на слѣдующей страницѣ, дѣло уже никакъ не можетъ обойтись ¹⁾. Если подъ рукою нѣтъ ничего болѣе подходящаго, то при-бѣгаютъ даже, какъ мнѣ случилось видѣть, къ изображенной на страницѣ 790-ой кисти, служащей какъ для сметанія пыли, такъ и для чистки лошадей, да къ защитѣ отъ укушеній насѣкомыхъ. Всякаго рода конскій волосъ сперва проводятъ по воздуху надъ огнемъ въ шалашѣ, бормоча при этомъ: «Печистота, выходи въ трубу» и этимъ очищаютъ, освятяютъ его.

¹⁾ Сарычеву (Шуген. I, стр. 27), равно какъ Хвостову и Давыдову (I, стр. 59) пришлось сватать тоже самое.

сами изъ лошадиной гривы, связанными въ пучокъ, и свидѣтельствующими о томъ, что кружка освята, потому что Якутъ повсюду считаетъ себя окруженнымъ духами.

Особенно это бываетъ тогда, когда Якутъ переправляется чрезъ гребень водораздѣльнаго хребта. Заблаговременно подумавъ объ этомъ событіи, Якутъ, кочующій съ сѣв. оленями, уже изъ дому запасся пучкомъ лошадиныхъ волосъ, которые отчасти сами по себѣ, будучи привязаны къ сучьямъ ближайшихъ къ перевалу деревьевъ, посвящаются духамъ и бѣсамъ, отчасти служатъ къ подвѣзыванію всевозможныхъ приношеній. Начиная съ дорогаго пушнаго

Безъ длинныхъ рѣчей впрочемъ также нельзя обойтись Якуту, когда онъ желаетъ, чтобы горные духи благоволили къ нему. Такъ какъ въ третьемъ томѣ иѣмцага издавнїа этого сочиненїа не помѣщены ни текстъ такихъ рѣчей, которая мнѣ довелось слышать, ни хоровая иѣсна при кумысовомъ праздникѣ, ни записанная мною сказка, то я хочу сообщить ихъ тутъ въ подробности.

Рѣчь, произнесенную помощникомъ моего жокаата, чистѣйшимъ Якутомъ, при переходѣ чрезъ водораздѣль, приведшемъ насъ черезъ крутой хребетъ, примѣрно въ 5000' вышины, отъ рѣчной области южнаго побережья Охотскаго моря въ область рѣки Амура, рѣчь эту я сперва долженъ передать тѣми же самыми словами, которыми я сообщилъ свѣжее впечатлѣнїе свое въ письменномъ мѣемъ путевоомъ донесенїи. Я замѣчу тутъ только, что поднимаясь по рѣчкѣ Кербї къ перховьямъ ея, мы въ то время собирались перейти на пути, продолженные Буреей.

Вотъ что сказано было стоящей въ кругу дорожной компанїи, приподнимаетъ къ небу горячїй саламатъ, это божественное лакомство Якутовъ; представьте себѣ брызжащее и трещащее въ огнѣ, какъ бы отвѣтъ призываемаго духа, обѣтное масло саламата, наконецъ вообразите себѣ, какъ потомъ, по окончанїи рѣчи, ложку, которою масло вливалось въ огонь, приподнимаютъ при постоянныхъ восклицанїяхъ и за тѣмъ бросаютъ вверхъ: она падаетъ, и въ видѣ счастливаго предзнаменованїа обращается къ небу вогнутою стороною, а за этимъ раздается громкое «уруй» (ура), и исклиный, восподобный, усердно поддержанный хоромъ, радостный крикъ оратора, который ставитъ ложку отвѣсно позади затылка.

Конскїе волосы на повязкѣ въ видѣ привомена.

въмоемъ донесенїи¹⁾: Представьте себѣ надъ нами голая вершина отвѣснаго Буренискаго хребта; ближайшею обстановкою ихъ дикїа ущелья, покрытыя частью хаотически разбросанными глыбами скалъ, частью огромными первобытными лѣсами; на первомъ планѣ нашихъ насущихся елв. оленей, жертвенное дерево, щедро украшенное привезенными издали волосами лошадиныхъ гривъ, и за тѣмъ, оратора, закутаннаго въ мѣха и обращеннаго къ долинь, Якута, произносящаго эту посвятельную рѣчь предъ нылающимъ огнемъ, и предъ нимъ другаго Якута, который, среди

¹⁾ Какъ въ Академическомъ Бюллетенѣ, такъ и въ заимствованной изъ него статьѣ въ *Beilage zur Kenntnis des Russ. Reiches*, IX, 2, 1855, стр. 634.

— Ты же¹⁾, престарѣлый духъ Чандай, не порази суставамъ хромотой, не напаяй на нашихъ шестнадцатиконцовыхъ, не моргай, не гляди сюда пристально сверкающимъ глазомъ — да умоляю языкъ твой.

Счастье и благополучіе на дороге!

Такую форму, въ которой я передалъ доселѣ посвятительную рѣчь помощника нашего вожатаго, она приняла въ путевомъ моемъ дневникѣ. Толмачемъ мнѣ служилъ самъ вожатый, также, какъ и тотъ, природный Якутъ, но съ малыхъ лѣтъ сиротой выросшій у священника въ Удскомъ острогѣ. При всемъ томъ онъ говорилъ по якутски несравненно лучше чѣмъ по русски. Такимъ образомъ было не столько трудно добиться смысла рѣчи, сколько слово за словомъ слѣдить за сказаннымъ и уяснить себѣ способъ выраженія.

По-этому становится понятнымъ, что мой почтенный другъ Бѣтлингъ, добывъ болѣе полный матеріалъ, не включилъ въ свой трудъ²⁾ ни одной рѣчи, ни одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя мною записаны. Не сдѣлалъ онъ этого «потому что часто связь была прервана, а иногда даже нельзя было добиться значенія словъ». Бѣтлингъ самъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «Это никого не должно удивлять, если принять въ соображеніе чрезвычайную трудность съ одной стороны записать быстро приготовленную рѣчь, а съ другой медленно повторить такую рѣчь тѣми-же словами, не путаясь самъ при этомъ и не теряя терпѣнія при этомъ занятіи. Рѣдкія, и, пожалуй, совершенно вышедшія изъ употребленія слова, которыя вѣроятно не всегда и воспроизведены совершенно правильно, также, можетъ быть, затруднили мнѣ пониманіе смысла».

Никто, надѣюсь я, не приметъ этого, весьма справедливаго, замѣчанія Бѣтлинга за желаніе выгородить меня, если вспомнить, что на мои лингвистическія занятія, къ которымъ я нѣсколько не былъ подготовленъ, мнѣ можно было уделить только небольшія частички времени и случая, отрываемая отъ главныхъ моихъ работъ. Почтенному читателю стоитъ только задаться задачей, при совершенномъ незнаніи англійскаго языка, записать за глотающимъ слова, необразованнымъ сыномъ Альбіона, то, что послѣдній успѣлъ сказать, особенно когда это дѣлалось въ возбужденномъ состояніи, или ядлось изъ устъ такъ, какъ школьники обыкновенно говорятъ отъ слова до слова вытверженные уроки. Такъ, не переводя духу, Якутъ мой говорилъ свои рѣчи. Уже въ вылу обыкновеннаго разговора, нѣкоторыя слова расплывались въ неясныя сокращенія, какъ напр. часто вставляемое *dög* (им. *djugög*, пріятель) — пожилымъ людямъ говорителю *ogop-pjög* — или выраженіе *birduk* (вмѣсто *bu kurdük*, въ этомъ направленіи), которое въ этомъ случаѣ совершенно совпадаетъ съ якутскимъ названіемъ муки. Не рѣдко, казалось мнѣ, слова не могли довольно быстро слѣдовать за полетомъ мысли, такъ что ораторъ позволялъ себѣ вольности, которыя затрудняли якутскимъ слушателямъ пониманіе сказаннаго.

¹⁾ За тѣмъ слѣдуетъ злой прощанье.

²⁾ Въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома ивменск. изд. этого сочиненія, стр. XLVII.

Миддендоръ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

Если мы обратим внимание на то, что фразы, записанные мною для узнания грамматических правил, Бётлингъ нашелъ вполне пригодными ¹⁾ и что изъ грамматическаго моего наброска онъ замечивалъ нѣсколько существенныхъ указаний, то есть нѣкоторая вѣрность, что и остальные мои тексты могутъ содержать годный материалъ, хотя некажущий тѣмъ, что нѣкоторыя слова слились, а другія не слышаны, какъ слѣдуетъ.

Особенную важность я придаю этнологическому значенію записаннаго мною текста и возвращаюсь къ нему тѣмъ болѣе, что очень часто, когда я начиналъ догадываться, что въ рѣчахъ, говорившихся по разнымъ случаямъ, то или другое выраженіе слишкомъ уклоняется отъ обыденной рѣчи, и за тѣмъ обращался съ распросами къ моимъ наставникамъ, послѣдніе мнѣ отвѣчали: «вѣдь это такъ слѣдуетъ; это именно такъ-то и прекрасно; это изстари такъ нужно». Притомъ такія рѣчи вовсе не были вполне понятны остальнымъ Якутамъ, и оратору потомъ часто предлагали разные вопросы, въ которыхъ пытлиное слово «ди»? играло главную роль.

Точно также я не могъ не замѣтить, что на распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и бѣсовъ, которые упоминались въ разговорѣ и названія которыхъ сопровождался каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны, объясняли, что такъ это было нѣкогда. Такимъ образомъ — въ этомъ я убѣждался постоянно — въ обычаяхъ и въ языкѣ Якутовъ было много стариннаго, пресмещеннаго, чего народъ уже въ точности не понималъ. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и передо мною являлись только обломки разваливъ давно забытаго ученія.

Это, конечно, все болѣе и болѣе уменьшало степень моего уваженія къ ораторскому таланту Якутовъ, такъ какъ многія составныя части ихъ замѣчательной способности къ импровизации очевидно сводились на хорошую память, на знаніе старинныхъ выраженій и формъ, на схематическія, бѣдные смысломъ, аллитераціи, на поэтическія вольности, основанныя на непрочномъ образованіи и на большомъ богатствѣ формъ. Дѣлаемая слушателями поправки и вставки, которыя я замѣтилъ, не позволяли сомнѣваться въ томъ, что основу рѣчи составляли изстари употреблявшіяся выраженія, между тѣмъ одобрительная улыбка свидѣтельствовала объ импровизованныхъ добавленіяхъ. Но тѣмъ болѣе кумысовый праздникъ Якутовъ (см. стр. 799), единственно имъ свойственный, отличается отъ всѣхъ обычаевъ Тунгусовъ, Самоѣдовъ и Остяковъ, тѣмъ болѣе хороше пѣніе ихъ напоминаетъ о подобныхъ обычаяхъ Киргизовъ, точно такъ какъ богатырскія сказки такого-же рода, какъ якутскія, поются у Киргизовъ и Татаръ южной Сибири, напр. у Минусинскихъ Татаръ ²⁾.

Такіе остатки прежнихъ понятій и порядковъ, остатки стариннаго быта, тѣмъ бо-

¹⁾ Немногія изъ нихъ онъ привелъ на стр. XXXVIII; остальныя помѣщены мною ниже вслѣдъ за сказками.

²⁾ Вѣстникъ Импер. Русск. Геогр. Общ. 1835 г. Кн. VI, стр. 187.

ле, казалось мнѣ, имѣли значенія въ этнографическомъ отношеніи, что со временемъ ближайшее знакомство съ народами Средней Азии все-таки можетъ намъ дать возможность вывести положительныя заключенія, которыя могутъ указать на первобытныя сношенія и мѣстопробыванія Якутовъ. Что они относятся къ чрезвычайно отдаленнымъ временамъ, это намъ показали изслѣдованія Бѣтлинга, несомнѣнно доказавшія, что между извѣстными до появленія его труда членами семейства тюрко-татарскихъ языковъ существуетъ значительно меньшая разница, чѣмъ между любымъ изъ этихъ членовъ и Якутскимъ языкомъ. Слѣдовательно Якуты первые отдѣлились отъ нераздѣленныхъ еще, по языку, тюрко-татарскихъ членовъ семейства, такъ что Бѣтлингъ считалъ бы удобнымъ семейство, распавшееся теперь на такое множество членовъ, обозначить названіемъ тюрко-якутскаго ¹⁾.

Тѣмъ болѣе я считаю себя вправе напечатать остатокъ моихъ якутскихъ матеріаловъ, который Бѣтлингомъ не былъ изданъ. Я считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это, такъ какъ самъ Бѣтлингъ ²⁾ заявилъ, что я въ этомъ томѣ буду подробнѣе говорить о происхожденіи Якутовъ. Правда, что планъ этотъ, задуманный въ молодые годы, навсегда разстроило протекшее между тѣмъ время: съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у Якутовъ, прошло тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ я ограничиваюсь добросовѣстнымъ изданіемъ содержанія веденнаго мною тогда дневника, изъ котораго и Бѣтлингъ считалъ полезнымъ напечатать образцы аллитерацій въ хоровомъ пѣніи ³⁾.

Считаю нужнымъ заявить тутъ-же, что по части якутскаго языка я ничего не знаю, слѣдовательно знаю меньше Эрмана, но при этомъ все-таки выражаю надежду, что слѣдующія строки не поставятъ меня на одну доску съ Эрманомъ, который, по словамъ Бѣтлинга, зналъ по этой части больше, чѣмъ ничего.

И такъ мысль, побуждающая меня напечатать нижеслѣдующее, та, что всякій отрывочекъ древняго и недревняго времени, который, можетъ быть, отыщется въ такой рѣчи или въ такой пѣсни, можетъ идти въ параллель несмѣшанной первобытной формы якутскаго черепа, которую я стараюсь выяснитъ ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи, полагаю я, лингвистамъ всякій отрывочекъ, какъ бы искаженъ онъ ни былъ, долженъ быть также дорогъ, какъ зоологамъ иное совершенно попорченное чучело, а палеонтологамъ какой-нибудь кусочекъ кости или раковины, какъ бы онъ ни былъ поврежденъ.

¹⁾ При всемъ томъ сходство всѣхъ этихъ членовъ между собою такъ велико, что и я, тридцать лѣтъ спустя, благодаря одному только посредству якутскаго языка, при чтеніи новѣйшихъ извѣстій о Туркестанѣ, могъ ориентироваться въ значеніи названій мѣстностей и другихъ именъ.

Уже старинъ Витсенъ (II, стр. 342) заявилъ, что «Якуты говорятъ на очень домашнемъ татарскомъ языкѣ. Сарычевъ подтвердилъ это самымъ положительнымъ образомъ, сообщивъ (Путеш. I, стр. 21), что сопрокожденный его Татаринъ говорилъ Якутскъ».

²⁾ См. именов. изд. этого сочиненія, т. III, отд. 2, стр. XXXVI.

³⁾ Тамъ-же, стр. 203. Писательство акад. Шенера, напечатанное въ декабрѣ 1874 года въ Бюллетенѣ Акад. Наукъ, стр. 210, показываетъ мнѣ, что мои тулунгскіе матеріалы, зависавшіе несравненно послѣднѣе, оказались пригодными не только прежде (см. выше стр. 621, примѣч.), но и въ послѣднее время.

⁴⁾ См. стр. 632 и 765.

Записываемыя слова я съ величайшею, сколько могъ, добросовѣстностью старался разслушивать у людей, которые ихъ произносили. Правда, что вѣдѣствіе появленія образцоваго труда Бѣтлингга, нижеслѣдующіе отрывки изъ моего дневника, записанныя до составленія моего грамматическаго эскиза, въ особенности же мои переводы, сдѣланы были какими-то чудовищами; при всемъ томъ я намѣренъ ихъ напечатать безъ всякаго измѣненія, опасаясь по недоразумѣнію испортить то, что можетъ пригодиться; специалисту нетрудно будетъ исправить что нужно.

Якутскія слова я передалъ въ моемъ дневникѣ посредствомъ смѣси русскихъ и латинскихъ буквъ, которую я не могъ удержать послѣ того, какъ Бѣтлингъ весьма своеобразно и основательно приспособилъ русскую азбуку для своей цѣли. По этому я передѣлалъ русскую часть буквъ моего дневника на латинскія, выразивъ *c* посредствомъ *s'*, *ж* посредствомъ *dsh*, *ы* посредствомъ *y* и т. д. Хотя я въ дневникѣ рядомъ съ русскими *ю* и *я* употреблялъ также *ii*, *jü*, *jä* и т. д., но я опасаясь, что отъ неудачнаго примѣненія упомянутыхъ двухъ буквъ кое-гдѣ могло произойти неправильное толкованіе произношенія.

При всемъ томъ я не думаю, чтобы этимъ способомъ можно было объяснить большую часть, не говоря уже всѣ различія, которыя Бѣтлингъ пытается разрѣшить такимъ образомъ¹⁾; полагаю, что этимъ не всегда можно объяснить и тѣ случаи, когда я согласную, являющуюся въ соединеніи съ мягкими гласными, принималъ за смягченную и посредствомъ прибавленія *j* означалъ, что она смягчена.

Произносимый въ носъ звукъ *j*, принятый Бѣтлинггомъ²⁾ и обозначенный имъ буквою *j*, не только означенъ мною то посредствомъ *nj*, то чрезъ одно *j*, но и несомнѣнно слышанъ мною такимъ различнымъ образомъ³⁾.

Ученый другъ мой позволить мнѣ высказать предположеніе, что въ его превосходномъ трудѣ якутскій языкъ легче поддавался подъ иго замѣчательно искусно открытой лингвистомъ законной правильности, чѣмъ это дѣлается въ первобытномъ дѣлу. Какъ строитель новаго зданія среди языка первобытной природы, онъ конечно не могъ не отнестись нѣсколько самодержавно къ правиламъ, которыя умъ его извлекъ изъ глубины необработаннаго языка. Охотно признавая въ якутскомъ языкѣ замѣчательное преобладаніе созвучія гласныхъ и отсутствіе диалектическихъ различій⁴⁾, я все-таки считалъ себя вправѣ обратить вниманіе на то, что гдѣ я въ разныхъ мѣстахъ одно и тоже слово записалъ различнымъ образомъ, я и слышалъ, должно быть, что его произносили различ-

¹⁾ См. иѣмецк. изд. т. III, 2, стр. XLVIII.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 100.

³⁾ Можетъ быть Бѣтлингъ и правъ, что не признаетъ *e* рядомъ съ *ä*, но я удержалъ обѣ буквы, чтобы осталась вѣрнѣе дневнику моему.

⁴⁾ См. тамъ-же, стр. III. Вѣроятно впрочемъ это

нельзя понимать такъ безусловно. Замѣчательна, правда, однородность, которую вообще сохранялъ якутскій языкъ, но смотря на чрезвычайно сильное раздѣленіе членовъ этого народа, на при всемъ томъ мнѣ рассказывали о различіяхъ, встрѣчающихся, говорятъ, при ближайшемъ сравненіи улусовъ между собою.

нымъ образомъ ¹⁾. Не говорю уже о столь свойственномъ первобытнымъ народамъ глухому колебанію произношенія, мы слышимъ, какъ это колебаніе различно расходится по разнымъ направленіямъ. Поразительнѣе всего въ якутскомъ языкѣ расходится такимъ образомъ колебаніе относительно *s'*; вмѣсто него часто является звукъ *h*, который развился лишь недавно ²⁾ и навѣрное станетъ подвигаться далѣе, а въ теченіи прошедшихъ съ того времени 30 лѣтъ безъ сомнѣнія уже и подвинулся впередъ. Это измѣненіе *s'* въ *h* также не составляетъ исключенія, а оказывается, если не ошибаюсь, преобладающей формой у Кангаласскихъ Якутовъ. Кромѣ того *h* не ограничивается однимъ этимъ образованіемъ изъ *s'*. Слово *угаһ* (далеко) перѣдко, казалось мнѣ, произносилось *угаһ*. Да и самое измѣненіе не останавливается на этомъ, а влечетъ за собою другія перемѣны: такъ напр. вмѣсто *буһасһ* (также *буһуја*, ножъ) одинъ изъ монхъ Якутовъ постоянно говорилъ *буһак*. Во многихъ случаяхъ *ch* легко превращается въ *k*; въ словѣ *угаһ* изъ *a* сдѣлалось *ä*.

Еще новѣе, чѣмъ *h*, долженъ быть звукъ *w*, который является между двумя гласными въ замѣнъ *b*, но и *m* да *g* ³⁾, и встрѣчался мнѣ только въ словахъ *Dawukyt* (название мѣстности); *térwēs*, кольцо; *diwŋj*, говорю я; *diwüt* (вм. *diller*), они говорятъ; *ata-w-ut*, *owonjör* (стр. 796) и *kowal*, значеніе котораго я уже не въ состоянн разобрать въ дневникѣ.

Относительно Бетлингова *ya*, которое мною передано очень различно, я ничего не умю сказать и потому ссылаюсь только на примѣчаніе къ стр. 108 въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома немецкаго изданія этого сочиненія. Въ доказательство того, что не только это *ya*, но даже *ŷ* и *ö* могутъ звучать различно, я замѣчу, что окончаніе *ügöt* записано у меня въ дневникѣ то ^u*get*, то ^u*göt*.

Отú malasynna, Освященіе привала.

Ebäm «Kerbi» Emäachšin, Buroja ebäm, Buroja emäachšin, $\frac{dab}{j}ol \frac{ä}{y}rd \frac{ä}{y}gör!$
Бабушка Керби старуха ⁴⁾ Бурея бабушка Бурея старуха благо сверху
köragas köbütan kinišer chorgotón ⁵⁾ turangyn $\frac{dab}{j}ol tabä tättar sörg \frac{ä}{y}rd \frac{ä}{y}gör$
тѣсно спрятанъ ⁶⁾ мы идемъ охраня етоя благо сѣв. очень держи благо сверху

¹⁾ За примѣрами дѣло не станеть, такъ какъ ихъ наберется чрезвычайно много при ближайшемъ сравненіи сообщенныхъ выше текстовъ. Здѣсь я укажу только на слѣдующія:

s'öš, произносилось это слово и такимъ образомъ, но отголоскѣе всего въ формѣ *s'uo* ^h*ä*, обыкновенно же только *s'öš*. Такъ у меня является *görok*; вмѣсто этого Бетлингъ читаетъ *duogad*. Вмѣсто *is'eller* говорилось также *ebeŋer* (они слѣдуютъ) и т. п.

²⁾ См. вѣвекъ, изд. т. III, 2, стр. 97, 139.

³⁾ См. тамъ-же, стр. 158.

⁴⁾ Въ обыкновенномъ разговорѣ часто слышимъ только: *Maachš'in*, хотя собственно слѣдуетъ *Emäachš'in*, моя жена. *Maachš'inä*, эта старуха, вѣжливо, при обращеніи къ ней.

⁵⁾ *Chorgotón maškä*, спрятался подъ деревомъ (напр. отъ дождя); *berd* или *berdkä chorgotónŋ*, спрячь меня хороненько.

⁶⁾ *Köböt*, отложи, сбереги; *köbütannerinä*, я берегу, улаживаю.

ütöönén ailán aš $\frac{a}{y}$ rd $\frac{a}{y}$ gör isägy to $\frac{b}{g}$ ús tutachtäch šuołgan-itschitā utschugojd $\frac{b}{y}$ k
 хорошо съ Богомъ явицу сверху выте девять отправления дорожно-горный духъ добродушно
 elmisj šorg $\frac{a}{y}$ rd $\frac{a}{y}$ gör baharān isigī äkytynān $\frac{a}{y}$ rd $\frac{a}{y}$ gör $\frac{dch}{j}$ ol butān $\frac{a}{y}$ rdöd šorg ubūng
 веда благо сверху ¹⁾ желаю вашишь именемъ сверху благо возвись благо
 $\frac{a}{y}$ rdöd baštynyn ²⁾ $\frac{b}{p}$ ara-t-ungör ortó Bait $\frac{a}{y}$ tschitā Bajanjāy ogonnjör kūöch
 возвись лучшимъ пару ²⁾ но ту сторону поленъ Баятъ- ⁴⁾ родъ Баяний- старикъ голубая
 šärsirdā, kūöch klannachtā ³⁾, karā šärsirdā ⁴⁾ karā klannäch ⁷⁾ arday
 утренняя заря прекрасный ³⁾ жѣхъ темная утренняя заря темный жѣхъ сѣроплатый
 ašyllachta yjān, kulū djorgono ⁵⁾-šotollöchto tošujōn kulū mās balagannäch
 кушней зѣбрь укажи дай высоковогий крушней зѣбрь встрѣчий дай деревяный балаганъ жѣвюшій
 ata-w-ŷt maŋgan, ata $\frac{w}{m}$ ytān antāk körōn külümkyñ bettächkör mitschikkyn
 копя пайденного ¹⁰⁾ свяго копя на бокъ взгляни, узибишь въ эту сторону, узибаеца,
 unğordeki to $\frac{b}{g}$ ús $\frac{ch}{k}$ ajā itschitā; chaŋgásdeki to $\frac{b}{g}$ ús $\frac{ch}{k}$ ajā itschitā űrā
 на право девять скалистныхъ горъ духи, на лѣво девять скалистныхъ горъ духи, радуѣса
 chalynğ kün dül $\frac{ö}{t}$ ym isjāechā aššatym āch $\frac{tsch}{x}$ jöch šannamāng šalamatymñān
 здравствуй дѣлаю угощать васъ кормлю ¹¹⁾довольно ¹²⁾ не думайте ничего ¹³⁾ саламатъ
 aš $\frac{s}{h}$ atym bū sónnor $\frac{ch}{a}$ ar $\frac{a}{y}$ rd $\frac{a}{y}$ gör utschugojdyk ällā s $\frac{c}{g}$ ryt Tschādaj o-ŷōnjör šüsüchta $\frac{hā}{gā}$
 явицу, этотъ повый сѣгъ сверху, счастливо возми ступай злой духъ ¹⁴⁾ старикъ, сугаши

¹⁾ Šorg или dšol urdugör bar, ступай съ счастьемъ, напутствие уходящему охотнику.

²⁾ Baš'lyn teğās', догони переднего. Teğās'tüm, я догояво. Teğās'j, догони. Teğēt bajāgo, однаково богатъ.

³⁾ В $\frac{b}{p}$ ара, пара, съ русскаго. Вѣроятно должно не такъ понимать.

⁴⁾ Bait, почти тоже самое, что Bajanjaj. Духъ богатства.
⁵⁾ Должно бы было произнести kulannachtā, но у проглыжалося.

⁶⁾ Утренне сумеря.

⁷⁾ Подъ этимъ названіемъ разумеется какъ медвѣжья шкура, такъ и вообще темный, следовательно самый дорогой жѣхъ.

⁸⁾ Въ первомъ значеніи: голубой и зеленый; во второмъ какъ въ текстѣ.

⁹⁾ Djorgoni, на высокихъ ногахъ. Сюда принадлежать сѣв. оленя, лося, кабарга. Медвѣда считаютъ уже животнымъ на короткихъ ногахъ.

¹⁰⁾ Найти потеряннаго копя считается особеннымъ знакомъ счастья.

¹¹⁾ Aš'ryt, а кормилъ; аš'ä, ѣмъ; s'ibin, я ѣмъ.

¹²⁾ Обращено къ бѣсамъ, чтобы они не требовали еще болѣе.

¹³⁾ Т. е. дурнаго. Не раздумывайте.

¹⁴⁾ Кромѣ Чадая, Якуты рассказывали мнѣ еще о бѣсахъ Ūtschikta и S'ubhika. Но оба не были, кажется, вероятно якутскими бѣсами, а перешли къ нимъ отъ Русскихъ; первый вѣроятно козловой бѣсъ, второй очевидно доловой, ссѣдка Русскихъ. Тщето я разсказывалъ про нечистую силу; мученій отъ долений домоваго (Ар) эти счастливые дѣти природы казалося, не знали.

büdüri tümä atar^{deh}_jäch muostächpyn aram^ä_y kylymannag^ö_y tsch^z-ip^{tsch}_zilytymä
спотматься кончи, изображено рога несущих не отгоняй, не моргай, не заколуй¹⁾

uottäch charäch ut^ö_ary körümä tyllahö atätimä etäng^ä_a ellä šyryt.
съ плавающими глазами, пристально²⁾ не гляди, языком³⁾ молчи; благополучно возьми ступай⁴⁾.

Вторая посвятельная рѣчь того-же Якута.

To^h_gus tutachtäch šuolga-n-itschitā⁵⁾ šyry čär šyrynāj⁶⁾ tyrg^ö_ynj,
Деять отправленіе дорожно-горный духи, пространный сѣтъ, внезапно являясь, быстрая

Šyrynaj-kys, Kurohatschi-šürük, Kuročaj-bärgenj, Šulkún-äktin
Сырнай дѣвушка Корохачи-бѣсъ-бистробѣгущій, Куроčaj-бѣсъ мѣтко подавающій, Сулкунъ разное (?)

alik Chändä asän šien⁷⁾ turung toittörbüt ^{dsh}_jöl ^ö_yrd^ö_ygör üräng kötön⁸⁾
бистрый Хаңда-бѣсъ вейте ѣдите стойте, чинювкамъ⁹⁾ благо сверху радостный полети

utschugojdyk tiecha ürachtabyt ^{dsh}_jöl uingör utschugojdyk eljajsj¹⁰⁾. Baj
благополучно прибыть¹¹⁾ къ царю благо по ту сторону благополучно веди. Богатый

Barylläch -ogonjör kiäng¹²⁾ marban^y kiäptä usün tišigi tolorón buor
Бариллахъ старикъ, широкій мѣшокъ наполюи, длинную веревку¹³⁾ наполювную¹⁴⁾ гниво-

dshielläch borong¹⁵⁾ ata-w-utyng.
домовладѣлецъ гнѣдаго коня подарилъ.

¹⁾ Посредствомъ глазу.

²⁾ Прямо.

³⁾ Tyllach kis'i, разговорчивый человекъ.

⁴⁾ Переведено также: «сохрани въ память».

⁵⁾ Есть Kajä itschitā, горные духи; Ū-itschitā, водяные духи; Mas' itschitā, древесные духи; S'ir-itschitā, земляные духи; Balagan-itschitā, домовые и т. д. Срв. примѣч. 14-е на стр. 796.

⁶⁾ На превосходную аллитерацию эту обратили мое вниманіе.

⁷⁾ S'ibin, я ѣмъ плотную пишу. As'annerebin, я ѣмъ жидкую пишу или кашу.

⁸⁾ Kotör kötön, птица летитъ. Kötön, я лечу.

⁹⁾ Этихъ разумѣли насъ.

¹⁰⁾ Elahhebin elias'abin, я веду. Eljabarom, я буду вести. Eljaatim, я хотѣлъ бы вести. Elja elais, да уведетъ, да уведетъ.

¹¹⁾ Tidim, я прибылаю. Tibit, оныя прибыла. Tiebun, я прибылау.

¹²⁾ Kiäng'annerebin, я изагаиваю (сѣваю собою шкуру на подставку).

¹³⁾ На которую навязываютъ связку соболей.

¹⁴⁾ Tolorobun, я укладываю. Tolör, укладываемый. Tolo, полевой, напр. Toion, большіе, сильные люди, костясты лошади.

¹⁵⁾ На предель этой аллитерации обратили мое вниманіе, также какъ и на другую къ mä' balagannälach — шибган. Якутамъ казалось, что эти мѣста особенно хороши.

Третья посвятельная рѣчь (произнесенная въ верховьяхъ Лахарытты).

Lacharyt^ā ebām! ah^yš iläch, ah^yš šagaläch ān-dojudu ašynán
Лахарыт^а бабушка восьми-рукая, восемь воротомъ послаяя, свободное мѣсто, проходил мимо
turung ašynächyd bollagná t^hkaljō^{ch}_k tjöp tüera^{ch}_k olór
столныи ми, скажитесь надъ нами да сонзволнши, согласно судьбѣ порядкомъ ложка ¹⁾, погоди
ašynächyd šuooh buollagna tūngnāhin.
скажитесь если вѣтъ, пусть она упадетъ на голову ²⁾.

Рѣчь при подбрасываніи ложки (въ другой разъ).

Toljköljōch tjōpt tjōrächpyn urong kulu kötjōgōn šyljām
Судьбы опредѣленіе порядкомъ ³⁾ брошенное уложи ⁴⁾ дай быть поднятымъ ⁵⁾ и войду ⁶⁾
kurdūk Aillach altán, tjōrächpín šūkōjdān šyljachpyn argšpar
такъ съ Богомъ ⁷⁾ золотой брошенные ⁸⁾ на плечо поднятие ⁹⁾ ми будемъ ѣхать на загилокъ ¹⁰⁾
urong kulung. Uruj.
кладешь ¹¹⁾ дайте мнѣ. Ура.

¹⁾ При этомъ ложку подбрасывали вверхъ.

²⁾ Т. е. выпуклою стороною вверхъ.

³⁾ Пусть ложка упадетъ порядкомъ, т. е. вогнутою стороною вверхъ.

⁴⁾ Urom, я приподнимаю, напр. тяжелую ношу другому на плечо.

⁵⁾ Kötjōgonnerabin, я поднимаю; kötjōgonhin, я поднимаю; kötjōch, подними.

⁶⁾ Min s'yljaibin, s'ildjannerabin, я иду, странствую. S'ildjabatach s'irim, s'iriŋ, s'ira; мѣсто гдѣ я, ты, онъ прежде не былъ. S'ildjabyt s'irim, мѣсто, по которому я ходилъ (известное); s'ildjabát, онъ не странствуетъ; s'ildjatōgot mišcha, пощайте меня.

⁷⁾ Ai, создатель, въ качествѣ языческаго бога, видному противопоставляется аналогическому христіанскому небесному богу, Iaiŋaga.

⁸⁾ Tjōrächtānnerabin, брось счастливымъ жребіемъ. Tjōrächta, кинь, на счастье.

⁹⁾ Š'uk, подними на плечо, отъ слова s'ūkōjdōbin.

¹⁰⁾ Такъ говорится подобнымъ-же образомъ: s'ut per, лезь на синю.

¹¹⁾ Urobūn, я кладу; ān urong, ты кладешь; kini urogā, онъ кладетъ; bis'igi urobyt, мы кладемъ; is'igi urogyt, вы кладете; kinilér urallár, они кладутъ; kinilér urdullár, они клали; urbytyt, я кладу; ūr, клали.

Yšach Töguljú¹⁾ или хороводная хоровая пѣсня, которая поется особенно въ кумысовый праздникъ.

Первая пѣсня.

Eägy tšhjédu tšhjäl burán tšhjäl gök šanga dšhil šalalyñná útoö dšhil
Эй! ну! сочный лугъ, сочная зелень²⁾, новый годъ³⁾ вернулся⁴⁾, хороній годъ
ongojödö unär kunjäs ojnjutä kütäng kunjäs
глядятъ на пастъ, марево солнечнымъ тенью⁵⁾ уснилось, дрожавіе воздуха⁶⁾ солнечнымъ тенью,
šiarej šebirdäk šillegilätä mutö^{ch}_k sch^{sch}_{s'}olkö mü^{tšch}_zjuktä munitätä
срый⁶⁾ древесный листъ распустился, кисть шелковая⁷⁾ почка совсемъ раскрылась,
tomtör šir torolojdä bättiämä bergätä kyrdäl šir otö
кругловатая⁸⁾ травяная кочка выросла, хвощъ подростъ, продолговатого травяного мѣста трава
kyttystä ergä dšhil epk^ö_yčä modún dšhil bochtötö kür bös kötöglüñnä
переросла; старый годъ ушелъ⁹⁾, холодный годъ остался¹⁰⁾, множество льда¹¹⁾ поднято,
kürdshu^{ch}_k čär kötörlüñnä kara muš č^{ch}_k ammaridä; čalka^h_sä
сгребанный въ сторону снѣгъ развалился, черный ледъ на куски разломался, растаявшій ледъ
buolla čajdannä ky^h_{s'}yī muš kyrbaštannä kydšhimäk buolla kyjdannä
увлеченъ, красный ледъ на кусочки распался, разваливавшійся нгами ледъ увнесенъ,
kotöl-šir¹²⁾ č^{ch}_kojunnä otö ojnür o^{tšch}_zerät¹³⁾ kotörlürj kelienä¹⁴⁾ ulán ujguta
нижнее мѣсто густо поросло травой. Играть очередь, играть часть, сѣрко доится

¹⁾ Yšach yš'ägy kuyulär, кумысовый праздникъ пѣть собираются они. Въ другой разъ похоже было на Is'ach is'ägy (is'ächcha).

²⁾ Съ такимъ совершенно латинскимъ произношеніемъ оно заступило мѣсто, говорить, обыкновеннаго твердаго kioš.

³⁾ Весна. Годъ называется у Якутовъ съ весны. Около Троицы, т. е. какъ скоро соберется, называется кумысовый праздникъ.

⁴⁾ Содержитъ, кажется, понятіе о возвращеніи.

⁵⁾ Какъ звѣкъ сильного солнечнаго тепла.

⁶⁾ Вѣсто съ русскаго, какъ поэтической зигаетъ.

⁷⁾ Вѣсто съ русскаго (мотокъ шелку).

⁸⁾ Выше burán означалъ большой лугъ на сухомъ мѣстѣ, а tomtör šir относится къ сырому мѣсту, также Младендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

какъ и слово kyrdäl-šir, означющее впрочемъ продолговатую кочку.

⁹⁾ Обыкновенно употребляется глаголъ is'tyn, а прокому миво: ergä dšhil is'ta.

¹⁰⁾ Вѣсто bochtötö, встрѣчающагося, можетъ быть, только въ пѣснѣ, употребляется, кажется, tochtötö; такъ напр. lymu, холодъ, или вѣтеръ tochtötö. Tochtobun, я останавливаюсь; tochtö, остановился; tochtotum, я остановился.

¹¹⁾ Muš' чаще употребляется. Вис' поэтическая е-рма.

¹²⁾ Углубленіе, стокъ. Можетъ быть, заимствовано изъ русскаго (котель, котловина).

¹³⁾ Вѣсто съ русскаго (очередь).

¹⁴⁾ Не смотри на мои возраженія, голышъ мой оставался при томъ, что это слово также взято съ русскаго;

kārā	kāsītā	šamāl	kymys̄	ūšchurdulaach	mongoldje	ūšj-
сараска	одаризъ ¹⁾	запасной ²⁾	кумыс̄,	трижды подлетенный ³⁾	берестовый шалашъ,	трижды
dulgalāch	tūōrdon	tūgachtāch	otūt	tohonān	ortolōch	
подертый,	съ сорока	нижними	свертками	кори,	съ тридцатью	средними
свертками	кори,	šūrbā	tōbōlōch	uon	uralāch	ūšj
съ двадцатью	верхними	свертками	бересты,	съ десятью	самыми	верхними
свертками	бересты,	ūlūsjtāch	$\frac{dsh}{j}$ ārāk ^ā nnāch	djiellāch	djergalāch	djāptalāch,
дымовыми	отверстиями ⁴⁾ ,	изъ	пестрой	бересты	дверь,	полосато
спинтал,	въ пѣсковую	слоевъ	спинтал,	ūšnordāch	oronnōch	erēn
съ узорами ⁵⁾	съ лежанками ⁶⁾	вѣстро	обившавшая ⁷⁾	съ ножкой	большой	кумысовый
сосудъ ⁸⁾	tardān	ās	telgān	bār	dshon	āssātān
аргас̄	tshetschi-	postavlen̄,	бѣлая	лошадиная	шкура	разложена,
собранная	тогда	корнися,	желто-зеленая	березки ⁹⁾	rin	anjān
anjā ^{ch} _k	tutān	$\frac{tsh}{x}$ jurōn	tohujān	posajeni	вокругъ,	праздничные
кубки ¹⁰⁾	приподнимаются,	праздничныя	кружки	держатся	вверхъ ¹¹⁾	belkāj
tutān	tō ^h ūš ^g	kulohulāch	šālātīn	tirān	tuorāch	belkāj
кубочки	приподнимаются,	девяносто ¹²⁾	клинцукъ	на веревкѣ ¹³⁾	натянуто,	подобно
еловымъ	шишкамъ,					

должно тутъ разумѣть, говорилъ онъ, слово кожно въ смыслѣ: отъѣла кумысальнаго произведенія.

¹⁾ Т. е. ошеремблас.

²⁾ Кумыс̄ обыкновенно кидается въ маленькихъ сосудахъ и изъ нихъ вылавливается въ большой сборной сосудъ; когда въ немъ, по немногу, наберется порядочный запасъ, то его называютъ s'amāl kumys̄.

³⁾ По устройствѣ конусообразно поставленныхъ стоекъ лѣтняго шалаша, ихъ связываютъ между собою тремя поперечными радами прутьевъ, изображающихъ строила крыши. Эту плетенку обгиваютъ берестовыми свертками.

⁴⁾ Такъ какъ устройство остова берестового шалаша начинается съ установкѣ трехъ самыхъ длинныхъ стоекъ, то дымовое отверстіе считается состоящимъ изъ трехъ частей. Ūlūšj, дымовое отверстие.

⁵⁾ Можетъ быть взято съ русскаго (узоръ); или не зашло-ли первоначально это слово изъ татарскаго языка въ русскій?

⁶⁾ Служать для снанья.

⁷⁾ Надъ лежанками провѣдетъ отъ одной стойки къ другой ремень, на которыхъ висятъ занавѣски.

⁸⁾ Онъ сдѣланъ также изъ бересты, равно какъ и большой сосудъ для s'amāl-kumys̄'a, имѣющій, говорятъ, до 2½ футовъ въ поперечникѣ, и до 4 фут. глубины. Кора сшивается тонкими шнурочкѣ, который скручивается изъ лошадиныхъ волосъ. Шны завязываются особую завязкою, которая готовится такъ: бересты, что мелко распеленные слои самыхъ внутреннихъ частей бересты, съ примѣсью шмотаны, сильно надрезаются въ глиняномъ горшкѣ, крышкѣ котораго, замазанная глиной, плотно прилагивается къ нему.

⁹⁾ Какъ у насъ въ Троицкѣ дома украшаютъ березками, такъ у Якутовъ украшаютъ кумысовый сосудъ.

¹⁰⁾ Такой кубокъ изображенъ на стр. 788.

¹¹⁾ Говорится такъ только объ этомъ кубкѣ.

¹²⁾ Uon (десять), которое должно бы сдѣлать за to-ūs', подразумѣвается.

¹³⁾ Веревка натягивается между двумя деревьями; къ ней привязываются канавы, которыми прикрѣпляются жеребята.

kolunūn tutān kjōguōrūn olordōn ¹⁾ kōgōljjōr biātin ütūn kōnjōron
жебечки (на этомъ) держатся, кожаный чанъ поставленъ, стрѣла какъ сталь кобыла донса, закапшено,
kōmiolān kōmjōlj ütunān ūötūnān ōngoron ysō^{ch}_k tutān
раземналось на комочки, разбавлено водою, съ молокомъ приготовлено, посылая они держать ²⁾,
bar^{dsb}_j onnūn a^h_satān širihit šietihān šiellā^{ch}_k
вся толпа народа кормится, большие кожаные чаны ³⁾ стоятъ рядомъ, большой праздничный кубокъ ⁴⁾,
anjahyn ajgā tutān zjorohonūn tangarā tohujān kāhā
большую кружку къ небу держать они, кубочекъ къ Богу они приподнимаютъ вверхъ; кукушка
k^gākšietā ōtōn ūōtā toion tšchorgujdā kurhatsché kujardā kūrūhōj kōl^{tšch}_xujdā,
зоветь, горлица воркуетъ, орелъ крахтитъ, маленькая ржавка ⁵⁾ свищетъ, жаворонокъ дѣлаетъ трели,
dālbaraj dajdā turujā njondojdō chās kanylastā kyataly kyttystā,
птица изъ гнѣзда взлетаетъ, журавль идетъ шагомъ анста, гусь тянется веревочей, ансть сходитъ,
erién chotohōjdōch ārgyjdā dabydallāch šalalyñnā chōlboj kuor^s_{sch}un-
нестроперые ⁶⁾, окрыленные возвратились, предвѣщественные ⁷⁾ вернулись, стан перестопо-
nāch cholbōstō ūrjbā-kōgullāch ūrdūstā ōngōtschō kuturuktach orohōstō
цевъ ⁸⁾ собрались, стадо чубоногихъ ⁹⁾ стоитъ въ кучѣ, судя ¹⁰⁾, хвостатые идутъ вмѣстѣ,
šiellā^{ch}_k šyllamnātā šibiktā h^h_sirdāch u^{tšch}_xōr-chonnūjalāch omnon ottōch
группистые ¹¹⁾ грядутся на солнцѣ ¹²⁾, мѣста хвощевид, кочко-болотное пастбище ¹³⁾, хвощевид лужайка,

¹⁾ Олор, садъ.

²⁾ Передъ Ялою, саламатъ въ котлѣ и кумысъ въ кружку, которую берутъ за ножку (срав. рисун. на стр. 787—8), посылая держать вверхъ къ небу (tutān) и произносить посылательную рѣчь (ajgōn). Три отборныхъ здоровыхъ и чистыхъ паря слезаетъ одинъ за другимъ, всѣ лицомъ на востокъ: передній держитъ кружку (anjach), второй кубокъ (tšchjōron), послѣдній кубочекъ (Velkaj); у всѣхъ этихъ сосудовъ впрочемъ одинаковая форма.

³⁾ Такой чанъ содержитъ около 350 литръ; онъ гораздо больше упомянутого прежде kjōguōrūn и украшенъ парисованными изъ вышитыми фигурками.

⁴⁾ Ножка его обита шлейфомъ изъ лошадиныхъ волосъ; ее берутъ обѣими руками и все-таки онъ, по возможности, долженъ быть такъ великъ, что приходится

растянуть руки, чтобы пылой губами могъ дотронуться до края. Онъ содержитъ въ себѣ около 11 литръ.

⁵⁾ Numenius phaeopus.

⁶⁾ Перелетныя птицы.

⁷⁾ Кости, на которыхъ держатся маховые перья.

⁸⁾ Кости, на которыхъ держатся маховые перья передней части крыла.

⁹⁾ Якуты весною стригутъ кобыламъ гривы, оставляя только чубъ, влоки аба.

¹⁰⁾ Подобно людямъ имѣющимъ сады руалъ.

¹¹⁾ S'yūaj s'iolūg'ōr = животные съ гривой.

¹²⁾ Божомъ, какъ широкой стороной, обращенная къ солнцу.

¹³⁾ Рядѣй лѣсъ, на верховой, скланстой, покрытой мхомъ, почвѣ, на которой такъ любитъ расти известный хвощъ сибиктъ.

šigulläch šäbeläs maštäch   bolboktó tumulläch   charjá   chaljaläch   ogoruó
 болотно-приборное дерево ¹⁾ кустарно-кедровое предгорье, еловая   утренняя сторона ²⁾ бусисто-
 tschajdäch   burdúk kummaktäch   örüşj ebäm   chonnutugār   ojnur-ozäräk
 хрящевой берег, мучное песчаное дно,   на рѣкѣ-бабушкѣ, на свободномъ мѣстѣ играть очередь,
 etér ibirät šangarár tschästyjä   bárt^ó_y   bahardä^{ch}_k   kurúng työ go-
 болтать пора, калкать часть настала ³⁾, густой лѣсъ базарное мѣсто ⁴⁾ пожарный лѣсъ го-
 rodtäch   uläch   oluksälläch   dulgä toionnóch   kirgfl   knjästäch tschärda
 родъ, подобно водамъ узницъ ⁵⁾, высокоствольные чиновники, черный дятель клялекъ, дроздъ ⁶⁾
 sch³_s arschinnaläch ⁷⁾ kukak^ó_y   kuluballäch ⁸⁾ ebän-šabän   átán   ihin šallyj imäng
 старшина,   ронжа   голова,   постарайтесь, говорите ⁹⁾, идите, не уставляйте,
 šangaran ihin   edärdä   ergiting   šonnunnä šol-bujung   kyr^{dsh}_j ägä^h_sy   kytuty-
 пойте, кружитесь, молодой народъ, кружитесь, свѣжаго заплыву, слабые и старые осторони-
 nan ongonjorü   ungonunän   emäachšinö   injännan   arba^h_g ästahy anarannän
 тесь, старики станьте по ту сторону, старушки ступайте туда, пошленно-одѣтые оставайтесь
 ederä   ergiting   kuhaktagy   kuottarnäng   üstannagy ¹⁰⁾   yty-
 на той сторонѣ, молодой народъ кружитесь, кущачиковъ ¹¹⁾ не распускайте, штанишковъ   не рас-
 mäng   selle^{tsch}_z iktagy ¹²⁾   šityng   šjörtiktagy ^ó_y ¹³⁾   töllörötümäng   altystagy ¹⁴⁾   chany-
 пускайте, жилетниковъ   тащите назадъ, вы сердучники   не расходите, вы галстучники сойд-
 lāng kiljbiennagy ^ó_y   ki^{tsch}_z aing   kildäg^ó_y   kjergenyng   tolbonnogü   turutung   tordochtogü
 тесь, вы щеголи ¹⁵⁾ держитесь вѣрнко, грязные наряжайтесь, разодѣвшіеся оставайтесь, обносившіеся

¹⁾ Кустарникъ съ очень твердымъ деревомъ, которое употребляется на шополы и кнутовища.

²⁾ Кулі же называется вечерняя сторона лѣса, горы, рѣки и т. д., т. е. та сторона, которая освѣщается вечернимъ солнцемъ.

³⁾ Взято съ русскаго.

⁴⁾ Тамъ собираются птицы, какъ на базарѣ люди. Вся слѣдующая картина описываетъ лѣсную сцену.

⁵⁾ Съ русскаго (улица).

⁶⁾ Вмѣсто однозначнаго tschartschingör.

⁷⁾ Взято съ русскаго.

⁸⁾ Съ русскаго. Обыкновенно, говорили мѣл, соединяють слова kukáko kojastach, потому что у ронжи, какъ у важничюшаго князика, на ходу трясется задъ.

⁹⁾ Т. е. пойте хорошую пѣсню къ пляскѣ.

¹⁰⁾ Съ русскаго.

¹¹⁾ Съ русскаго.

¹²⁾ Съ русскаго.

¹³⁾ Съ русскаго.

¹⁴⁾ Съ русскаго.

¹⁵⁾ Тутъ подразумеваются въ особенности женщины.

tutumang, kamnalagý $\overset{ch}{k}$ annyláng $\overset{ch}{k}$ agedagých $\overset{ch}{k}$ araimang $\overset{ch}{k}$ sinjelägý
 не держите, кисейно-одытые ¹⁾ становитесь попарно, лохмотно-потертых оставляйте ²⁾, носящих
 шим, вышитые гривой сив. оленя, ведите, глэх, у которых кушаки из ковских волос, не ведите.

Вторая псня: Ot-töguljá, травы псня.

Ähögej ogollor kürd $\overset{ö}{y}$ ch kür šaimmýt körö buolla kjo $\overset{ch}{g}$ -ot
 Эй! путка! веселье ³⁾ повсюду, лѣтная пора ⁴⁾, весело становится ⁵⁾ зеленая трава
 köljtschujdá, aragás altán-ot angaryjda ikkë-sállalä $\overset{ch}{k}$ ierögoj-ot iedöjdä
 выглядывает ⁶⁾, желтая золотая трава колышется ⁷⁾ двулиственно, канавка-трава ишно выросла ⁸⁾
 üšj šalläläch ükör ot üšj-čhäetä tüörd šalläläch löglömöd tölö $\overset{h}{g}$ ujdá biečj šalla-
 три-лиственная, ükör-трава выходить, четыре-лиственная выдающийся пучок вырос, пяти-ли-
 läch bettiemöd berke šidä, altä šalläläch aragás-ot alyštata, šiettä šalla-
 ный хвощевой колосъ прекрасно вырос, шести-лиственная желтая трава огромная стала, семи-ли-
 läch šierej-ot šilligiläetä, o $\overset{h}{g}$ ys' šalläläch atschä-ot angaryjda tö $\overset{h}{g}$ ús šalläläch, šolkö-ot
 ная сѣрая трава полноросла, восьми-лиственная ачä-трава выросла, девяти-лиственная шольк-трава ⁹⁾
 nuorajda ün šalläläch unär-ot unarsýjda.
 прилегла, десяти-лиственная колышавшаяся трава мерцает ¹⁰⁾.

Третья псня: Mäs-tögulju, дерево псня.

Höegu j ogollor an-doju angarsýjda ulü-doju unarsýjda kerij
 Айда! путка! свѣтлая мѣстность ¹¹⁾ блестящая, великая мѣстность блестящая, густой

¹⁾ Китайская шелковая материя для женской одежды.

²⁾ Шагайм, шив нужно.

³⁾ Kürdösch (из такого видъ это слово записано въ другой разъ), веселый. Kürdösch kis'i, шутникъ.

⁴⁾ Š'ai, лѣто. Для уславленія ставится, говорить, перель š'ai, также k'g (veselie).

⁵⁾ Т. е. теплый лѣтний день вызываетъ на игры.

⁶⁾ Köljtschujannegér, пускаетъ ростки.

⁷⁾ Äbzarienneger или äbzaryjanneger, колышется; напр. колоса на поляхъ.

⁸⁾ Iedojanneger, ишно растетъ вверхъ.

⁹⁾ Даетъ лучшее, преимущественно зеленое сѣно.

¹⁰⁾ Также äbzarsýjda. Колосъ и дрожание предлеговъ, появленіе ихъ вдали. Сравни также примѣч. 7-е.

¹¹⁾ An-doju, свѣтлая, сухая, веселая, на проточной водѣ, мѣстность, какую Якуты выбираютъ для своихъ поселеній.

t̄yo k̄ierkyj̄dā, tum̄ul t̄yo tugustā, tietim̄ ogotō titirik
 зѣст¹⁾ мороженъ, холмистый зѣстъ разукрасился²⁾, листовичные молодцы³⁾, молодцы листовичи
 ojūr silligil̄ietā chateḡim̄ ogotō chachyjāh-ojūr changatā behim̄ ogotō berdshigās̄j-
 чаща позеленѣла, березовые молодцы березовая чаща выросла, сосновые молодцы молодцы сосны
 ojūr bejberejdā ūetim̄ ogotō talāch ojūr namulojdā.
 чаща частить, новые молодцы новая чаща нависла.

Öeḡ^öogollór kerā-k^ölün k̄ähejtigér knjāster-d̄in k̄äkellegie^hu^hnḡ keré
 Айда! нутка! савраса жеребята народились, клязья всё сидят чинно, то и се
 tyllā k̄äp̄setichānḡ sur-kulummūt tuskotugār tojottordün tschuogua^huohūnḡ
 говорят болтовню, каравые жеребята родились (?) чиновники сошлись,
 šonnūn-tyllā tolkujdahyaḡinḡ⁴⁾ šäl̄yr-kulummūt šamalā tschartschignal̄yn šangā tyllā
 новое говорят, толкують о них, бузаные жеребята. Старшины⁵⁾ новости въ раз-
 šangāryehynḡ karā kulummūt^{ch}annylašnyt kapra^{l̄}yn channylehynḡ^{ch}annylaš
 говорят возвышают, вороные жеребята соединились, капрали⁶⁾ стоят рядом, по порядку
 šangartā angarsyehynḡ ulān-kulummūt u^hguttūgōr nolatta rd̄yn oojnuohūnḡ
 новости болтают, сивые жеребята бѣгают туда и сюда. Молодежь мы празднуемъ празд-
 kyttyōmynt kymmy^hygōr kyrgytard̄yn kyttyhyeḡinḡ.
 виец, первоходняи кобилци къ кумысу, съ дѣвшками мы соединимся.

Öeḡ^öogollór tüergānj tschelḡiän šjalā tennién togús kullogullāch tuo-
 Айда! нутка! загородка⁷⁾ просторное мѣсто, калятъ растянемъ девяти-длинчатый⁸⁾, какъ
 rāch kulūn iillillān kō^hgōr kōtōg^öllān behiejegā
 шипец жеребята привязали, большой кожаный мѣшокъ привождать вверхъ⁹⁾ съ мукой корм

¹⁾ Молодые, высокие, гладкіе стволы котораго живописно описываютъ лужайку.

²⁾ Позеленѣть.

³⁾ Стволы листовичи. Тп, листовича.

⁴⁾ Съ русскаго толковать.

⁵⁾ Сраз. примѣч. 8-е на стр. 802.

⁶⁾ Вожакъ транспортовъ, перевозимыхъ на вьючныхъ лошадяхъ; также помощникъ старшины при сборѣ по-

латей, и въ такомъ случаѣ къ каждому роду приставленъ свой козлякъ.

⁷⁾ Огороженное мѣсто.

⁸⁾ Сраз. стр. 800, примѣч. 12-е.

⁹⁾ Во время доенія оны висятъ на веревкѣ, къ которой приделано кольцо; когда доеніе окончено, мѣшокъ подлагивается сверху, такъ что до него нельзя дотрогнуться.

bitiën kannyläch chaljaläch irim-dirim tū^hñiljaläch dalbar
 перебивало несколькими мутовками, трючими березки вставлены, большой берестовый сосуд
 tardylynnā tshoktschojläch $\frac{tsh.}{x}$ jorón-ajäch tshuogujdā kakojulläch
 притащен¹⁾, вынуло рѣзныя праздничныя кружки, большія, составлены, рѣзбою украшенные,
 kerien aja^{ch}_k kákkäläetā pároj²⁾ ulläch mattatschak paralläätä ymyjä
 березовые кубки стоятъ рядами, парой убранные кубочки³⁾ стоятъ попарно, большой деревля-
 yŋgyrystā šielläch anja^{ch}_k šietistā yhöch
 ный сосудъ притащенъ, ковшикъ волосомъ обвитые праздничные кубки разнесены праздновать кумы-
 yŋgyrystā šamál-kymys⁴⁾ tardylynnā $\frac{k}{x}$ ojú kymys kutulunnā širhit
 совый праздникъ созваны, запасный кумысъ притащенъ, густой кумысъ назитъ, большой ко-
 širityjdā a^h₃yr-at buollā aragás arý adiritschy bud-
 жаний сосудъ поставленъ на мѣсто, кислой⁴⁾ вицей сталь, желтое масло плавать кожей, сферну-
 schurutschú kutulunnā $\frac{h}{s}$ cašyng ibirák buollā ojnúr notsharat buollā šangarar
 шесся назито, ставемъ есть, готово есть, праздновать очередь есть, неболатъ
 tšaštyjā buollā kyr-šaimnu körügör körüö^{hc}_k dshón kör^ä_{läe}-
 чась есть, позное лѣто мы привѣствуемъ торжество, праздничная тозна народа празд-
 tebit šabännäch šaimnybyt šalyölygör šangarištybyt.
 нуемъ, дождливое⁵⁾ лѣто празднуемъ мы.

Wiljuj Töglju. Пѣсня въ честь рѣки Вилюя.

Oeg^ö_{yj} ogollór, kiellēmā-chotún kerā dshorüö kulunnún kiergätia^h_gyn
 Айда! вутка! Киллемэ⁶⁾-госножа, саврасме вноходми родилсь разгулиная,
 inniğör kärir kákkā maštamytún ogollór kammahát ebām kara dshorüö kulun-
 право, крутомъ въ радахъ лѣснаго обила; вутка, Каммахать бабушка, пороние вноходми роди-

¹⁾ На столбикъ.

²⁾ Съ русскогого.

³⁾ Больше широки, чѣмъ высоки, и отверстие уже тузья.
 Рѣзныя фигуры, которыми украшена наружная часть.

называются, когда они вѣты, torpögö, а если въ видѣ
 окомечекъ, a'agaz'yn.

⁴⁾ Имѣеть еще значеніе: готовое.

⁵⁾ Потому что нѣтъ болѣе снѣгу.

⁶⁾ Рѣка или рѣчка въ области Вилюя.

nún $\frac{ch}{k}$ amsiety^hyn innigōr $\frac{ch}{k}$ annylāch chatyngnamyttyn ogollōr suól-ebām sūr
 лись, гордо шагают¹⁾, право, въ густомъ березовомъ лѣсу, пугка, Суоль-бабушка, кара-
 $\frac{dsh}{j}$ oruó kulunnún tukšaryáhyn innigōr tommoruón mastamyttyn ogollōr
 ковые вноходди родились щегольские, право, въ толстоствольномъ лѣсу, пугка,
 siellemā-ebām siery $\frac{dsh}{j}$ oruó kulunnún sitteriehyn innigōr tshāgiān tsharangna-
 Силемъ-бабушка, сѣрые вноходди родились безупречные, право, въ здоровомъ березовомъ
 myttyn ogollōr.
 лѣску, право.

Ögōj ogollōr Tat-ebām kytajka²⁾ kyrdalāch kyrtás sirdāch
 Айда! пугка! Тать²⁾-бабушка, китайскъ подобное высокое мѣсто, свободное мѣсто;

cholustā⁴⁾ chonnulāch chordohoj cho $\frac{tsh}{z}$ ollōch Tat-ebām altān allāstāch
 холусту подобно открытое поле, покатое ровное поле, Тать-бабушка, мѣдная лѣсная лешенка,

sūó sūyylāch Tat ebām motuōch šolkō mutuntā mungutā sierej
 сую сало гладкй свободный берегъ, Тать-бабушка, мотокъ шелку, почка раскрылась, сѣрый
 šolkō šābirdāgā šiligiāetā tshoptschū kōmūš tuoga^há torolujdō karā kōmūš
 шелкъ, лѣсть распутился, шарикъ-пуговка серебряная, шипки стали пазелки, черное серебро,
 chatyrgō⁵⁾ kangātā Tāt ebām ütō dojdu kihilin kerā $\frac{dsh}{j}$ onnún
 кора утолстнлась, Тать-бабушка, хорошее мѣсто, люди веселые⁶⁾, народного собранія
 duorangā⁶⁾ ān dojdū buolān chotuttardyn $\frac{ch}{k}$ amsyk ulū dojdu buola uolot-
 дорога, свободное мѣсто будучи, госпожь важничавшихъ великое мѣсто, будучи парни
 tardyn uluetuk Tat ebām.

молодые гордые, Тать-бабушка.

Ütāō dojdu ötōng kyllach kerā dojdu kāgā kyllach tollú dojdu

Прекрасное мѣсто голуби-птицы, веселое мѣсто кукушки-птицы, хорошо-обставленное мѣсто

toiōn kyllach kytý dojdu¹⁾ kytallýk kyllach modun dojdu mochšoolg kyllach turū
 орлы-птицы, береговое мѣсто жураны⁷⁾-птицы, необузданное мѣсто соколы-птицы, родное

1) $\frac{ch}{k}$ ams'iebut, щеголясть.

2) Название рѣки.

3) Съ русскаго. Значить: гладко и чисто какъ китайка.

4) Съ русскаго.

5) Собственно значить, говорить, красно-желтый

6) Съ русскаго.

7) Самый большой; можетъ быть leucogastanus.

dojdu turujög kylläch kiēng dojdu chās kylläch kütür dojdu kōgōng kylläch allā
 мѣсто журавли¹⁾-птицы, просторное мѣсто гуси-птицы, дурное мѣсто селезни-птицы, низкое
 dojdu and^ōg kylläch māngā dojdu birginnjāk kylläch tjoktyrgōn uläch
 мѣсто червля ути-птицы, пустынное мѣсто крикуши-птицы, кочковатое водное мѣсто
 tschorkoj kylläch unār dojdu orulōst kylläch šalyr dojdu šachšā kylläch.

чирен-птицы, сухой туманъ мѣсто ути (?) -птицы, котель-мѣсто ути (вида?)—птицы²⁾.

Eäg^ōŋ tshjēdu tshjal burān tshjälkōk, bērt dojdu berdēr kylläch, šāšyl
 Аяда! нутка! зеленый холмъ сочно-зеленый, прекрасное мѣсто рысь-дичь, лань

dojdu šarba kylläch šierōj dojdu tin kylläch bödōng dojdu borōh kylläch ulachān dojdu
 мѣсто соболь-дичь, сѣрое мѣсто бѣлка-дичь, большое мѣсто вонокъ-дичь, большое мѣсто
 ulū kylläch djerān dojdu tabā kylläch talajgon uläch tārban kylläch šūr

лось-дичь, ключевое мѣсто сѣв. олень-дичь, ?³⁾ сонная сурковая дичь, сѣрое какъ шиферъ

dojdu šolōngkōl kylläch šandār chonnū šāšyl kylläch kyrymāk
 мѣсто хорьковая⁴⁾ дичь, просвѣчивающій лѣсъ на равнинѣ лѣсъ дичь, осенній сплѣшій вуюнокъ

chonnuläch kyrsā kylläch bāštyng dojdu barān kylläch ^{ch}/_kotōl chon-
 на свободномъ мѣстѣ песочная дичь, превосходящее мѣсто баранъ звѣрь, котель— сво-

nuläch kohōl kylläch nedjer^ō_ā ^{ch}/_konnuläch šibinjō⁵⁾ kylläch yrās chonnuläch
 боное мѣсто козель-звѣрь, лужа мѣсто свиныхъ-звѣрь, чистое свободное мѣсто

anā^{ch}/_k kylläch kyrdāl chonnuläch šylgy kylläch eāgy tshjalguōk.

корова-звѣрь, дерновое свободное мѣсто кобыла-звѣрь, эй! сочно-зелено!

Въ такомъ родѣ бываютъ рѣчи и пѣсни Якутовъ. Хотя эти, полные жизни, наблю-
 датели природы готовы пѣть во всякое время, но единственные музыкальные инстру-
 менты, которые я встрѣчалъ у нихъ, были изображенные на стр. 808 скрипка и варганъ. Оба
 очевидно заимствованы у Русскихъ. Музыка, сопровождающая ихъ пляску, заключается
 въ вышесообщенныхъ пѣсняхъ и, судя по образику, который мнѣ самому привелось

¹⁾ Сѣрые съ бѣлой головой.

²⁾ Кроме множества указанныхъ выше названій мѣстъ
и тѣхъ, которыя значатся въ словарѣ, я слышалъ еще:
Chotschō, свободное мѣсто при ручейкѣ.

³⁾ Якутскіе мѣнъ спутники, также какъ и самъ пѣвецъ, kohōl.

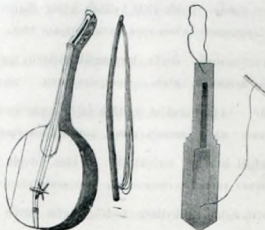
Миделедорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

не умѣли объяснить мнѣ значеніе этого слова: «ово из-
стари принято», говорили они.

⁴⁾ Сибирскій хорекъ, Must sibirica.

⁵⁾ Ванто съ русскаго, также какъ и слова barān и

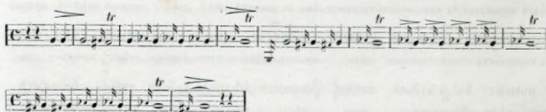
видеть, прекрасно
идеть к ней, по-
тому что пляска
ихъ состоитъ не въ
порывистомъ пры-
гании, какъ у Ту-
гусовъ, а въ повто-
реніи той торже-
ственной поступи,
которую мы видѣли
у Самоѣдовъ. Мед-
ленно и торжествен-
но движется состав-
ленный кругъ; уча-
ствующие въ немъ,
которые я записалъ какъ средний результатъ сердечныхъ изліній помощника моего во-
жака; ни въ словахъ, ни въ мелодіи не было ничего опредѣленного.

Якутск.: Котосс.

постоянно кланя-
ясь, стараются при-
вести себя въ как-
ое-то одуряющее
головокруженіе, а
запѣвала произно-
сить свои воззва-
нія, которыя вса
толпа подхватыва-
етъ хоромъ.

О раздрающей
слухъ музыкѣ этого
рода можно судить
по нижеслѣдую-
щимъ нотамъ,

Хотя тотчасъ-же узнавалось прежде слышанное, но все-таки можно было разли-
чать и варианты.

За этими пѣснями сообщаютъ еще сказку, которая впрочемъ записана наскоро и при
болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ сообщенное мною выше. И въ сказкѣ нѣкото-
рыя роли произносятся на распѣвъ, такъ что я не мало удивился, когда среди темной
ночи въ лѣсу меня разбудило громкое пѣніе изъ раскинутого по близости шалаша Якута.
На мой вопросъ, что это за пѣніе, мнѣ отвѣтили: «это старикъ, онъ рассказываетъ сказки.
Теперь поетъ дѣвушка, теперь лошадь» и т. д.

Erén toion, Eberätschi chotún uolá Eredelj, bergän, širten tut
Храбраго ¹⁾ вождя Эберэчи жени сынъ Эредель, мѣтко попадад, отъ земли крѣпко держа

¹⁾ Переводчикъ постоянно возвращался къ значенію «пестрый».

ulluktáč, challantan šitimnách, úring kómúšj balagannách, úring kómúšj úrúttách,
бедристый, отъ неба съ веревкой, бело-серебряный балаганъ, бело-серебряная покрывка,

dolgujbát muostallách, chotun dshächtar ošochtó uót uottullán diätagná
не колебался перекинутый мостомъ, госпожа, женщина, въ печи огонь развести приказага,

uottulán kelér arahas šysý šáhá stuollách ögurümör ohuš bädüriä tüspü-
затопить идти желтый тащится такой большой какъ стога, четырехлѣтній быкъ спотыкаясь надеетъ

tünj kurduk modsholách šiettä kiši täbän turan aspát dshieällách
на ковшъ подобно порогу; семь человекъ упирается тѣснотею, не могутъ открыть дверь,

šieälláchhät šitpát šielbät kürjöllách, a^hysⁱ kiši a^hapát chalgannách
рысакъ обѣгаетъ не рысью сѣли; восемь человекъ не открывають ворота

altán, üšj kiši oluján aspát oldurdách uolán kiši šadách igirdách
мѣдница, три человека двинга не открывають задвижки, молодые люди; лукъ тугой ¹⁾

bošchó bulgunágy urán kábispit kurduk öngýrdách kybách kyttybattách
бездревесный, какъ хозмъ наложенный останецъ какъ бы сѣдо; отъ метелъ выщипанный

kysá^salach ch^hommurách chommotóch tuššalách toion kiši kinkinitschi
дворникъ, вьюги свободное мѣсто скотный дворъ, какъ важные люди громкогласно

käpšetän turaryn kurduk šergelách baštyн šergetigör Bar kyllách orto
разговаривають стоять точно какъ рядомъ, на первомъ столбѣ Баръ ²⁾-птица, на среднемъ

šergetigör káha kyllách bullytán byšá šürán kirbit bystách күnten
столбѣ кукушка птица, ? огорода бѣгутъ быстро огороженное, какъ солнцемъ

küejä širenj kirbitin kurduk künnách challantán kajá šürbütün kurduk
отрѣзанное мѣсто, зашедшимъ подобно солнцу; отъ неба свала отхлѣзвшисъ ³⁾ подобно

ch^h a^halá^{ch} Allabulla attách kurbu dsherbi cholunnach chän-tangará chan-targatá ünnjách
кочышка, Аллабулла лошада, ? ? подируга кроваваго бога кровь гоняа узда,

tjört tösünnjách көntöstách ulu ürä^{ch} togojdonnón түспүтүнү курдук njärilyr
четыре узды поводи ⁴⁾, большой рѣки изгибъ называющійся подобно лукъ

¹⁾ Igir значить еще, какъ говорить, столбъ, на кото-
рый вѣшаютъ вещи.

²⁾ Беспословная птица.

³⁾ Šürbütü, онъ убѣжалъ.

⁴⁾ Вѣстѣ съ поводомъ, изъ конского волоса.

muos̄ saläch ūj ūrūmittebättäch ūtj kjölläch kará ^{dh}áj ¹systybatá
рога вить, три не покрывающаяся льдом молочная озеро, темная грязь приставать ¹)

buolloha kara dalain u-tühör chašanimán kjöch dalajgar ahyš attachtäch
не смѣла бы, черного потока къ водѣ смѣла ²) у прекраснаго моря; на восьми столбахъ

aranga^hygār šalgynga šajá a^hys̄ tarán älin djekiten etér-bulyt
запасной амбаръ обитаемый вѣтромъ пребываетъ, восемь чешутся на востокъ громавыя тучи ³)

šonguryttan tshuo bulyt tshuoguján ūrdögör tiän kelán orto tünán by^ha
плачутъ, кучевныя облака скучиваются на верху подхода около полуночи раздѣляется

baran oŋgojön turdá kiniächa tyl ättä: šorunán kelim oŋgo^hün änj akár
врозь раскрываясь начиная къ нему слова сказала: нарочно я пришелъ приготовить ты ?

ol dojdū^ha ol dojduttán chollonokún bulba tabkyn min ächa ildshit kelim
изъ того міра въ этотъ міръ ⁴) тебѣ подобнаго искать ? а къ тебѣ послѣмъ прихожу,

kjä^hyunnyn kyrrötynnan bilän, šäinym šamyrynán bilän uol ki^si uo^ha
зиму по нисю узнавая, лѣто по дождю узнавая, молодой человекъ въ молодости

uruschäl buolán ädär beiem emgenien kelim nutschä ki^hi chuollutunan
установившій сдѣлавшись, жоловавое тѣло дряхлое приходитъ, русскіе люди по обычаю

šū^hün ^{ch}kaba ortotunan chuolodä tünük charraktäch nutschä kisi bór chor-
на зубъ прямо по среднѣ оконница съ большимъ окномъ такой глазъ, русскіе люди глупу ко-

ruér kurdshagyn kurduk tistäch tangälain ^{ch}kaba ortotögör köchö arbyjä tistäch
мал лопать подобный зубъ въ крѣпкомъ нѣбѣ прямо по среднѣ краснаго тѣла зубомъ

tüä^hünj ^{ch}kaba ortotögör buoläch ililäch šamagyn ^{ch}kaba ortotögör attachtäch
грудной кости прямо по среднѣ нѣмля руку, у таза прямо по среднѣ нога,

šir byštybutyn kurduk širidäch kaja chajdybutyn kurduk cha-
глибы земли оторванной подобно; отдельно стоящей верхушкѣ скалы треснувшей подобно глазъ

rachtäch šyllästygás šymmyšsachtäch alýš-dienj kisi šüölj-dienj
нижнюю, скалистую нижнюю губу. Всяма необыкновенный человекъ, весьма замѣчательный

¹) S'ys̄ tybut, пристало: s'ys̄ tybat, не пристало.

²) Chaš'a, грязь. — Anjänger, онъ смываетъ или стираетъ.

³) Онъ говоритъ изъ облаковъ.

⁴) Соответствуетъ, говорить, выраженію «за тридцать земель» въ русскихъ сказкахъ.

kiši kelen turar Erejdelj bergänj än akár kelim albán ukuján
человекъ идти стоитъ тамъ Эрейдель, мѣтко попадающій; я ? пришелъ краше ?

dshon dshagadyjen berejdä-bergänj tiritä tibätj kur-
народъ ? мѣтко попадающій, сирой кожѣ, которая не хочетъ болѣе растягиваться, по-

duk kysyrbyt mangajkan alläch tylän kördördä minigin bäsj tscherpatyn kurduk
добно озлобленный; крошечный, быстро лзмокъ показали онъ, я, словой щепѣ, половѣ подобно,

ót chodulun kurduk šannatagyn kurduk šulumäch ochpunan byjeryn
сѣна остаткамъ подобно, мыслямъ подобно, одноконечной стрѣлой прострѣливалъ печень

chabá ortotunan kara^hallan túsüräjäbyn kurduk dügör inän dügalitän šuo^há ajannan
прямо по среднѣй держащейся, брошенной подобно ? ? убирайся, не стану отпускати,

attannaryäm šuo^há üönnär üöjächtatäm chommurduošpar kuahong notoum šuo^há
позволять ѣхать¹⁾ не стану, червякъ буду кормить, водянымъ жукамъ не стану

bu kiši ulú tuniligör túsjtäbeietä Erejdelj bergänj ahyš šylgý
этого человека; съ большого мѣса спустился Эрейдель мѣтко понадал, носомъ зашеделъ

mäldšhi šildjibyttör kahatyn šalyn etin äniänä chotü brachtýn šüötün
откормленныхъ²⁾ насыщенныхъ грудной жиръ, сало, мясо внизъ³⁾ съ отлогости бросая, лошадей

šysý ch^hotü kötör šürär asán sien ch^hotü šongurú temirien bárbyt
внизъ на равнину, зѣвру бѣгающему⁴⁾ въ нашу навшмысь къ сѣверу и къ югу извелили все вмѣстѣ,

šiettä šichtächširi isiti ajman-šajman kumyšyn törgü šimirähä
изъ семи спитыхъ кожъ большіе мѣха налитые туда и сюда⁵⁾ кумысь на подиругѣ въ малень-

tohon-chorón tolorón barán atyn kinigör qšj-kungagar ignärän
комъ кожаномъ мѣшкѣ⁶⁾ небрежно налиты будучи, коню своему тре-ухому цестрому

käbišpitä etin šür kurduk šimmämittäč kurduk tangnybyt barbýt kysýnyn
сунулъ онъ мясо * ? подобно, въ полномъ вооруженіи какъ бы празднично одѣтый всю зиму

¹⁾ Attanaryäm, сажусь на коня.

²⁾ Не употребленныхъ на работу и къ дурное время года получавшихъ добавочный кормъ.

³⁾ Онъ ѣсть только чистое сало, и откармиваетъ прочь мясо. Chaľajä chotü chaltaryty, внизъ съ холма они скатили.

⁴⁾ Означаетъ, говорить, преимущественно дикихъ зайцевъ, которыхъ Якуты вскармливаютъ для своего употребленія.

⁵⁾ Также ajmanä s'ajmanä.

⁶⁾ Š'imirtsächč, еще меньшій Š'imiri.

kyrustynöm bilänj šasnyu samuynän bilänj örlī-ötörlī keljbitärin bilbä-
по инею ¹⁾ узнавал, весну по дождю узнавал, долго-ли, скоро-ли странствующаго не
täch и т. д.
знаю.

На этомъ я прерываю передачу якутскаго текста, ограничиваясь сообщеніемъ даль-
нѣйшаго хода сказки въ приблизительномъ переводѣ.

Однажды герой высмотрѣлъ другаго великана, который убѣжалъ передъ нимъ.
Онъ погналъ свою лошадь, чтобы преслѣдовать его.

Но во время скачки передній выставилъ цѣлую гору, чтобы заградить дорогу. Дру-
гой схватилъ лукъ и стрѣлою да топоромъ просѣкъ всю гору, такъ что образовалось
ущелье, по которому онъ продолжалъ свое преслѣдованіе. Прибывъ на верхушку горы,
онъ увидѣлъ серебряный юртъ и красивыхъ дѣвушекъ, которыя плясали по якутски.
Какъ только онъ увидѣли его, такъ и исчезли. Онъ подѣхалъ къ юрту и вотъ изъ него
вышли всѣ девять дѣвушекъ и каждая изъ нихъ подала ему кружку съ кумысомъ. Онѣ
подали ему и сказали: мы поджидаемъ тебя уже девятый годъ, такъ какъ ты очень
славенъ и силенъ. Онѣ попросили его остановиться и посмотреть на нихъ добрымъ взгля-
домъ. Ты, продолжали онѣ, странникъ, ты долженъ отдохнуть у насъ, переночевать и
мы покажемъ тебѣ дорогу къ тому, котораго ты преслѣдуешь.

Намѣреваясь остановиться, онъ стянулъ свою лошадь, но она не пошла къ столбу,
а сказала: господниъ, не слушайся ихъ, не то мы погибнемъ тутъ оба. Онъ повернулъ
лошадь, слезы проливая съ горя, что ему приходится разставаться.

Не зная, долго-ли или недолго онъ продолжалъ свое преслѣдованіе — опять пред-
стала предъ нимъ гора, опять онъ пробилъ себѣ черезъ нее дорогу, добрался до вершины
и увидѣлъ семь дѣвушекъ. (За тѣмъ слѣдуетъ повтореніе выше-сказаннаго).

Отправляясь далѣе, онъ увидѣлъ прекрасныя мѣстности, луга, лѣса, птицъ и жи-
вотныхъ особаго рода, безчисленное множество стадъ, въ которыхъ у телятъ и жере-
бятъ были серебряные и золотые намордники. Онъ увидѣлъ юртъ въ 30 этажей и без-
численное множество народа, который плясалъ, пѣлъ, игралъ и боролся. На бѣлыхъ ко-
няхъ подѣхали къ нему три челоуѣка, каждый съ кнутомъ въ рукѣ. Откуда ты ѣдешь?
наша душа никого терять не можетъ.

Я приѣхалъ сюда для Вашей славы, помѣяться съ Вами въ кулачномъ бою и добыть
себѣ невесту. Отъ этого слова всѣ трое отшатнулись назадъ и весь народъ, сколько его
тамъ ни было, спратался, такъ что онъ никого не нашелъ. Юртъ былъ запертъ. Онъ

¹⁾ Образовавшійся на бородѣ ипей.

привязав свою лошадь къ столбу и столбъ погнулся; онъ повѣсилъ лукъ и стрѣлы на другой столбъ и тотъ согнулся подъ тяжестью. Онъ же злобно ходилъ туда и сюда и отъ гнѣва провалился въ землю по колѣна.

Примѣчаніе. Помѣщая тутъ сборникъ словъ, которые въ якутско-нѣмецкомъ словарѣ (во 2-ой части 3-го тома нѣм. изд. этого сочиненія) или сразу не описываются или не значатся по крайней мѣрѣ въ указанномъ ниже значеніи или формѣ. Если кое-гдѣ и окажется, можетъ быть, нѣмешекъ добра, то онъ все-таки не можетъ принести вреда.

aī	великій духъ, создатель.	āsanneräbin	я совершаю путь, перехожу, напр. черезъ рѣку.
angar (им. angará); нар. Liwér angar (поль) šalata	однажды изъ двухъ, напр. Лавѣра, притока въ верховьяхъ (изъ двухъ).	āsanneräbin	я ѣздъ.
atā kemi? или atā chan-nyk?	имя какое? какъ тебя зовутъ? *	ašpytým	я ѣздъ.
atschi, им. atschigij, нар. toičn.		ašabytým, äštyn	пусть онъ (мимо) ѣдетъ (= ajannatyn).
ateleahým	я клянусь.	ašyehym	буду ѣздить.
änärähä	по ту сторону.	äšyehym	буду ѣздить.
annanagy; нар. bary sir kūnj annanagy	обращенный, напр. въ мѣстности, обращенный къ солнцу.	ašbe	косылетка (изобр. патаб. XV, рис. 3 нѣм. изд.).
araränneräbin	я расказываю.	äak	да.
äriēg	деревянная ступка.	äppitej tuohú	ты сказалъ что? также tuohú etēr.
arguj	осторожно.	äbän, нар. äbän ät или äbän käpsä; äbän šaban	прибавь; нар. говори подробности; прежде чѣмъ закрыть (мѣшокъ) добавь.
ajannán isäbin	странствую иду я.	äb, нар. maská	подбавь, нар. дровъ (къ огню).
aljatým	я разломалъ.	äbärä или äbiäch bu-olta	онъ хотѣлъ подбавлять.
aljata	онъ разломалъ.	äbygdä chatým	каменная береза.
aljanna	разломано.	ämtsčirä	тунгусскіе полулавочки (по тунгусски: olot-schi, по русски: чортоходы).
aljamyt	разломано, разорвано, нар. чулки.	ärieg	деревянная ступка.
allä	подруга сѣв. оленя (изобр. жена на стр. 498).	kin(i)-ältin	пусть увезетъ.
äs, нар. šarym äš или ahäl miächa	подай, нар. сапоги подай мнѣ.	ogúng им. ungór	по ту сторону.
äs им. türör	поставь.	otschegó	въ то время.
äs	поѣзжай.	ontón	оттуда, дайте.
asä	ѣшь.	dshontón	отъ народа.
äštyn	пусть онъ ѣдетъ.	ongojá (также kumyry)	мошка.

Въ юртѣ у хозяина дома была восьмидесятилѣтняя старушка, выгребавшая навозъ изъ хлѣбовъ. Она выступила съ лопатой, встала около очага и сказала хозяйину ¹⁾: Ты такъ разсудителенъ и уменъ; зачѣмъ ты не встрѣчаешь героя, окруживъ себя сыновьями и дочерьми? Ступайте ему на встрѣчу, возьмите его за бѣлые ручки, разстелите бѣлые лошадиныя шкуры и посадите его въ юртѣ на лежанку.

Хозяинъ напустился на нее: Ты что же пришла меня учить. Ступай сама встрѣчать его.

Старуха не могла открыть дверь, а потому пролѣзала подъ порогомъ въ сѣни и взглянула на чужаго. Увидѣвъ его, она побѣжала назадъ, опять остановилась у очага и воскликнула: что ты знаешь, хозяинъ! къ намъ подѣхалъ верхомъ человекъ, который добромъ не уйдетъ, потому что ростомъ онъ въ лиственицу, лядвен его похожи на толстыя бревна, руки его подобны стволамъ; сегодня мы въ послѣдній разъ живемъ. Какъ ты думаешь раздѣлаться съ нимъ?

ongotschó	деревянная лодка.
ongojänneräbin	я глажу на.
ongoidüm	я гладью на.
orochä	красть.
örda	онъ укралъ.
mannä orbatter	здѣсь не крадутъ.
olöm	бродь.
idebopin (öidüö)	не понимаю смысла того, что ты говоришь.
istibäpin	не понимаю (твоего) языка.
biljbäpin	не знаю (этого).
ungyr	позови его.
uytüg	отсутите.
utyk	мутовка.
yt o ^h ol ^a	сукнѣть снѣжь.
yt ogotó	кобель.
ymmunach	чесотка.
yjänery, также jänerü	охотничий ремешъ.
yrač	давно; дорого.
ienä, напр. Iwan ienä	принадлежащій.
ienerä, напр. mien-nerä; Utschur ienerä	(притоки).
iitannerer	онъ спрашивать.

iipupunuj	котораго я разспраши-
iiputtym	валъ.
yiit	спроси.
iipukynyj	разспрашивалъ онъ.
iiputtaj	
iipatyn	я не разспрашиваю.
ikkeni buolbut	мы нашли двухъ.
ikkelt	по два.
ikkihing = ikkisj	второй.
ininnä	сперва.
äsyр ininnä	передъ обѣдомъ.
tigiring ininnä	прежде чѣмъ ты со- вѣшь это.
ugororung ininnä	прежде чѣмъ ты сдѣ- лаешь это.
argujó ininnä	въ то время какъ.
innigör	впередъ.
uot innigör	передъ огнемъ (напр. сушить).
kinnigör, напр. ba-riachä	позади, напр. идти.
is	идти. Глаголъ этотъ ка- зался мнѣ невознымъ, потому что какъ скоро нужно было сказать: они пойдутъ впередъ,

¹⁾ Рѣчь старухи произносилась изъ раскѣль.

Гдѣ, вскричалъ старикъ, мои восемь сыновей, гдѣ мои восемь дочерей? ступайте встрѣчать его почтительно, чтобы онъ насъ не притѣснялъ.

Старикъ-хозяинъ спросилъ старуху: ты, старуха, лучше знаешь, какъ намъ слѣдуетъ обращаться съ нимъ? Она отвѣчала: вымойте меня хорошенько въ тепломъ молокѣ и я стану красавицей; отведите меня по скорѣе къ кузнецу Батамаю, онъ перекуетъ мнѣ руки и зубы. Онъ увезетъ меня, а нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть, уберечь: противъ этого ничего не подѣлаешь.

Но въ переднемъ углу юрты лежить свать Харлаи Моксоголь, лежить столько времени, что постель его вся покрылась плесенью; онъ слышитъ все, сильно испуганъ и говоритъ хозяйни: когда же ты мнѣ отлашь дочь свою? вѣдь я лежу здѣсь вотъ уже 30 лѣтъ и жду, а ты затягиваешь дѣло.

Освободи насъ отъ великана.

Почему же нѣтъ? я его живаго разорву на куски. Онъ потянулся, выдалвилъ при

uottach, напр. taš...	всегда употреблялось слово källiächterá.
uottonneräbin, uottom	огонь дающій, напр. камень.
uottór	я развожу (разводил) огонь.
uot-uottum	онъ разводитъ огонь.
uot-uottun	я разведу огонь.
ungoritách	разведи огонь.
unán	по ту сторону.
ulachan kiší	орошень.
ügör	знатный или богатый человекъ.
ürdügör	по направлению.
allera-t-ügör	вверхъ; напр. слишкомъ высоко попалъ.
isät-ügör	сверху внизъ; напр. слишкомъ низко попалъ (выстрѣломъ).
bir, üšj, tüörd-ügöt-angará.	сизу въверхъ.
ühä	1 1/2, 2 1/2, 3 1/2.
отъ ürdjúk	выше.
bär ^d uhä, bär ^t ürdjúk	чрезвычайно высоко.
ütä (taba)	донся съя, олень.
ürj	радуясь

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

üšjkiäbit, напр. bašpar	умножились, напр. вши на головѣ.
älbäch byt	каша.
käha	разное, то и сѣ.
kärätik	я дарю (особенно подарю гостю).
käšibin (min)	онъ подарилъ.
käšitā	скребища (изобраз. на стр. 724).
kohäk	отдѣльные длинные волосы, оставленные при обрѣтой головѣ.
kö ^h ül	летать роемъ.
kötönnisellér	я не трогаю.
köbusanneräbin	ушелье.
köra ^h äšlichaptschan	было узко.
šir	я былъ въ тискахъ.
köran baran	массами пасть они.
körulan isér bardallar	въ виду собола.
köstör, напр. särbá	Burukan köstör-du? Буруканъ въ виду?
kyty-dékin	вдоль морскаго прибрежья.
kyttyehün, напр. kyttyehün isér	вместѣ; онъ (птицы) тнугуся вереницами.

этомъ половину юртовой стѣны, присѣлъ на свою лежанку и поскакалъ къ прибывшему прямо на встрѣчу. Откуда ты явился, несчастный? слышалъ ты обо мнѣ? и они начали бороться. Одинъ приподнял другаго черезъ ногу свою, такъ что онъ упалъ на всѣ четверинки, но этотъ приподнялся, вскочилъ съ крикомъ и накинута на одолевшаго такъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ справиться съ другимъ. Злобно схватилъ свата своего соперника за бокъ и вырвалъ у него восемь реберъ. Послѣдній вскрикнулъ: какое ты мнѣ нанесъ оскорбленіе! кинулся на свата, сталъ его давить, схватилъ его наконецъ за голову и оторвалъ ее у него. Вотъ тебѣ, сказалъ онъ хозяину, голова твоего жданнаго зятя, и бросилъ его въ юрту какъ мячикъ.

Славно, молодецъ, спасибо тебѣ, что ты его побѣдилъ; тебя давно я ждалъ. Онъ бросилъ бездыханный трупъ въ яму, принесъ дровъ и скажетъ его,

Нѣтъ-ли еще кого-нибудь тамъ, въ юртѣ? не убѣжалъ-ли кто? я догоню его, хочу побороться съ нимъ.

kunnarābin, kunnarā-
nerābin . . . . . я хочу.
kunnarunnum . . . . . я хотѣлъ.
kyrgytār (безъ ед. ч.) . . . . . дѣвушка. Вѣжливо вмѣ-
сто kuštār.
kitschain bāi . . . . . тщательно завязки.
kinitēn isēr . . . . . ступайте сюда.
tošujon isēr.
kimten tachšör . . . . . изъ какой (рѣки) выте-
каетъ онъ, т. е. въ ка-
кую течетъ онъ.
kildäch . . . . . грязно.
kuotar^anerābin . . . . . я отпущаю.
kuotoryng . . . . . не гоняся за.
kumuljäch . . . . . половника лосиной шку-
ры.
kujār kisi . . . . . дуралей, негодяй, шалуни.
kütür . . . . . дурное, трудно проходя-
емое мѣсто (гора, боло-
то, чаша).
kunjās . . . . . удушливо жаркій лѣтній
день.
külümkönyum . . . . . я улыбаюсь.
kjārgenabyn . . . . . я удаляю.
kjārgyn . . . . . удали.
kjördābin . . . . . я срублю (дерево).
iti mahā kjört . . . . . это дерево сруби.

kjōš . . . . . глиняный горшокъ.
(срав. Якутскій словарь, стр. 438, подъ словомъ
byštynġ.)
chaitabyn . . . . . я колю.
chaitala . . . . . расколю.
channylašpyt, vap.
dsh^h
j^honnör . . . . . стоящая рядами толпа.
chamychyng . . . . . мы собираемся.
chār . . . . . убой, настъ.
chararānnerer . . . . . ситѣ съходить или ис-
чезаетъ.
chār, tū^h
s^hör, tūsān-
nerer, tūstā . . . . . палъ.
chārannerābin . . . . . я давлюсь, я подавлялся
темъ.
chalja . . . . . дощечка для накрышки,
большею частью узор-
чатая. Чтобы отвер-
стие кожаного сосуда,
въ которомъ взбалты-
вается кумысъ, не за-
крывалось, въ него
вставляется такая до-
щечка и чрезъ продѣ-
ланное посреди ея от-

За тройнымъ замкомъ въ балаганѣ стоитъ огненный крылатый конь; коли ты одолѣешь его, твое все, что мнѣ принадлежитъ.

Онъ побѣжалъ туда, и при напорѣ выбилъ дверь; выскочилъ конь и прямо на него. Онъ схватилъ его за уши и повесился они по полю, но на всемъ скаку онъ оторвалъ коню голову и бросилъ ее хозяину, говоря: сохрани это на память. Народъ глядѣлъ на это издали, разбѣжался и спрятался; хозяинъ же послалъ герою своего гонца съ запромомъ, что ему угодно, двуногое-ли, скоть-ли или имущество.

Всего этого мнѣ не нужно; хотѣлось бы мнѣ только взглянуть на твою младшую дочь, которую ты никому не показываешь.

Какъ не показать, отвѣтилъ онъ: охотно даю ее тебѣ. Всѣ торжественно пошли на встрѣчу ему, герою. Отъ столба до постели разостлали ему рысьи шкуры съ лапами и хвостами, на постель также положили рысьи шкуры.

Между тѣмъ старуха отправилась къ невѣстѣ и сказала ей: ты пропала, твой ко-

	верстѣ кумысь раз-
	балтывается.
chaj вв. chaja, напр.	
chaj-déki	гдѣ, куда.
chajänneräbin	я поспиаю.
напр. charnán	свѣгомъ.
chottung (minigin)	ты обещалъ меня.
chonnuktäch	ночной привалъ.
bir chonnuktach	одна ночевка, т. е. два
	дня пути.
bir künnjäch	одинъ день пути.
chojdonnerér	свертывается, скисаетъ,
	сгущается (напр. каша).
gö, напр. Tugúr-go ki-	
rér.	въ, до; въ Тунгуръ те-
	кутъ онъ.
Burukán-go	до Бурукана.
tachšannerer (kúnj)	всходить (солнце).
Kilé, Dshej-äräch-	
ten tachšär	Киле впадаетъ въ Диев.
künj kirennerer	солнце заходить.
tabaläch (ušj tabaläch	
taba)	ств. олень, стоящій
	трехъ ств. оленей.
tartyllar šállätin	они натягиваютъ ремень.
tén	оттуда.
baigál-tén	съ моря.

Elgejá-tén kutschu-	
guj	меньше Эльгенъ.
tarpytym	я курилъ.
táš-solúr	каменный котелъ.
tašäch-solúr	котелъ, въ которомъ ле-
	жатъ камни.
tärwēs	кольцо туловищной части
	штановъ, къ которому,
	посредствомъ ремня
	šurká подвязывается
	бедренная часть штан-
	новъ.
foŋno	замерзло.
tōš	береста.
tögürük	круглое, именно кумы-
	совый сосудъ, подобно
	tumtaj.
tölötung	распустите (руки).
tuohü etähin? (etähyn)	что ты говоришь?
tuog ättin?	что ты сказалъ?
tuoch-ka?	для чего?
tuchšannerer	покрывается листвою.
tuttarabýn, напр. tut-	
tarbytym	я передаю, поручаю.
du -suoch-du?	отдашь я тебѣ или нѣтъ?
tuttardá-du?	отдалъ онъ?
turtojbyt, напр. bašá.	побѣдами, напр. голова.
turgandyk	быстро.

нецъ близокъ. Тогда со старухой погушали, какъ она потребовала и она стала точно семнадцатилѣтняя. Она одѣлась и сѣла на невѣстину мѣсто, а настоящей невѣсты она сказала: возьми сосудъ съ топленнымъ масломъ, брось его въ огонь, приговаривая: «пусть я сдѣлаюсь колдуньей и вылечу въ трубу». Не успѣла она сказать это, какъ оно и совершилось. Старухѣ же расчесали волосы, заплели ихъ въ три косички, и привѣсили къ нимъ три серебряныя привѣски.

Хозяинъ приказалъ впустить зятя, пригласить его сѣсть и перепочевать. Такъ и сдѣлано.

Около одиннадцати часовъ ночи въ снѣгахъ поступались. Кто тамъ? спросили. Это сосѣдка, невидимка, которая всегда ночью беспокоитъ прѣзжихъ, сказала старуха. Невѣста я; старуха, не запачкай моей постели; я тутъ на дворѣ совсѣмъ замерла. Такъ отозвалось за дверью, но старуха осталась при своемъ объясненіи.

Утромъ, умывшись, новобрачные принялись пировать: пили, ѣли, веселились и

tüsüljgönd, нар. turo-
rännerer . . . . . столонакрывающей — онъ
ставится.
tüsüljgö . . . . . подано.
^{tsch.} ^{tsch.}
z ip z ilyt. . . . . моргаетъ.
tschätschuntscha . . . . . скоро, еще немного по-
года.
tschoguján turdullár . . . . . толпой стоять они.
tschugás, нар. bir
kösj-du? tschugás-
du? . . . . . близко? нар. 10 верстъ
ли, или ближе?
daibé . . . . . кисть изъ конскаго хвоста
(изобраз. на стр.
788).
dabydalá . . . . . кости передней части
крыльевъ, на которой
сидятъ chodohoj.
du . . . . . ли, но въ обыкновенной
рѣчи соответствуетъ
и русскому ка.
dulgá . . . . . подпора.
djädiny . . . . . бѣдный.
djäräng . . . . . Numenius.
djorgö, нар. kiši . . . . . молодецъ.
njol^{tsch.}
z atá . . . . . пухъ.
(nuolakai, маркii).
bierderäbin . . . . . приказываю (?) отдать.

nälbi . . . . . дождевой воротъ (обы-
кновенно изъ медвѣжь-
ей шкуры).
(tuöchpún) ngoron-
guj? . . . . . сдѣлать ли мнѣ?
njondohör, нар. kiši
ogollór . . . . . шеголяя — человекъ,
право.
manná, нар. ngor
(ongor) . . . . . сдѣлай это. Если прика-
заніе точно исполнено,
то удовольствіе выра-
жается словомъ
šitti или šol kurduk. такъ.
mongoldjé . . . . . берестовый шалаши.
minér (minerä) tabá . . . . . верховой сѣвъ олень.
min minerym šooch-
du? . . . . . моего верхового сѣва оле-
ня ить?
(Отвѣтъ: channygyn? или chaj-olleryn, кото-
рый? kará? bár.)
mitschikkynnym . . . . . я улыбаюсь.
mungutabyt (kiši) . . . . . чрезвычайно богатый че-
ловѣкъ.
munjastannereller . . . . . собираются, нар. на яр-
марку.
bar-buolluochtera . . . . . есть, пожалуй, некото-
рые.

старухѣ въ приданое дана была половина всего, одежды, скота и прислуги. Они отпра-
вились въ путь. На первой почевкѣ повторяется та-же самая ночная чертовщина и т. д.

Сказка оканчивается тѣмъ, что у старухи герой отрываетъ голову, онъ женится
на заколдованной и они живутъ счастливо.

Въ заключение сообщаемъ еще нѣсколько сказокъ, рассказанныхъ мнѣ за ночнымъ
огонькомъ моимъ якутскимъ проводникомъ.

I.

На Майдѣ находится ущелье между отвѣсными скалами. Вабираясь по естествен-
нымъ выступамъ одной изъ скалистыхъ стѣнъ, два Тунгуса, пришедшіе туда охотиться,
добрались до входа въ обширныя пещеры. Они вошли и очутились въ жилищахъ под-
земныхъ духовъ, гдѣ они бродили цѣлый день. Совершенно ослѣдленные видѣнными
ими чудесами, они возвратились домой. На обращенные къ нимъ вопросы они отвѣчали,

baharbateryn da... ты не хочешь, но
ngor... дѣлай.
bararym-du, barba-
tym-du?..... идти ли мнѣ?
barytyn, nam. tuttala-
tym... я поймалъ всѣхъ.
bargá... вяленая рыба, пороса.
bastarnán... путешествую по (рѣч-
нымъ) верховьямъ.
basby... недоуздокъ сѣв. оленя
(изобраз. настр. 498).
baiberidá... семенить ногами; поэти-
чески говорится о гус-
томъ лѣсѣ, въ кото-
ромъ одно дерево тѣс-
нить другое.
bajang... самъ.
barkesjannerer... преусваиваетъ.
baserik... молодая сосна.
bir... одинъ.
bir ahylyk... сильныя кормовыя итс-
та.
bir kirer... сѣваются (рѣка).
bul... находить.
bultung-du?... нашель ты?
bullum... нашель.
bulum sooch... не найду.
bulbatym... я не нашель.

(tymny) buolta buollar если бы было холодно.
(tuochpún) buumuj.. варить мнѣ?
bušta... уже сварилось.
busár... варить.
básiach... митонка для молока.
ša-cháta... чехоль для ружья.
šaga... употребляется также вм.
aŋaga.
šamal-kymys... готовый кумысъ, неоднок-
ратно перелитый.
šáp... закрыть (двери).
šap... довольно.
šabannäch... мелкій дождь.
šalalyŋ, šalalynnyŋ... я возвратился.
šalalyŋ... возвратился.
šäbirdäch... вѣроятно всякій широкій
листъ, потому что такъ
называются не только
древесныя, но и ка-
пустныя листья.
šolú... подруга сѣв. оленя.
šytygan charjá... вонючая ешь, т. е. бѣлая
есть, шхта.
šyppytá (orъ šytyar). онъ лежалъ.
šyt... лежи.
šyljá... короткіе штаны, набед-
ренники.
šyttá... знахъ.

Min a^h_gám yhidjér.

Мой отец хворает.

A^h_gám baltá öljö или tangarat^o_a.

Отца сестра умерла¹⁾.

Min a^h_gám biitā (initā) kürüatā.

Моего отца старший брат (младший брат) убьжал.

Min inim attara ulachattar min aham attaratén (или atterynnagar).

Моего младшего брата лошади больше моего отца лошадей.

Atý tut. — Atý tutumä. — Atý tutung-du, suoch-du? — Chasan atý

Лошадь лови. — Лошадь не лови. — Лошадь ловишь-ты, или нет? — Когда лошадь

tutunguj? — Bu atý tutuöng suö^h_ga.

ты поймашь²⁾? — Эту лошадь поймашь не.

Min bäga^h_gä bultú šyljybyttým, än dshiehár chälbyttung; bügünj min dshiehár

Я вчера (на) ловлю отправился, ты дома остался; сегодня я дома

chal^o_ym; än baryng bultú.

останусь; ты пойдешь на ловлю.

Min uolúm birgä äingy ngýtta barsy^h_gä.

Мой смель вместе с тобою в одно время³⁾ пойдеть.

Oný ällärä k^o_unj ininä balygy bultabyrýt; šarsyn ämä bultuochnut.

Впереди третьего дня день пазадь, рыбы ловили ми; завтра опять будем рыбалить⁴⁾.

Bügün än uolattaryng bultannereller (bultullár); balygyn^h_gn bisigi asatyächpýt

Сегодня твои синовья идуць рыбалить; эти рыбы ми отдадимъ съестъ⁵⁾

chamnatschitarbyn (ch... bytn).

нашимъ батракамъ⁶⁾.

¹⁾ Ölänerabin, я умираю; öhydännereller, они умираютъ; öljähüm, я умру; öljütüm или öllüm, я умерь.

²⁾ Chasan tutumuj, когда ты поймашь? min tuttarä s'hoia, я не буду поймашь.

³⁾ Meiož у ngýtta, вместе со мною; bis'igioi gytta, вместе с нами.

⁴⁾ Bultobün, я иду на ловь. Bultuebüm, bultuochnuta

⁵⁾ As's'arytüm, я кормилъ; as'ät, корми

⁶⁾ Chamnatschitar^o_y, батраки

Chamnatschitargá (chamnatschitargytygôr) bušarye^{ch}_ká (kōstūōchā)¹⁾ šangá ašalyk-ta
 Батракамъ съѣдуетъ сварить новую пищу.

(или ašalyk, или ašalygy), ärgä (или urukū) šiaimitä (šiaibittér).
 старая съѣдена (они съели).

Sarsyn kötörö bultuočpút; bu kötördörö goroka atylyehym²⁾.
 Завтра дичь мы назовемъ, этихъ птицъ въ городѣ (Якутскѣ) мы продадимъ.

Bisi^h_gi tabanán (tabaga)-dú, aktá-dú ajannäcch^{ch}_ká (ajann^{aa}_yryt-du).
 Мы на сѣв. оленя-ли? на коня-ли? ѣхать (мы поѣдемъ).

Bylyryn (bylyryngý dshil) gorokka baröm (barrytým) ulachán šyrgá tabatyrytinän
 Прошлый годъ въ городѣ я былъ болѣвша сани съ шкурами сѣв. оленей
 (älbäch tašagašynän).
 (съ большою поклажею).

Aný (byj-yl) ämä älbäch tallägy atylým goroka.
 Впередъ (этотъ годъ) опять много шкуръ продамъ въ городѣ.

Tälläch atytä aljbäbit (üardjäbit).
 Шкуръ цѣна увеличилась (повысилась).

Min siäbin ikkⁱ_g balygy; min uolám šir üšj balygy; äñ ba^hasä šiaibiting^h tüörtj balygy;
 Я имъ двѣ рыбы; мой сынъ ѣсть три рыбы; ты вчера ѣлъ четыре рыбы;
 bisigi künnätä šiebit (или ašybyt) ikilitä; išigi birdi (bir küñ birdä
 мы ежедневно ѣдимъ по два раза; вы по одному разу (каждый день по
 или birdi küñ) асыгыт; atynnar (šoróch dshón) küngä üšjtütä (üšjtülümä) ašyllar.
 одному разу ѣдите; другие (другой народъ) ежедневно по три раза ѣдятъ.

Bišigi aný birditä (birdä или innibitigôr) ašyčhpút (ašyr buoluchpút).
 Мы впередъ по одному разу будемъ ѣсть (ѣсть намѣрены).

Min šarsyn tabá ätnj siem или ašyäm; min šylgy ätin ära^{ha}_{go}r (älbächach)
 Я завтра сѣв. оленя мясо буду ѣсть; я лошади мясо всегда (часто)

ašatým (ašabytým, šiaitim).

ѣлъ.

¹⁾ Кош, варить.

Миллердоръ, Путешеств. по Сиб. ч.

²⁾ Atylyachka, продавать.

Что в старинных изречениях многое внесено посредством любимой внезапной импровизации, об этом убийственные всего свидетельствуют пысканная вставка русских слов в старинные песни. Замечательную ассимиляционную силу якутского языка, о которой мы говорили уже прежде (стр. 767), я могу подтвердить еще тем, что благозвучие аллитерации усвоили себе и Русские в Восточной Сибири, как напр. в часто повторяемой поговорке: оводъ, холоды и голоды, которую выражается неприязнью к сѣвера ¹⁾. При всем том Якуты конечно любят щеголять знаніем русских слов ²⁾, как мы это часто видим в кумысовой песне, в особенности там, где хвастают русским нарядом. За тем мы встречаем подражанія повелительным словам непременно, первое дѣло, привычныя восклицанія днако, будто, и даже такія фразы, как *таһа пада зоһс*, дровъ не надо.

Разсказчику сказок слушатели внимаютъ съ большимъ напряженіемъ: каждое отдѣльное предложеніе разсказа вызываетъ со стороны слушателей глухо пробормоченное постоянно и прерываетъ разсказчика упомянутыми уже выше фразами на *ди*, цѣль которыхъ заключается въ разспрашиваніи частей происшествія, чтобы убѣдиться, вѣрно-ли понять разсказчика. Последний въ этомъ случаѣ владеетъ въ самыя мелкія подробности и иногда прибѣгаетъ къ выразительнымъ пантомимамъ.)

Не рѣже вопросительнаго *ди*, въ разсказы вставляется слово *диг* (говорить), или въ видѣ вопроса *тѣһс диг*, что онъ говорить? или наконецъ поправка или подтверженіе сказаннаго въ видѣ *тѣһс-та*, что я сказалъ.

Вопреки ожиданію, я нашелъ, что усвоить себѣ языкъ Якутовъ не легко. Прежде всего васъ поражаетъ чрезмѣрное богатство формъ. Разнообразіе способа пониманія представляетъ большое затрудненіе даже въ совершенно неважныхъ вопросахъ. Слыша въ первый разъ, что говорить *a^h ys'*, *siettä*, т. е. восемь, семь, не знаешь, какъ быть съ этими, хотя и нетрудно догадаться, что Якуты, желая, какъ въ настоящемъ случаѣ, сказать отъ семи до восьми, всегда сперва ставитъ большее число. Следовательно (преувеличивая свой разсказъ) онъ убавляетъ, а не повышаетъ, какъ мы, число.

Точно также васъ смущаетъ множество различныхъ значеній, которое имѣетъ одно и тоже слово. Грамматика и словарь представляютъ по этой части большое количество примѣровъ. Напомнимъ тутъ, что въ самомъ началѣ словаря слогъ *as'* означаетъ въ одно и тоже время: вскрывать или открывать, колоты, накалывать, засовывать, дагбе: волоса,

¹⁾ Русскій языкъ, хотя диалектически онъ также постоенъ какъ якутскій (срав. примѣч. на стр. 795, подраженія въ Сибири сильному кавказу отъ разнообразія природы въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Такъ напр. на сѣверѣ слово *звѣрь* бесспорно всегда означаетъ волка (*звѣрь сѣдлѣ*), а въ горахъ южной Сибири, гдѣ нѣтъ волковъ, подъ названіемъ *звѣрь* разумють только сѣв. оленя.

Слово *уралы* приѣхалъ въ Сибирь ко всѣмъ горнымъ хребтамъ; но положимъ, намъ даже удалось узнать и это, все-таки сначала вы теряете теритію, когда вы, подобно мнѣ, спрашиваете о бытѣ и происхожденіи Лаурецъ, и какъ отвѣчаютъ, что это Уральскіе казаки.

²⁾ У Бетлингга мы находимъ большой выборъ такихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, напр. на стр. 121, 143, 153, 163, 164, 186, 189, 192 и т. д.

кушанье, пищу; за тѣмъ: проходить, протекать мимо; также: голодъ, голодать, голодный и проголодавшійся; при всемъ томъ еще: бѣлый (сѣдой) цвѣтъ; наконецъ: дай, подай, равно какъ: поѣжай; но и: поставь. Этого примѣра достаточно. Это также самая путаница, какъ съ безчисленными рѣчками, называемыми въ горахъ Елѣга^о, что по тунгусски, говорятъ, значить: «сдавленный между крутыми скалистыми берегами».

Кромѣ того якутскій языкъ очень богатъ выраженіями по части разнообразія природы. Каждая форма льса, или непокрытой льсомъ мѣстности, отличается отъ другихъ особыми названіями; наберется болѣе дюжины именъ для разныхъ пучковъ травы на кочкахъ; у каждаго годоваго возраста незрелыхъ домашнихъ животныхъ, особенно сѣв. оленей, даже у каждаго рода ихъ, есть свое особое названіе; пѣние великой нѣсколько выдающейся птицы обозначается особымъ глаголомъ; у всякаго вида образующагося или распadaющагося льда есть свой особый терминъ, а за тѣмъ Европеецъ не можетъ не сбиться съ толку, слушая пѣсни, въ которыхъ, совершенно непостижимо, прославляются не только зеленая и синія, но и сѣрая древесная листва, да воспѣвается не только зеленый и синій, но и черный и красный ледъ. Въ подобныхъ вольностяхъ и въ изобиліи синонимовъ аллитераціонная импровизація Якутовъ, по видимому, находитъ свою главную опору.)

Съ одной стороны такой преизбытокъ, а съ другой необыкновенный лаконизмъ. Слышу я, идетъ разговоръ про kalatschikter. Что это такое? спрашиваю я, и узнаю, что подъ этимъ разумѣютъ русское слово казачь, въ уменьшительномъ казачикъ. Наконецъ изъ разныхъ перекрестныхъ вопросовъ оказывается, что къ нему, безъ дальнѣйшаго, прибавлено окончаніе якутскаго множественнаго числа ter. Разговоръ продолжается, и я спрашиваю наконецъ въ отчаяніи: но что же это значить, вы говорите то kus'agan (худые) kalatschikter, то kus'agätter kalaktshikter, то kus'agan kalatschik, то kus'agätter kalatschik, хотя вы и этотъ разъ говорите о нѣсколькихъ казачкахъ? Bir (одно), отвѣчаютъ мнѣ отрывисто; bir, повторяютъ еще разъ, когда я не удовлетворился отвѣтомъ, и только въ третій разъ прибавляютъ s'in bir (все одно), чтобы увѣрить меня, что можно сказать либо такъ, либо иначе. Въ другой разъ я спрашиваю, то ли мѣсто или другое ближе отъ того, гдѣ я стою. Tschugás' (близо), отвѣчаютъ мнѣ по отношенію къ первому, что значить: оно ближе. За тѣмъ я ставлю вопросъ иначе и стараюсь узнать, какъ нужно спрашивать: «въ десяти-ли верстахъ оно, или ближе?» Опять мнѣ отвѣчаютъ: bir kôs'j-du? tschugas'-du? т. е. 10 верстъ-ли? или близко-ли? Оказывается, что нѣтъ сравнительной степени, и чтобы вполне выяснить дѣло, нужно по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ другому слову, въ родѣ bárt (чрезвычайно, должно значить: ближе) или авегаhê (авгага^hу, по ту сторону, должно значить: дальше). Или путешественникъ слышитъ, что произносится два слова: bû prikladâch-du? а при этомъ указываютъ на какого нибудь сѣв. оленя. Оказывается, что Якутъ, безъ дальнѣйшаго, къ русскому слову прикладъ (добавку къ кладу) прилепелъ свою обычную при-

бавочную частицу *äsh*, вставлял для благозвучія *ä*, присоединял вопросительную частицу *du*, и такимъ образомъ сочинилъ вопросъ: навьючена ли на этого сѣв. оленя добавочная кладь? Но не можеть ли это также означать вопросъ: не слѣдуетъ ли на этого сѣв. оленя еще навьючить кладь, или не слишкомъ ли много клады навьючено на него? *Vig*, конечно, отвѣчаютъ мнѣ. Приходится тебѣ, любезный странникъ, умѣть отгадывать подобныя вещи, точно также, какъ выше, нужно было угадать, которое значеніе слога *as'* долженъ имѣть въ данномъ случаѣ изъ тѣхъ 12 — 20 значеній, какія онъ имѣеть.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ замѣтить, что даже Якуты, подобно Тунгусамъ и Самоѣдамъ, первоначально не имѣли слова для выраженія благодарности. И теперь еще они ограничиваются русскимъ словомъ спасибо, искаженнымъ въ раз'тво или *rah'bo*. У Тунгусовъ я слышала, какъ они, вслѣдствіе прямаго предложенія моихъ спутниковъ, употребляли слово *aja*, хорошо для выраженія слова «благодарю». У Самоѣдовъ вовсе не было такого выраженія; въ этомъ я убѣждалася неоднократно; досада сначала на казавшееся равнодушіе, съ какимъ они принимали самыя щедрые подарки мои. При спокойномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить возбужденной въ нихъ радости. Низкія степеня того-же естественнаго равнодушія, которое, вслѣдствіе извѣстій о нравахъ сѣверо-американскихъ такъ-называемыхъ Индѣйцевъ, стало считаться высшимъ стоицизмомъ, очевидно встрѣчались и въ сѣверной Сибири до меня. Какъ о благодарности, такъ и о привѣтствіи или прощаніи, тамъ не было рѣчи, и даже Якутамъ пришлось у Русскихъ заимствовать и усвоить слово *bugas'ty* (прости).

Во всякомъ случаѣ такой образъ дѣйствій чрезвычайно отличается отъ обыкновенныхъ, сангвиническихъ пріемовъ Якутовъ, ибо при всей своей энергіи, на какую они способны, они все-таки нерѣдко, совершенно внезапно, по какому-нибудь ничтожному поводу, впадаютъ въ полнѣйшее отчаяніе, или предаются неукротимому пылу и необузданному веселію. Бѣднымъ сѣв. оленямъ частенько приходится испытывать свѣрскую горячность Якутовъ; мнѣ случалось видѣть, какъ обѣ голову сѣв. оленя разлетѣла въ куски ружейной прикладъ.

Пѣсни и сказки Якутовъ свидѣтельствуютъ о превосходной памяти человека первобытной природы, но еще болѣе способность припоминать мѣстность, въ которой имъ случилось быть разъ въ жизни, или положеніе которой имъ описано также только одинъ разъ. Старикъ Якутъ, бывшій въ китайской Дауріи всего разъ, зѣвъ за 25 передъ тѣмъ, умѣлъ мнѣ не только описать рѣки, рѣчки и ручейки, и означитъ разстоянія посредствомъ числа дней, необходимыхъ на совершеніе пути, но и перечислитъ всѣ ихъ имена, даже названія мѣстностей на Амурѣ. Вниманіе первобытнаго человека не разсѣвается неограниченнымъ кругомъ знанія, память его не обременяется разнымъ школьнымъ балластомъ, съ самой ранней молодости.)

И тутъ также, рядомъ съ воровскими наклонностями, сосланными до Удскаго Острога, я встрѣчала между туземцами безаредѣльную честность, встрѣчала ее въ

томъ-же самомъ человѣкѣ, который не могъ удержаться отъ искушенія въ моихъ глазахъ запустить зубы въ масло, которое онъ мнѣ несъ, не могъ удержать слезъ отъ горя и досады, что я заставилъ его, не смотря на всѣ его отговорки, дать мнѣ кусочикъ масла на мазь для раны сѣв. оленя.

Неограниченная власть отца надъ семействомъ, эта предюдія власти старшинъ и тоюновъ надъ народомъ, дѣйствуетъ такъ глубоко, что невольно удивляешься той безусловной, извѣстной въ Европѣ лишь въ военномъ быту, дисциплинѣ, съ которой среди первобытной природы всякое слово старшаго считается обязательнымъ, и быстро выполняется. Такъ это бываетъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ, такъ и у Якутовъ. Раздаются слова S'ol kurduk или s'itti kurduk (точно такъ) и приказаніе исполняется безъ всякаго возраженія, если даже дѣло идетъ о самыхъ странныхъ для нихъ требованіяхъ науки. Не спрашивая, они послушно подчиняются высшему благоусмотрѣнію¹⁾. При всемъ томъ Якуты бьютъ своихъ дѣтей не очень часто, хотя и чаще Тунгусовъ, которые почти вовсе не били ихъ. Теперь, когда между Якутскими дѣтьми находятъ, говорятъ, даже гимназисты, теперь кое-гдѣ вѣроятно все приняло другой видъ. Уже въ мое время проявилось у нихъ желаніе, чтобы дѣти ихъ, которые вообще бойся и любознательны; обучались въ школѣ; я зналъ торговца, содержавшаго для своего лишь семилѣтняго сына учителя, которому онъ, кромѣ дароваго содержанія, платилъ въ мѣсяцъ по 5 рублей. Вскорѣ я пересталъ удивляться этому, познакомившись съ пандагомъ въ лицѣ человѣка, котораго Тунгусамъ начальство ихъ навязало въ писаря, и которому эти дѣсные отшельники охотно платили 400 руб. жалованья, такъ какъ онъ прежде служилъ въ главномъ управленіи и даже дослужился до титулярнаго совѣтника. Они считали его своимъ избавителемъ, потому что предметнику его платили по 1000 руб. въ годъ. Канцелярская переписка была доведена до замѣчательныхъ тонкостей, между тѣмъ какъ начальникъ такого важнаго писца прибѣгалъ къ упомянутому на стр. 704 языку знаковъ.

Хотя всѣ Якуты принимаютъ крещеніе, но все христіанство ихъ заключается въ данныхъ имъ при крещеніи именахъ, которыя они часто такъ коверкаютъ, что ихъ и узнать нельзя. Такъ какъ по принятому у нихъ обыкновенію, крещеному давали фамилію свѣдѣтеля и крестнаго отца, то между Якутами и Тунгусами встрѣчалось безчисленное множество Поповыхъ, Надѣиныхъ, Стручковыхъ и т. д., что уже въ то время подавало поводъ ко многимъ ошибкамъ. Мнѣ было забавно встрѣтить въ горахъ даже Гаузена, который въ прошломъ столѣтіи принялъ фамилію чиновника Гольдгаузена. Это напоминаетъ мнѣ слово Halsuch, обратившееся въ русское галстукъ, и занесенное къ Якутамъ, у которыхъ оно въ кумысовой плѣснѣ, на берегу Тихаго Океана, появилось въ якутской формѣ altus¹⁾.

Когда я сталъ спрашивать про Отче нашъ, то его никто не зналъ, ни по русски,

¹⁾ Срав. стр. 636.

ни по якутски, и катихизисъ, на который Бётлингъ ссылается ¹⁾, вызывалъ неоднократно совѣщанія, вслѣдствіе которыхъ мнѣ объявили, что священникъ въ Амгинскѣ былъ правъ, сказавъ, что катихизисъ неопытенъ. Мнѣ говорили, что изъ всего можно понять лишь нѣкоторыя слова, и что часто не только выраженія, но и смыслъ совершенно непонятны.

Только разъ, когда ледъ перерѣзалъ нашу кожаную лодку и мы находилась въ большой опасности, одинъ старикъ Якутъ прозвонилъ слѣдующее воззваніе, которое, по его мнѣнію, должно было вызвать на помощь всѣхъ святыхъ. Tang aга, Nikolo, bā-tjuschka! воскликнулъ онъ, т. е. Боже небесный, Никола, батюшка! признавая св. Николая, по примѣру многихъ русскихъ простолюдиновъ въ Сибири, за самое сильное божество. Встрѣчаются также мѣстами въ пустынь могилы съ крестомъ, по рядомъ на деревя повѣшены люлька умершаго ребенка, да медвѣжьи черепа и т. д., потому что важнѣе всего, чтобы эти жертвенные дары, которые развѣшиваются на особомъ, большею частью вылообразныхъ, шестахъ, не обрызгались собаками. Въ Сибири медвѣдо повсюду оказываютъ божескія почести. Въ юртѣ Якута висятъ медвѣжьи когти, а передъ нею переднія части череповъ зайцевъ и другихъ сѣдмыхъ животныхъ, въ качествѣ трофеевъ, по которымъ исчисляется зимняя добыча. Мѣсто бѣлаго медвѣда, который на глубокомъ сѣверѣ является наиболѣе страшнымъ звѣремъ (срав. стр. 666), тутъ, на южномъ скатѣ водораздѣльнаго хребта, заступаетъ тигръ. Какъ тамъ является зубъ бѣлага медвѣда, такъ тутъ къ хвосту св. оленя привязывается кусочекъ тигровой шкуры, который долженъ предохранять это животное отъ нападенія медвѣдей и волковъ.

Само собою разумѣется, что такое суевѣріе никакъ не можетъ остановиться на этомъ, а охотно принимаетъ болѣе отвѣченныхъ формы: такъ напр. отрубленный стволъ дерева можно класть въ огонь только толстымъ концемъ впередъ и т. д., какъ мы упоминали уже, говоря о Тунгусахъ (срав. стр. 707).

Еще въ мое время покойникамъ клали въ ротъ погребальную пищу ($k\overset{0}{y}ngs\overset{0}{u}$), чему, впрочемъ, нельзя удивляться, потому что мнѣ привелось видѣть тоже самое въ нашей столицѣ; кромѣ того между Якутами сохранилось еще воспоминаніе о томъ, что прежде при погребеніи убивали лошадей и хоронили ихъ, съ сѣдломъ и украшениями, рядомъ съ ихъ хозяиномъ. Сохранилось даже еще преданіе о томъ, что нѣкогда вмѣстѣ съ знатыми покойниками живьемъ хоронили также прилегу ихъ.

Кромѣ этихъ обрядовъ, указывающихъ на Среднюю Азію, и кромѣ разныхъ горныхъ духовъ, восхваляемыхъ въ посвященныхъ рѣчахъ, Якуты въ прежнія времена, менѣе 150 лѣтъ тому назадъ, поклонялись также примѣчательнымъ явленіямъ природы ²⁾, какъ это еще въ мое время случалось встрѣчать у Самоѣдовъ.

¹⁾ См. нѣм. изд. этого соч. т. III отд. 1, стр. XXXIX.

²⁾ Въ Запискахъ Гидрографич. Департ. IX, стр. 57, говорится: На рѣкѣ Видой, близъ вершины впаденія стигаетъ, какъ тамъ она есть; кланя причитаема бо-гому, котораго въ какомъ тоголочно называютъ — Якуты желдо дѣлаютъ котлы... но если какую вещь тѣмъ и слышатъ.

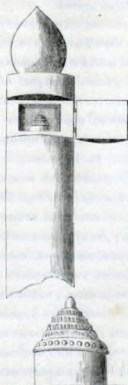
И так, на северном своемъ предѣлѣ, Якуты уже издавна, какъ мнѣ кажется, успѣли усвоить себѣ религіозныя воззрѣнія своихъ северныхъ сосѣдей. Не слишкомъ далеко отъ юго-западнаго предѣла самыхъ крайнихъ форпостовъ ихъ, я встрѣтилъ въ удлиненной Бурятской степи изображенный здѣсь столбъ, стоявшій съ своей стороны форпостомъ противъ сѣвера, въ качествѣ ламаѣйской часовни. На глиняномъ хранилѣ находилась, какъ мы видимъ, идущая вѣнкомъ нагнесь.

Въ заключение сообщая еще нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ одеждѣ, бракахъ и обычномъ правѣ Якутовъ по раздѣлу наследства.

Видя, какъ на крайнемъ, такъ сказать, предѣлѣ тогдашнѣ «Kus'agättag», да и въ иѣсни въ честь кумыса говорится, что плохოდѣтые должны быть прогнаны. Выраженія dshadaingü, действительно значащаго «бѣдный», мнѣ въ этихъ случаяхъ не приводилось слышать.

Само собою разумѣется, что эта сграсть щеголять преимущественно проявляется въ нарядѣ женщинъ, платье которыхъ, у богатыхъ Якутовъ, въ мое время, стоило до 300 рублей. Да и мужья были не прочь поважничать богатыми нарядами своихъ женъ.

Какъ веждѣ, такъ и тугъ, головной уборъ, какъ вывѣска, составляетъ суть дѣла, и действительно, довольно оригинально, соответствуетъ климату полюса стужи. По этому-то, вѣроятно, наши европейскія, задающія тонъ, героини, еще не экзипуатировали его, хотя Якутки и въ юртѣ не снимаютъ своихъ гренадерскихъ шапокъ (не смотря на то, что послѣднія даже съ внутренней стороны тепло подбиты бѣльчѣимъ мѣхомъ), и при торжественныхъ случаяхъ не раззатяются съ этимъ главнымъ нарядомъ, говорить, даже лѣтомъ. Мы не станемъ останавливаться на описаніи мѣховой шапки Якутокъ, придерживаемой повлаками, такъ какъ устройство ихъ упомянуто уже на стр. 716, а форма ея изображена на стр. 716 и 749. Когда ей суждено быть въ подполѣ блескѣ, то на помощь медвѣдеподобному мѣху росомахъ являются боберъ и соболь, а посреди краснаго

наго міра, въ Уласкомъ Острогѣ, командиръ (срав. прим. на стр. 737), т. е. казачій унтер-офицеръ важничалъ самыми щегольскими, убранными соболемъ, нарядами, какъ радилась другая, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя, знатная фамилія этого захолустья, т. е. семья священника, жена котораго являлась въ прекрасной, покрытой чернымъ шолкомъ, дисеѣй шубѣ, съ превосходнѣйшимъ собольимъ воротничкомъ, вскорѣ перестаетъ удивляться сильной расточительности Якутовъ. Не беруетъ рѣшить вопроса, на сколько у нихъ сграсть щеголять прирождена, на сколько она перенята, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ нею связано совпаденіе выраженій «бѣдный» и «худой». Бѣдныхъ называли

сукина выдающейся пирамиды видѣется кокарда либо крестъ изъ чернаго бархату. Для разнообразія встрѣчаются также рысьи шапки.

Когда эту шапку снимаютъ, то на сцену выступаетъ богато убранныя головная повязка (Gorlan), изображенная на стр. 761, или чепчиколодобный сръзанный ковуръ, который сверху открытъ и нерѣдко надѣвается также мужчинами въ дорогѣ. Представьте себѣ скроенный въ видѣ трапеціи кусокъ матеріи, обѣ сходящіяся стороны котораго вверху, внизу и по срединѣ, связываются посредствомъ размѣщенныхъ другъ противъ друга ленточекъ. Велѣдствіе конической формы этого чепца, онъ приходится на любую голову. Подъ нимъ торчатъ серебряныя, или по крайней мѣрѣ посеребренныя, тяжелыя серьги, которая висятъ на кольцахъ въ $1\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ, и гравированныя пластинки которыхъ, посредствомъ маленькихъ колечекъ соединены въ нѣсколько этажей въ такомъ родѣ, какъ у насъ показана на стр. 716. Хотя ушные мочки болѣею частью проколоты въ двухъ мѣстахъ, все-таки тяжесть привѣски немѣрно растягиваетъ ушную раковину. Добавьте къ этому обмотанную ремешками косу и привѣшанное къ нему подобное-же, тяжелое украшеніе косы, состоящее также изъ гравированныхъ посеребренныхъ пластинокъ, висящихъ въ нѣсколько этажей на кольцѣ, въ палецъ толщины, или такой, украшенный бусами, уборъ, какой изображенъ на табл. XV, рис. 3, нѣм. изд. и принадлежалъ уже къ числу болѣе легкихъ украшеній. За тѣмъ, въ такомъ-же стилѣ отдѣланъ широкій, составленный изъ гравированныхъ квадратныхъ пластинокъ, поясъ, съ разными привѣсками, между которыми мнѣ особенно бросались въ глаза необходимая ушная ложечка и трубка. Последняя между красавицами часто переходила изъ рукъ въ руки. Всѣ металлическія принадлежности въ мое время оцѣнивались въ 100 руб. и болѣе; это еще не много, если припомнимъ, что богатые мужчины носили на своихъ кафтанахъ пуговицы изъ чистаго серебра и сидѣли на окованныхъ серебромъ сѣдлахъ.

На кафтанѣ¹⁾ разрѣзъ, съ красными, зелеными или синими обшивками, свидѣтельствуеетъ, что это народъ наѣздническій, у котораго жены также привыкли ѣздить верхомъ. Но кафтанъ не всегда ограничивается одними красными выпушками. Мнѣ показывали дѣвичій нарядъ изъ голубой шелковой матеріи, украшенный самыми разнообразными фигурами, которая были вышиты серебряными итками. На спинѣ былъ вышитъ черебурый крестъ изъ чрезвычайно уважаемаго мѣха росомахи. Такой-же крестъ изъ мѣха росомахи, съ присоединеніемъ подумѣсца на затылочной части, шиты были въ мѣховой кафтанъ изъ выцѣпъ шкуры съ обращенными наружу волосами. Рукавницы довершаютъ щегольской нарядъ.

Волчій саняхъ невѣста должна имѣть наготовѣ для своего будущаго жениха.

У мужчинъ такая-же шапка, какъ у женщинъ, а съ головной повязкой мы также ознакомились уже на стр. 761. Но у богачей подъ шапкой выглядываетъ плотно приле-

¹⁾ Саняхъ. Глазъ на одеждѣ является замѣнъ, тамъ золью растворяется и кашеобразный составъ этотъ сильнейшей придается красивый оранжевый цвѣтъ тѣмъ, но втирается ладьюю, что ольковая кора посредствомъ вытатки и прижиса

гающая татарская ермолка, которую съ края обвиваетъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ (стр. 710) и которая, вслѣдствіе этого, похожа на черкесскую шанку. Волосы на головѣ коротко стригутъ; только у нѣкоторыхъ оставляютъ кругомъ, за исключеніемъ несъеннаго лба, занавѣсь, состоящей изъ прозрачнаго ряда краевыхъ волось. Тунгусы и Юраки точно также носятъ свои волосы, которые въ этомъ видѣ изображены на табл. III-ей.

Животъ богачи содержали въ теплѣ посредствомъ особаго кушака (Bätschi), въ дѣль ширины, который удерживался въ своемъ положеніи посредствомъ подтяжекъ. Это былъ положительный прототипъ набрюшника Тирольскаго. Богатые торговцы шеголяли въ дорогихъ мѣховыхъ кафтанахъ, которые они даже лѣтомъ неохотно снимали. Когда становилось слишкомъ жарко, то Якуты снимали одну часть своего наряда за другою.

Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ мы не завидовали Якутамъ, но скоро усвоили себѣ превосходную, непромокаемую обувь ихъ, сары, о которыхъ нами говорено уже на стр. 644. Этимъ именемъ называются также почки и крестецъ лошадиной шкуры, гдѣ она, говорятъ, толще всего. Красивый и плотный черный цвѣтъ свой сары принимаютъ отъ примѣси сала и красильнаго вещества, наростовъ, образующихся на березахъ. Зимую сары замѣняются высокими мѣховыми сапогами на мягкой подошвѣ.

Слѣдовательно вообще, какъ видно, удерживались старинныя, національныя части одежды, покрои и узоры ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ то время, проложили себѣ путь къ Якутамъ принадлежности русскаго платья, и даже цѣлые наряды (срав. стр. 651 и 740). Большимъ почетомъ пользовались уже жилетки, по возможности съ красною синкою, и тамъ гдѣ появлялась цвѣтная или пестрая сорочка, она свидѣтельствовала о своемъ происхожденіи, служа верхнимъ платьемъ, т. е. прикрывая на половину шаны.

Старикъ Витсенъ ¹⁾ говоритъ: *Het is aenmerkens-waerdig det de Volkeren hoog Noorden woonende, aen de Vlieten Lena en Jenisea, gewoon zin slapende op den buik te leggen om die warm te houden, daer zy de gesontheit achten in te bestaan, zonder zorg te dragen of de rug bedekt is of niet.* Это вполне согласуется съ тѣмъ, что нами сказано было на стр. 324, но какая разница между такою способностью переносить стужу и непомѣрно щедрою мѣховою одеждою Якутовъ, которая нами выше описана и даже не совѣмъ уступаетъ дѣйствию лѣтняго тепла!

Сочтя мальчика, которому было 15 лѣтъ, нѣсколькими годами моложе, я очень удивился, когда мнѣ подтвердили, что у Якутовъ дѣвухешъ обручаютъ съ 10-го года и сватовство начинается даже у восьмилѣтнихъ дѣтей. Я смѣрилъ такую, представленную мнѣ даму, которая уже второй годъ была невѣстой, и нашелъ ее всего 49 дюймовъ вышины, такъ что ей недоставало около $\frac{1}{5}$ полного роста. Она изображена на табл. X-ой нѣм. изд. Такъ называемый кьялтегангъ составлялъ у нихъ, какъ меня увѣрили, общій обычай. Я говорилъ съ Якутами, которые такимъ образомъ, благодаря непочетности своихъ родителей или приемныхъ отцовъ, были обручены на 12-мъ и 13-мъ году. Четыре или пять

¹⁾ Второе изданіе, стр. 88.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

дѣтъ спустя совершена была свадьба. Разсказывали о перемѣнѣ жень, которая производилась рѣдко, хотя въ прежнія времена она была въ большомъ употребленіи. У одного богатаго Якута было въ живыхъ 3 сына и 9 дочерей, а 6 дѣтей уже умерло.

За невѣсту всегда вносится одинаковое количество разнаго скота, примѣрно 4 вола, 4 коровы, 4 мерина, 4 кобылы и т. д., но большею частью въ такомъ случаѣ 2 вола, 4 коровы, 2 мерина, 4 кобылы и т. д. опять возвращаются въ видѣ приданого. Далѣе изъ 8 коней, которыхъ богатый женихъ долженъ дать на свадебный парь, двухъ, говорятъ, родители невѣсты опять возвращаютъ. Такимъ образомъ и тутъ дѣло больше похоже на мѣну, чѣмъ на покунку; при всемъ томъ мнѣ жаловались, что иной зажиточный парень свадьбою совершенно разстраиваетъ свои дѣла, потому что за невѣсту рѣдко приходится вносить по 10 головъ каждаго рода скота; наименьшая цѣна 500 руб., но случается, что платятъ иногда до 5000 рублей.

У сѣверныхъ Якутовъ цѣна за невѣсту не была очень высока, а простиралась примѣрно до 16 сѣв. оленей, къ которымъ присоединялся еще одинъ для закланія на свадебномъ пиру. Кромѣ того жениху приходилось угощать водкой.

По смерти мужа выкупъ невѣсты опять переходитъ въ руки вдовы, которая за тѣмъ не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на наслѣдство мужа и обыкновенно остается у своихъ родныхъ либо сводныхъ дѣтей, хотя можетъ идти, куда ей угодно.

Отецъ рѣдко уже при жизни дѣлитъ свое состояніе между дѣтьми, когда у него бываетъ много взрослыхъ сыновей, которые потомъ продолжаютъ вести свое хозяйство на собственный счетъ. Обыкновенно же, т. е. когда не болѣе одного или двухъ взрослыхъ сыновей, они остаются у отца, даже если они сами уже женаты и имѣютъ дѣтей. Отецъ снабжаетъ ихъ всею необходимыми для существованія, но и беретъ себѣ все что добывается. Патриархальная власть отца доходитъ до того, что женатаго сына, хотя бы со времени свадьбы прослужившаго отцу 10 лѣтъ, онъ все-таки имѣетъ право лишить наслѣдства. По существующему обычаю, отецъ дѣлитъ свое имущество на равныя части, но онъ имѣетъ полное право предпочесть того или другаго сына. Сынъ или сыновья, по смерти отца, получаютъ въ наслѣдство какъ имущество его, такъ и неуплаченные имъ долги. Раздѣлъ совершается между наслѣдниками поровну. Только въ спорныхъ случаяхъ старшіе члены рода, или старшины племени, принимаютъ на себѣ уравненіе наслѣдства. Они же обязаны вступать въ должности попечителей при расточительности вдовъ, оставшихся съ малолѣтними дѣтьми. Если по смерти отца оказывается взрослый сынъ, то онъ заступаетъ мѣсто отца при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ, которые ему обязаны служить безплатно; а хозяинъ дома съ своей стороны долженъ поженить и выдать ихъ за мужъ и вообще поставить ихъ на ноги. Наслѣдство умершихъ дѣтей переходитъ къ отцу, или, если его нѣтъ въ живыхъ, къ братьямъ; мать же право имѣетъ только на выкупъ невѣсты.

И въ глазахъ Якутовъ женщина еще вполне подчиненное существо.

Уже два столѣтія тому назадъ, прилежный компиляторъ, почтенный Витсенъ, замѣтилъ ¹⁾: *Het Volk dat omtrent de Vliet Piasida of Peisida, die in de Ys-zee uitstort, woont, zijn uit den bruin-geele, kloeke Luiden, hebben kleine oogen, en platte aengezichten.* Онъ былъ совершенно правъ: монгольская раса, отчасти чистокровная, отчасти въ самыхъ разнообразныхъ помѣсяхъ, распространилась отъ Южнаго до Сѣв. Ледовитаго Океана по всей Азіи. Она забралась и въ Европу. По плодовитости и размноженію своему она превосходить Европейцевъ. Кто рѣшится предсказать, какаю роль во всемірной исторіи предназначена монгольской расѣ, когда ей, чистокровнои или при благопріятной помѣси съ кавказскою расой, опять вздумается или придется обратить вниманіе на Европу.

Послѣ всего сказаннаго мною въ текстѣ на стр. 631 — 634 нижеслѣдующіе рисунки уже не требуютъ особаго объясненія.

Выраженная мною на стр. 688 надежда успѣла между тѣмъ осуществиться: благодаря Императорскому Русскому Геогр. Обществу я могъ небольшое число принадлежащихъ мнѣ фотографій пополнить нѣсколькими фотографіями изъ этнографическаго портфеля этого Общества и такимъ образомъ присоединить еще одну таблицу рисунковъ (II-ую). Рисунки эти сдѣланы съ фотографій, которыми, сколько мнѣ извѣстно, мы обязаны путешествію горнаго инженера г. Лопатина.

Всѣ они изображаютъ Самоѣдовъ, живущихъ въ низовьяхъ Енисея. Физиономія № 1 отличается чисто монгольскимъ типомъ. Въ № 2 кроется, какъ мнѣ кажется, какаго-нибудь европейскаго примѣся, кавказскаго племени. № 3 — 7 типичныя Самоѣдскія лица, финно-монгольской помѣси, между которыми № 4 поразительно похожъ на Ngegÿtmi нашей V-ой таблицы Немецк. Изданія. № 8 и 9 я считаю положительною помѣсью славянско-самоѣдскаго происхожденія. Такія физиономіи я встрѣчалъ неоднократно. Отличительную черту этихъ лицъ составляютъ усы, борода и совершенно оригинальный носъ: большой, кеглеобразнаго очертанія, но выдающийся и съ рѣзко-выступающимъ гребнемъ. Тѣже самыя особенности мы встрѣчаемъ на Самоѣдскомъ лицѣ № 68 и 110 въ восходной фотографической путевой портфели графа Вильчека; къ сожалѣнію она еще не издана, хотя во всякомъ случаѣ это весьма желательно.

¹⁾ Второе изданіе, стр. 666.

The first part of the report deals with the general situation in the country. It is a very interesting and well-written account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people. It is a well-written and interesting account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people.

The second part of the report deals with the economic situation in the country. It is a very interesting and well-written account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people. It is a well-written and interesting account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people.

The third part of the report deals with the social situation in the country. It is a very interesting and well-written account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people. It is a well-written and interesting account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people.

The fourth part of the report deals with the political situation in the country. It is a very interesting and well-written account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people. It is a well-written and interesting account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people.

The fifth part of the report deals with the future of the country. It is a very interesting and well-written account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people. It is a well-written and interesting account of the country and its people. The author has done a great deal of research and has gathered a wealth of material. The report is a valuable contribution to the knowledge of the country and its people.

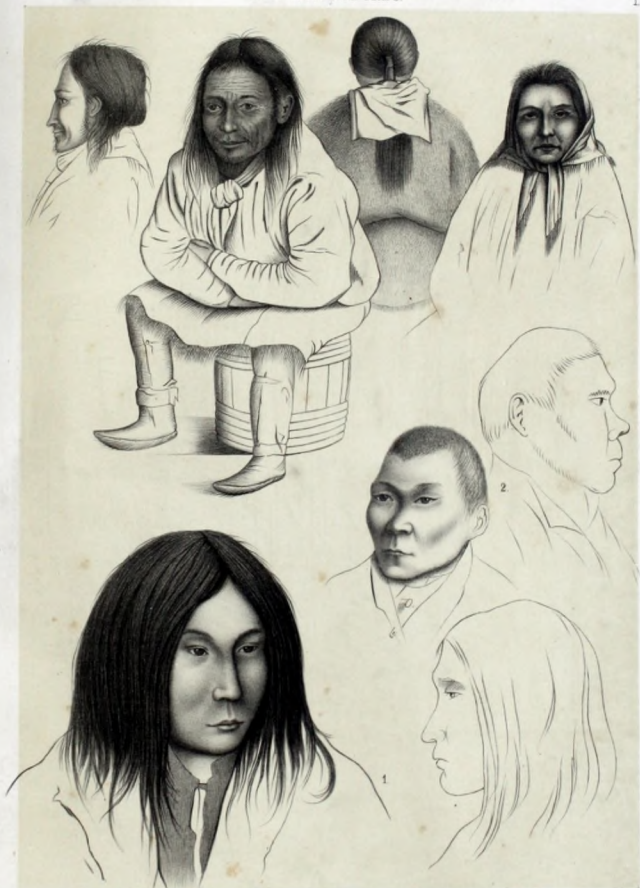
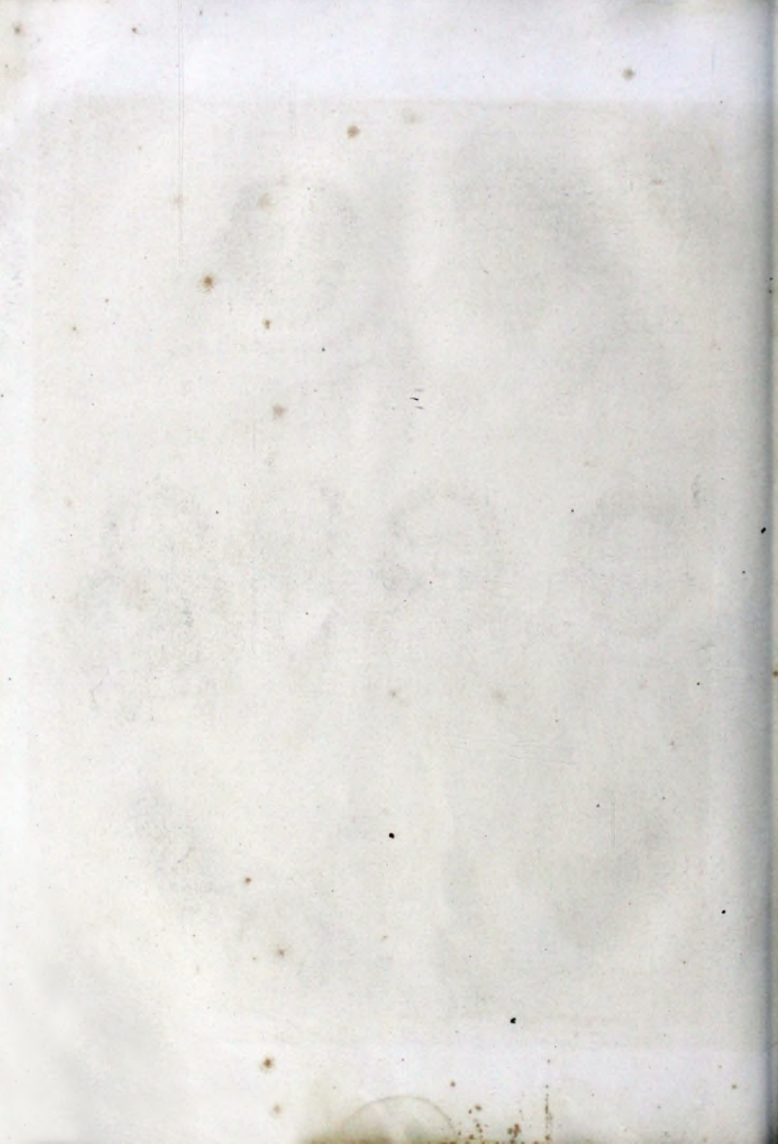

Рис. съ натуры.

Лит. Иванова С.В.

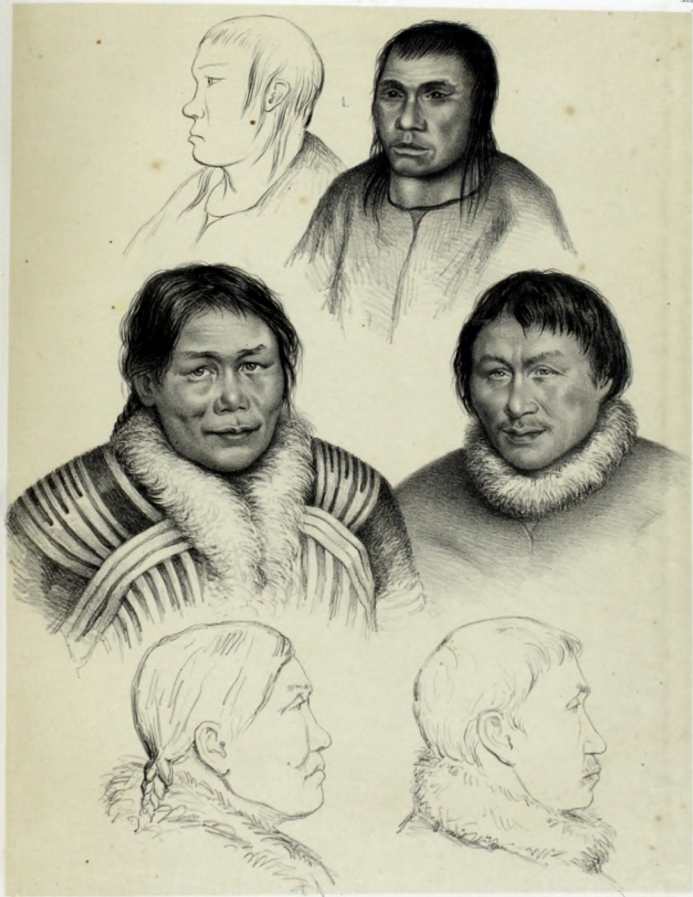
1. Остякъ (Уктá) рѣки Имбакъ. — 2. Юкагирь р. Колыма.

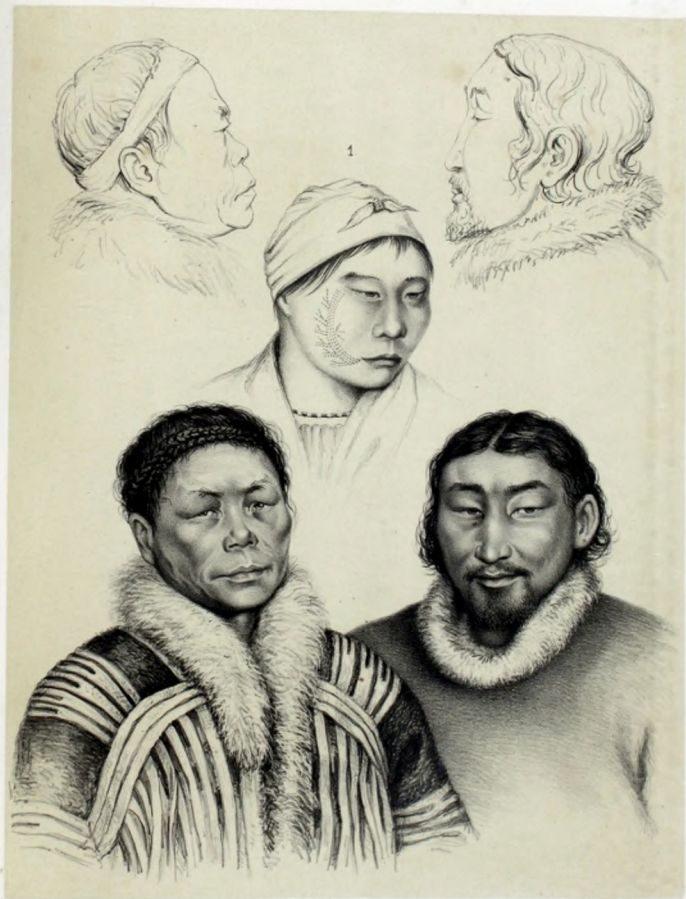
(Льидзякó)

САМФЬДЫ КАНИНСКІЕ.
(Паркулевъ)

(Гаврила)

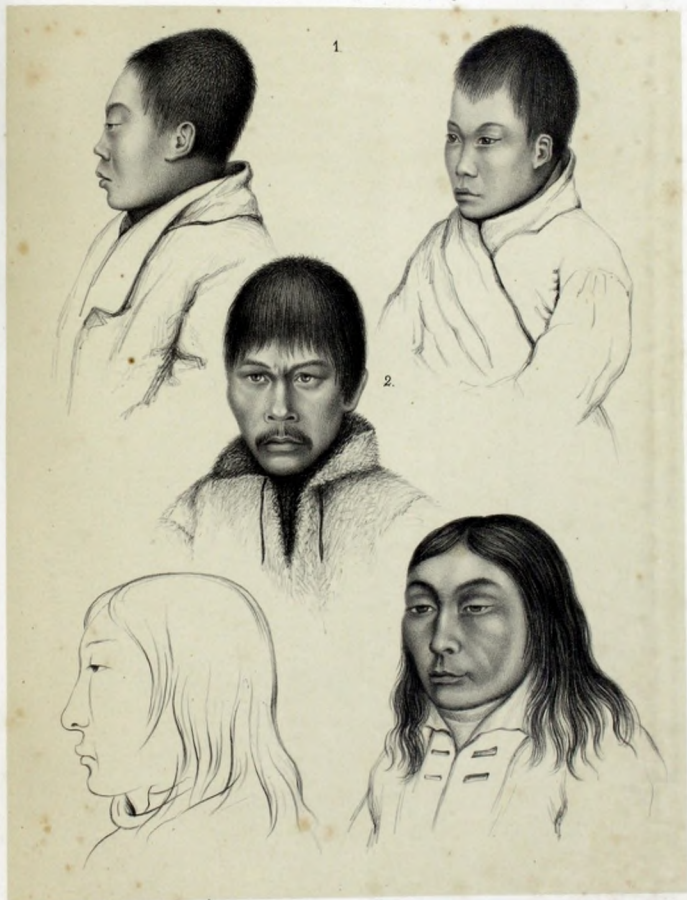
Рис. на кам. С. Игнатовъ С. П.

САМОУДЫ ТИМАНСКІЕ
(Варайко Хамянь) (Малафей Апицинь)

Рисокъ нѣтъ Брандъ.

Литъ Ивансона С.ЛБ

(Савильи) Боягерской ордѣ.

Рисъ съ мат. Брандъ.

олетъ Иллариона С. П. В.

(О дай) ЯКУТКА р. Хета.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	Стран.
Обзоръ картъ, съемокъ и плановъ	VII — IX
Введение	1 — 10
Снаряженіе, цѣль и ходъ путешествія	11 — 27
Наблюденія надъ температурою земли стр. 13 — 14. — Спутники стр. 13 — 16. —	
I. Таймырское путешествіе стр. 16 — 22. — II. Путешествіе къ Охотскому морю, въ	
область Амура и обратно стр. 22—26. — Составъ сочиненія стр. 26—27.	
Географія и Гидрографія	24 — 188
Древнѣйшія карты Сибири стр. 29 — 39. — Казанскіе «Доклады» стр. 39 — 44. — Ста-	
ртинныя измѣренія Сибири стр. 44—45. — Съезды новѣйшихъ временъ стр. 46 — 48. —	
Сѣверная экспедиція XVIII столѣтія стр. 48 — 54. — Первыя опредѣленія широты стр.	
53. — Неудобствы долготы на картахъ стр. 56—58. — Топографическіе результаты стр.	
59. — Таймырскій край стр. 60—81. — Енисей стр. 81—88. — Пасна стр. 88—89. —	
Рѣка Таймыра и Таймырское озеро стр. 90—93. — Юго-восточная часть Сибири стр. 95.	
— Шантарскіе острова стр. 95—112. — Южный берегъ Охотскаго моря стр. 112 — 123.	
— Якутскъ и Алданскій хребтъ стр. 124 — 136. — Становой водораздѣлъ и выходынае	
изъ него сѣверные притоки Амура стр. 136—186.	
Заключеніе	187 — 188
Карты, съемки и планы:	
Ремезова, чертежъ всѣхъ Сибирскихъ градовъ и земель стр. 34 — Листы III, IV, V	
стр. 76. — Листъ VI стр. 86. — Листъ VII стр. 72. — Листы VIII, IX стр. 123. — Листы	
X—XII стр. 129. — Листъ XIV стр. 128. — Листъ XVI стр. 134. — Листъ XVII стр. 173.	
— Листъ XVIII стр. 138.	
Прибавленіе I Журналъ Хар. Лаутева	I — XI

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Орографія и Геогнозія	189 — 314
A. Орографія	189 — 223
Высота Сибири надъ моремъ была сначала преувеличена, потомъ доимѣй слѣшкомъ	
убавлена, стр. 189—190 (также стр. 194—193).	
Орографія Таймырскаго края	191 — 195
Хребтъ Сѣверна и его сѣверные отроги стр. 191. — Хребтъ Быррага и его	
отроги стр. 192—193.	
Низменность по рѣкѣ Оби	195 — 196
Горная окраина, отъ Алтая до Оби	197 — 199

Алтайские ледники, единственные в Сибири. — Высота Байкала.	Стран.
Становой хребет	199 — 220
Становой водораздѣлъ; до сихъ поръ неправильно назывался Яблоновымъ. — Хребты Олекминскій и Зенский. — Становой водораздѣлъ — страна плоско-возвышенныхъ хребтовъ, а не Алтайская страна стр. 203—205. — Западный склонъ Станового хребта постоянно отложе, чѣмъ восточный стр. 205. — Амурскій край, по Семенову, страна уступовъ; сѣверная граница луговой равнины стр. 205—209. — Прямоугольность, характеристическая черта хребтовыхъ возвышеній юго-восточной Сибири стр. 210. — Хребты Саянскихъ, Шантарскій береговой хребетъ стр. 211. — Береговой хребетъ Мезачанъ; кекуры или отпрысками стр. 212—213. — Глубина моря у южныхъ береговъ Охотскаго моря стр. 211. — Алтайскій хребетъ; высота его; побочная цѣпь стр. 213—220.	
Хребты между Енисеемъ и Леной	220 — 223
Тунгусскій хребетъ; продолженіе его на сѣверъ хребтомъ Сьерра; высота его.	
В. Геогнозія	223 — 314
Тихое теченіе въ области нижней Оби; гнилой застой воды стр. 223 — 224. — Рувава рѣкъ и равнина ихъ названія стр. 224—226. — Весеннее разливы и изсяканіе воды лѣтнюю стр. 227—229. — Подвижность русла рѣкъ; правый берегъ — высокий стр. 229—234. — Подъезъ береговъ Ледовитаго моря; ископаемыя раковины; допотопный лѣсъ; ангаръ; ископаемый уголь; подземная гари стр. 235—248. — Плавникъ на высокихъ хребтахъ и на морю; образуются изъ плотины; заносъ ихъ на берегахъ моря; разрушеніе ихъ водою стр. 249—251. — Образованіе баровъ предъ устьями рѣкъ; заносные камни стр. 251 — 253. — Разрушеніе каменныхъ породъ 254—255.	
Сибирскіе мамонты	255 — 276
Московский скелетъ мамонта стр. 256—257. — Скелеты съ остатками нагихъ частей стр. 258—260. — 20.000 мамонтовъ въ Сибири въ два столѣтія стр. 261—263. — Мѣры для предотвращенія ихъ погибели стр. 264—266. — Мамонтъ, найденный мною на Таймырѣ; отношенія его къ допотопному лѣсу, къ ископаемымъ раковинамъ, къ глинистому наносу и къ переноснымъ камнямъ стр. 267—271. — Камнѣть во время жизни мамонтовъ была почти надъ собою такой-же, какъ нынѣ стр. 271—272. — Мамонтовые берега стр. 273. — Мамонтова кость, только-что вывуча изъ земли, мягка; въсь мамонтовыхъ клячковъ не превосходятъ вѣса слононыхъ клячковъ стр. 273—274. — Сжигеніе мамонтовыхъ остатковъ съ остатками отъ лошадей, быковъ и овецъ стр. 274—275. — Дополнительное свидѣніе о мѣстоахожденіи Адамсова мамонта стр. 275—276.	
Ошибъ геогностическихъ соображеній для будущихъ изслѣдованій сѣвера восточной Сибири	276 — 304
Переносные камни въ Таймырскомъ краѣ стр. 277—278. — Песчаные холмы въ видѣ кровли въ сѣверной тундрѣ стр. 279—280. — Третичные слои въ бассейнѣ Лены стр. 281. — Юрская формація между Енисеемъ и Леной стр. 282 — 284. — Триасъ въ сѣверной Сибири; наблюденіе самаго процесса образованія коньковъ съ окаменѣlostями стр. 284—286. — Угольная формація въ бассейнѣ Лены стр. 286—290. — Силурійскіе и девонскіе пласты; сѣро-ваксовые формаціи, известняковыя почвы; мѣстоахожденія золота по берегамъ Ледовитаго моря стр. 290—298. — Кристаллическія и plutoniceskія породы; высота Тунгусскаго хребта; миндальникъ на Таймырѣ; послѣдовательность разныхъ подземныхъ, одного за другимъ, стр. 298—303. — Мѣловыя и пермскія формаціи въ Сибири — нерѣшенный вопросъ; обратное отношеніе сравнительно съ Сѣверной Америкой стр. 303—304.	
Сравненіе сѣвернаго конца Алданскаго хребта съ его южными концами	304 — 309
Южный берегъ Охотскаго моря и Становой водораздѣлъ	310 — 313
Возмущенія пластовъ и куски, какъ бы запеченные внутри скалъ, по южному берегу; догадка о подлѣвѣ трахита въ Становомъ водораздѣлѣ.	
Сланцеватая глина въ области рѣки Онона	313 — 314
Прибавленіе П. Журналъ Семена Челюскаина	XIII — XX

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

	Стран.
Климатъ Сибири	315 — 489
Температура воздуха	315 — 349
<p>Вліяніе Сибирскаго климата на Европу стр. 315 — 321 — Недостатокъ наблюдений и необходимость содѣйствія со стороны не-спеціалистовъ. Невѣрность, какъ образецъ такого содѣйствія стр. 317—319. — Сибирскій климатъ — экваторіальный и несоразмѣрно холодный; таковыя отчасти даже восточный берегъ Сибири стр. 320 — 324. — Крайняя степень холода, найденная наблюдениями; ея дѣйствіе стр. 324—328. — Якутскъ — средоточіе наибольшаго холода. «Теплый вѣтеръ». Далекое распространіе холода къ югу Южный склонъ Становаго хребта между Охотскимъ моремъ и Амурскомъ холоднѣе сѣвернаго; тамъ Декабрь самый холодный мѣсяцъ стр. 329 — 332. — Вся страна, протекаемая Енисеемъ находится подлѣ ошутительнѣйшаго вліяніемъ враткой Европейской зимы стр. 332 — 334. — Якутскъ — самый лучшій образецъ материковаго климата: холодная зима, жаркое лѣто. Неповторимые холода стр. 334—335 — Большой объемъ колебаній температуры; онъ здѣсь постояненъ, чѣмъ въ Арало-Каспійской области. Скачки температуры стр. 336—338. — Полюсъ холода и мѣсто наибольшей зимней стужи стр. 339 — 341. — Внутри Сибири Апрель теплѣе Октября. Вліяніе морскаго льда стр. 342—343. — Средняя температура осени внутри Сибири почти равна средней годичной температурѣ стр. 344. — Климатическія противоположности въ западѣ и востокѣ Сибири стр. 348. — Таблица средних температуръ стр. 346. — Климатъ Таймырскаго края стр. 347—349.</p>	
Тяжесть и движеніе воздуха	349 — 363
<p>Низкое стоаніе барометра въ теченіе лѣта стр. 349 — 352. — Муссоны по всѣмъ прибрежнымъ странамъ Сибири стр. 353 — 356. — Сѣверо-западные и сѣверо-восточные вѣтры, во Всеволодскомъ у. Недалекое распространіе и вѣстоанство сѣверныхъ движеній воздуха на глубинахъ сѣверѣ. Визуальные козматы воздуха стр. 357 — 359. — Вихри въ Таймырскомъ крайѣ и на Охотскомъ морѣ. «Теплый вѣтеръ» (см. стр. 329) стр. 360 — 363.</p>	
Метели или бураны	363 — 370
<p>Бываютъ только въ безлѣсныхъ тундрахъ. Метель, вьюга. Снѣговая волна — заструги — признаки господствующихъ вѣтровъ стр. 363—366. — Столбчатые слѣды вѣтровъ. Дорожные вымплы. Настъ и убой снѣга стр. 367—368. — Метель со снѣжными вихрями или бурьянъ стр. 368—370.</p>	
Содержаніе паровъ въ воздухѣ и ихъ осадки	370 — 391
<p>Сухость атмосферы. Морозный туманъ. Прозрачность воздуха; вліяніемъ спутниковъ Юпитера и причина того. Сушина платяга на снѣгу стр. 370 — 373. — Влажность воздуха по Сибирскимъ берегамъ. Воздушныя отраженія. Волшебное ясновидѣніе. Туманные призраки. Побочныя солнца и дуны стр. 373—381. — Большое различіе содержанія паровъ въ соседнихъ между собой странахъ. Странное показаніе психрометра. Грозы. Роса стр. 382—384. — Постоянные дожди въ Охотскомъ морѣ стр. 385—387 — Количество снѣга; зависитъ по преимуществу отъ мѣстныхъ обстоятельствъ; простирается до 14'; зависитъ отъ направленія вѣтровъ стр. 387—391.</p>	
Температура земли	392 — 414
<p>Шергинская шхита. Температура въ ней. Надежность ея показаній. Прибыль температуры по мѣрѣ глубины ея скорѣе, чѣмъ въ Европѣ. На глубинѣ 7' суточные колебанія температуры уже не замѣтны стр. 392 — 396. — Въ глубинѣ 25' дѣйствіе наибольшаго лѣтней теплоты достигаеъ лишь черезъ 6 мѣсяцевъ. Среднимъ числомъ 7 или 8 дней нужно на то, чтобы измѣненіе температуры воздуха проникло въ глубину пространства въ одинъ футъ. Неземный слой находится въ глубинѣ около 80' и градусъ на 3 теплѣе средней годичной температуры воздуха стр. 396—398. — Такой почвы можно ожидать только на глубинѣ отъ 600' до 1000'. Вычисленія доктора Петерса. Сомнѣніа англ. Бора съ примѣчаніями къ отъѣду на нихъ. Различіе состоянія земной температуры въ разныхъ мѣстностяхъ. Окрестности Якутска. Забайкалье стр. 398—402 — Теплопроводность разныхъ слоевъ земли. Теплопроводность снѣговаго покрова стр. 403 — 406. —</p>	

Предель вѣчныхъ снѣговъ. Перелетки снѣга стр. 406 — 413. — Отсутствие глетчеровъ въ северной Сибири стр. 413—414.	
Накиины и ледяныя долины	414 — 427
Глетчеры на Алтаѣ, не смотря на сухость воздуха, Гольцы и бѣлки. Ледъ на прочіяхъ хребтахъ Сибири. Образование Сибирскихъ ледяныхъ долинъ происходитъ на началѣ образования глетчеровъ въ Европѣ стр. 414—417. — Ледяная долина на Маломъ Алимѣ стр. 416—417. — Ледяная долина на Селедѣ стр. 417 — 421. — Ледяныя долины принадлежать къ накиинамъ стр. 422—424. — Натѣки воды на льду. Повсемѣстность накииней и свойствъ ихъ стр. 424—427	
Ледъ на днѣ рѣкъ	428 — 431
Образуется только на мелководныхъ быстринахъ. Ледяныя плотины и наросты льда со дна. Ледъ на днѣ мелкихъ озеръ.	
Толщина ледяного полюта и промерзаніе водъ до дна	431 — 434
Ледяной покровъ бываетъ не толще 8'. Превращеніе рѣкъ въ рядъ прудовъ.	
Вскрытіе и замерзаніе водъ	435 — 450
Ледъ механически разрушается суровостю зимы; отъ того ледяное полюто на озерахъ весьма рѣдко переживаетъ лѣто стр. 435 — 438. — Продолжительность ледяного покрова. Таблица стр. 438 — 444. — Разнаа продолжительность по различію широты, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше къ северу. Пемора, Обь и Енисей сходны между собой. Устье Пасивны наименѣе остается открытымъ; оно вскрывается наизоднѣе. Колыма, Тауэй и Гижига наименѣе бываютъ безъ ледяного покрова стр. 445—447. — Мѣстности, на которыхъ Ангара остается открытою во всю зиму. Ваіаніе сборныхъ бассейновъ, служащихъ истокомъ, и направленіа теченія рѣкъ. Натѣки водъ зимой на ледяное полюто рѣкъ. Черная, коренная вода и сѣвѣнница стр. 447—450.	
Температура воды въ озерахъ и въ рѣкахъ	451 — 459
Неожиданно высока. Таблица. Вода безъ ледяного покрова холоднѣе, чѣмъ вода ниже, въ средней годичной температурѣ теплѣе воздуха, и теплѣе также почвы футъ на два ниже дна. На самомъ днѣ вода самая теплая. Температура озеръ въ Финляндіи. Ледяной холодъ на днѣ озеръ съ водой негодной для питья, у Якутска стр. 451—459.	
Воды, образовавшіяся чрезъ просачиваніе	459 — 465
Настоящіе родники имѣются даже за полярнымъ кругомъ. Множество безводныхъ руселъ ручьевъ стр. 459 — 461. — Теплые ключи въ Становой хребтѣ стр. 461. — Таблица температуръ въ родникахъ стр. 461 — 463. — Самородный селитряный растворъ стр. 464. — Температуры колодезевъ стр. 464—465.	
Географическое распространіе ледяной почвы	466 — 476
Протяженіе многоотермъ стр. 466. — Ледяная почва, сплошная и въ видѣ острововъ 467—469. — Южная граница ледяной почвы стр. 470—471.	
Обзоръ выводовъ изъ вышензложенныхъ изслѣдованій о температурѣ земли	472 — 477
Толстота ледяной почвы до 1000' стр. 472. — Ваіаніе большихъ массъ воды стр. 473. — Южная граница ледяной почвы легче можетъ быть опредѣлена не право. Ледяная почва въ видѣ каменной породы стр. 474. — Трещины отъ мороза и утекъ озеръ стр. 475—476.	
Морская температура, морской ледъ и морскія теченія	477 — 489
Температура моря у Колы, въ Бѣломъ морѣ, у Новой Земли, у Таймырскихъ полуострововъ стр. 477—479. — Высота приливовъ стр. 479—480. — Ледяныя массы у южнаго берега Охотскаго моря стр. 481—483. — Теченія у южнаго берега Охотскаго моря. Разныя температуры ихъ стр. 483—486. — Колебанія морской температуры больше колебаній температуры воздуха стр. 487—489.	
Доволенія къ тексту сочиненія	490
Къ стр. 197. Объ опредѣленіи высотъ на Алтаѣ. — Къ стр. 199. О томъ-же на Байкалѣ. — Къ стр. 400. О неадежности наблюденій Шергина.	

Прибавления

Стран.
I — XXV

I. Наблюдения температуры на Енисей стр. I—XIII. — II. Метеорологические наблюдения на Павловском притисе у речки Анголук стр. XIV—XVII. — III. Наблюдения температуры в Амгинской слободѣ, произведенныя въ 1846 году стр. XVIII—XIX. — IV. Наблюдения температуры въ разныхъ мѣстахъ южного берега Охотскаго моря осенью 1844 года стр. XX—XXIII. — V. Наблюдения температуры на Становомъ водораздѣлѣ, по уступамъ, ограничивающимъ съ сѣвера луговую низменность Амура, стр. XXIV—XXV.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Растительность Сибири . . . . . 491 — 768

Главные виды деревъ въ сибирскихъ лѣсахъ . . . . . 491 — 546

Лиственница стр. 492 — 506. — Сибирская ель стр. 506 — 510. — Аицкая ель стр. 510—512. — Сибирская пихта стр. 513—516. — Сосна стр. 516—521. — Сибирскій кедръ стр. 521 — 524. — Кустарный кедръ или кедровый славенъ стр. 524 — 529. — Обыкновенный (малорослый) можжевельникъ стр. 528—529. — Даурскій можжевельникъ стр. 529. — Бѣлая береза стр. 529—532. — Береза или березовый славенъ стр. 532. — Орманова береза стр. 532 — 534. — Даурская черная береза, бѣлая ольха стр. 534 — Кустарная ольха стр. 534—535. — Благовонная тополь стр. 535—536. — Осина стр. 536 — 537. — Ива стр. 537. — Липа стр. 537—538. — Стебельный дубъ стр. 539—541. — Орешникъ стр. 542. — Каенъ стр. 543. — Яблоня стр. 543 — 545. — Черемуха стр. 545. — Рябина стр. 545—546.

Направленіе предѣла лѣсной растительности . . . . . 546 — 557

Нечеткость прежнихъ извѣстій стр. 547—548. — На предѣлѣ лѣсной растительности подъ различными долготами растутъ различныя древесныя породы стр. 549 — 550. — Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ сильнѣе расходата полярныя предѣлы различныя древесныхъ породъ стр. 551—552. — На обоихъ предѣлахъ Берингова пролива лѣсъ отодвигается отъ морскаго побережья стр. 552 — 553. — На предѣлѣ древесной растительности въ сѣверной Америкѣ нѣтъ ни одного европейско-азиатскаго хвойнаго дерева, а встрѣчаются только европейско-азиатскія лиственничныя деревья стр. 553. — Первая замѣняется другими видами тѣхъ-же самыхъ породъ стр. 554 — 555. — Направленіе предѣла лѣсной растительности въ сѣверной Америкѣ стр. 556.

Общая соображенія о предѣлахъ лѣсной растительности . . . . . 557 — 559

Близъ полярнаго предѣла древеснаго распространѣнія ростъ деревьевъ преимущественно обуславливается мѣстными второстепенными обстоятельствами стр. 557. — Уменьшеніе толщины деревъ преобладаетъ надъ уменьшеніемъ роста ихъ въ вышину; вслѣдствіе этого происходитъ неправильная оцѣнка долговременности деревъ стр. 558—559.

Полярный предѣлъ древесной и лѣсной растительности . . . . . 560 — 575

Криволиссѣ. Въ Таймырскомъ краѣ лѣсъ простирается до $72\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., сѣвн. лѣссе къ полюсу, чѣмъ гдѣ-либо на земной поверхности стр. 560. — Бѣльѣссная криноссая лиственница стр. 563. — Шпалерная лиственница стр. 564. — Важное значеніе зайчаты отъ вѣтра стр. 566. — Твердость и хрупкость дерева; куль, протачивающій кору, по къ свою очередь уничтожаемый другимъ паразитомъ (*Врасон Middendorffii*); лѣссная подержка большаго круженія стр. 568. — Предѣлъ древеснаго произрастанія не совпадаетъ съ предѣломъ лѣсной растительности. Изображеніе пришедшаго къ землѣ малорослаго ствола стр. 570. — Криволиссая лиственница на горахъ и берегахъ, окаймляющихъ Охотское море стр. 571. — Сѣтвой покровъ сохраняетъ крайнія деревья стр. 574. — Невозможность искусственно выдвинуть предѣлъ древесной растительности дальше къ полюсу стр. 574—575.

Лѣсные группы на предѣлѣ и за предѣломъ древесной растительности . . . . . 575 — 579

Часто встрѣчаются они или на 3 или 4 къ полюсу отъ теперешняго предѣла древесной растительности стр. 576. — Они происходятъ не отъ чрезмѣрно суровыхъ зимъ,

а отъ несколькихъ неблагоприятныхъ лѣтъ средѣ стр. 377. — На остр. Иславия лѣса погибли вслѣдствіе измѣненія климата. Уничтоженіе лѣсовъ человекомъ стр. 378.

Очертаніе предѣла лѣсной растительности ..... 579 — 581

Имѣетъ форму эллипсовъ или стѣенокъ, потому что слѣдуетъ теченію рѣкъ. Сопровождается группами деревьевъ, являющихся въ видѣ острововъ стр. 379. — Сравненіе съ экваторіальными предѣлами лѣсной растительности по направленію къ степи стр. 580.

Вертикальный предѣлъ древесной растительности въ Сибири ..... 581 — 597

На Алданскомъ хребтѣ итъ абсолютнаго вертикальнаго предѣла стр. 382—383. — Вертикальный предѣлъ, обуславливаемый трахитовыми жилами стр. 583. — Кустарный кедръ стр. 386—387. — Лиственница стр. 388—390. — Древесный кедръ стр. 390—392. — Сибирская пихта стр. 392 — 393. — Обыкновенная сибирская ель. Сосна стр. 393. — Бѣлая береза стр. 393. — Развѣя другія лиственничныя деревья стр. 396—397.

Наростаніе древесныи и срокъ существованія Сибирскихъ деревьевъ ..... 597 — 609

Въ Сибири путешественникъ не испытываетъ впечатлѣнія, какое производить тысячелѣтніе первобытные лѣса. Самое толстое дерево, которое я встрѣтилъ, былъ тополь въ 6' въ поперечникѣ. Крайній срокъ существованія деревьевъ — три или четыре столѣтія стр. 397—399. — Таблица измѣренныхъ годовичныхъ колецъ стр. 601. — Годичныя кольца полуодушевнаго ствола на крайнемъ предѣлѣ древесной растительности стр. 601, примѣч. 1. — Дереву на крайнемъ полярномъ предѣлѣ пришлось бы расти 2000 лѣтъ, чтобы изъ него могла быть выпилена доска въ футъ ширины. Неблагопріятныя условія почвы при болѣе благопріятномъ климатѣ производятъ такое-же дѣйствіе на сосну возвышеніемъ мховъ стр. 603. — Различное значеніе названій Mand и Paddja, которая носитъ сосна стр. 604. — Значеніе деревьевъ глубокаго сѣвера въ отношеніи ихъ годности. Корабельный лиственничный лѣсъ съ сѣверной Печоры вѣроятно твердъ, но хрупокъ стр. 603 — 607. — Континентальный климатъ не благопріятствуетъ древесному росту, который достигаетъ высшаго развитія лишь въ морскомъ климатѣ стр. 607—608.

Естественный порядокъ, въ которомъ сѣняются различныя древесныя породы въ первобытныхъ лѣсахъ ..... 609 — 619

Беззащитіе человека среди первобытнаго лѣса. Лѣсная буря стр. 609—610. — Лѣсные пожары стр. 611. — Выжиганіе травы стр. 613. — Перемѣнное хозяйство въ первобытныхъ лѣсахъ стр. 614 — 615. — Вмѣшательство человека въ дѣйствія природы стр. 617. — Человекъ содѣйствуетъ умноженію лиственничныхъ деревьевъ стр. 618.

Связь между климатомъ и древеснымъ ростомъ ..... 619 — 655

Многія растенія выносятъ самую сильную зимнюю стужу на земномъ шарѣ. Замерзаніе содержанія кѣлочекъ не уничтожаетъ растеній и стѣнки кѣлочекъ не разрываются стр. 619 — 620. Подходящая зимава сначка, которая искусственнымъ образомъ вѣроятно можетъ быть продлена нѣсколько лѣтъ средѣ. Деревья вслѣдствіе мороза превращаются въ совершенныя муміи стр. 621. — Ивовыя сережки при 20° мороза вслѣдствіе проявленія самостоятельной живности въ оковочностяхъ вѣтвей стр. 622. — Зеленеющія лиственничныя и цѣбушныя альпійскія розы при замерзшихъ корняхъ стр. 623. — Среднія температуры лѣтнихъ мѣсяцевъ на предѣлѣ лѣсной растительности. Два мѣсяца, въ теченіе которыхъ тамъ носсе итъ морозовъ стр. 625. — Съ каждымъ градусомъ широты срокъ лѣтнихъ безморозныхъ недѣль сокращается на нѣсколько дней. Подъ 70³/₄° с. ш. теплота въ тѣни доходитъ до 21° F; четырея градусами сѣверіе она понижается на половину стр. 626. — На долю деревьевъ на предѣлѣ лѣсной растительности приходится лѣто въ болѣе чѣмъ 10 недѣль стр. 627. — Безразличная точка прозябанія некоторыхъ растеній повидимому находится выше точки замерзанія стр. 628. — Невозможно въ точности исчислить «полезную теплоту», приходящуюся на долю растеній глубокаго сѣвера. Вѣснне температуръ предыдущаго лѣта стр. 629. — Сходство деревьевъ и растеній глубокаго сѣвера съ нашими весенними цѣбушками; отсюда происходитъ внезапное появленіе растительности на глубокомъ сѣверѣ стр. 630. — Малорослая березка глубокаго сѣвера пользуется для своего прозябанія только по-

ловною тамошного летнего времени. *Ranunculus nivalis*, *Silvestria glacialis*, *Androsace septentrionalis* употребляют на процесс своего прозябания три недѣли стр. 633. — Деревья, растущая на ледяной почвѣ, не зависятъ отъ средней температуры почвы стр. 634. — Средняя часть ствола получаетъ наибольшія суммы тепла стр. 635. — Сила непосредственного солнечнаго освѣщенія. Она дѣйствуетъ и чрезъ воду стр. 636. — Большая различія въ температурѣ, которыми на глубокомъ сѣверѣ подвержены отдѣльныя части растений, въ особенности корневища. На этомъ, можетъ быть, основано необыкновенно быстрое появленіе растительности стр. 637. — Отъ низкой температуры въ гнии происходитъ недостатокъ въ подростѣ лѣса и одиобразіе стр. 638. — На глубокомъ сѣверѣ растенія согреваются почвою не больше, чѣмъ воздухомъ, какъ это бываеетъ на Аляскахъ стр. 640. — Тучныя мѣста, образовавшіяся посредствомъ дренажа, удобренія, разрыхленія, орошенія и затопленія почвы стр. 641. — Перемѣна времени въ появленіи на листовицѣ цвѣтковъ и иголокъ на различныхъ горныхъ высотахъ стр. 642—643. — Совѣтъ и яркія цвѣты растений глубокаго сѣвера стр. 644. — Каждая древесная порода, имѣющая большое распространеніе, вырождается въ криворосли. Форма деревьевъ вырождается отъ неблагоприятныхъ условий одной какой-либо составной части климата стр. 645. — Предное вліяніе влажнаго воздуха и вѣтра на глубокомъ сѣверѣ стр. 646. — Шпалерава листовица глубокаго сѣвера и выгорѣлая листовица Охотскаго моря. Образованію послѣдней содѣйствуютъ осадки воды и снѣга стр. 648—649. — Сѣбянные сугробы полезны болѣе тѣмъ, что сокращаютъ лѣто, нежели тѣмъ, что запираютъ растенія отъ морозовъ стр. 651. — Предѣлы прозрачности листовицы идутъ параллельно прибрежью стр. 652. — Важность защиты отъ вѣтра стр. 654.

Флора по сѣю и по ту сторону предѣла древесной растительности . . . . . 655 — 663

Незначительное число новыхъ растений, свойственныхъ глубокому сѣверу. Центръ распространенія нѣкоторыхъ видовъ вѣроятно все-таки находилась на глубокомъ сѣверѣ; мало по малу они распространились вокругъ полюса стр. 656. — Мѣстности близъ Ула-скаго Острога съ ясно лапландскимъ характеромъ растительности стр. 658. — Сходство южно-сибирской флоры съ сѣверо-американскою. Прозвалилась промежуточная полюса стр. 658—659. — Разнообразіе растений въ низовьяхъ р. Мекензи. Предполагаемый токъ воздуха съ юга стр. 660. — Таймырская флора въ сравненіи съ аляскинскими стр. 661. — Тождество нѣсколькихъ арктическихъ и антарктическихъ растений стр. 662.

Кормовыя травы по сѣю и по ту сторону предѣла лѣсной растительности . . . . . 663 — 673

Наличіе иголокъ. Полярный предѣлъ ихъ почти совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ лѣса стр. 663. — Съѣдомыя растенія глубокаго сѣверной флоры стр. 666. — Растительные студени въ водѣ (*Nostoc pruiniforme*) и съѣдомыя лишайники стр. 668. — Почти ни одно растеніе глубокаго сѣвера не зимуетъ стр. 669. — Наши корнеплодные растенія родятся и на глубокомъ сѣверѣ, потому что переносятъ влажность воздуха стр. 670. — Картофель стр. 671. — Огурцы стр. 672.

Полярный предѣлъ лучшихъ хлѣбныхъ растений въ Сибири . . . . . 673 — 695

На полярномъ предѣлѣ далѣе всѣхъ выдвигается ячмень, потому что переноситъ влажность воздуха стр. 673. — Полярный предѣлъ ячменя стр. 673 — 674. — За ячменемъ слѣдуетъ овесъ и просяная рожь, совпадающая съ нимъ въ континентальномъ климатѣ стр. 678 — 679. — Полярный предѣлъ озимой ржи, конопля, люка, яровой шпинатъ, гороха стр. 679—680. — Очеркъ исторіи земледѣлія въ Сибири стр. 681. — Охота и земледѣліе могутъ очень выгодно дѣйствоватьъ другъ на друга стр. 684. — Саминительство усиливаетъ земледѣлія на полярномъ его предѣлѣ стр. 688. — Необходимо позаботиться о сѣменахъ стр. 689. — Хлѣбъ на сибирскомъ полярномъ предѣлѣ своемъ растетъ и созреваетъ не скорѣе, чѣмъ въ сѣверной части средней Европы. Безупречное стараніе добыть для Сибири европейскія хлѣбныя сѣмена внутри полярнаго круга стр. 689. — Брабности разнаго рода. — Въ восточной Сибири полярные предѣлы различныхъ хлѣбныхъ породъ сливаются между собою стр. 691. — Необходимо на зиму прикрывать посѣвы навозомъ стр. 692. — Мѣстныя и вѣторостепенныя условія преобладаютъ надъ климатическими отношеніями стр. 695.

Тундра глубокого сѣвера	696 — 718
<p>Большая и малая низовая тундры. Аванская тундра. Затундревские жегиды стр. 696. — Большая кругополярная тундра стр. 697. — Меньшая островообразная тундры стр. 697—698. — Определение понятий тундры стр. 699. — Отношение тундры к степи стр. 700 (и 710). — Преобладание трав в тундрах; между ними встречаются наша лучшая кормовая трава. Предложение перевести холмогорскій скотъ и на Печору стр. 702. — Видъ высокой Таймырской тундры стр. 702. — Лайла стр. 704—705. — Прелесь и разнообразіе цѣтвъ стр. 705. — Арктической кустарникъ. Полнотравья тундры стр. 706. — Лишайная тундра. Сухая высокая тундра стр. 707. — Возвышенные моховики стр. 709. — Сравненіе тундръ со степями (стр. 700) стр. 710. — Ни въ тундрахъ, ни въ степяхъ нѣтъ спилошного дѣра стр. 711. — Пышная растительность на влажной почвѣ низменной степи стр. 712. — Степная растительность измѣняется сообразно полочѣмъ и временамъ года стр. 713. — Черноземная степи южной Россіи стр. 715. — Степи сѣверной Аѳрики. Степи рѣчныхъ долей стр. 715 — 716. — Ланды и жарни. Американскія степи стр. 716—718.</p>	
Общій обзоръ предыдущихъ отдѣловъ	718 — 756
<p>Недостатокъ въ биологически-метеорологическихъ наблюденіяхъ стр. 719. — Лиственница стр. 720. — Сосна стр. 723. — Кустарный нѣдръ стр. 725. — Ель стр. 726. — Лиственница стр. 726. — Древесный нѣдръ стр. 727. — Лиственничныя деревья стр. 727. — Затруднительность разведенія въ Европѣ Амурскихъ растений стр. 732. — Ливни растительности стр. 734. — Различія въ послѣдовательномъ порядкѣ предѣловъ древесной растительности стр. 736. — Предѣлы древеснаго произрастанія могутъ быть сведены въ четыре главныя группы стр. 739. — Вертикальные предѣлы древесной растительности и хлѣбопашества стр. 741. — Климатическія условія древеснаго произрастанія отличаются отъ климатическихъ условій хлѣбопашества стр. 743. — Мышья Купфера и Кеппена о связи между земледѣліемъ и климатомъ стр. 744. — Въ отношеніи земледѣлія житницы Европы столь-же неадекватны, какъ Сибирь стр. 747. — Сохраненіе зеренъ и количество содержащагося въ нихъ крахмала на полярномъ предѣлѣ земледѣлія стр. 748. — Быстрое развитіе растительности на глубокомъ сѣверѣ стр. 749. — Необходимо создать новую систему биологически-метеорологическихъ наблюденій стр. 750. — Суммы тепла, соответствующія произрастанію различныхъ хлѣбныхъ породъ стр. 751. — Вліяніе непосредственнаго солнечнаго освѣщенія стр. 752. — Ночные морозы. Защита отъ вѣтра стр. 753. — Наблюденія, сдѣланныя въ Алжирѣ, согласуются съ наблюденіями, произведенными на древесномъ предѣлѣ тундръ и степей стр. 754. — Вода составляетъ главную причину бездревесности степей во всѣхъ странахъ сѣва. Необходимо охранить окранныя степей отъ лѣсныхъ опустошеній стр. 755.</p>	
Дополненія	757 — 758
Прибавленіе I. Хлѣбопашество въ Якутскѣ	I — VI
Прибавленіе II. Хлѣбопашество въ Амгинскѣ	VII — XI
Прибавленіе III. Хлѣбопашество и скотоводство въ Удскомъ-Острогѣ	XII — XX
Прибавленіе IV. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ осушкѣ и орошенія луговъ и полей въ Сибирѣ	XXI — XL
<p>Долина, нѣтъ озеро Мыра стр. XXI. — Высохшія озера (уобут) стр. XXIII. — Лайла стр. XXIV. — <i>Elymus pseudagropyrum</i> и <i>Hedysarum frutescens</i> сѣдовою бы попыткаше развести въ Европѣ стр. XXVIII. — Байкальскія степи стр. XXIX. — Выщелоченіе почвы посредствомъ орошенія стр. XXXI. — Оросительныя каналы близъ Верхнеудинска стр. XXXII. — Сухія высокія степи Забайкалья современемъ посредствомъ орошенія могутъ быть воздѣланы стр. XXXVII.</p>	
Прибавленіе V	XLI — LIV
<p>1) Носковъ подъ 74$\frac{1}{2}$° с. ш. въ Таймырскомъ край стр. XLI. — 2) Цѣтвой или красный сѣвъ въ Россіи стр. XLII.</p>	

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

	Стран.
Сибирская фауна	1 — 618
Бѣдность и одновобразіе ея; сходство съ европейскою фауною	1 — 5
Наблюдающіе животными оазисы на глубокой сѣверѣ, какъ подъ тропичками стр. 2.	
— Известные сборные пункты въ известные періоды времени, а потому мѣстна и пустыни стр. 4. — Хвойные лѣса также бываютъ пустынями стр. 4. — Лѣсные пожары оживляютъ мѣстность стр. 5.	
Сибирскія позвоночныя животныя, попадавшіяся мнѣ на пути	5 — 7
Необходимо отличать два отдѣла путешествія Южная Сибирь несравненно разнообразіе по части животныхъ, чѣмъ глубокой сѣверъ.	
Объемъ видового понятія	7 — 15
Естественноспитатели дробятъ и соединяютъ виды стр. 7. — Это привело къ убѣжденію, что одно и то-же животное водится на сѣверѣ какъ древняго, такъ и новаго міра стр. 8. — Слѣдуетъ придерживаться общаго видового названія, а географическія указанія обозначать только видоизмѣненіями. Противуположности между сѣверо-американскими и весьма сходными съ ними европейско-азиатскими животными стр. 10. — Типичное наблюденіе существующихъ видовъ животныхъ необходимо для составленія выводовъ о способности первобытныхъ формъ подвергаться видоизмѣненіямъ стр. 11. — Не-возможно заранее опредѣлить существенно ли или несущественно различіе въ отличительныхъ признакахъ животныхъ. То что теперь несходно въ видовомъ отношеніи, возможно, можетъ быть, отъ прежнихъ измѣненій одного и того-же вида, и на оборотъ. Больше всего нужно имѣть въ виду общеніе выволъ стр. 11—12 — Поэтому лѣтъ видъ животного разсматривается въ обширномъ значеніи этого слова стр. 13. — Понятіе производятъ владовитыя похѣе стр. 13. — Опредѣленные и рѣзко-ограниченные виды стр. 15.	
Видоизмѣненія Сибирскихъ животныхъ	15 — 41
Видоизмѣненія и видохраненія стр. 15. — Видоизмѣненія не всегда бываютъ послѣдствіемъ климатическихъ условій стр. 16.	
Ростъ стр. 17. — Увеличивающее вліяніе Азиатскаго материка; оно не зависитъ отъ лучшей пищи стр. 17. — На глубокомъ сѣверѣ водятся большія и меньшія разновидности стр. 18. — Меньшія разновидности избротно образуются отъ полныхъ выводовъ стр. 19 и 25. — Большія разновидности на перекорѣ климату стр. 20. — Рослость горныхъ животныхъ, въ противность европейскому правилу стр. 21. — Чрезвычайная сложность причинъ. Ростъ животныхъ соответствуетъ величинѣ материковъ (стр. 18 и 23. — Рослость животныхъ на берегахъ «Берингова пролива» стр. 23. — Зависимость роста отъ питанія стр. 24—26.	

Цвета стр. 27. — Зависимость его от света и тепла. Обшире света в полярных странах во время перемены покровов животных. Не смотря на обилие света на Алтае, на них все-таки встречаются разновидности черного и тусклого цвета стр. 28. — Боксы сибирских мышек. Совпадение осеннего и осеннего ливана на глубинах северя стр. 29. — Только за пределами лесной растительности преобладают животные, бывающие на зиму, стр. 30. — Черная разновидность часто встречается между животными, бывающими на зиму, стр. 31. — Сходство цвета животных с цветом почвы. Степной цвет стр. 32—33. — Черная и темная разновидности. Причина этих цветов стр. 34. — Близость к противоположности выцветанию стр. 35—36. — Преобладание темного цвета стр. 37—38. — Существование климатических разновидностей стр. 39—40.

Единство области распространения каждого животного ..... 41 — 47

Рядки исключения из этого правила, которые обыкновенно можно объяснить до- историческими отдалениями, стр. 41—42. — Доказательством этому служить фауна острова Сахалин стр. 42. — Необходимо допустить центры распространения стр. 44. — *Pica euana* стр. 45. — Зубр, норка и мнись стр. 46—47.

Данные для истории распространения Сибирских животных ..... 48 — 129

а) Истребление. Истребление наиболее рослая животные. Вдвиста от вредных на- селенных, происходила вследствие нарушения человеком равновесия в природе, стр. 48 — 49. — Страдания, причиняемые москитами. Истребление их посредством уничто- жения болот стр. 49—52. — Страдания от ишей стр. 53—54. — Истребление многих мажонгловых животных преимущественно на экваториальных пределах их в Европ. Травоядные животные истреблены прежде других стр. 55 — 57. — Стелле- рова морская корона стр. 56—58. — Морской бобр, сивучь и котик стр. 61 — 66. — Морская корова обладала особенными способностями сдвастся домашним животным стр. 67. — Истребление материковых животных стр. 68 — 69. — Олень аргали стр. 70. — Бороздчатый агвятик стр. 70—71. — Бобр стр. 71—76. — Соболь стр. 77—84. — Способы убийства животных стр. 85. — Дикая кошка стр. 87. — Волки оказываются истребителями лесных стр. 88. — Отсутствие волка в местностях, отличающихся глубо- ким снегом. — Дорогу к нему пролагает ему культура стр. 89—90. — Медведь стр. 90. — Лось стр. 91—93. — Сайга стр. 93—94.

б) Сохранение исчезающих животных, равно как самостоятельное распространение и введение неволажившихся прежде животных. Лоса сдво- довало бы сдвастся домашним животным стр. 95. — Верблюд на Алтаеком хребте стр. 95—96. — Як стр. 96—97. — Зоологический сад в Сибири стр. 97—98. — Дввиста Северо-Американской Компани по части ухода за дикими животными. Морские бобры, котик, песны и суслики стр. 99—100. — Рычон рак. Стерлядь стр. 101—106. Пасюк и черная крыса стр. 107—111. — Волыня крысы стр. 111—112. — Тараканы стр. 112 — 113. — Воробья стр. 113 — 116. — Совершенно различные виды животных вселуь совокупную жизнь стр. 117. — Обице зыводы о паразитах стр. 117 — 119. — Области распространения животных изменяются вследствие человеческой деятельности, корыстолюбия, религиозных воззрений человека и т. д. стр. 120 — 125. — Нижней области распространения животных до появления человека стр. 125—128.

Кругополярная фауна. Гипербореическая кругополярная фауна ..... 129 — 196

Атлантический и Берингов рукава полярного водоома стр. 130. — Мивности вокруг полюса чрезвычайно богаты животными стр. 131 — 135 и 141—146. — Дивствительные и предполагаемые центры распространения на самом полюсе стр. 133. — Виды поляр- ных животных. Атлантически- и Берингово-полярные виды. Азиатски- и Американ- ски-полярные виды стр. 135. — Кругополярная беззвоночная животная стр. 138—140. Гипербореическая фауна, вь особенности Сибирская стр. 140. — Она богата видами и осо- бями стр. 141—146.

Гипербореическая морская животная стр. 146. — Вьлух стр. 146. — Косатка стр. 149. — Дивнорукый вить стр. 150. — Парвалл стр. 153.

гиперборейскія деловитыя животныя стр. 153 — Тюлень стр. 154 — Морж стр. 154. — Белый медведь стр. 158.	
Гиперборейскія материковыя животныя стр. 160. — а) Обитатели тундры стр. 161. — Песець стр. 162. — Песцовая соболина мышь стр. 167. — Мушкетный бобр стр. 169. — б) Далеко распространенныя гиперборейскія животныя суши стр. 170. — Северный олень стр. 170. — Заяц белый стр. 183.	
Гиперборейскія птицы стр. 183. — а) Гиперборейскія водныя птицы стр. 185. — б) Гиперборейскія материковыя птицы стр. 187.	
Гиперборейскія рыбы стр. 190. — Гиперборейскія пещерныя морскія животныя стр. 191. — Гиперборейскія пещерныя орьсноводныя животныя стр. 193.	
Кругоборейскія Сибирскія животныя	197 — 229
а) Кругоборейскія тундренскія животныя стр. 197. — Обскій лежничъ стр. 198. — Россомаха стр. 201. — Волкъ стр. 204. — Горностай стр. 207. — Малая ласка стр. 207. — Кругоборейскія тундренскія птицы стр. 208.	
б) Кругоборейскія лѣсныя животныя стр. 209. — Простая лисица стр. 210. — Обмыленный бурый медведь стр. 213. — Рѣчная выдра стр. 223. — Рысь стр. 224. — Лось стр. 225. — Бобръ, черная крыса, пасюкъ, домовая мышь стр. 227. — Кругоборейскія лѣсныя птицы стр. 228.	
Фауна горныхъ возвышенностей въ сравненіи съ фауною глубокаго сѣвера	230 — 238
Различіе между полярнымъ и горнымъ климатомъ стр. 230. — Гиперборейскіе виды рядомъ съ своеобразными сибирско-алпійскими видами стр. 232. — Изъ гиперборейскихъ тундренскихъ обитателей ни одно млекопитающее животное не встрѣчается въ то же время и на алпійскихъ возвышенностяхъ; птицы же встрѣчаются всѣ, безъ исключенія стр. 233. — Прямая связь между алпійскими животными средней Азіи, Кавказа, Альповъ и Пиренеевъ стр. 234. — «Далеко-распространенныя» гиперборейскія млекопитающія и всѣ кругоборейскія животныя встрѣчаются также на горныхъ высотахъ стр. 236. — Затруднительность разрѣшенія вопроса относительно <i>Sylvia turecia</i> , <i>Al. alpestris</i> , <i>Fr. linaria</i> , <i>Clarodr. morinella</i> , были ли это первоначально гиперборейскія или алпійскія птицы стр. 236—237. — <i>Lagomys alpinus</i> , <i>Spermophilus Evermanni</i> , <i>Gyrax barbatulus</i> несомнѣнно алпійскія животныя стр. 237—238.	
Полярныя и борейскія животныя	238 — 247
Существованіе полярныхъ видовъ еще подержано сомнѣнію стр. 239. — Борейскіе виды стр. 241. — Енисей и Уралъ въ качествѣ рубежей стр. 242. — Южно-европейскія степныя животныя стр. 244. — Арало-каспійскія степныя животныя стр. 245. — Средне-азіатскія степныя животныя стр. 246.	
Древне-борейскія животныя	248 — 272
Древне-борейскія млекопитающія и птицы стр. 248. — Древне-борейскія земновѣды стр. 252. — Древне-борейскія рыбы и пастькомыя стр. 255.	
а) Беринго-борейскія животныя стр. 255. — б) Денско-океанійскія животныя стр. 262. — в) Енисейско-океанійскія, д) Путьцкино океанійскія и е) Уралско-океанійскія животныя стр. 263 — 264. — г) Скандинаво-океанійскія животныя стр. 265. — (Исключительно) европейскія животныя стр. 269. — Уралъ строгая граница пограничная черта стр. 269.	
Передвиженіе областей распространенія	272 — 286
Скандинавскія животныя сибирскихъ породъ и германскаго происхожденія стр. 272. — Животныя, которыхъ нѣтъ въ Ирландіи, Крыму, Камчаткѣ и Сахалинѣ стр. 277. — Нарушеніе непрерывности областей распространенія оленя, козули и кабана стр. 278. — Байкальскія тюлени стр. 284.	
Общій обзоръ	287 — 299
Различіе взглядовъ на число видовъ стр. 287. — Распространенныя доселѣ ошибочныя понятія о Сибирской фаунѣ стр. 288. — Неудовлетворительность прежнихъ зоологическо-географическихъ распределеній стр. 289. — Слѣдство въ способѣ распространенія птицъ	1*

	и котельных стр. 292. — Перобытная доверчивость животных къ бездумнымъ мѣстностямъ стр. 293. — Пассивное безстрашіе и сознательная доверчивость стр. 298.	
Дополненія		300 — 310
Сохраненіе теплоты въ сибирскихъ животныхъ		311 — 332
	Мракъ. Ограженіе сѣтка стр. 311—313. — Суровость зимней стужи стр. 314—315. — Убыль теплоты къ тѣлу животного и предохраняющая отъ нея приспособленія стр. 315—321. — Нормы и зимняя спячка стр. 323—332.	
Кочеваніе		332 — 364
	Недостатокъ въ птицъ стр. 332—340. — Пониженіе температуры стр. 340—342. — Вредная пастбищная стр. 342—345. — Борьба за существованіе стр. 345—346. — Природная страсть къ кочеванію стр. 347—349. — Кочеваніе до смерти стр. 349—353. — Выселеніе стр. 353—356. — Сила природнаго кочеваго влеченія возрастаетъ отъ изселенія животныхъ въ одномъ мѣстѣ и отъ случайныхъ кочеваній стр. 357—360. — Ослабно-переходная животными стр. 360—361. — Изображенія доховъ стр. 363 и 364.	
Направленіе и пути кочеванія		365 — 395
	Въ горахъ стр. 365. — Регулярность проходовъ стр. 366. — Пути перелетныхъ птицъ стр. 367—368. — Вліаніе гидрографической конфигураціи и другія уклоненія стр. 369—371. — Сравненіе путей кочеванія съ развѣтвленіями деревь стр. 371—373. — Поперечные пути стр. 372—373 — Арало-Каспійско-Обскій путь; Волжско-Тобольскій путь стр. 373. — Цѣло-Каспійскій путь стр. 376. — Селенго-Ангарскій и Лѣвскій пути стр. 377. — Горные проходы и острова стр. 378—380. — Направленіе путей перелета обозначается бросающимися въ глаза видами птицъ стр. 381—384. — На него указываютъ изслѣдательныя линіи стр. 386. — Пути кочеванія рыбъ стр. 387—388. — Способность человека узнавать направленіе стр. 388—391. — Направленіе вѣтра стр. 391—392. — Почтовые голуби стр. 393—395.	
Размѣры путей кочеванія		396 — 416
	Сѣв. оленей стр. 396—399. — Скитающаяся колюшья животными стр. 399—400. — Скитающаяся зимопорная перелетная птица стр. 400—403. — Северный предѣлъ зимованія стр. 405—407. — Пути кочеванія ланюво въ 35—50 градусоѣ широты стр. 408. — Мелководныя птицы стр. 409—410. — Вліаніе положенія, которое птица занимаетъ въ системѣ вліанія климата и горныхъ ороръ стр. 411—413. — Разстояніа, проплываемыя рыбами, стр. 413—416.	
Времена кочеванія		416 — 451
	Изслѣдванія стр. 416—425. — Средніе дни прибытія стр. 420—421. — Времена кочеванія сѣв. оленей стр. 426—427. — Внезапный напоръ птицъ стр. 428—429. — Запозднанные выволки задерживаютъ родителей стр. 430. — Самцы прилетаютъ раньше стр. 431. — Ранній прилетъ стр. 432—433. — Поздній прилетъ стр. 436. — Времена кочеванія рыбъ стр. 440—450.	
Дополненія		451 — 488
	Обиліе животныхъ на прибрежьяхъ Восточнаго океана стр. 452. — Цѣлыя животныя въ качествѣ основы видоваго отличія стр. 453 — Экваторіальный предѣлъ лося и мушкетерскаго животнаго стр. 453—454. — Волкъ избѣгаетъ обилія сѣтка. Воробей Пугалина птицы становятся смѣлыми. Вторженіе <i>Syrhaptes</i> стр. 454 (и стр. 464). — <i>Acroptera montana</i> простирается до Енисея стр. 455. — Слово «марь». Сибирская сѣкота. Возбужденное развитіе тепла стр. 456—457. — Стерильн. захода въ рѣки, не приравниваетъ птицъ. Горные сѣв. олени сильнѣе другихъ. Кочеваніе доховъ до смерти стр. 459. — Кочеваніе лемминговъ и зайцевъ стр. 460. — Палкиническія животныя стр. 461. — Вліаніея перелетныхъ птицъ на время дѣлятся осѣльными стр. 462. — Вліаніея отношенія между известными видами растеній и птицъ стр. 463 — Въ древности первоначальны были сильнѣе и обширнѣе стр. 466. — Бѣлахи въ большихъ рѣкахъ стр. 467. — Кочеваніе козуль и сѣв. оленей. Древне-борейскіе виды въ Гренландіи стр. 468 — Экваторіальныя предѣлы гиперборейскихъ птицъ стр. 470. — Арктическій поперечный путь. Прилетъ птицъ въ Уссурійскомъ край стр. 471. — Перелетныя птицы не рѣшаются пе-	

ребраются чрез степь Гоби. Пути переходов стр. 472. — Пути кочевания рыб. Предчувствия рыба стр. 474. — Голубиная почта стр. 475. — Стремление къ родней. Предчувствия птиц и грызунов стр. 477—479. — Кочевание турука. Измѣреніе быстроты путешествія стр. 481—482. — Плавки зимняя рыба стр. 483. — Время метанія икры стерляди находится въ связи съ половодьемъ Волги стр. 483. — Порядок, въ которомъ рыбы кочуютъ въ Енисей, стр. 486. — Замѣтки на возраженія Вальмена относительно метода, развитога къ Исаитисахъ, стр. 487—488.

Верхояны и упряжные животные Сибирскихъ кочевниковъ ..... 489 — 570

Сѣв. олень въ упряжи стр. 489. — Измѣненія шкура стр. 490—491. — Отсутствие приятныхъ активныхъ качествъ душевныхъ стр. 492. — Необыкновенная быстрота бѣга стр. 493. — Вьючный и верховой сѣв. олень стр. 494. — Помма его стр. 497. — Способъ садиться на немъ стр. 503. — Болотистыя топи стр. 505. — Перемена вѣтра. Способность помнить мѣстность, и чужое стр. 507. — Спротивленіе стр. 508. — Быстрота стр. 511—512. — Горные или лѣсные сѣв. олени стр. 514—515. — Соплаканіе и сбрасываніе роговъ стр. 516 — 517.

Лось стр. 518—519.

Собака стр. 519. — Собака и сѣв. олень взаимно дополняютъ другъ друга стр. 520. — Упряжь повсичная стр. 521. — Быстрота стр. 522. — Разновидности стр. 526 — Происхождение стр. 527. — Тулгуская собака стр. 528.

Лошадь стр. 532. — На глубоконъ стверѣ стр. 533. — Якутская лошадь стр. 536. — Дикая степная упряжь стр. 538. — Подготовленіе посредствомъ голода (ылдиржа) стр. 540. — Перемена вѣтра и впады стр. 542. — Умѣніе привариваться къ ширеи вьюковъ стр. 543.

Верблюды, оселъ и рогатый скотъ стр. 545. — Саданія травы на крайнемъ сѣверѣ стр. 547. — Якъ стр. 549.

Домашнія животныя съ точки зрѣнія культурнаго государства стр. 550. — Камчатка и Удской Острога стр. 551. — Запрещеніе держать упряжныхъ собакъ стр. 554. — Хищныя животныя стр. 555. — Правильный бытъ стр. 559. — До 150 личинокъ оленьяго овлада стр. 561. — Необходимо убивать больше рогатого скота стр. 562. — Суевѣрный убой скота. Соль. Слѣпые саран стр. 563. — Переходъ отъ отсутствія къ скотоводству стр. 563. — Собака и сѣв. олень дышатъ, не поютъ стр. 567. — Обыкновенная мѣра путешествія 4—6 геогр. миль въ день стр. 569.

Повозки и суда кочевниковъ ..... 571 — 582

Гибко-упругое устройство стр. 571. — Лужи стр. 573. — Норта стр. 575. — Байларъ стр. 577. — Челнокъ стр. 579.

Рыболовство въ Сибири ..... 583 — 592

Суда на Енисей стр. 583. — Уменьшеніе количества окулей стр. 586. — Гальма мѣсто метанія икры стр. 588. — Гарбуны, ложащиеся поперекъ, стр. 589. — Сидѣва стр. 591.

Охота въ Сибири ..... 593 — 618

Охотничій пылъ Самоѣдовъ стр. 594. — Временное прекращеніе охоты стр. 595. — Огнестрѣльное оружіе изъ Китая стр. 596. — Лукъ стр. 598. — Стрѣлы стр. 600. — Рогатины стр. 601. — Травля безъ сѣтокъ, пѣшкомъ стр. 602. — Травля на оленьихъ сакахъ стр. 603. — Махаки стр. 604. — Засѣки стр. 605. — Самострѣлы стр. 606. — Наставки стр. 609. — Лизаніе соли и разведеніе костровъ стр. 613. — Труба для приваки оленей стр. 614. — Охота на собакъ стр. 615. — Сокольная охота стр. 617.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Коренные жители Сибири.

Общая свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири ..... 619 — 657

Потери составленнаго мною собранія черепныхъ измѣреній стр. 619. — Измѣренія Бурятскихъ и Самоѣдскихъ череповъ стр. 620. — Лингвистическій матеріалъ стр. 621.—

Глухое произношение словъ первобытными народами. Шенелание стр. 621—622. — Различные взгляды путешественниковъ на одинъ и тотъ же предметъ стр. 622—623. — Сближеніе типовъ; возвращеніе къ первоначальному типу стр. 624. — Резерватъ (1847 года) о портретахъ Сибирскихъ туземцевъ. Самоѣды смѣсь финскихъ и монгольскихъ народовъ. Лингвистическая и соматическая этнографія. Пам'яреніе головъ живыхъ людей. Важность типа лица стр. 624—629. — Чрезвычайно благоприятныя условия для сращиванія типовъ кочевыхъ народовъ. Сямскій Остякъ чисто финскій типъ стр. 630—631. — Канискій Самоѣдъ съ такимъ же типомъ. Напротивъ того, татарско-акутское лицо съ преобладаніемъ верхней челюстной части. Третій типъ съ монгольскими широкими и высокимъ черепами стр. 631—633. — Смѣсь финской и монгольской крови стр. 633—634. — Самоѣдскія нарѣчія во Кастрепу. Не смотря на его сомнѣнія, лингвистическая и соматическая антропологиі приводятъ къ одинаковымъ результатамъ стр. 634—638. — Зыряне, Русскіе, Якуты вытѣсняють другіе народы. Малаялка нога Самоѣдовъ и Тунгусовъ (Монголоидъ?) стр. 639. — Цѣль кожи. Отсутствие дородности у сѣв. кочевниковъ стр. 639—640. — Урличатое дѣйствіе мускуловъ (см. также стр. 659). Совершенство первобытныхъ породковъ, указывающія на тысячелѣтнія постепенныя усовершенствованія, стр. 640—641. — Мастерское дубленіе шкуръ стр. 641—643. — Пригнѣтлыя воды (спальный мѣшокъ, туловыиыи штаны, сары, разрѣзъ въ рукавицѣ) стр. 643—645. — Раздѣленіе труда стр. 646. — Деспотическое господство жолы въ народѣхъ первобытныхъ народовъ; съ другой стороны простѣише идылы. Неумѣне отличать шпта стр. 646—650. — Татуированіе стр. 650—651 (срав. также стр. 684 и 699). — Согладеіе, коммунизмъ стр. 651—652. — Удалость приличій стр. 652 — 653. — Честность вслѣдствіе столѣтняго варварскаго воспитанія, стр. 654—655. — Деформализація, породившая соприкосновеніемъ съ культурою, стр. 655. — Повиновеніе при отсутствіи строгости въ воспитаніи. Различіе прирочденныхъ способностей. Страхъ къ свободному передвиженію стр. 656—657.

Енисейскіе Остяки ..... 657 — 660

Иногда сильный, иной вымирающій народъ, во всевъ отличающійся отъ прочихъ Остяковъ. Приваніи. Урличатое дѣйствіе мускуловъ. Своеобразная походка стр. 657—659. Постепенная гибель стр. 660.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ ..... 660 — 688

Общая свѣдѣнія о нихъ. Самоѣды не простираются до Ледовитаго Океана стр. 660—661. Енисейскіе Самоѣды стр. 662—664. Хантайскіе Самоѣды. У нихъ замѣтныя ясныя стр. 664—665. Береговіе Юраки. Страшеная голова съ кайною длинныхъ прядей позади ушей стр. 665.

Тавгынскіе или Аванскіе Самоѣды. Боятся бѣлыхъ медвѣдей. Физиономія изидеть несравненно болѣе финскій типъ, чѣмъ на восточномъ берегу Бѣлаго Мора. Сильны волосы. Шинны, мѣхъ которыхъ служатъ для украшенія оолаковъ. Любовь къ дѣтямъ. Судебный приговоръ старинныи. Сопротивленіе крещенію. Суевѣріе. Жестокіе проски шамановъ. Охотники до водки стр. 665—670.

Водервскіе Самоѣды или Асы. Прислать отъ Тунгусовъ. Прочетныя ноги (срав. также стр. 639). Медвѣжья пшкса. Мелодія. Походъ и вожаки каравана. Привалъ. Пшща. Легкомысленное извѣщаніе животныхъ. Лѣзные туски. Лѣсныя и волчьи капишны. Сидѣлобы бы оздобитыя о овечьей пряди, о везолахъ. Большой вредъ коммунизма при дѣлѣхъ добычи на долъ. Обычай относительно вслѣдства. Отсутствие замѣтныиъ названій. Отдѣль жель въ шазмъ. Цѣль шезьты. Татуированіе (срав. также стр. 650 и 699). Синяая серебряная. Поклоненіе естественнымъ достопримѣчательностямъ. Женщины считаются несчастныи. Дермоды-народы. Погребеніе стр. 671—683. Огосае. Дно портретовъ на табл. II и срав. стр. 833.

Долганы ..... 688 — 698

Своеобразная форма лица стр. 688. — Замыи съ востока стр. 689. — Замыи шадзинъ стр. 691. — Якутскій народъ стр. 691—692. — Неисрещены. Довость въ единоборствѣ.

Значительная разница в росте. Поиса. Оскальво стр. 692—695. — Сильная, сообщившая Кастрономэ, Кривошапкинским и Третьяковым, стр. 693—697. — Долганы родом Якуты стр. 698.

Тунгусы

698 — 743

Сильные Тунгусы стр. 699. — Татуирование. Особое название для сьры. Высокоголовые Тунгусы стр. 699—700. — Боагры. Лаэгры. Поисы съ Долганами стр. 700. — Одежда. Народная оскальво. Простираются до Якутска стр. 701—701. — Похороны. Юкагры стр. 703—704.

Южные Тунгусы. Горный народ: гостеприимны, любители удовольствий, легкомысленны стр. 704. — Живут уединенно. Объяснение посредством знаков. Гибель. Длительное странствование, за 2600 верст стр. 705. — Юрты. Кюрбюдинский род. У чурского племени. Мало сьса, оленей стр. 706. — Еще 600 сьса, оленей у Охотского моря. Шапаны у крешенных. Суестрие. Осеннее странствование стр. 706—707. — Стрельба в цель. Пласка стр. 707 — 708. — Правдивость. Рьчи. Торгольцы. Парушки стр. 708—709. — Нерасчетливая жизнь сообщив стр. 709. — Отправление в поход. Беззаботность стр. 710—711. — Доли в деляке леса Писа стр. 712—713. — Одежда и народ женщины в дьбей стр. 715—717. — Глаза не страдают от огня в чум стр. 718. — Цена пеньки стр. 719—720. — Работа мужчин акалается человека стр. 721. — Эротическая песни стр. 722. — Легкомыслие, подерживаемое торговцами, стр. 723. — Экономические условия стр. 723—723. — Запрещение порока стр. 723. — Китайские Бурамы и Гурагры стр. 726—727. — Распределение тогдашней дичи. Рыболовство стр. 727—730. — Шакагры, Шапаны, Солонгх (Солонгх), Муратгарь стр. 731—732. — Рука большого каябры. Чемъ меньше соболов, темъ меньше долгов. Больоты стр. 732—733. — Боагры съ Вилло, на Луурь, Орочоны стр. 733. — Пограничные затруднения и торговая запрещенія стр. 734—735. — Сборщики волдей стр. 735—737. — Отвага. Мельбья рогатина. Мой спутникъ Вагановъ убитъ. Вымогательства чиновниковъ стр. 738. — Обмане соболов и легкомысленное дьланіе долговъ стр. 738—741. — Казни, чиновники, священники являются торговцами стр. 742. — Предстоитъ разореніе, если вьскорь не будетъ устроено скотоводство, стр. 743.

Нигидальское племя Китайскихъ Тунгусовъ

744 — 757

Десять родовъ стр. 744. — Сопривосновенія и столкновенія. Шамагры вь качестве торговцевъ; торговля стр. 745—747. — Рыболовный народъ. Китайские образцы одежды. Рыба шкуры. Береста стр. 747—755. — Писа. Почетная дубиш стр. 756—757. — Ньгату, Шамагры, Бурамы стр. 757 (срав. также стр. 726).

Якуты

758 — 833

Заброшенный обломокъ на Енисей, у Туруханска стр. 758—759. — Якуты Таймырского края, въясненіе Самойловъ. Поселенія. Количество населенія не измьняется. Срубъ, зимовья, стр. 760—761. — Зимняя спячка. Календарь стр. 761—762. — Старинная вьрность Якутскъ стр. 763. — Простираются до Ледовитого Океана вь качестве коневодовъ стр. 764. — Черты лица: первобытная и съ привьсью монгольского типа стр. 765—766. — Не могутъ быть причислены къ исчезающимъ народамъ. Ассимиляционная сила стр. 767. — Намени на презанія, больше южная вьста преобладаютъ стр. 768—769. — Подолочки стр. 770. — Умьне приравняются ко всемъ условіямъ. Способность торговать и умьне собственнаты Тунгусовъ стр. 771—773. — Отсутствіе той способности долговьствоваться жьзаны и той бережливости, которыми обладаютъ еврейскій торговцы, стр. 774. — Долги, азартныя игры стр. 775—776. — Способность къ ремесленнымъ заньмамъ стр. 777—779. — Усвоеніе тунгусскихъ построекъ стр. 780—782. — Умьне приравняются къ условіямъ (срав. также стр. 771), способности, акалельде, скотоводство стр. 782—784. — Хозяйство стр. 783. — Суррогаты муки стр. 785—786. — Роскошные пары стр. 787—788. — Рьчи, жертвенныя приношенія стр. 789—790. — Жертвенныя рьчи на горныхъ перевалахъ стр. 790—791. — Старинныя условныя выраженія вь рьчахъ стр. 792—793. — Трудность пониманія стр. 794. — Освященіе прихода стр. 795—798. — Хорошодная хороша иьсна при кумьсовьхъ праздненьхъ стр. 799—807. — Мелодія. Сказ-

ки. Сборникъ словъ стр. 808—819. — Преданія стр. 819—821. — Фразы стр. 821—823. — Разнообразное значеніе одного и того-же слова стр. 824. — Пренебытокъ значеній и законныхъ стр. 825. — Недостатокъ словъ для передачи выраженій благодарности и прощанія стр. 826. — Память. Честность. Послушаніе при патриархальныхъ порядкахъ стр. 826—827. — Любознательность. Крещеные стр. 827. — Суевѣріе стр. 828. — Совпаденіе выраженій бѣдный и худой стр. 829. — Наряды. Одежда стр. 829—831. — Способность переносить стужу. Браки стр. 831—832. — Цѣна невѣсты. Наслѣдованіе стр. 832. — Будущее вѣщаніе стр. 833.

Портреты изображенныхъ на II-й таблицѣ Самоѣдовъ съ иконокъ Епископа.

11/10 900

12/10-29 9224

19/4-484

14/180-5422

12/184 2273

74/175-3052

